

УРАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

CONTRASTIVE LINGUISTICS

2017. №6

*«Знать много языков – значит иметь много ключей
к одному замку»
Вольтер*

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА CONTRASTIVE LINGUISTICS

2017. №6

*Научное издание ФГБОУ ВО
«Уральский государственный педагогический университет»
г. Екатеринбург, Россия*

*The journal of
Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russia*

Электронное сетевое издание

ISSN 2587-8107

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации
сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN)
с присвоением международного стандартного номера

ISSN 2587-8107

от 22.05.2017

Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов
Уральского государственного педагогического университета:
journals.uspu.ru

Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)
Российской универсальной научной
электронной библиотеки.

УДК 81.0
ББК Ш104
С 64

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

кандидат филологических наук, доцент Ю. В. Богоявленская

Заместители главного редактора

кандидат филологических наук, М. В. Плотникова

кандидат филологических наук, О. И. Лукина

Члены редакционной коллегии:

доктор по сравнительному литературоведению	В. Теллье	Франция
доктор филологии, профессор	Р. Гусман Тирадо	Испания
доктор филологии	К. Пайкин	Франция
доктор филологии	Д. Абри	Франция
доктор филологии	Т. Миллиаресси	Франция
доктор философии	И. Юбэнкс	Великобритания
доктор философии	Е. Головушкина	Аргентина
доктор филол. наук, профессор	Е. В. Шустрова	Россия
доктор филол. наук, профессор	Е. А. Нахимова	Россия
доктор культурол. наук, профессор	И. Я. Мурзина	Россия
доктор пед. наук, профессор	Н. Н. Сергеева	Россия
кандидат филол. наук, доцент	М. Б. Ворошилова	Россия
кандидат филол. наук, доцент	А. Э. Буженинов	Россия
кандидат филол. наук, доцент	А. И. Томилова	Россия
кандидат пед. наук, доцент	М. С. Мысик	Россия
кандидат пед. наук, доцент	Е. В. Макарова	Россия
кандидат пед. наук, доцент	Е. Е. Горшкова	Россия

Руководители языковых направлений

французский, английский языки: кандидат филологических наук, доцент

Ю. В. Богоявленская

испанский язык: кандидат филологических наук А. И. Томилова

С 64 Сопоставительная лингвистика : электронное сетевое издание /
гл.ред. Ю. В. Богоявленская ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». –
Екатеринбург : [б. и.], 2017. – Вып. 6. – 222 с.

УДК 81.0
ББК Ш104

Журнал представляет собой международное научное рецензируемое издание по сопоставительной лингвистике, межкультурной коммуникации и переводоведению, а также методике их преподавания. Журнал призван стать открытой международной научной площадкой как для известных российских и зарубежных исследователей, так и для молодых ученых. «Сопоставительная лингвистика» публикует статьи на русском, английском, французском, испанском и немецком языках.

ISSN 2587-8107

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2017
© Сопоставительная лингвистика, 2017

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

PhD, Yu. V. Bogoyavlenskaya

Deputy editors-in-chief

PhD, M. V. Plotnikova

PhD, O. I. Lukina

Editorial Board

PhD	V. Tellier	France
PhD, Professor	R. GuzmánTirado	Spain
PhD, Associate Professor	K. Paykin	France
PhD	D. Abry	France
PhD, Associate Professor	T. Milliaressi	France
PhD, Associate Professor	I. Eubanks	Great Britain
PhD, Associate Professor	E. Golovushkina	Argentina
PhD, Professor	E. V. Shustrova	Russia
PhD, Professor	E. A. Nakhimova	Russia
PhD, Professor	I. Y. Murzina	Russia
PhD, Professor	N. N. Sergeyeva	Russia
PhD, Associate Professor	M. B. Voroshilova	Russia
PhD, Associate Professor	A. E. Buzheninov	Russia
PhD, Associate Professor	A. I. Tomilova	Russia
PhD, Associate Professor	M. S. Mysik	Russia
PhD, Associate Professor	E. V. Makarova	Russia
PhD, Associate Professor	E. E. Gorschkova	Russia

Section heads

French and English Sections:

Yu.V. Bogoyavlenskaya

Spanish Section: A. I. Tomilova

The journal is an international peer-reviewed edition on contrastive linguistics, interpretation and translation, cross-cultural/intercultural communication, foreign language teaching and methodology for teaching interpreting and translating. The aim of the journal is to serve as a platform for both young researchers and eminent overseas and Russian scientists. *Contrastive linguistics* publishes papers in five languages (Russian, English, German, French, Spanish).

БЛАГОДАРНОСТЬ

Редакция журнала выражает глубокую благодарность *Посольству Франции в России, Генеральному Консульству Франции и Почетному Консульству Испании в Екатеринбурге по Уральскому федеральному округу* за поддержку журнала, а также лично

Виржини Телье, атташе Посольства Франции в России за содействие, распространение информации о журнале и экспертную оценку статей;

Эрику Мийе, генеральному консулу Франции в Екатеринбурге, за проявленный интерес и поддержку журнала;

Франсиско де Борха Родригес-Пантоха де Ори, Почетному консулу Испании в Екатеринбурге, за участие и ценные рекомендации;

Кате Пайкин, доктору филологии, руководителю международных программ в сфере гуманитарных наук Университета Лилль 3 (Франция), за плодотворное сотрудничество и профессионализм;

Ивану Юбенксу, доктору философии, главному редактору журнала «Pushkin Review», Университет Каймановых островов (Великобритания), за содействие в распространении информации о журнале и экспертизу статей;

Марии Борисовне Ворошиловой, проректору по научной и инновационной деятельности УрГПУ, за ценные практические советы, оперативное решение вопросов и понимание;

коллективу кафедры романских языков УрГПУ за энтузиазм, конструктивные и творческие идеи, моральную поддержку,

а также **всем, кто принял участие** в подготовке и публикации этого номера.

Особая признательность выражается российской и зарубежной **редакционным коллегиям** журнала за проявленные компетентность и профессионализм при рецензировании статей. Ваш труд обеспечивает высокое научное качество журнала, позволяет развиваться, продвигаться вперед, поддерживать международные стандарты.

Редакция искренне благодарит **авторов** за оригинальные содержательные работы, направленные в «Сопоставительную лингвистику» и нашедшие высокую оценку у рецензентов.

Мы надеемся на дальнейшее активное и плодотворное сотрудничество в будущем году.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	13
<i>Ахметшина Л. В.</i> ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ И ВЗАИМООБОГАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ.....	13
<i>Буженинов А. Э.</i> ЧТО СОЮЗ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ? (ОТНОШЕНИЯ В.В. ПУТИНА И Д. ТРАМПА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ).....	17
<i>Дзюба Е. В.</i> КАТЕГОРИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РАЗНЫХ ВАРИАНТАХ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА.....	24
<i>Лукина О. И.</i> К ВОПРОСУ ОБ АНТОНИМИИ ТЕРМИНОВ ФОНЕТИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	30
<i>Лутфуллина Г. Ф.</i> СРЕДСТВА ГЛАГОЛЬНОЙ И НЕГЛАГОЛЬНОЙ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФРЕКВЕНТАТИВНОГО СПОСОБА ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, ТАТАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	36
<i>Мазин А. С., Ганиева А. О.</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ЖЕНСТВЕННОСТЬ»: НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ.....	41
<i>Соколова О. Л., Скопова Л. В.</i> ВЕЩЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ПРЕФИКСОМ ANTI- / ANTI-VO ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	49
<i>Садуллаева Л. И.</i> ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ФОРМ КАУЗАТИВА В УЗБЕКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	53
<i>Эль Камисси Р.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДОМЕТИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ.....	58
<i>Хренова А. В.</i> МЕТОДИКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТОВ <i>PRESIDENT</i> И <i>ПРЕЗИДЕНТ</i>	83
<i>Хруцкая А. Д.</i> ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА МУЖЧИНЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА).....	90
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ	99
<i>Дьяконова С. А.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ: АНАЛИЗ «МОДНЫХ» НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	99

<i>Ерофеева Е. В.</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПРОСЬБЫ, РЕАЛИЗУЕМЫЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	104
<i>Колжук Б., Тушкова Ю., Уль Л.</i> ПОНИМАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ЭЛЬЗАСЕ.....	109
<i>Кручинкина Н. Д.</i> СИНСЕМАНТИЧНОСТЬ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСЕМЫ В ПРЕДЛОЖЕНИИ	118
<i>Плотникова М. В.</i> ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ ВО ФРАНЦИИ - 2017: СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВЫХ ВЫБОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАКАТОВ).....	128
<i>Пурмазаэри А.</i> АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ «ЧУЖОГО». СИТУАЦИЯ АВТОРСКОГО СУБЪЕКТИВИЗМА.....	136
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	148
<i>Абейкайе Д.</i> К ВОПРОСУ О СЕМИОТИКЕ ПИСЬМЕННОСТИ МЕЖДУ ГОВОРЕНИЕМ И РУКОПИСНЫМИ ТЕКСТАМИ: ФРАНФУЛЬФУЛЬДЕ НА СЕВЕРЕ КАМЕРУНА.....	148
<i>Кайгородцева Ю. Б., Нагель О. В.</i> КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА НА МАТЕРИАЛЕ ИНАУГУРАЦИОННЫХ РЕЧЕЙ БАРАКА Х. ОБАМЫ И В. В. ПУТИНА.....	158
<i>Лобос О.</i> КАК ВОСПРОИЗВОДИТЬ НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ ГОЛОС ПРОТОПОПА АВВАКУМА.....	170
<i>Трофимова Ю. М.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ КАК МЕТОДИЧЕСКИЙ ПРИЕМ.....	177
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ПЕРЕВОДА.....	183
<i>Гузева А. И.</i> О ПРИНЦИПЕ МНЕМИЧЕСКОЙ АКТИВИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА ПРИ САМООБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ.....	183
<i>Казакова О. П.</i> НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ.....	189
<i>Коффи Й.</i> ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И НЕПРАВИЛЬНЫЕ ГАЛЛИЦИЗМЫ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ, ИСПОЛЬЗУЕМОМ НЕКОТОРЫМИ СТУДЕНТАМИ КОТ-Д'ИВУАРА.....	194
<i>Ланкевич Е. В.</i> ВТОРОЙ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК: МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАВЫКА ГОВОРЕНИЯ.....	202
<i>Яркова М. Ю., Краснюк И. Н.</i> РОЛЬ ИГРЫ КАК ОДНОГО ИЗ ПРИЁМОВ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ	208

ИНОСТРАННОМУ (РУССКОМУ) ЯЗЫКУ.....	
ОБЗОРЫ. ОТЧЕТЫ. РЕЦЕНЗИИ.....	214
<i>Бабикова М. Р., Цыганкова А. В.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ ПРОТИВ РОССИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	214
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	220

CONTENTS

EDITOR'S FOREWORD.....	11
CONTRASTIVE LINGUISTICS.....	13
<i>Ahmetshina L. V.</i> INTERNATIONAL WORDS IN MODERN CONDITIONS OF LANGUAGE DEVELOPMENT AND ENRICHMENT	13
<i>Buzheninov A. E.</i> WHAT DOES THE FUTURE UNION HOLD? (RELATIONS BETWEEN V.V. PUTINE AND D. TRUMP IN FRENCH POLITICAL CARICATURE)	17
<i>Dziuba E. V.</i> CATEGORIZATION OF REALITY IN DIFFERENT OF LINGUISTIC WORLDVIEWS.....	24
<i>Lukina O. I.</i> TOWARD ANTONYMY OF PHONETIC TERMS IN FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES.....	30
<i>Lutfullina G.F.</i> MEANS OF VERBAL AND NON-AGGLED ASPECTS IN THE REPRESENTATION OF THE FRACTVENTTIVE METHOD OF THE VERBAL ACTION IN FRENCH, TATAR AND RUSSIAN LANGUAGES.....	36
<i>Ganieva A. O., Mazinov A. S.-A.</i> NATIONAL PECULIARITIES OF THE LANGUAGE OBJECTIFICATION OF THE FEMININITY CONCEPT: BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND CRIMEAN TATAR LANGUAGES.....	41
<i>Sokolova O. L., Skopova L. V.</i> FRENCH AND RUSSIAN MATERIAL NOUNS WITH PREFIX ANTI- / ANTI-.....	49
<i>Sadullaeva L. I.</i> TYPOLOGICAL CATEGORY OF CAUSATIVE VOICE FORMS IN UZBEK AND ENGLISH LANGUAGES.....	53
<i>EL KHAMISSY Racha</i> TOWARDS A CONTRASTIVE ANALYSIS OF INTERJECTION IN FRENCH AND ARABIC.....	58
<i>A.V. Khrenova</i> HISTORICAL DYNAMICS OF CONCEPTS <i>PRESIDENT</i> AND <i>ПРЕЗИДЕНТ</i> IN AMERICAN AND RUSSIAN MASS MEDIA.....	83
<i>Khrutskaya A. D.</i> PAREMIOLOGICAL REPRESENTATION OF THE IMAGE OF MAN IN NATIONAL PICTURE OF THE WORLD (ON THE MATERIAL OF FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES).....	90
GENERAL LINGUISTICS.....	99
<i>Diakonova S. A.</i> LEXICAL INNOVATIONS IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION PRACTICE: ANALYSIS OF BUZZWORDS IN MODERN ENGLISH LANGUAGE.....	99
<i>Erofeeva E. V.</i> COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS REQUESTS	104

IMPLEMENTED IN FRENCH	
<i>Colcuc B., Tushkova Y., Uhl L.</i> COMPREHENSION AND USE OF REGIONAL FRENCH IN ALSACE.....	109
<i>Kruchinkina N. D.</i> SYNSEMANTICS OF THE VERBAL LEXEME IN THE SENTENCE.....	118
<i>Plotnikova M. V.</i> FRENCH PRESIDENTIAL CAMPAIGN 2017: FAIRY TALE ABOUT FAIR ELECTIONS (BASED ON POLITICAL POSTERS).....	128
<i>Pourmazaheri A.</i> AN AXIOLOGIZED DESCRIPTION OF THE OTHER THE CASE OF THE AUCTORIAL SUBJECTIVITY	136
INTERPRETATION, TRANSLATION AND CROSS-CULTURE COMMUNICATION	148
<i>Abaikaye D.</i> TOWARD A WRITTEN SEMIOTIC BETWEEN ORAL AND SCRIPTURE: FRANFULFULDE IN NORTHERN CAMEROON.....	148
<i>Kaygorodtseva Y. B., Nagel O. V.</i> CULTURAL ASPECT OF TRANSLATING INAUGURAL ADDRESSES (BASED ON ADDRESSES OF B. OBAMA AND V. PUTIN).....	158
<i>Lobos O.</i> HOW TO REPRESENT IN SPANISH THE VOICE OF THE PROTOPOPE AVVAKUM.....	170
<i>Trofimova Yu. M.</i> A COMPARATIVE ANALYSIS OF FICTION TRANSLATIONS AS A METHODOLOGICAL APPROACH.....	177
FOREIGN LANGUAGES, INTERPRETATION AND TRANSLATION TEACHING	183
<i>Guzeva A. I.</i> SELF-DIRECTED LANGUAGE LEARNING: MNEMONIC ACTIVIZATION OF THE MATERIAL.....	183
<i>Kazakova O. P.</i> DEVELOPMENT DIRECTIONS OF LSP-TEACHING METHODOLOGY.....	189
<i>Koffi Yao</i> INTERFERENCES AND IMPROPER GALLICISMS IN THE SPANISH SPOKEN BY SOME STUDENTS OF IVORY COAST.....	194
<i>Lankevich E. V.</i> ISSUES IN TEACHING, LEARNING AND TESTING SPEAKING..	202
<i>Yarkova M. Y., Krasnyuk I. N.</i> THE ROLE OF THE GAME IS ONE OF THE METHODS OF INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN THE FORMATION OF SOCIOLINGVISTIC COMPETENCE IN THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN (RUSSIAN) LANGUAGE.....	208
REVIEWS. REPORTS	214
<i>Babikova M. R., Tsygankova A. V.</i> INFORMATIONAL WARFARES AGAINST	214

RUSSIA: LINGUISTIC ASPECT.....	
INFORMATION FOR AUTHORS.....	220

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия рада представить очередной выпуск научного рецензируемого журнала «Сопоставительная лингвистика». Среди авторов – как известные зарубежные и отечественные специалисты, доктора филологии, доктора и кандидаты филологических и педагогических наук, так и молодые исследователи, представляющие университеты России, Франции, Аргентины, Ирана, Кот-д'Ивуара, Камеруна и других стран мира. Нам наконец удалось достигнуть своей цели: представители различных школ и направлений имеют возможность ознакомиться и обсудить результаты новейших научных изысканий в области сопоставительной лингвистики, а также смежных областей на страницах российского журнала.

Несколько слов о нашей истории. В 2001 году 4 раза в год начал издаваться научный сборник «Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества», один из номеров которого был посвящен сопоставительной лингвистике. Главным редактором этих выпусков был доктор филологических наук, профессор Валентин Иосифович Томашпольский, с 1988 г. по 2009 г. директор Института иностранных языков УрГПУ, известный ученый, руководитель и консультант многочисленных кандидатских и докторских диссертаций, в т.ч. на принципах совместного руководства с учеными, представляющими университеты Бельгии и Франции, автор «Сравнительной типологии французского и русского языков», «Романской филологии», «Теоретической грамматики французского языка» и многих других монографий, учебных пособий и статей. В 2006 году в УрГПУ начался процесс преобразования лучших научных сборников в научные журналы, что коснулось и «Бюллетеня», из которого «выросли» входящая ныне в список ВАК, Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH «Политическая лингвистика» и журнал «Лингвокультурология». На некоторое время выпуск «Сопоставительной лингвистики» был приостановлен. В 2012 году кафедра романских языков Института иностранных языков возобновила публикацию сборника, но с новым отсчетом номеров. За эти годы были подготовлены и выпущены в печать четыре выпуска.

На данный момент журнал «Сопоставительная лингвистика» зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий с присвоением международного стандартного номера ISSN2414-4843. Для обеспечения общедоступности и формирования авторского рейтинга научного цитирования статьи планируется размещать в системе РИНЦ и на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета www.journals.uspu.ru.

Приоритетными задачами мы считаем публикацию качественных научных статей, соответствующих международным стандартам, и максимальное их распространение в мировой научной среде, укрепление и установление новых научных связей между учеными из различных регионов России и других стран, и в перспективе – включение журнала в ведущие зарубежные базы научного цитирования.

Поскольку специалисты по сопоставительной лингвистике владеют по крайней мере двумя, а чаще тремя или четырьмя языками, журнал принимает статьи на русском, английском, французском, немецком и испанском языках.

Для обеспечения высокого научного уровня журнала статьи рецензируются ведущими российскими и зарубежными специалистами из Франции, Великобритании, Испании, Аргентины и других стран.

Журнал имеет постоянные рубрики: *Проблемы сопоставительной лингвистики* и *Проблемы перевода и межкультурной коммуникации*. В процессе работы над настоящим выпуском возникла идея включить в число постоянных рубрику *Общие вопросы филологии*. Сопоставительные изыскания, как известно, опираются на исследования, которые были проведены на материале хотя бы одного из сопоставляемых языков. Данная рубрика, таким образом, призвана стать

своеобразным «поставщиком» этой ценной информации.

Большое внимание в журнале уделяется практической ориентированности научных исследований, использованию их результатов в учебном процессе, что обусловило появление рубрики **Методика преподавания иностранных языков и перевода**.

Научная жизнь не стоит на месте, и ее проявления также достойны освещения на страницах научного журнала. Поэтому мы принимаем к публикации **рецензии, обзоры и сообщения** (хроника совещаний, конференций, семинаров, отчеты и др.), так или иначе связанные с тематикой журнала.

Редакционные принципы журнала опираются на принятые в мировой практике основы редакционной этики. Редакция следует рекомендациям таких организаций, как Международный комитет публикационной этики (Committee on Publication Ethics – COPE) (<http://publicationethics.org/about>), Европейская ассоциация научных редакторов (European Association of Science Editors – EASE) (<http://www.ease.org.uk>), а также Комитет по этике научных публикаций (<http://publicet.org/code/>). В своей работе редакторы журнала придерживаются положений Publishing Ethics Resource Kit (<http://www.elsevier.com/editors/perk>), а также Кодекса этики научных публикаций (<http://publicet.org/code/>).

Правила оформления статей, шаблоны и точную информацию о журнале можно найти в конце номера, а также на сайте научных журналов УрГПУ <http://journals.uspu.ru/>.

С уважением и надеждой на плодотворное сотрудничество,

гл. редактор,

руководитель французского и английского направлений

Юлия Валерьевна Богоявленская,

заместители гл. редактора

Мария Вячеславовна Плотникова,

Ольга Ивановна Лукина,

руководитель испанского направления

Александра Игоревна Томилова

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'373
ББК Ш105.3

Л. В. Ахметшина
Казань, Россия

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ И ВЗАИМООБОГАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается проблема обогащения лексического фонда национальных языков путем освоения интернациональной лексики. Актуальность данного научного исследования заключается, в необходимости раскрытия сущности интернационализмов в английском, русском и татарском языках в современных условиях демократизации общества, развития национальных языков. Выбор объекта исследования обусловлен социально-экономическими изменениями, происходящими как в Российской Федерации, в Республике Татарстан, во многих странах России в постсоветское время, сменой общественно-экономической формации, национальным возрождением. Целью данного исследования является установить лексический пласт заимствованного общелексического фонда, выявить основные структурные модели образования международных терминов. При решении поставленной цели применялись различные методы и приемы исследования: сравнительно-сопоставительный, комплексно-системный анализ международной лексики в английском, русском и татарском языках, а также сравнительно-описательный. На основе анализа примеров из английского, русского и татарского языков автор показывает позитивное и негативное влияние данного явления. На основании проведенного исследования в статье изложена классификация международной лексики исходя из происхождения. Статья затрагивает историю возникновения интернациональной терминологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интернациональная лексика, международная терминология, развитие национальных языков, заимствованная лексика, освоение интернациональных слов.

Сведения об авторе: *Ландыш Василиа Ахметшина, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и языкознания, Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма; адрес: 420010, РТ, г. Казань, Деревня Универсиады, д. 35, (Учебно-лабораторный корпус); кафедра иностранных языков и языкознания; e-mail: fazan_nlv@mail.ru.*

L. V. Ahmetshina
Kazan, Russia

INTERNATIONAL WORDS IN MODERN CONDITIONS OF LANGUAGE DEVELOPMENT AND ENRICHMENT

ABSTRACT. This article deals with the problem of enrichment of the lexical fund of national languages and adopting of international words. The relevance of this research is the necessity of disclosure of the internationalism in the English, Russian and Tatar languages in modern conditions. Selection of the object of study due to socio-economic changes, which take place in the Russian Federation, in the Republic of Tatarstan, in many other countries. The goal is to establish a lexical layer of borrowed words, and the basic structural model of international terms formation. Different methods and techniques of research were used in solving this problem: comparative and contrastive, complex system of vocabulary analysis in English, Russian and Tatar languages, as well as comparative-descriptive way. The author shows the positive and negative effects of this phenomenon based on the analysis of examples from English, Russian and Tatar languages. The article presents the classification of international words based on origin. The article also concerns the origins of international terminology.

KEYWORDS: international word, international terminology, the development of national languages, borrowed vocabulary, the development of international words.

About the author: *Landysh Ahmetshina, PhD in Philology, Associate Professor of Department of foreign languages and linguistics, Volga Region State Academy of Physical Culture, Sport and*

Tourism; address: 420010, Republic of Tatarstan, Kazan, Universiade Village, d 35, (Educational Laboratory Building). Department of Foreign Languages and Linguistics; e-mail: fazan_nlv@mail.ru.

Освещение темы интернациональной лексики на современном этапе двуязычия, многоязычия, свободного демократического развития национальных языков, с одной стороны, и проявления интеграционных процессов в области совершенствования общественных и национальных отношений, с другой стороны, играет исключительно важное, весьма актуальное значение, так как оно внесет определенный вклад в научное исследование общетерминологического фонда в разноструктурных языках в контексте интеграции к европейской цивилизации.

Интернациональная лексика, терминология - это общелексический фонд, функционирующий в трех и более широко распространенных, мировых языках.

Нередко бывает, что, обозначая важное понятие, слово заимствуется не в один какой-либо язык, а во многие языки. Таким образом, создается международный фонд лексики, в который входит международная терминология различных областей человеческой деятельности: политики, философии, науки, техники, искусства, а также многие абстрактные слова.

В различных регионах во многих национальных языках, в том числе в английском, русском и татарском, имеются труды по исследованию лексики, заимствований в области биологии, географии, химии, математики, физики, языкознания, музыки, искусства, народных ремесел, права и т.д. В этих работах исследовалась и международная терминология. В английском языке интернационализмы частично исследовались в трудах С.А.Беляевой, С.А.Бельчикова, Т.Б.Ибрагимова, Д.С.Лотте, М.М.Маковского, Л.Арнольда, Л.Д.Дергач и других выдающихся ученых-лингвистов, которые внесли большой вклад в развитие лингвистики и лексики языков.

В русском языке интернационализмы в составе заимствований изучались в трудах Э.М.Ахунзянова, М.Н. Володиной, Ю.Караулова, А.И.Смирницкого, Ю.С.Сорокина и др.

Частично они исследуются и в трудах К.Р.Галиуллина, Э.А. Аминовой, которые имеют актуальное значение в сегодняшние дни развития, обогащения национальных языков в рамках единого информационного пространства.

Интернациональные, или международные слова, заимствованные из одного источника, имеют графическое и звуковое сходство и, совпадая до некоторой степени по смыслу, составляют как бы общее достояние ряда языков. Большая часть их является результатом параллельного обогащения новых языков за счет лексики древних, т.е. латинского и греческого [Ахунзянова 1968: 65-69]. Другая часть их идет из современных языков. Выделяются интернационализмы четырех видов:

1) европеизмы, например, *театр, драма, микроскоп* - греческие слова; *университет, аудитория, республика, доктор, адвокат, юрист, кредо, юриспруденция* - латинские слова; *бухгалтер, штаб, лагерь, лазарет* - немецкие слова; *парикмахер* - французско-немецкое слово; *армия, батальон, партизан* - французские слова; *митинг, клуб, чемпион, футбол, трамвай, комбайн* - английские слова; *крейсер, рейд* - голландские слова; *ария, солист, дуэт, квартет, баритон* - итальянские слова и т.д.;

2) арабизмы - иранизмы, например, *эдабият, сэнгэть, дэулэт, дастан, сәудә* заимствованные из арабского и персидского языков;

3) русизмы, например, *большевик, комсомол, ударник, луноход, спутник, новатор, перестройка, гласность*;

4) восточные заимствования, например, *тайфун, цунами, дзюдо, самурай, сай (чай), дзайбацу, маоизм*.

Интернациональные слова большей частью приходятся на европеизмы, в меньшей степени на арабизмы и иранизмы, в еще меньшей степени на русизмы и восточные заимствования [Беляева 1984: 168-169].

Мы проанализировали международную лексику в английских, русских, татарских средствах массовой информации, и эта лексика объясняется на конкретных примерах.

Употребление заимствованной международной лексики в татарских радиотелепередачах показывает отражение обновления словарного состава языков в современный период национального возрождения и лексического обновления.

Мы выяснили, что в печати, на страницах республиканских газет функционирующие термины 90-х, 2000-2003-их годов подчиняются закономерностям дифференцирования и интегрирования в современных условиях развития и взаимообогащения языков. Под воздействием дифференцирования некоторые иностранные, русские заимствования стали употребляться в двух вариантах: в национальном и международном: *президент - президент, илбаш; союз - союз, берлек; союзник - союзник, беректэш; консенсус - консенсус, килешу; оборона - оборона, саклану; перестройка - перестройка, узгәртеп кору; путевка - путевка, юллама* и др.

Под воздействием интегрирования в условиях единого информационного пространства, в языке активно стали употребляться как новые западноевропейские (в основном английские), так и арабские, персидские слова. Так, например, параллельно, в различных стилях, в различных литературных жанрах стали функционировать общественно-политические термины: *политика - сәясәт, экономика - икътисад, культура - мәдәният, поликлиника - сырхауханә, санаторий - шифаханә* и др. А иногда вместо русского слова стали использовать арабско-персидские слова: *больница - хастаханә, интерес - мәнфәгать, промышленность - сәнәгать*. [Идел 2000: 34-35]

На основе рассмотренных примеров, мы можем сказать, что интернациональные термины, международные слова проникают в английский, русский и татарский языки под воздействием радио, телевидения, газет и журналов, в процессе переводческой деятельности, в процессе коммуникации в рамках единого пространства. Они в татарском языке в основном употребляются в русской орфографии и орфоэпии; некоторые дореволюционные интернационализмы продолжают функционировать в татарских диалектах в изменённых фонетических вариантах: англ. *zentner*, рус. *центнер*, тат. диал. *ситнир*; англ. *central*, рус. *центральный*, тат. диал. *синтраль*.

Международная лексика, терминология - это общелексический фонд, функционирующий в трех и более широко распространенных, мировых языках.

Международную лексику составляют общие слова, сходные (аналогичные) по правописанию, произношению, семантике и мотивировке в разных разносистемных, разноструктурных, разноге-нетических, разнофункциональных языках.

На современном этапе развития национального самосознания, совершенствования национальной психологии некоторые виды международных слов претерпели определенные изменения: вместо интернационализмов-европеизмов (интернационализмов из европейских языков) все чаще и параллельно с ними начали употребляться интернационализмы-арабизмы, интернационализмы-тюркизмы: *политика - сәясәт* (арабское слово), *культура - мәдәният* (арабское слово), *икътисад* (арабское слово), *редактор - мөхәррир* (арабское слово), *съезд - корылтай* (тюркское слово) и т.д.

Как показывают примеры, правильное определение истинных интернационализмов имеет важное значение в переводческой деятельности, в процессе перевода с английского на русский и татарский языки, а также в лексикологических и лексикографических научных исследованиях.

Исследование в работе одинаковых и сходных международных слов, и терминов в данных языках позволяет сделать вывод о том, что даже в таких разноструктурных языках, как английский, русский и татарский, имеются сходные слова и термины. Причем, эти сходства, в условиях интенсивных контактов между языками продолжают развиваться. Это наглядно подтверждаются примерами из данных языков, лексический состав которых в результате активных связей между этими народами постоянно расширяются, а языки обогащаются новыми международными словами и терминами.

Общая концепция о международных словах и терминах разъясняется на основе интерпретации функционирования интернациональных лексических единиц в английском, русском, татарском и других разносистемных языках как в генетическом, типологическом, логическом, так и в функциональном аспектах

[Гатиатуллина 1984: 23-27]. При этом подчеркивается особая роль, как отдельных национальных языков, так и языков международного, межнационального общения в едином процессе самостоятельного развития языков в период глобализации - антиглобализации, интеграции-дезинтеграции.

Международная лексика и терминология в английском, русском и татарском языках в рамках единого информационного пространства и интеграции к европейской культуре, европейской цивилизации успешно осваивается языковой системой, в них образуя в них общетерминологический фонд, который способствует:

– облегчению машинного перевода,

– улучшению качества изучения языков, что вносит определенный вклад также в теорию и практику перевода с английского на русский, татарский языки и обратно,

– в результате активных связей между этими народами лексический состав постоянно расширяется, а языки обогащаются новыми международными словами и терминами.

Лексика татарского языка, прежде всего, развивается и обогащается за счет своих исконно национальных ресурсов, но, тем не менее, в ней объективно занимают свое достойное место международные слова, относящиеся к различным сферам науки, техники, экономики, политики, дипломатии, торговли, бизнеса, литературы, искусства, обыденной жизни. Они играют важную роль при стандартизации научно-технической терминологии в мировых масштабах, что облегчает процесс машинного перевода, способствует интенсификации общения между разноязычными народами нашей планеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахунзянов, Э.М. Русские заимствования в татарском языке / Э.М. Ахунзянов. - Казань: Изд. КГУ, 1968. - 367 с.
2. Беляева, С.А. Английские слова в русском языке XVII-XX в. / С.А. Беляева. - Иркутск: Изд. Иркутск. Дальн. - вост. ун-та, 1984. - 168 с.
3. Гатиатуллина, З.З. Сравнительная типология словообразовательных систем английского и татарского языков / З.З. Гатиатуллина. - Казань, 1984. - 232 с.
4. Идел. - Казань, Идел-Пресс, 2000. №1, 2, 6, 10.

REFERENCES

1. Akhunjanzanov, E.M. Russkie zaimstvovaniya v tatarskom jazyke. / E.M. Akhunjanzanov // Kazan: Izd. KGU, 1968. - 367 s.
2. Beljaeva, S.A. Anglijskie slova v russkom jazyke XVII-XX v. / S.A. Beljaeva // Izd. Irkutsk. Daln.-vost. Un-t, 1984. - 168 s.
3. Gatiatullina, Z.Z. Sravnitel'naja tipologija slovoobrazovatelnyh system anglijskogo i tatarskogo jazykov. / Z.Z. Gatiatullina // Kazan, 1984. - 232 s.
4. Idel. - Kazan', Idel-Press, 2000. №1, 2, 6, 10.

УДК 811.133.1'42:811.133.1'27
ББК Ш147.11-51+Ш147.11-006.21

А. Э. Буженинов

Екатеринбург, Россия

ЧТО СОЮЗ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ? (ОТНОШЕНИЯ В.В. ПУТИНА И Д. ТРАМПА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ)

АННОТАЦИЯ. Современные средства массовой информации являются мощным средством воздействия на адресата, формирования его идеологических взглядов. Одним из инструментов этого воздействия является политическая карикатура как эффективный способ передачи неформальной информации. Данная работа посвящена анализу политических карикатур на В.В. Путина и недавно избранного президента США Д. Трампа во французской прессе. При этом политическая карикатура в данном случае выполняет прогностическую функцию; анализ карикатур как закодированной информации позволяет раскрыть намерение журналиста предугадать и, возможно, навязать адресату тот или иной сценарий взаимоотношений двух президентов, а следовательно, и двух государств. Политическая карикатура рассматривается как креолизованный текст, являющийся совокупностью языковых и неязыковых (визуальных) элементов и имеющий целью воздействовать на адресата, донести до него идеологическую информацию. Анализ политических карикатур как визуальных (графических) метафор на материале французских средств массовой информации выявил, что отношения между двумя президентами воспринимаются и показываются как возможный союз двух держав. Характерной чертой является изображение доминирующим партнером в этих отношениях В.В. Путина, а ведомым – Д.Трампа.

Анализ показал, что основные метафоры, формирующие образы на исследуемых карикатурах, – игровая, артефактная и сексуальная метафоры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая карикатура, визуальная метафора, медиатекст, креолизованный текст, В.В. Путин, Д. Трамп

Сведения об авторе: Александр Эдуардович Буженинов, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 6; e-mail: alexandrebougeninov@mail.ru

A. E. Buzheninov

Ekaterinburg, Russia

WHAT DOES THE FUTURE UNION HOLD? (RELATIONS BETWEEN V.V. PUTINE AND D. TRUMP IN FRENCH POLITICAL CARICATURE)

ABSTRACT. Modern mass media are the powerful means of the influence on the addressee, of forming his ideological views. One of the instruments of this influence is the political caricature as a efficient means of informal information's transfer. This work is devoted to analysis of political caricatures of V.V. Putine and D. Trump in French press. Political caricature in this case has a prognostic function; the analysis of caricatures as a coded information permits to reveal the journalit's intention to predict and, perhaps, impose on reader such and such scenario of relations between two presidents and, consequently, between two states. The political caricature is considered as a creolized text which is a constellation of linguistic and non-linguistic (visual) elements that has the aim to influence on the reader, to communicate him an ideological information. The analysis of political caricatures as a visual (grafic) metaphors on the material of French mass media has shown that relations between two presidents are interpreted and shown as a possible union. The characteristic feature is the representation of V.V. Putine as a dominant partner of these relations and D.Trump as a guided partner.

The analysis has shown that the main metaphors forming the images on political caricatures that are under study are play, artifact and sexual metaphors.

KEYWORDS: political caricature, visual metaphor, mediatext, creolized text, V.V. Putine, D. Trump

About the author: *Alexander Eduardovitch Buzheninov, Candidate of Philology, Associated professor, Chair of Roman languages, Ural State Pedagogical University, Russia; Candidate of Philology, Associated professor, Chair of Foreign Languages, Ural State economic University, Russia.*

Отношения между такими крупными державами, как Россия и США, неоднозначно отображаются в зарубежной прессе, в том числе и французской. Одним из острых политических вопросов всегда являлись взаимоотношения между главами государств. Недавние президентские выборы в США завершились победой республиканца Дональда Трампа (ноябрь 2016 г), пользующегося противоречивой репутацией как в мире, так и в самих Соединенных Штатах. Возможным сценариям взаимоотношений Д. Трампа и В.В. Путина посвящено немало газетных и журнальных статей. Несмотря на относительно недавнее появление Д. Трампа на политической сцене, появляются работы, исследующие его лингвокультурный типаж в карикатуре (см., например, [Кузина 2016: 125-129]). Для настоящего исследования нами были рассмотрены карикатуры, посвященные двум президентам, в различных французских печатных изданиях и Интернет-ресурсах («Le Monde», «EurAsia Prospective», «Charlie Hebdo», «Sputnik.France») за последние 5 месяцев.

Медиалингвистика в наши дни – это бурно развивающееся лингвистическое направление, в широком плане изучающее специфику массовой коммуникации [Богоявленская, Чудинов 2015; Богоявленская, Буженинов 2015; Добросклонская 2000 и др.]. Политические медиатексты являются объектом пристального внимания множества лингвистических исследований. Не является исключением и политическая карикатура.

При этом методологически важным представляется отметить, что рассматриваемые нами политические карикатуры как креолизованные тексты [Ворошилова 2012; 2013а; 2013б; Шустрова 2014; Плотникова, Кипина 2016 и др.] являются визуальной (графической) метафорой. Карикатура как креолизованный текст сочетает в себе неязыковой (визуальный) элемент и собственно языковой элемент, что и позволяет карикатуре «заговорить» с адресатом. Как писал Р. Барт, «неязыковые объекты становятся по-настоящему значащими лишь постольку, поскольку они дублируются или ретранслируются языком» [Барт, 1975: 114]. При этом «вопрос о взаимоотношении вербальной и визуальной части является ключевым в исследованиях креолизованного текста [Ворошилова 2013б: 104]. Таким образом, с одной стороны, анализ политических карикатур требует семиотического подхода, с другой стороны, методов когнитивной лингвистики, исследование концептуальных метафор для выявления концептуальной составляющей карикатуры.

Наш анализ политических карикатур показывает, что французские средства массовой информации в целом предсказывают относительно прочный союз двух держав и их президентов. Так, Дональд Трамп изображается как поклонник России.

Рис. 1

Рис. 2

На рис. 1 обыгрывается знаменитая прическа президента США, ставшая

предметом множества карикатур, высмеивающих излишне категоричные высказывания ее носителя (например, прическа-метла, выметающая латиноамериканцев из США). На данной карикатуре волосы Трампа окрашены в цвета российского флага, так что его не узнает собственная дочь. Ироничная надпись «*air de famille*» («фамильное сходство») указывает, вероятно, на то, что Трамп чем-то похож на русского. На рис. 2 представлена карикатура из скандально известного еженедельника «*Charlie Hebdo*» (21.09.2016). В словах Трампа журналистом используется прием каламбура «*Hillary-ra bien qui rira le dernier*» (букв. «Хилари - хорошо смеется тот, кто смеется последним»). Надпись наверху гласит: «против Хилари любые грязные приемы позволительны» (в статье речь идет о болезни Хилари Клинтон). Визуальный ряд на данной карикатуре также указывает на дружеское расположение между двумя президентами: В.В. Путин посмеивается в такт своему собеседнику. (Примечательно, что статья озаглавлена «*Trump, la petite fiancée de Poutine*» («Трамп, маленькая невеста Путина»))

Любопытным представляется тот факт, что французские карикатуры, изображающие позитивный союз двух президентов, зачастую представляют В.В. Путина либо нейтрально, либо хозяином положения, тогда как Д. Трамп изображается уничижительно либо занимающим подчиненное по отношению к президенту России положение.

VERS UN NOUVEL ORDRE MONDIAL ?

Рис. 3

На рис. 3. президент США облачен в одежду клоуна с соответствующими атрибутами (колпак, клоунский костюм, дудка). В.В. Путин же не только имеет официальный вид, но и заметно является хозяином положения: он ведет велосипед (причем это не тандем, где могли бы крутить педали оба ездока, Путин «рулит» один). Доминирующее положение российского президента подчеркивает и собственно языковая составляющая карикатуры: звук, издаваемый дудкой Трампа, «*Pout*». Весьма символична сама дудка (для носителя русского языка в этой карикатуре открывается еще один интертекстуальный фрейм: «плясать под чью-то дудку»). Надпись наверху «К новому мировому порядку?» также указывает, что Путин и Трамп станут союзниками (хотя знак вопроса может вызвать множество интерпретаций).

Большинство же исследуемых карикатур являются еще более жесткими в отношении Д. Трампа и представляют союз двух президентов как абсолютно неравноценный.

Рис. 4

На рис. 4 карикатура, опубликованная на одном из французских блогов президент России представлен кукловодом, дергающим за ниточки Д. Трампа. Сам президент США должен руководить матрешками («roupées russes»). Характерны слова В.В. Путина: «Эй, Дональд, мои матрешки - красотки!» (Elles sont belles, mes roupées russes, hein, Donald!). Как и на рис. 3, в данной карикатуре отражается игровая метафора, зачастую используемая для выражения негативной оценки, унижения одного из персонажей. В нашем случае этим персонажем оказывается президент США, чья политическая незрелость символизируется положением куклы-марионетки.

Рис. 5

То же мы видим и на рис. 5 (сайт геополитического журнала «EurAsia Prospective»). Элемент игры - детское школьное баловство, когда нужно обняться и во время этого незаметно прикрепить на спину товарищу бумажку с обидным текстом. Молодежный жест братания - взаимный удар кулаком - указывает на заключение некоего союза. Однако российский президент снова изображается более умным и ведущим партнером (а может, и хитрым?), прикрепляя на спину Д. Трампу бумажку с надписью «Пни меня». Так, вновь высмеивается Д. Трамп.

Рис. 6

Мотив союза во главе с В. Путиным прослеживается и в карикатуре на рис. 6. (карикатурист Кристиан Кресевёр). Карикатура посвящена эпизоду, когда В. Путин обвинялся в кибератаках во время выборов в США. Надпись гласит: «Трамп не верит в хакерство Путина во время выборов в США» (Trump ne croit pas au hacking de Poutine sur les elections US). Подпись снизу: «Потому что это хороший товарищ, да, это хороший товарищ» (Car c'est un bon camarade, oui, c'est un bon camarade!). При этом вновь президент США изображен в подчиненном положении, здесь мы можем видеть элемент сексуальной метафоры: Д. Трамп наклонился, выпятив зад, тогда как В. Путин делает вращательные движения у него за спиной.

Рис. 7

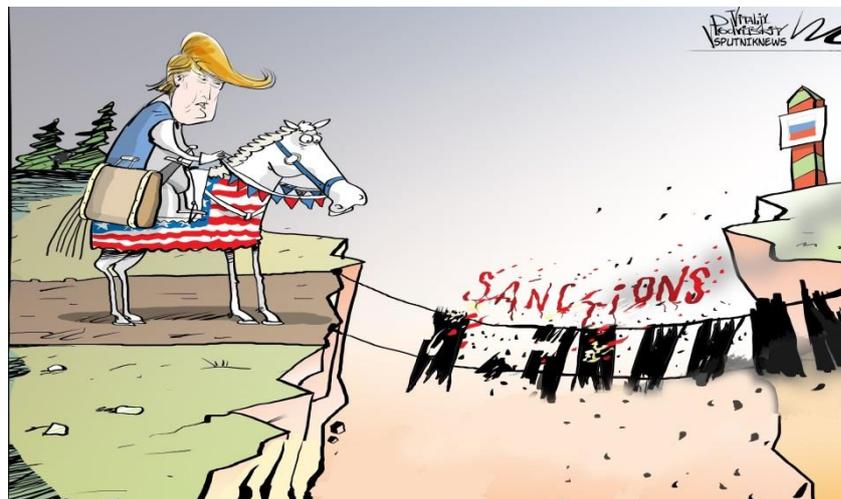

Рис. 8

Однако некоторые карикатуры дают понять, что между Россией и США сохранится традиционное соперничество. Основой следующих двух карикатур (рис. 6 и 7) является артефактная метафора. На рис. 6 метафора военного соперничества показана в иронично-пикантной манере: президенты двух сверхдержав меряются, у кого больше ядерные боеголовки: «Моя больше!» - «Нет, моя!». На рис. 7. фигура В. Путина отсутствует, однако образ страны представлен столбом с национальным российским флагом. Если на рис. 6 камнем преткновения в российско-

американских отношениях показывается пресловутый ядерный арсенал, то на рис. 7 это санкции, метафорически представленные в виде трухлявого деревянного моста.

Таким образом, во французском медиапространстве отношения между В. Путиным (Россией) и Д. Трампом (США) карикатурно изображаются как возможный (слишком мало еще времени прошло) союз. Ведущим типом метафор при этом становятся игровая, артефактная и сексуальная метафоры. Любопытным выводом становится тот факт, что ведущим партнером этих отношений изображается чаще всего президент России. Однако некоторые карикатуры напоминают нам, что на пути к этому возможному союзу еще есть определенные проблемы, которые необходимо разрешить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт, Р. Основы семиологии // Структурализм: "за" и "против". - М.: Прогресс, 1975. - 469 с.
2. Богоявленская, Ю.В., Чудинов, А.П. Функционирование прецедентных высказываний во французском медиадискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического ун-та им. Н.А. Добролюбова. - 2015. - № 29. - С. 20-35.
3. Богоявленская, Ю.В., Буженинов, А.Э. Сопоставительная медиалингвистика как новое направление современной сопоставительной лингвистики // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. - 2015. - № 31. - С. 11-18.
4. Ворошилова, М.Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки // Политическая лингвистика. - 2012. - № 4 (42). - С. 94-99.
5. Ворошилова, М.Б. Креолизованный текст: принцип целостности или принцип заменяемости // Политическая лингвистика. - 2013а. - №4. - С. 177-183.
6. Ворошилова, М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. - Екатеринбург: изд-во УрГПУ, 2013б. - 194 с.
7. Добросклонская, Т.Е. Теория и методы медиалингвистики. Дисс. ... докт. филол. наук. - М., 2000. - 368 с.
8. Кузина, Ю.В. Orangutramp - образ Д. Трампа в графических материалах сети Интернет // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления. Мат. межд. науч. конф. (Екатеринбург, 26-30. 09. 2016) / гл.ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». - Екатеринбург, 2016. - С. 125-129.
9. Шустрова, Е.В. Методики анализа графических метафор // Педагогическое образование в России. - 2014. - № 6. - С. 70-80
10. Плотникова, М.В., Кипина, М.А. Советский Джеймс Бонд: политический портрет В.В. Путина во французских медиатекстах в свете украинского кризиса // Политическая лингвистика. - 2016. - №4 (58). - С. 200-205.

Источники примеров

- <http://perrico.over-blog.com/2016/11/donald-trump-la-marionnette-de-vladimir-poutine.html> (дата обращения 06.01.2017)
- <https://eurasiapropective.net/2016/12/09/geopolitique-de-leurope-parmentier-sur-france-culture/> (дата обращения 06.01.2017)
- <http://creseveur.hautetfort.com/archive/2016/12/16/trump-ne-croit-pas-au-hacking-de-poutine-sur-les-elections-u-5887822.html> (дата обращения 06.01.2017)
- Charlie Hebdo. URL: <https://charliehebdo.fr/> (дата обращения 06.01.2017)
- Sputnik.France. URL: <https://fr.sputniknews.com/> (дата обращения 06.01.2017)

REFERENCES

1. Bart, R. Osnovy semiologii // Strukturalizm: "za" i "protiv". - M.: Progress, 1975. - 469 s.
2. Bogojavlenskaja, Ju.V., Chudinov, A.P. Funkcionirovanie precedentnyh vyskazyvanij vo francuzskom mediadiskurse // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo un-ta im. N.A. Dobroljubova. - 2015. - № 29. - S. 20-35.
3. Bogojavlenskaja, Ju.V., Buzheninov, A.Je. Sopostavitel'naja medialingvistika kak novoe napravlenie sovremennoj sopostavitel'noj lingvistiki // Vestnik Nizhegorodskogo

- gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobroljubova. - 2015. - № 31. - S. 11-18.
4. Voroshilova, M.B. Kreolizovannaja metafora: pervye zarisovki // Politicheskaja lingvistika. - 2012. - № 4 (42). - S. 94-99.
 5. Voroshilova, M.B. Kreolizovannyj tekst: princip celostnosti ili princip zamenjaemosti // Politicheskaja lingvistika. -2013a. - №4. - S. 177-183.
 6. Voroshilova, M.B. Politicheskij kreolizovannyj tekst: kljuchi k prochteniju. - Ekaterinburg: izd-vo UrGPU, 2013b. - 194 s.
 7. Dobrosklonskaja, T.E. Teorija i metody medialingvistiki. -dis. ...d-ra. filol. nauk. - M., 2000. 368 s.
 8. Kuzina, Ju.V. Oranutramp - obraz D. Trampa v graficheskix materialax seti Internet // Politicheskaja lingvistika: problematika, metodologija, aspekty issledovanija i perspektivy razvitija nauchnogo napravlenija. Mat. mezhd. nauch. konf. (Ekaterinburg, 26-30. 09. 2016) / gl.red. A.P. Chudinov; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». - Ekaterinburg, 2016. - S. 125-129.
 9. Shustrova, E.V. Metodiki analiza graficheskix metafor // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. - 2014. - № 6. - S. 70-80
 10. Plotnikova, M.V., Kipina, M.A. Sovetskij Dzhejms Bond: politicheskij portret V.V. Putina vo francuzskix mediatekstax v svete ukrainskogo krizisa // Politicheskaja lingvistika. - 2016. - №4 (58). - S. 200-205.

УДК 81'1
ББК Ш100.3

Е. В. Дзюба

Екатеринбург, Россия

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РАЗНЫХ ВАРИАНТАХ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема соотношения двух типов лингвокогнитивной категоризации: научной и наивной. Обсуждается положение о существовании двух видов лингвокогнитивных категорий: с четкими границами (категории, в структуре которых все члены, обладающие одинаковым набором существенных категориальных признаков, равноправны) и с нечеткими, или размытыми, границами (категории, члены которых неравноправны: одни наиболее типичны – лучшие образцы, другие наименее типичны – худшие образцы). Утверждается, что для научного типа лингвокогнитивной категоризации чаще свойственно стремление к установлению четких границ категорий; для наивной категоризации характерна размытость границ категорий, обладающих прототипической структурой. На примере категории *ягоды* в русской и чешской языковых картинах мира показано различие научной и наивной категоризации, которое объясняется следующими факторами: различие оснований для категоризации, различие источников информации и способов получения знания, наличие разного набора существенных признаков для определения членства категории и степени типичности членов в рамках категории. На основе анализа специальной (ботанической) литературы определяется набор существенных признаков научной категоризации ягод, методом анализа данных направленного вербально-ассоциативного эксперимента выявляются признаки наивной категоризации и определяется градуированная (прототипическая) структура категории (в структуре категории *ягоды* отмечаются сверхтипичные, типичные, малотипичные, нетипичные и сверхнетипичные образцы категории).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика, категоризация, языковая картина мира, научная и наивная картины мира.

Сведения об авторе: Елена Вячеславовна Дзюба, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: elenacz@mail.ru.

E. V. Dziuba

Ekaterinburg, Russia

CATEGORIZATION OF REALITY IN DIFFERENT OF LINGUISTIC WORLDVIEWS

ABSTRACT. The paper discusses the issue of correlation of two types of linguo-cognitive categorization: scientific and naïve. It also argues the existence of two kinds of linguo-cognitive categories: those with clear-cut borders (the categories, whose members with the same set of categorical features are equal in rank) and those with vague borders (the members of the categories are not equal in rank, some of them are more typical – the best examples, the others are less typical – the worst examples). It is stated that the scientific linguo-cognitive categorization strives to make clear-cut borders of the categories, while the naïve categorization is characterized by vague borders of the categories with the prototypical structure. The paper shows the difference between scientific and naïve categorization of the category berries in Russian and Czech linguistic worldviews. The differences are caused by the following factors: different bases for categorization, different sources of information and ways of knowledge acquisition and different set of essential features to determine the members of the category and the degree of typicality of the members of this category. Based on the analysis of special (botanic) literature, we reveal the set of essential features of the scientific categorization of berries. With the help of directed associative experiment we reveal the features of naïve categorization and build gradual (prototypical) structure of the category (there are hyper-typical, typical, hypo-typical, non-typical and hyper non-typical kinds of categories in the structure of the category berries).

KEYWORDS: cognitive linguistics, categorization, linguistic worldview, scientific and naïve worldview.

About the author: *Elena Vyacheslavovna Dziuba, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia; e-mail: elenacz@mail.ru.*

Ментальные процедуры получения, обработки, систематизации и знаковой репрезентации знаний изучались с древнейших времен: сначала в основном философами, в более поздние годы и до настоящего времени психологами и психолингвистами, социологами и социолингвистами, антропологами и этнолингвистами, когнитологами и прагматическими лингвистами и т.д. Когнитивная лингвистика сосредоточивает внимание на процессах познания мира человеком, систематизации знаний с помощью категорий языка, вербализации этих знаний и представлений. Важность изучения названных ментальных процедур в течение уже нескольких десятилетий подчеркивают зарубежные и отечественные исследователи (А. Вежбицка, Р. Джакендофф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, С. Пинкер, Э. Рош, Ж. Фоконье, Ч. Филлмор и др.; Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, Д.О. Добровольский, А.А. Залевская, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, В.В. Колесов, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, А.П. Чудинов и др.).

Процессы получения, обработки и систематизации знаний, помогающие человеку существовать и ориентироваться в упорядоченном силами своего сознания мире, принято называть категоризацией (категоризация – это процесс упорядочения полученных знаний, то есть распределения нового знания по тем или иным рубрикам, существующим в сознании человека и часто задаваемых категориями языка, носителем которого этот человек является) [см. подробнее: Lakoff 1982, 1987; Rosch 1973, 1975, 1978, 1983; Болдырев 2006; Борискина, Кретов 2003; Краткий словарь когнитивных терминов 1996; Кубрякова 2004; Скребцова 2011 и др.].

По структуре все категории делятся на два вида: с четкими границами (категории, в которых все члены равноправны, так как эти члены обладают одинаковым набором признаков, актуальных для данной категории) и с нечеткими (размытыми) границами, члены которых неравноправны (среди членов категорий можно выделить наиболее и наименее типичные образцы). Так, при абстрактном понимании категории числа все ее составляющие (то есть все числа) объективно равноправны и одинаково способны представлять данную категорию, но при экспериментальных опросах большинство русскоязычных людей называют в первую очередь числа 3 и 7. Речь здесь действительно идет о разнице в осмыслении строго теоретических, научных понятий – с одной стороны, и практически, жизненно применимых фактах – с другой стороны. Так, например, в речевом обиходе под влиянием сложившейся в сознании человека картины мира, его фоновых знаний, культурных традиций и т.д. некоторые числа воспринимаются более типичными представителями категории числа. Для русского человека 3 и 7 – знаковые числа, что объясняется влиянием фольклорной или религиозной традиции, жизненным опытом и т.п. (ср. символику числа 3 в русских сказках; устойчивые выражения *Бог троицу любит, Семь раз отмерь – один отрежь, Семеро одного не ждут, Семь пятниц на неделе* и др.). Такая речевая практика объясняет тот факт, что в обыденном сознании разные числа являются неравноправными членами одной категории. Структура категории числа в обыденном сознании, безусловно, этноспецифична. Если бы подобные эксперименты проводились среди китайцев, то они обязательно бы назвали 8, так как в их представлении это счастливое число, которое приносит удачу.

Следовательно, если речь идет о сугубо теоретических рассуждениях, обобщениях (о научной картине мира), то говорить о категориях с четкими границами и равноправии всех членов категории можно и даже нужно для существования объективного, научного представления о реалиях, но если речь идет о конкретном человеческом сознании, о носителе того или иного национального языка, то целесообразно говорить о категориях с нечеткими границами. Это обусловлено тем, что в разных сферах (иногда даже науках, имеющих один предмет изучения), существуют разные основания для категоризации, разные способы получения информации, выделяются разные существенные признаки для

классификационного рубрицирования объектов реального мира [см. подробнее: Дзюба 2015].

Показательным примером несовпадения научной и наивной картины мира в отношении границ ментальных образований и их структур может служить категория «ЯГОДЫ». Так, для ботаники важны следующие признаки разграничения растений по группам: место в систематике растений (т.е. отношение к царству, классу и подклассу, семейству и подсемейству, роду и виду) и особенности морфологии растения (из каких частей состоит, какие части являются видоизмененными (например, собственно корень или клубень как вид корня) и т.п.). Ягода для ботаники – это не отдельная категория, обобщающая целый ряд определенных представителей. В ботанической науке все сочные плоды называются ягодавидными и имеют следующие разновидности: собственно ягода (виноград, картофель (верхние плоды, не клубни), помидоры, баклажан, крыжовник, малина, земляника, клюква, брусника и т.д.), яблоко (плоды яблони, груши, айвы, рябины и др.), тыква (арбуз, дыня, тыква, кабачок, патиссон), гесперидий (все плоды рода «Цитрус»: апельсин, мандарин, грейпфрут и др.). Ягодообразные плоды у представителей самых разных семейств: питахайи (сем. кактусовых), у киви (сем. актинидиевых), у маракуйи (сем. страстоцветных), у папайи (сем. кариковых), у хурмы (сем. эбеновых) и даже у ананаса (сем. бромелиевых) [Бавтуто, Еремин 1997; Комарницкий и др. 2007]. Таким образом, в ботанике ягодой называют то, что в обыденном сознании представляется часто как фрукт (арбуз, дыня, яблоко, груша, апельсин, ананас и др.) или как овощ (тыква, кабачок, помидор, баклажан и т.д.), но также и как сама ягода (малина, земляника, клюква и др.).

Важно подчеркнуть, что для науки не важна градация членов категории: растения либо относятся к имеющим плоды в виде ягод, либо не относятся. Значение слова *ягода* в обыденном сознании, с одной стороны – более узкое, чем у ботанического термина, с другой стороны – оно обладает большим числом дифференциальных признаков. Эти признаки были выявлены при проведении анкетирования, в котором участвовало 600 человек (в основном жителей Свердловской области) от 17 до 65 лет. Респондентам было предложено задание, которое предполагало выделение существенных признаков категории ЯГОДЫ (формулировка задания: Укажите, по каким признакам Вы относите те или иные плоды к ягодам. Опишите эти признаки максимально конкретно).

Полученные результаты обрабатывались статистически, распределяясь по условно сформированным **степеням типичности**:

1) **сверхтипичные** (образцовые, идеальные) члены категории, обладающие высокой степенью типичности, обычно называемые при опросах более 80 % респондентов;

2) **типичные** члены категории, которые можно распределить по двум подгруппам:

- высокочастотные, упоминаемые 60 % – 80 % информантов и

- среднечастотные, упоминаемые 30 % – 60% респондентов;

3) **малотипичные**, называемые 10 % – 30 % опрошенных;

4) **нетипичные** члены категории, которые обычно отмечает 5 % – 10 % респондентов;

5) **сверхнетипичные** члены категории, называемые менее чем 5% участников анкетирования.

Показательно, что ни один из названных респондентами образцов не набрал более 80% ответов. Отсутствие столь высоких показателей у категории ЯГОДЫ (это существенное отличие данной категории от других, например, категорий ОВОЩИ и ФРУКТЫ), вероятно, объясняется следующими причинами: во-первых, ягоды как продукт питания являются не столь значимыми, как овощи или фрукты, ягоды не составляют основной рацион питания человека.

Доказательством этого факта является то, что в сознании носителей другого, но тоже славянского языка – чешского – категория ЯГОДЫ не выделяется. В одном из чешских учебников для дошкольников детям предлагается рассмотреть картинку, на которой изображены и пронумерованы следующие плоды: 1) яблоко, 2) кукуруза, 3) груша, 4) вишня, 5) ананас, 6) клубника, 7) лимон, 8) помидор, 9) арбуз, 10) виноград. Далее задаются вопросы, из которых для нас показательны

следующие: *Které ovoce má nejnižší číslo?* и *Které ovoce má nejvyšší číslo?* (рус.: *Какой фрукт имеет наименьшее число?, Какой фрукт имеет наибольшее число?*) [Praktický kurz přípravy do školy 2013]. В чешском языке *ovoce* переводится как *фрукты*, следовательно, у носителей чешского языка в категорию ФРУКТЫ включается и клубника, и виноград, которые обычно русскоговорящими называются ягодами. Слово *ягода* (*bobule*) есть в чешском языке, но чаще оно употребляется как ботанический термин (ягодой в этом смысле называется плод помидора, огурца, арбуза, крыжовника, киви, смородины и др. [Bobule // URL: <http://cs.wikipedia.org/wiki/Bobule>]). Клубника (по-чешски *jahoda*), ягода рябины (*jeřbina*), ягода терновника (*trnka*), ягода малины (*malina*) относятся в сознании носителей чешского языка к категории ФРУКТЫ (*ovoce*), ср.: *jahoda –y ž červený šťavnatý sladký plod jahodníku, používaný jako ovoce (sbírat jahody, koláč s jahodami)* [Internetový slovník současné češtiny].

Именно поэтому преподаватели-чехи, обучающие русских чешскому языку, сталкиваются с трудностями в объяснении, почему при изучении единиц лексико-тематической группы ФРУКТЫ они называют клубнику, землянику и смородину.

Во-вторых, причиной отсутствия сверхтипичных образцов в структуре категории ЯГОДЫ является то, что носителям обыденного сознания известно большое количество видов и сортов ягод, нежели фруктов и овощей, что обусловлено широтой житейского опыта: известны не только садовые ягодные культуры (смородина, малина, крыжовник и др.), но также дикорастущие, которые широко распространены в умеренных климатических условиях (черника, голубика, морозника, клюква, брусника и менее известные – княженика, водопьянник, лимонник и под.). Дикорастущие овощи и фрукты, как показало исследование, в сознании носителей русского языка не фиксируются.

В-третьих, при определении членства категории ЯГОДЫ у носителей языка возникают затруднения, обусловленные различиями между научно-ботанической трактовкой и наивным представлением: например, в настоящее время растиражировано мнение о том, что арбуз является ягодой, хотя научно обосновать причины этого явления вряд ли кто-либо из не-специалистов может; кроме того, по ряду существенных признаков (размер, вкус, особенности хозяйственного использования и т.п.) многие ягоды легко объединить в одну категорию с так называемыми фруктами (это касается, например, винограда, вишни, черешни, алычи и под.).

Названные факторы объясняют затруднения носителей языка определить принадлежность того или иного образца к категории ЯГОДЫ, что в свою очередь способствует предельной размытости границ данной категории в языковом сознании.

Типичными (высокочастотными) образцами, по результатам опроса, являются клубника (74 %), малина (71,5%), смородина (65%), земляника (61,16%), черника (60,16%). Типичные (среднечастотные) образцы: арбуз (54,33%), вишня (46%), ежевика (44,66%), крыжовник (43%), брусника (34,83%). К малотипичным образцам, по итогам обработки анкетных опросов, относятся клюква (29,16%), голубика (25,16%), черешня (22,5%), облепиха (21,16%), рябина (18%), костяника (13,16%), слива (13%), виноград (12,66%), жимолость (12,33%), черемуха (11,83%), ирга (10,16%). Нетипичные образцы категории ЯГОДЫ. Нетипичными образцами категории ЯГОДЫ являются, по данным опроса, морозника (9,66%), виктория (8%), калина (7,83%), шиповник (6,16%).

Среди сверхнетипичных образцов выделяются дыня (4,66 %), барбарис (3,33%), волчья ягода (3%), боярышник (2,66%), черноплодная рябина (2,33%), алыча, брюква и помидор (1,66%), абрикос и бузина, анис и гранат (по 1%). Менее 1 % респондентов (менее шести человек) назвали киви, ананас, чернослив, тыкву, айву, ассан, инфжир, лимонник, личи, фейхоа, шелковицу. Единичными оказались случаи упоминания среди ягод таких плодов, как банан, яблоко, хурма, минеола, лимон, крысма, чеснок, хвойник, *земклубника, гвоздика, олива, тутовник, лайм, кизил, физалис, водяница, санберри, княженика, боб, водопьянник, клубянка, авокадо, финик, кунжут, персик, чечевица, паслен, соя, костянка и черемша. Таким образом, худшими (сверхнетипичными) образцами данной категории являются, по мнению носителей языка, такие образцы: 1) плоды, категориальная принадлежность которых обусловлена спецификой той или иной вариации языковой картины мира (паслен и помидор, дыня и тыква, яблоко и айва,

боярышник и черноплодная рябина, алыча и абрикос, киви и гранат, инжир и ананас и др. – все перечисленные плоды хотя бы в одной из рассматриваемых в исследовании сфер являются ягодами);

2) плоды растений со спецификой зонального размещения, т.е. распространенные на ограниченных территориях с особыми климатическими условиями и, таким образом, малоизвестные (лимонник, хвойник, шелковица / тутовник, водяника, княженика, санберри и др.);

3) плоды, имеющие народные наименования (так, наименование *волчья ягода* обозначает не плод конкретного растения, это собирательное наименование всех токсичных, вредных, несъедобных ягод).

Остальные наименования сверхнетипичных членов категории ЯГОДЫ, вероятно, являются случайными: они обусловлены либо незнанием реалии (черемша), либо ошибками разного рода (ср.: *костянка*, вероятно, вместо *костяники*; *клубянка* вместо *клубника* и т.д.).

Членство в структуре категории ЯГОДЫ обусловлено спецификой картины мира, типом лингвокогнитивной категоризации, существенными признаками, на основании которых формируется категория. Для ботанической категоризации в отношении ягод актуален *морфологический признак*, то есть особенности структуры плода: если плод, имеющий сочную мякоть, многосемянный, то он представляет собой ягоду, если сочный плод имеет косточку (косточки) внутри, то он является костянкой (сборной костянкой). Именно поэтому те плоды, которые в сознании носителя языка считаются типичными ягодами (земляника, клубника, малина, ежевика и под.), в ботанике ягодами отнюдь не являются, этот плод называется костянкой (точнее – сборной костянкой); ягодами по своей структуре с ботанической точки зрения являются боярышник и черноплодная рябина (точнее – это яблоко, ягодовидный плод), физалис, водяника, санберри и др.

Для носителей обыденного сознания актуальны иные признаки категоризации (признаки расположены по количественному критерию: от наиболее – к наименее частотным): 1) растут на кустах; 2) сладкие или кислые; 3) маленькие по размеру; 4) по цвету чаще красные, реже черные, зеленые; 5) бывают съедобными и несъедобными; 6) очень полезны для людей, богаты витаминами; 7) используются для приготовления варений; 8) сочные, мясистые; 9) мягкие по структуре; 10) часто используются в медицине как лекарственное средство.

Перечисленные признаки позволяют выявить наиболее и наименее типичные образцы категории ЯГОДЫ в наивной картине мира. Действительно, многие ягоды растут на кустах (малина, крыжовник, смородина), но, например, клюква, черника, арбуз или дыня являются скорее травянистыми растениями, чем кустарниковыми; малина и даже клубника в самом деле маленькие по размеру, чего нельзя сказать об арбузе или дыне; большинство ягод используется для приготовления варений, джемов, компотов и т.д., но в некоторых регионах России арбуз, например, также солят и маринуют (не говоря уже о других ягодовидных плодах: кабачках, огурцах, помидорах и т.д.). Таким образом, наиболее типичные образцы категории – это малина, земляника, клюква и им подобные, то есть плоды травянистых растений или кустарников, кисло-сладкие на вкус, маленького размера, используемые в пищу в свежем или обработанном виде. Очевидно, что наименее типичными образцами категории являются арбуз и дыня и уж вовсе нетипичными помидор, баклажан, тыква или кабачок.

Итак, в отношении категории ЯГОДЫ следует говорить о существовании различий между научной и наивной картинами мира. При этом научная категория ЯГОДЫ имеет четкие границы, в рамках таких категорий все члены равноправны, то есть те или иные представители растений не являются наиболее или наименее типичными образцами.

В наивной картине мира категория ЯГОДЫ имеет размытые границы, это категория градуированная, так как ее члены не являются равноправными: одни являются наиболее типичными образцами категории, другие наименее типичными. Несовпадение границ лингвокогнитивных категорий в разных вариантах языковой картины мира (научной и наивной) объясняется различиями оснований для категоризации, различием источников и способов получения знания, наличием разного набора существенных признаков для определения членства категории и степени типичности членов в рамках категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бавуто, Г.А., Еремин, В.М. Ботаника: Морфология и анатомия растений / Г.А. Бавуто, В.М. Еремин. – Мн.: Высшая школа, 1997. – 375 с.
2. Болдырев, Н.Н. Языковые категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–12.
3. Борискина, О.О. Теория языковой категоризации: Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О. О. Борискина, А. А. Кретов. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. – 211 с.
4. Дзюба, Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. – Екатеринбург, 2015. – 286 с.
5. Комарницкий, Н.А., Кудряшов, А.В., Уранов, А.А. Ботаника (систематика растений). – Мн., 2007. – 608 с.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. фак-т МГУ им. Ломоносова, 1996. – 245 с.
7. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 556 с. (Серия «Язык. Семиотика. Культура»).
8. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика : курс лекций / Т.Г. Скребцова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.
9. Internetový slovník současné češtiny (verze 2.070.000 hesel, 85.000 významů, 192.000 příkladů a idiomů). – Lingea s.r.o., 2016 [Электронный ресурс] // URL : <http://www.nechybujte.cz/slovník-soucasne-cestiny> (дата обращения: 15.02.2017)
10. Lakoff, G. Categories : An essay in cognitive linguistics. Linguistics in the morning calm : Selected papers from the SICOL-1981. – Seoul, 1982. – Pp. 139 – 193.
11. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things : What Categories Reveal about the Mind. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
12. Praktický kurz přípravy do školy. – Praha : Svojtka&Co, Nakladatelství, 2013. – 387 s.
13. Rosch, E. Human categorization. Advances in cross-cultural psychology. – L., 1975. – Pp. 23 – 57.
14. Rosch, E. Natural categories. Cognitive psychology. – 1973. – V. 4. – Pp. 328 – 350.
15. Rosch, E. Prototype Classification and Logical Classification : The Two Systems. New Trends in Conceptual Representation : Challenges to Piaget's Theory? / ed. by E.K. Scholnick. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1983. – Pp. 73 – 86.
16. Rosch, E., Lloyd, B.B. Cognition and categorization. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – Pp. 27 – 48.

REFERENCES

1. Bavuto, G.A., Eremin, V.M. Botanika: Morfologija i anatomija rastenij / G.A. Bavuto, V.M. Eremin. – Mн.: Vysshaja shkola, 1997. – 375 s.
2. Boldyrev, N.N. Jazykovye kategorii kak format znaniya / N.N. Boldyrev // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2006. – № 2. – S. 5–12.
3. Boriskina, O.O. Teorija jazykovoj kategorizacii: Nacional'noe jazykovoe soznanie skvoz' prizmu kriptoklassa / O. O. Boriskina, A. A. Kretov. – Voronezh: Voronezhskij gos. un-t, 2003. – 211 s.
4. Dzjuba, E.V. Lingvokognitivnaja kategorizacija v russskom jazykovom soznanii. – Ekaterinburg, 2015. – 286 s.
5. Komarnickij, N.A., Kudrjashov, A.V., Uranov, A.A. Botanika (sistematika rastenij). – Mн., 2007. – 608 s.
6. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / pod obshh. red. E.S. Kubrjakovoj. – M.: Filol. fak-t MGU im. Lomonosova, 1996. – 245 s.
7. Kubrjakova, E.S. Jazyk i znanie. / E.S. Kubrjakova. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 556 s. (Serija «Jazyk. Semiotika. Kul'tura»).
8. Skrebcova, T.G. Kognitivnaja lingvistika : kurs lekcij / T.G. Skrebcova. – SPb.: Filologičeskij fakul'tet SPbGU, 2011. – 256 s.
9. Internetový slovník současné češtiny (verze 2.070.000 hesel, 85.000 významů, 192.000 příkladů a idiomů). – Lingea s.r.o., 2016 [Jelektronnyj resurs] // URL : <http://www.nechybujte.cz/slovník-soucasne-cestiny> (data obrashhenija: 15.02.2017)

УДК 811.133.1'373.422:811.161.11'373.422

ББК Ш147.11-315.4+Ш141.12-315.4

О. И. Лукина

Екатеринбург, Россия

К ВОПРОСУ ОБ АНТОНИМИИ ТЕРМИНОВ ФОНЕТИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности антонимии в сфере специальной лексики. Особое внимание уделяется необходимости изучения данного явления в области фонетической терминологии на материале французского и русского языков. Материалом исследования послужили терминологические единицы, манифестирующие основное понятие фонетики *звук речи/son de la parole*.

Автор статьи придерживается мнения, что антонимия в специальной лексике представляет собой естественный процесс и не только не противоречит требованиям системности, точности, однозначности, предъявляемым термину, но скорее поддерживает их, способствуя выполнению термином своих функций. В статье предпринята попытка изучения фонетических терминов-антонимов французского и русского языков с точки зрения их значения, структуры и способа образования. В результате исследования делается вывод о том, что отношение комплементарности является более характерным для исследуемой терминологии, чем отношение контрарности. С точки зрения структуры наиболее частотны случаи, когда антонимическая группа представлена составными, а не простыми, терминами. Наконец, в плане способов образования терминов-антонимов фонетики в сопоставляемых языках выявлено, что в терминологии фонетики реализуется и лексическая, и словообразовательная антонимия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: антонимия, терминологическая антонимия, терминология, фонетическая терминология, французский язык, русский язык.

Сведения об авторе: *Лукина Ольга Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 465; e-mail : dimol2002@mail.ru.*

O. I. Lukina

Ekaterinburg, Russia

TOWARD ANTONYMY OF PHONETIC TERMS IN FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES

ABSTRACT: The article deals with the features of antonymy in special lexicon. Particular attention is paid to the need to study this phenomenon in the field of phonetic terminology on the base of the French and Russian languages. The material of the study is the terminological units manifesting the basic concept of phonetics – the sound of speech / *son de la parole*.

The author of the article holds by an opinion that the antonymy in the special vocabulary is a natural process and not only doesn't contradict the requirements of the consistency, accuracy, uniqueness of the term, but rather supports them, contributing to the fulfillment of the functions of the term. The article attempts to study the phonetic terms-antonyms of the French and Russian languages from the point of view of their meaning, structure and mode of formation. As a result of the study, it is concluded that the complementarity is more characteristic of the terminology in question than the contrariness. From the point of view of the structure, the most frequent cases are the representation of an antonymic group by compound, rather than simple, terms. Finally, in terms of the methods for the formation of antonyms of phonetics in juxtaposed languages, it is revealed that in the terminology of phonetics, both lexical and derivational antonymies are realized.

KEY WORDS: Antonymy, terminological antonymy, terminology, phonetic terminology, French language, Russian language.

About the author: *Lukina Olga Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Roman Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Исследование посвящено изучению такого семантического процесса, как антонимия в области фонетической терминологии французского и русского языков. Обращение к данному пласту специальной лексики связано с тем, что

фонетическая терминология достаточно редко привлекается терминоведами в качестве объекта исследования. Между тем, фонетика – один из древнейших разделов лингвистики (первые попытки выяснить и объяснить механизмы звукообразования восходят еще к Гиппократу, Аристотелю, Галену) и на сегодняшний день представляет собой область знаний, в которой четко прослеживаются междисциплинарные связи с такими науками, как физиология, физика-акустика, психология, компьютерные технологии и т.д. Представители этих наук сходятся во мнении, что только благодаря совместным усилиям удастся понять сложные механизмы звуковой речи [Кодзасов 2001: 17]. В свою очередь и фонетика как активно развивающаяся наука оказывает влияние на терминологию дисциплин, использующих фонетические знания, а также понятия как устоявшиеся, так и появившиеся недавно в процессе компьютеризации фонетической науки [Кривнова 2016: 66]. Тем не менее эти изменения пока не находят отражения в словарных изданиях, поэтому систематизация и экспликация терминологии в этой области приобретает особое значение. Такое положение дел, по мнению О.Ф. Кривновой, значительно обедняет когнитивный, методический и технический инструментарий фонетических исследований и затрудняет взаимопонимание между специалистами разных дисциплин, занимающихся изучением устной речи [Кривнова 2016: 66]. На наш взгляд, всестороннее изучение семантических процессов и, в частности, антонимии, в фонетической терминологии разных языков могло бы внести свой вклад в решение данного вопроса.

Между тем, вопрос о возможности общеязыковых семантических процессов (полисемии, омонимии, антонимии и особенно синонимии) в специальной лексике до сих пор остается дискуссионным. Тем не менее, изучение реально функционирующих терминологий показывает, что «в действительности в любой отраслевой терминологии результаты всех этих лексико-семантических процессов налицо» [Даниленко 1977: 65].

Традиционно под антонимией понимают тип семантических отношений, при котором термины имеют противоположные значения [Языкознание 2000: 35]. В антонимии реализуются эквиполентные оппозиции, когда слова как бы пересекаются друг с другом, частично совпадая и частично различаясь. Семантически антонимы связаны отношениями «пересечения», когда они объединены общей семой, имеющей достаточно абстрактный характер, и по ней и противопоставлены [Кузнецова 1982: 73]. Отмечается, что в целом лексике языка науки антонимия свойственна не меньше, а скорее больше, чем общелитературной [Даниленко 1977: 79]. При этом антонимия, на наш взгляд, не только не противоречит требованиям системности, точности, однозначности, предъявляемым термину, но скорее поддерживает их, способствуя выполнению термином своих функций.

Материалом исследования послужили фонетические термины, отобранные методом сплошной выборки из научной и справочной литературы по фонетике на французском и русском языках (учебники, монографии, научные статьи), а также из специальных словарей и электронных источников. Оговоримся, что при отборе фактического материала отправной точкой послужила следующая дефиниция термина *фонетика*: «Раздел языкознания, изучающий способы образования звуков речи и их акустические свойства, т.е. физиологию и акустику звуков речи» [Ахманова 2004: 496]. Таким образом, материал ограничен терминологическими единицами, манифестирующими основное понятие общей фонетики *звук речи/son de la parole*. Учитывая введенное ограничение, общий объем материала составил 863 терминологические единицы во французском и 787 – в русском языке. Исследовательский материал показывает также, что большая часть простых и составных терминов и во французском, и в русском языке образуют антонимические пары. То есть антонимия в области терминов фонетики в сопоставляемых языках является достаточно распространенным явлением. Термины-антонимы называют противоположные звуковые единицы (*voyelle-consonne*; *гласный-согласный*) и их противоположные характеристики (признаки, свойства) (*voyelle antérieure-voyelle postérieure*; *гласный переднего ряда-гласный заднего ряда*), части речевого аппарата (*organes actifs de la parole-organes passifs de la parole*; *активные речевые органы-пассивные речевые органы*), разнонаправленные процессы и явления (*adduction-abduction*; *ассимиляция-*

диссимиляция) и т.д., и таким образом способствуют структурированию специальных фонетических понятий.

Представляется возможным охарактеризовать фонетические термины-антонимы французского и русского языков с точки зрения их значения, структуры и способа образования. Антонимия терминов базируется на противоположности значений, которая может иметь комплементарный, контрарный и векторный характер. Исследование показывает, что во французской и русской фонетической терминологии представлены все три вида антонимии. Причём отношение комплементарности является более характерным, чем отношение контрарности.

Комплементарная антонимия именуется также отношением дополненности и характеризует пару слов, когда отрицание того, что обозначает одно из них, влечёт утверждение того, что обозначает второе [Кобозева 2004: 104]. Логической основой таких антонимов являются противоречащие (контрадикторные) понятия, а важнейшая их особенность состоит в том, что они допускают отрицательную трансформацию. Между противопоставляемыми членами – видовыми понятиями – нет никакого промежуточного члена [Новиков 1982: 245]. Антонимия комплементарного типа выражается в следующих оппозициях фонетических терминов во французском языке: *assimilation* – *dissimilation*; *organes actifs de la parole* – *organes passifs de la parole*; *voyelle nasale* – *voyelle orale*; *consonne dure* – *consonne molle*; *labialisation* – *délabialisation* и др. Для русского языка показательны такие примеры: *ассимиляция*, *уподобление* – *диссимиляция*, *расподобление*; *активные речевые органы* – *пассивные речевые органы*; *носовой гласный* – *ртовый гласный*; *твёрдый согласный* – *мягкий согласный*; *лабиализация* – *делабиализация* и т.д.

Контрарными (противоположными) антонимами являются «крайние симметричные члены упорядоченного множества (контрарные видовые понятия), между которыми существует средний, промежуточный член...». В отличие от комплементарных антонимов, контрарные антонимы характеризуются отношениями противоположности, а не взаимоисключения, т.е. они не допускают отрицательную трансформацию [Новиков 1982: 245]. Приведем некоторые примеры из французского языка: *pointe de la langue* < *dos de la langue* > *racine de la langue*; *voyelle ouverte* < *voyelle mi-ouverte* – *voyelle mi-fermée* > *voyelle fermée*; *tension* < *tenue* > *détente*; *consonne prélinguale* < *consonne médio-linguale* > *consonne postlinguale*; *voyelle haute* < *voyelle moyenne* > *voyelle basse* и др. В русском языке: *кончик языка* < *спинка языка* > *корень языка*; *приступ* < *выдержка* > *отступ*; *открытый гласный* < *полуоткрытый гласный* – *полузакрытый гласный* > *закрытый гласный*; *переднеязычный согласный* < *среднеязычный согласный* > *заднеязычный согласный*; *гласный высокого подъёма* < *гласный среднего подъёма* > *гласный низкого подъёма*; *ряд передний* < *ряд средний* > *ряд задний* и др.

Векторные антонимы обозначают разнонаправленные действия, движения или признаки [Новиков 1982: 246]. Нижеследующие примеры векторных антонимических пар характеризуют французский и русский языки: *vélarisation* – *palatalisation*; *inspiration* – *expiration*; *abduction* – *adduction*; *élargissement de la cage thoracique* – *resserrement de la cage thoracique*; *rétraction des lèvres* – *protraction des lèvres*; *веляризация* – *палатализация*; *выдох*, *выдыхание*, *экспирация* – *вдох*, *вдыхание*, *инспирация*; *отведение* – *приведение*; *смещение языка в передне-верхнем направлении* – *смещение языка в задне-нижнем направлении*; *поворот черпаловидных хрящей внутрь* – *поворот черпаловидных хрящей наружу* и некоторые другие.

С точки зрения структурной организации антонимические пары фонетических терминов могут быть представлены однословными терминами. Приведём следующие примеры из обоих языков: *aperture* – *fermeture*; *assourdissement* – *sonorisation*; *consonne* – *voyelle*; *implosion* – *explosion*; *labialisation* – *délabialisation*; *раствор* – *затвор*; *оглушение* – *озвончение*; *согласный* – *гласный*; *имплозия* – *эксплозия*; *лабиализация* – *делабиализация* и др. Практически равное (и сравнительно небольшое) количество примеров антонимии данного структурного типа в сопоставляемых языках можно объяснить тем, что чаще противопоставляются не сами объекты или явления действительности, а их разнообразные признаки и свойства. В связи с этим, более обширными являются примеры антонимии другого типа, когда антонимическая группа представлена

составными терминами. Материал показывает, что термины-антонимы различаются чаще всего по определительному члену составного наименования, поскольку он называет признак, отсутствующий в его противочлене. Приведём некоторые примеры: *assimilation progressive* - *assimilation régressive*; *consonne continue* - *consonne momentanée*; *consonne sonore* - *consonne sourde*; *longitudinal inférieur* - *longitudinal supérieur*; *cordes vocales inférieures* - *cordes vocales supérieures*; *conduit vocal supraglottique* - *conduit vocal subglottique*; *muscles intercostaux externes* - *muscles intercostaux internes*; прогрессивная ассимиляция - регрессивная ассимиляция; продлённый согласный - мгновенный согласный; звонкий согласный - глухой согласный; нижняя продольная мышца - верхняя продольная мышца; гласный напряженный - гласный ненапряженный; нижняя пара голосовых связок - верхняя пара голосовых связок; надгортанная часть голосового тракта - подгортанная часть голосового тракта; внешние межреберные мышцы - внутренние межреберные мышцы и многие другие. Как видим, чаще всего в сопоставляемых языках противочлены составных терминов выражены разнокоренными лексемами, реже аффиксальными средствами.

Что касается способов образования антонимов терминов фонетики в сопоставляемых языках, то с этой точки зрения в терминологии фонетики реализуется антонимия лексическая и словообразовательная [Даниленко 1977: 80-81]. Лексический тип антонимии заключается в полном различии терминов в формальном отношении, т.е. их характеризуют чисто семантические оппозиции. Этот тип антонимии фонетических терминов наиболее ярко представлен и во французской и в русской терминологии. Его можно проиллюстрировать такими примерами: *voyelle brève* - *voyelle longue*, *palais dur* - *palais mou*; *отверждение* - *смягчение*, *основной тон* - *побочный тон*, *твёрдое нёбо* - *мягкое нёбо* и многие другие.

Словообразовательный тип антонимии терминов фонетики реализуется в регулярном использовании префиксов при совпадении их в формальном отношении, например, по корневой морфеме. Здесь возможны два случая:

- 1) чередование префикса с его отсутствием и
- 2) использование префиксов полярного значения, т.е. наблюдается антонимия префиксов.

Первый тип словообразовательной антонимии во французском языке проиллюстрируем следующими примерами: **0** - // **a** - *vibrations périodiques* - *vibrations apériodiques*; **0** - // **in** - *palatographie directe* - *palatographie indirecte*; *laryngoscopie directe* - *laryngoscopie indirecte*; **0** - // **dé** -, **dés** -, **dis** - *arrondissement* - *désarrondissement*; *labialisation* - *délabialisation*; *nasalisation* - *dénasalisation* и др. Как видно из примеров, во французской терминологии фонетики наиболее продуктивными являются префиксы **dé**-, **dés**-, **dis**- и **non**-.

В русском языке для образования антонимов фонетических терминов регулярно используются префиксы **НЕ**- и **ДЕ**- (с вариантами **ДЕЗ**-, **ДИС**-), чередующиеся с нулём префикса. Приведём такие примеры: **0** - // **не** - *прерванный согласный* - *непрерванный согласный*; *периодические колебания* - *непериодические колебания*; *гласный верхнего подъема* - *гласные неверхнего подъема*; *гласный лабиализованный* - *гласный нелабиализованный*; *гласный огубленный* - *гласный неогубленный*; **0** - // **де** -, **дис** -, **дез** - *назализация* - *деназализация*; *лабиализация* - *дислабиализация*, *делабиализация*; *аспирация* - *дезаспирация*.

Второй тип словообразовательной антонимии характеризует следующие пары французских терминов: **ex** - // **im**-, **in** - *explosion* - *implosion*; *expiration* - *inspiration*; *muscles intercostaux externes* - *muscles intercostaux internes*; *muscles extrinsèques du larynx* - *muscles intrinsèques du larynx* и др.

Из русского материала приведём следующие иллюстративные примеры оппозиций данного типа: **уни** - // **моно** -, **одно** - // **би**-, **двух** - *унилатеральный согласный* - *билатеральный согласный*; *монологический согласный* - *билатеральный согласный*; *односторонний согласный* - *двусторонний согласный*; *однофокусный согласный* - *двухфокусный согласный*; **в** - // **вы** - *вдыхательная мускулатура* - *выдыхательная мускулатура*; *вдыхание* - *выдыхание*; *вдох* - *выдох*; **над** - // **под** - *надгортанная часть речевого тракта* - *подгортанная часть речевого тракта*; **пре** - // **пост** - *препалатальный согласный* - *постпалатальный согласный*; **с** - //

раз - *сведение черпаловидных хрящей – разведение черпаловидных хрящей.*

Таким образом, исследование показывает, что антонимия в равной степени представлена в исследуемой терминологии как во французском, так и в русском языке. На наш взгляд, это связано как со спецификой исследуемой предметной области и разнообразием свойств, признаков, характеристик её объекта – звука речи, так и с относительным изоморфизмом понятийных сфер фонетики в двух языках. При этом антонимия не только не препятствует, но скорее способствует выполнению термином его основной функции – функции обозначения специальных фонетических понятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даниленко, В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
2. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 350 с.
3. Кодзасов, С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика: Учебник / С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 592 с.
4. Кривнова, О.Ф. Современное состояние терминологического аппарата теоретической и прикладной фонетики [Электронный ресурс] / О.Ф. Кривнова // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII международной научной конференции 28–30 октября 2016 года. — М.; СПб. : Нестор-История, 2016. – С. 66–69. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/phontoday16.pdf> (дата обращения: 07.05.2017).
5. Кузнецова, Э.В. Лексикология русского языка: учебное пособие для филол. фак. ун-тов / Э.В. Кузнецова. – М.: Высшая школа, 1982. – 152 с.
6. Куликова, И.С., Салмина Д.В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии) / И.С. Куликова, Д.В. Салмина. – СПб.: Сага, 2002. – 352 с.
7. Новиков, Л.А. Семантика русского языка: учеб. пособие для студентов филол. спец. ун-тов / Л.А. Новиков. – М. : Вышш. шк., 1982. – 272 с.
8. Сергеева, Е.П. Терминологическая основа фонетики немецкого языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.П. Сергеева. – М., 2000. – 16 с.
9. Табанакова, В.Д. Идеографическое описание научной терминологии: монография / В.Д. Табанакова. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 1999. – 200 с.
10. Шелов, С.Д. Об определении лингвистических терминов (Опыт типологии и интерпретации) / С.Д. Шелов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 21–30.
11. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

REFERENCES

1. Danilenko, V.P. Russkaja terminologija: opyt lingvisticheskogo opisanija / V.P. Danilenko. – M. : Nauka, 1977. – 246 s.
2. Kobozeva, I.M. Lingvisticheskaja semantika / I.M. Kobozeva. – M. : Editorial URSS, 2004. – 350 s.
3. Kodzasov, S.V., Krivnova O.F. Obshhaja fonetika: Uchebnik / S.V. Kodzasov, O.F. Krivnova. – M.: Ros. gos. humanit. un-t, 2001. – 592 s.
4. Krivnova, O.F. Sovremennoe sostojanie terminologicheskogo apparata teoreticheskoj i prikladnoj fonetiki [Jelektronnyj resurs] / O.F. Krivnova // Fonetika segodnja. Materialy dokladov i soobshhenij VIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 28–30 oktjabrja 2016 goda. — M.; SPb. : Nestor-Istorija, 2016. – S. 66–69. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/phontoday16.pdf> (data obrashhenija: 07.05.2017).
5. Kuznecova, Je.V. Leksikologija russkogo jazyka: uchebnoe posobie dlja filol. fak. un-tov / Je.V. Kuznecova. – M.: Vysshaja shkola, 1982. – 152 s.
6. Kulikova, I.S., Salmina D.V. Vvedenie v metalingvistiku (sistemnyj, leksikograficheskij i kommunikativno-pragmaticeskij aspekty lingvisticheskij terminologii) / I.S. Kulikova, D.V. Salmina. – SPb.: Saga, 2002. – 352 s.
7. Novikov, L.A. Semantika russkogo jazyka: ucheb. posobie dlja studentov filol. spec. un-tov / L.A. Novikov. – M. : Vyssh. shk., 1982. – 272 s.
8. Sergeeva, E.P. Terminologicheskaja osnova fonetiki nemeckogo jazyka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / E.P. Sergeeva. – M., 2000. – 16 s.

9. Tabanakova, V.D. Ideograficheskoe opisanie nauchnoj terminologii: monografija / V.D. Tabanakova. - Tjumen': Izd-vo TGU, 1999. - 200 s.
10. Shelov, S.D. Ob opredelenii lingvisticheskikh terminov (Opyt tipologii i interpretacii) / S.D. Shelov // Voprosy jazykoznanija. - 1990. - № 3. - S. 21-30.
11. Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. Jarceva. - 2-e izd. - M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998. - 685 s.

УДК 81'367.625

ББК Ш105.21

Г. Ф. Лутфуллина

Казань, Россия

СРЕДСТВА ГЛАГОЛЬНОЙ И НЕГЛАГОЛЬНОЙ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФРЕКВЕНТАТИВНОГО СПОСОБА ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, ТАТАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению средств глагольной и неглагольной аспектуальности, задействованных в репрезентации фреквентативного способа глагольного действия во французском, татарском и русском языках. Предметом исследования является функционально-семантическая категория фреквентативного способа глагольного действия. Цель статьи – определить спектр средств выражения данного способа глагольного действия. В работе применяется метод компонентного анализа. В первой половине анализируются средства глагольной аспектуальности: временных формы плана прошлого и настоящего, а также аналитические глагольные конструкции разноструктурных языков. Во второй части рассматриваются средствами неглагольной аспектуальности: наречия и прилагательные соответствующей семантики. В статье представлены следующие результаты: 1. Семантика фреквентатива репрезентируется на уровне глагольной кратной аспектуальности: глагольно-инфинитивным и глагольно-именным аналитическими структурами, а также линейным временным формам. 2. На уровне неглагольной кратной аспектуальности основная роль принадлежит наречиям и прилагательным, выполняющим на глубинном уровне функцию обстоятельств, с учетом семантического согласования наречий с семантикой временной формы. В заключении сделан вывод о том, что в трех языках наблюдается изоморфизм в выражении данного вида способа глагольного действия. Алломорфизм связан со структурными отличиями аналитических форм и отсутствием прилагательных с семантикой фреквентатива в татарском языке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: способы глагольного действия, фреквентатив, аспектуальность.

Сведения об авторе: *Гюльнара Фирдавиевна Лутфуллина, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет; адрес: 420066, ул. Красносельская, д.51, г. Казань, Республика Татарстан; e-mail: gflutfullina@mail.ru.*

G.F. Lutfullina

Kazan, Russia

MEANS OF VERBAL AND NON-AGGLED ASPECTS IN THE REPRESENTATION OF THE FREQUENTATIVE METHOD OF THE VERBAL ACTION IN FRENCH, TATAR AND RUSSIAN LANGUAGES

ABSTRACT. The article is devoted to the consideration of verbal and non-verbal aspectual means, involved in the representation of the frequent mode of verbal action in French, Tatar and Russian. The subject of the study is the functional-semantic category of the frequent mode of verbal action. The purpose of the article is to determine the spectrum of means for expressing frequent mode of verbal action. The method of component analysis is used in the work. In the first half, the means of the verbal aspectuality are analyzed: past and present tenses, as well as analytical verbal constructions of these languages. Non-verbal aspectual means are considered in the second part: adverbs and adjectives of the corresponding semantics. The following results are presented in the article: 1. The semantics of the frequent mode of verbal action is represented at the level of verbal aspectuality by verbal-infinitive and verbal-nominal analytic structures, as well as by linear tenses. 2. At the level of a non-verbal aspectuality, the main role belongs to adverbs and adjectives, performing at the depth level the function of circumstances, taking into account the semantic adverbs matching with the semantics of the tenses. It was concluded that in three languages there is an isomorphism in the expression of frequent mode of verbal action. Allomorphy is associated with structural differences of analytical forms and the absence of adjectives with corresponding semantics in Tatar language.

KEY WORDS: methods of verbal action, frequentative, aspectuality.

About the author: *Gulnara Firdavisovna Lutfullina, Doctor of Philology, Professor of Foreign Languages Department, Kazan State Energy University, Kazan, Russia; e-mail: gflutfullina@mail.ru.*

В русском «видовом» языке выделение категории способов глагольного действия (далее СД) связано с отделением от грамматической категории вида, разграничением этих двух категорий. Однозначного мнения в определении категории СД не существовало. Н.С.Авилова, В.С.Храковский, рассматривали СД как словообразовательную категорию в системе отношений производный / производящий глагол. Ю.С.Маслов, А.В.Бондарко, М.А.Шелякин, А.М.Ломов, В.Г.Гак, Э.Кошмидер и др. не разделяли понимания СД как чисто формально выраженной категории. В славянском языкознании понимание необходимости рассмотрения категории вида и СД в их взаимосвязи и взаимодействии пришло позднее. Эту точку зрения в своих работах высказывали ряд отечественных аспектологов (Ю.С.Маслов, И.П.Иванова, А.В.Бондарко). Для французского и татарского языков, как «безвидовых», решающее значение имело выявление категории предельности/непредельности. Сначала категория предельности/непредельности отождествлялась с категорией СД. Позднее было преодолено тождественное рассмотрение категории предельности/непредельности и категории СД. Д.Мэнгно дает следующее определение: «СД определяется смыслом глагола. Каждый глагол своим значением указывает, каким образом протекает процесс, который он выражает. Эти семантические черты составляют то, что грамматисты называют СД. СД привязаны к значению каждого употребления глагола, предписываются смыслом глагола» [Maingueneau 1991:51].

Роль контекста признавалась единодушно всеми лингвистами в определении аспектуальных явлений французского языка. Д.Мэнгно утверждает, что «нельзя говорить, что вид ограничивается глагольной синтагмой, он тесно связан с синтаксической структурой высказывания» и что «в определенных контекстах глагол восприимчив к сочетанию с СД, с которым нельзя представить, что он может сочетаться» [Maingueneau 1991:51]. По мнению В.Г.Гака, СД часто находит свое выражение вне глагола - в обстоятельствах или определениях, дополнениях [Гак 2000:638].

В языке без грамматической категории вида СД интерпретируются как категория высказывания, в реализации которой задействованы разноуровневые средства в их взаимодействии, объединенные общими аспектуальными семантическими функциями. СД реализуют частные значения качественной, количественной и качественно-количественной аспектуальности [Закамулина, Лутфуллина, Муллахметова 2016:27].

Фреквентативные СД обозначают действия, повторяемость которых носит регулярный характер. Выражение фреквентативности предполагает неограниченную длительность количества повторов при имплицитной ограниченной длительности реализации единичного действия.

Глагольная кратная аспектуальность.

Аналитические конструкции Глагольно-инфинитивные АС участвуют в выражении фреквентативности в обоих языках: *s'habituer + à (de) + Inf / s'accoutumer + de + Inf / s'accoutumer + de + Inf / күнегергә, гадәтләнергә, өйрәнергә + Inf / привыкнуть + Инф.*, а также их глагольно-именные синонимы: объектные во французском и русском языках *avoir l'habitude / иметь привычку* и обстоятельственные в татарском языке *гадәткә кертергә*.

(1) *Et il s'est habitué à demander de l'argent à son père?* (G. Simenon *L'ombre chinoise*) / Он привык просить денег у отца? (здесь и далее перевод автора) (2) *Bien sûr, nous avons l'habitude d'attendre...* (A. Camus *La peste*) / Конечно, у нас есть привычка ждать (3) ...кабакларга *йөрел гадәтләнгән* (А. Дюма *Өч мушкетер*) / он привык ходить по ресторанам (4) Проректорның ...бер мизгелдә чылтырата торган *гадәте бар* / У проректора была привычка звонить неожиданно (Ф. Латыфи, Р. Якуш Тамга). (5) ...сагаеп *карарга күнеккән* идек / Мы привыкли пристально разглядывать (А. Тимергалин. Кабул булсын теләген) (6) Тем не менее я *привык выходить* на дорожку только для победы (Г. Подкопаева. Московская ремиссия НКРЯ); (7) Ну конечно, это был тот самый милицейский трудяга, который *имел привычку глохнуть* в самый неподходящий момент (И. Павская Джоконда НКРЯ).

Временной план настоящего

Форма презенс может указывать как на актуальную привычку, действительную на данный момент, так и на привычность действия вообще. Сущность

фреквентативности проявляется в выражении постоянных действий, рассматриваемых презенс «повторный» [Гак 2000:343], презенс «обычный» [Maingueneau, 1991:66], «презенс привычности» [Закамулина, Лутфуллина, Муллахметова 2016:51]. О. Духачек писал о выражении регулярного фреквентатива формой настоящего времени [Duchašek 1966:178]. Ф.М. Хисамова выделяет у формы Хэзерге заман семантические оттенки постоянства, многократности или повторяемости [Хисамова 2006:83]. Дуративность временной формы согласуется с дуративностью неопределенного глагола и с маркерами фреквентативности [*d'ordinaire* (8), *гадәттәгечә* (9), *привычно* (10)].

(8) *L'amour auquel nous songeons d'ordinaire est d'un pathétique plus tumultueux* / Любовь, о которой мы обычно думаем, характеризуется «шумной» патетикой (А. Saint-Exupéry *Le pilote de guerre*). (9) Кызларны гадәттәгечә полк командиры үзе *озатып кала* / Девочек обычно провожала сама командир полка (Ш. Ракийпов Кызлар – йолдызлар. 44). (10) Нынешнее начало стало лучшим для наших ребят: большинство пока *привычно* располагается за пределами первой тридцатки, которая в Кубке мира получает зачётные очки (А. Митьков. Преодолимпийская иерархия НКРЯ).

Временной план прошлого

Претерит не сочетается с маркерами узитативности, типа *d'habitude*, *d'ordinaire*, хотя возможно сочетание с маркерами всеобщности. Билгеле үткән заман, не являясь чистым претеритом и имея полифункциональный характер, выражает значения и перфекта. Этим объясняется употребление данной формы и для выражения значений фреквентативных (11)

(11) Аннан сон гадәттәгечә, жырчыга ижат уңышлары *теләделәр* / Потом, как обычно, пожелали творческих успехов певцу (М. Вәли-Баркҗылы Мәхәббәт мәнҗелек).

Перфект. Вторым значением Нәтижәле үткән заман Ф. М. Хисамова рассматривает выражение «многократного действия, происходившего в прошлом», при котором «не фиксируется достижение определенного предела и протекание действия представляется неопределенным» [Хисамова 2006:81]. *Passé Composé* во французском языке и Нәтижәле үткән заман в татарском языке реализуют фреквентативные СД (12, 13).

(12) *J'ai mangé au restaurant, chez Célestre, comme d'habitude* / Я обедал, как обычно, в ресторане (А. Camus *L'étranger*). (13) Ләйлә һич нәрсә сиздерми гадәттәгечә, приборларга *карап онытылган* / Лейла как обычно не показывала виду и напряженно смотрела на приборы (Ш. Ракийпов Кызлар – йолдызлар).

Плюсквамперфект. О. Духачек считает, что фреквентатив обычно обозначают употреблением плюсквамперфекта [Duchašek 1966:177]. Ф.М. Хисамова, рассматривая Алдан үткән заман как сочетание типа *-язган иде*, выделяет значение «действия, периодически повторяющегося в прошлом» (Хисамова 2006:97). Фреквентативные СД не встречаются в данных формах.

Имперфект. Л. Теньер считает его системным значением привычную повторяемость [Tesnière 1976: 73-94],. Аналогичные характеристики и у татарского имперфекта. Фреквентативные СД (14, 15) чаще всего встречаются в данной временной форме.

(14) *...l'Inventeur parlait sérieusement ou, comme à son habitude, plaisantait* / Изобретатель говорил серьезно и как обычно шутил (V. Mikhanovski *Hôtel Sigma*). (15) Гадәттә, берәр аулаграк ашханәгә...кереп *...утырлар иде* алар / Обычно в каком-нибудь укромном кафе мидели и толковали (М. Вәли-Баркҗылы Мәхәббәт мәнҗелек).

А. Зализняк и А.Д. Шмелев отмечают, что для несовершенного вида характерно итеративное значение [Зализняк Шмелев 2000:15]. По мнению Г.М. Зельдович, представление о множественности ситуаций жестко зафиксировано в семантике несовершенного вида, даже если не ради сообщения о многократности, но данное действие мыслиться как многократное. Более привычное действие всегда называется несовершенным видов, который указывает на принципиальную множественность ситуаций [Зельдович 2012: 45]. Однако, в русском языке примеров с глаголом в форме прошедшего совершенного, выражающего привычное действие, по нашим подсчетам приходится 7 (16) на 1 пример с формой прошедшего несовершенного (17) (дата обращения к НКРЯ 04.03.17)..

(16) Алечка тем временем привычно *метнулась* к холодильнику, взяла йогурт (В. Токарева Своя правда НКРЯ). (17) Он привычно *покачивался* и что-то негромко мычал (М. Тырин. Будет немножечко больно. НКРЯ).

В прошедшем временном периоде абсолютным лидером в передаче фреквентатива в двух языках являются линейные временные формы имперфекта, а в русском языке – прошедшее совершенное. В настоящем временном периоде три языка проявляют аналогию. Реализация фреквентатива неопределёнными и предельными глаголами возможна в соответствующих контекстуальных условиях.

Неглагольная кратная аспектуальность. Во французском и русском языках важна роль прилагательных, которые проявляют активность как на глубинном, так и на поверхностном уровнях, выполняя роль наречий: *fréquents = fréquemment, habituel = habituellement., привычный = привычно.*

(18) ...Roger qui oscillait devant elle avec sa maladresse *coutumière* / Роджер покачивался перед ней со своей привычной небрежностью (F. Sagan Aimez-vous Brahms?). (19) ...la Règle imposait aux soeurs grises de *fréquents* changements d'affection / Согласно правилам сестры должны были совершать частые смены объектов привязанности (N. Bouvier Le poisson-scorpion). (20) Rieux secoua la tête avec son mouvement *habituel...* / Ренс привычным жестом встряхнул головой (А. Camus La peste). (21) Вы продолжаете привычные движения вверх-вниз, в то время как подвижные щетинки добираются до труднодоступных мест, попутно укрепляя дёсны (Новости здоровья «Домовой» 2002 НКРЯ).

Наречия фреквентативности *d'habitude, гадэттэгечэ, привычно* в трех языках семантически сочетаются с предикатом в любом временном периоде.

(22) ...ne hurlait-elle pas *comme d'habitude?* / Она не орала как обычно ? (G. Simenon L'ombre chinoise). (23) ...*гадэттенчэ*, зур табын хэзерленэ.../ Привычным было приготовление большого застолья (Г. Госман. Юлбарыс тырнагы). (24) Гаждэплэнэ Лэйле: самолетны «ямаганда», *гадэттэ*, перкальне эмаль белэн буяп катыралар бит / Удивлялась Лейла: ведь самолет обычно смазывали эмалью перед ремонтом (Ш. Ракийпов Кызлар – йолдызлар) (25) Исследователи, вычерчивая планы местности, *привычно* располагали фигуры и прочие знаки с ориентацией на Полярную звезду (С. Свистунов. Тайны «линий Наски» // «Зеркало мира», 2012 НКРЯ).

Семантика фреквентатива репрезентируется на уровне глагольной кратной аспектуальности: глагольно-инфинитивным и глагольно-именным аналитическими структурами, а также линейным временным формам. На уровне неглагольной кратной аспектуальности основная роль принадлежит наречиям и прилагательным, выполняющим на глубинном уровне функцию обстоятельств, с учетом семантического согласования наречий с семантикой временной формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832с.
2. Закамулина, М.Н., Лутфуллина, Г.Ф., Муллахметова, Г.Р. Очерки по аспектологии. Проблема реализации частных значения (сопоставительное исследование на материале французского и татарского языков): Монография / М.Н. Закамулина, Г.Ф. Лутфуллина, Г.Р. Муллахметова. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2016. – 244 с.
3. Зализняк, А.А., Шмелев, А.Д. Введение в русскую аспектологию / А. А. Зализняк, А.Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
4. Зельдович, Г. М. Прагматика грамматики / Г.М. Зельдович. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 648 с.
5. Тумашева, Д.Г. Татарский глагол (Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий) / Д.Г. Тумашева. – Казань: Изд-во КГУ, 1986. – 190 с.
6. Хисамова, Ф.М. Татар теле морфологиясе / Ф.М. Хисамова – Казан: Мэгариф, 2006. – 334 б.

7. Ducháčec, O. Sur le problème de l'aspect et du caractère de l'action verbale en français // Le Français moderne. – 1966. – № 3. – Pp. 161-184.
8. Maingueneau, D. L'énonciation en linguistique française. – P.: Hachette, 1991. – 128 p.
9. Tesnière, L. Eléments de syntaxe structurale. – 3-ème éd. – P.: Klincksieck, 1976. – 670 p.

REFERENCES

1. Gak, V.G. Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka / V.G. Gak. – M.: Dobrosvet, 2000. – 832s.
2. Zakamulina, M.N., Lutfullina, G.F., Mullahmetova, G.R. Oчерки po aspektologii. Problema realizacii chastnyh znachenija (sopostavitel'noe issledovanie na materiale francuzskogo i tatarskogo jazykov): Monografija / M.N. Zakamulina, G.F. Lutfullina, G.R. Mullahmetova. – Kazan': Kazan. gos. jenerg. un-t, 2016. – 244 s.
3. Zaliznjak, A.A., Shmelev, A.D. Vvedenie v russkiju aspektologiju / A. A. Zaliznjak, A.D. Shmelev. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. – 226 s.
4. Zel'dovich, G. M. Pragmatika grammatiki / G.M. Zel'dovich. – M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2012. – 648 s.
5. Tumasheva, D.G. Tatarskij glagol (Opyt funkcional'no-semanticheskogo issledovanija grammaticheskikh kategorij) / D.G. Tumasheva. – Kazan': Izd-vo KGU, 1986. – 190 s.
6. Hisamova, F.M. Tatar tele morfologijase / F.M. Hisamova – Kazan: Mjegarif, 2006. – 334 b.

УДК 811.111'42:8111.512.145'42:39
ББК Ш143.21-006+Ш163.23-006

А. С. Мазинов, А. О. Ганиева
Симферополь, Россия

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ЖЕНСТВЕННОСТЬ»: НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

АННОТАЦИЯ. В предлагаемой статье рассматриваются языковые средства и способы реализации концепта «женственность» на материале английского и крымскотатарского языков. Анализируются лексические единицы, входящие в семантическое поле «женственность» исследуемых языков. Целью работы является описание языковых средств английского и крымскотатарского языков, репрезентирующих концепт «женственность», выявление национальной специфики языковой объективации данного концепта в английском и крымскотатарском языковом сознании. Исследуемое понятие рассматривается в различных аспектах: изучаются языковые средства выражения данного концепта, социальный конструкт женственности описывается в русле гендерных исследований. Лингвокультурологический анализ концепта «женственность» проводится по следующим параметрам: 1) внешность (красота, внешний вид); 2) характер / поведение; 3) взаимоотношения с мужчиной; 4) дом и семья; 5) интеллектуальные способности; 6) речь. Базовыми лексемами для определения внешней красоты в указанных языках выступают лексемы *beauty* 'красота' и *дюльберлик* 'красота'. Характер, поведение являются составляющими понятия женственности. В английской и в крымскотатарской культуре женственная женщина верна своему избраннику. В обеих культурах женственность ассоциируется с материнским предназначением. В крымскотатарской языковой картине мира женственным является не столько ум, сколько мудрость женщины. В крымскотатарском и в английском языках можно выделить схожие особенности «женской речи».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепт «женственность», английский язык, крымскотатарский язык, лингвокультура, этнокультурные эталоны.

Сведения об авторах: 1. *Арзы Османовна Ганиева, студентка второго курса специальности крымскотатарский язык и литература, английский язык и литература, Крымский инженерно-педагогический университет; адрес: 295000, г. Симферополь, пер. Учебный, 8; e-mail: arzy.ganieva@mail.ru.*

2. *Ахтем Сеит-Аметович Мазинов, кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания, Крымский инженерно-педагогический университет; адрес: 295000, г. Симферополь, пер. Учебный, 8; e-mail: ahtemmazinov@mail.ru.*

A. O. Ganieva, A. S.-A. Mazinov
Simferopol, Russia

NATIONAL PECULIARITIES OF THE LANGUAGE OBJECTIFICATION OF THE FEMININITY CONCEPT: BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND CRIMEAN TATAR LANGUAGES

ABSTRACT. The following article deals with the linguistic means and "femininity" concept's embodiment in English and Crimean Tatar languages. The authors investigate the tokens included in the English and Crimean Tatar semantic fields of "femininity". The work's goal is to describe the English and Crimean Tatar languages' linguistic means, representing the "femininity" concept, identifying the national peculiarities of the concept's language objectification in English and Crimean Tatar linguistic consciousness. The investigated concept is being examined on various aspects: language means of the concept's expression are being studied, the femininity's social construct is being described according to gender studies direction. The "femininity" concept's linguistic and cultural analysis has been conducted according to the following parameters: 1) appearance (*beauty*, image); 2) personality / behavior; 3) relationship with a man; 4) family; 5) intellectual abilities; 6) speech. The main tokens in order to determine the outer beauty in these languages are - *beauty* and *дюльберлик* 'beauty'. Such characteristics as woman's personality and behavior are included into the femininity notion. In English and Crimean Tatar culture a feminine woman is faithful to her beloved. Both English and Crimean Tatar cultures associate femininity with motherhood. In the Crimean Tatar language world picture the woman's wisdom,

not intellectual abilities are considered feminine. In English and Crimean Tatar languages one can identify some similar features of "women's speech".

KEY WORDS: "femininity" concept, English language, Crimean Tatar language, linguistic culture, ethno cultural standards.

About the authors: 1. *Arzy Osmanovna Ganieva, a second-year student of the specialty "Crimean Tatar language and literature, English language and literature", Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russia; e-mail: arzy.ganieva@mail.ru.*

2. *Ahtem Seyit-Ametovich Mazinov, Candidate of Philology, Associate professor of Department of Crimean Tatar and Turkish philology, Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russia; e-mail: ahtemmazinov@mail.ru.*

Постановка проблемы. Актуальность представленной работы обусловлена «интересом современного языкознания к проблеме отражения в языке основных концептов национальной концептосферы» [Адолина, 2007: 3]. Исследование концептов малых и больших этносов может способствовать более точному и адекватному пониманию и переводу текста, развитию межкультурного общения.

Концепт «женственность» универсален, так как существует практически во всех языках, однако он имеет у носителей той или иной общности разную ценность. В связи с этим представляется необходимым исследовать это понятие в английской и крымскотатарской лингвокультурах с целью выявления и сопоставления систем эталонов национальных культур.

Исследуемое понятие является объектом изучения различных научных областей, в том числе и языкознания. Также социальный конструкт женственности часто рассматривается и в русле гендерных исследований. По мнению учёных, центральное место в теоретическом осмыслении гендера принадлежит его толкованию как социально-культурной категории и, соответственно, в этом аспекте следует рассматривать исследуемый концепт [Кардапольцева, 2005: 64].

Различным составляющим концептов посвящено немало лингвистических трудов [Evans, Green, 2006; Evans, 2009; Арутюнова, 1999; Маслова, 2001; Верецагин, 2005].

В тюркологии и в сравнительно-сопоставительных работах, включающих в исследование тюркские языки, изучаемой теме посвящены труды А.Н. Гайфуллиной [Гайфуллина, 2007], М.С. Досимовой [Досимова, 2008], А.М. Хакимьяновой [Хакимьянова, 2015] и др.

В крымскотатарском языке исследуемая тема, а также проблемы когнитивной лингвистики в целом, на сегодняшний день не получили должной разработки.

Целью работы является описание языковых средств английского и крымскотатарского языков, репрезентирующих концепт «женственность», выявление национальной специфики языковой объективации данного концепта в английском и крымскотатарском языковом сознании.

Иллюстративный материал отобран из лексикографических источников [McIntosh, 2013], [Michael, 1999], а также из художественной литературы [Fielding, 1983], [Setterfield, 2007], [Balogh, 1985], [Болат, 1969], [Эдемова, 2005].

При изучении представленной темы следует учитывать, что в различные эпохи положение женщины в обществе и отношение к ней менялось. На протяжении столетий основным её назначением было продолжение рода, ведение домашнего хозяйства. Долгое время женщина считалась собственностью мужчины. Все контакты с внешним миром были прерогативой мужа, отца, старшего сына. Всё это влияло на формирование представления о женщине и женственности и определяло концептосферу того или иного народа в данной социокультурной области. Правда, следует учитывать существование в определённые периоды в отдельных сообществах особого положения представительниц знатных родов.

В современном обществе произошла переоценка представлений о месте и роли в обществе «слабого пола». Несмотря на то, что положение женщины в современном мире кардинально изменилось, неизменным осталась совокупность качеств, которые делают её привлекательной и желанной, т.е. женственной.

В толковых словарях делается множество попыток дать определение исследуемому понятию «женственность». Например, в словаре Webster's New World College Dictionary даются следующие дефиниции этого понятия: 1) female; of women or girls 'женский; принадлежащий женщинам или девочкам'; 2) having qualities

regarded as characteristic of women and girls, as gentleness, weakness, delicacy, or modesty 'присутствие качеств, соотносимых с женщинами и девочками, как мягкость, уязвимость, хрупкость или скромность'; 3) suitable to or characteristic of a woman; womanly 'подходящий или характеризующий женщину; женственный' [Agnes, 1999].

В английском языке понятие женственность выражается следующим синонимическим рядом: *femininity, feminity, womanhood, feminine, muliebrity, effeminacy*. Стоит отметить, что лексема *feminine* обозначает как понятие «женственный», так и «женский». Родственными указанным лексемам являются слова *gracefulness* 'грациозность', *elegance* 'элегантность', *softness* 'мягкость', *tenderness* 'нежность'.

В крымскотатарском языке исследуемое понятие передаётся следующими лексическими единицами: *незакет, зарифет, летафет, къадынлыкъ зарифлиги*. В русско-крымскотатарских словарях понятия «женственный» и «женственная натура» поясняются как *апайларгъа хас (къадынларгъа хас) летафет, незакет* 'свойственная женщинам красота, тактичность, деликатность'.

Понятие «женственность» обусловлено определённой социальной ролью носителя данного качества в обществе: *mother, ана* 'мама', *wife, апай / къадын* 'жена', *grandmother, къартана/ бита* 'бабушка', *daughter, къыз* 'дочь', *bride, нишанлы* 'невеста', *housewife, эв бикеси / эв ханымы* 'домохозяйка', *mistress, севгили* 'возлюбленная'.

Для лингвокультурологического анализа концепта «женственность», на наш взгляд, наиболее важными параметрами являются следующие: 1) внешность (красота, внешний вид); 2) характер / поведение; 3) взаимоотношения с мужчиной; 4) дом и семья; 5) интеллектуальные способности; 6) речь.

Рассмотрим перечисленные параметры и их роль в формировании исследуемого концепта.

Внешность (красота, внешний вид). Безусловно, в данном аспекте, концепт «женственность» перекликается с концептом «красота». Языковые средства, выражающие этнокультурную специфику концепта «красота» в английском и крымскотатарском языках описаны нами в предыдущей нашей работе [Ганиева, Мазинов, Аблякимова, 2016]. Базовыми лексемами для определения внешней красоты в указанных языках выступают лексемы *beauty* 'красота' и *дюльберлик* 'красота'. В сопоставляемых языках с понятием красоты связываются различные ассоциации и полной идентичности не наблюдается. Тем не менее, в обоих языках женственными считаются длинные волосы и ресницы: *she looks more feminine with longer hair* 'с длинными волосами она выглядит более женственно'; *long hair was traditionally regarded as a sign of femininity* 'длинные волосы традиционно считались признаком женственности'; *with his long dark eyelashes, he looked almost feminine* 'с длинными тёмными ресницами он выглядел практически женственным' или в крымскотатарском языке: *бир омуздан бир омуза сачлары бар* 'у неё пышные волосы, покрывающие её плечи'.

Следует отметить также мужское восприятие «женственности»: красивая женщина – женственна: *she's very pretty and feminine and I think men like that* 'она очень красива и женственна, и я считаю, мужчинам нравится это' и *яш къадыннынъ ич бир минсиз эсмери череси, керме къашлары тубюнден парылдап тургъан къонур козьлери, бет сымасына дюльберлик къошкъан индже буруны, къатмер дудакълары, ярашыкъ бой-посту онынъ дикъкъатыны джелъп этти* 'смуглое лицо молодой женщины без единого изъяна, серые глаза, которые сверкали из-под бровей вразлёт, тонкий носик, придающий её лицу дополнительную красоту, пухлые губы, стройная фигура привлекли его внимание'.

Умение женщины правильно одеваться, иметь безупречный вкус, быть элегантной также являются важными параметрами женственности. Например, *the current style in evening wear is soft, romantic, and feminine* 'в настоящее время вечерний наряд должен быть лёгкий, романтичный и женственный'; *her clothes are always very feminine* 'она всегда очень женственно одета'; *I feel more feminine in skirts and dresses* 'в юбках и платьях я чувствую себя более женственно'; *the dress combines stylish lines with an attractive floral print for a classically feminine look* 'в платье сочетаются стильные полосы с привлекательным цветочным принтом – для типично женственного образа'; *she was genteel and well drest* 'она была изящна и

хорошо одета’.

В крымскотатарском языке также наблюдается интерес к наряду женщины: *тасавурында Анифенинъ башына мавы пошу багълады, маргилан атласындан чильтерли къафтагъ кийсетти, къулакъларына сыргъа, эллерине билезлик такъты, аякъларына лаклы местъ кийсетти. Къаршысындаки къадын онынъ хаялында аджем дюльберине чевирильди* ‘в своём воображении он повязал на голову Анифе голубой платочек, надел на неё платье из маргиланского атласа, в уши – серьги, на руки – браслеты, а на ноги лаковые сапожки. Женщина, стоявшая перед ним теперь казалась ему райской красавицей’ или же *сенинъ кибидживан бир къадынгъа кийинмек-къушанмакъ керек* ‘такой как ты красивой, молодой женщине, нужно хорошо одеваться’. Использованные примеры позволяют сделать вывод, что красивая одежда женщины, её внешний вид важны не только для самих же женщин, но и для мужчин, носителей обеих языковых культур.

Женственность в изучаемых языковых культурах ассоциируется не только с внешними данными, но и с обаянием, внутренней красотой. Имеют значение осанка, взгляд, улыбка женщины: *the clear-eyed girl, sitting light and erect on the couch, smiled brightly at him* ‘на диване сидела девушка, явно следящая за своей осанкой, смотрела на него блестящими ясными глазами и лучисто улыбалась’; *something shone in her clothes and in her hair* *something cast a glow around her person* ‘вся её фигура, одежда и волосы словно были окутаны светом’; *something made her exotic* ‘что-то делало её необычной’; *she was plain, if not worse than plain, but plainness on Hester had not remotely the same effect that it might on any other plain woman. She drew the eye* ‘она была невзрачной, если даже не хуже чем просто невзрачной, но эта её невзрачность не создавала тот же эффект, что и у других женщин – она притягивала к себе взгляд’; *they (her eyes) almost made him forget that she was not at all beautiful* ‘(её притягивающие) глаза заставили его позабыть, что она и вовсе не была красива’.

Характер / поведение является одной из составляющих понятия женственности, т.е. женственность – это не только привлекательная внешность но и умение держать себя, особая манера поведения: *all tender, soft, and delicate* ‘воплощение любви, приветливости и кротости’; *I consider her a model of feminine beauty and virtue* ‘я считаю её образцом женской красоты и целомудренности’.

В английском языке женственность сравнивается с цветами: *the blossoms also signify the feminine characteristics of softness, mildness and peacefulness* ‘цветы также символизируют такие женские качества как мягкость, кротость и миролюбие’.

Женственность характера в английском языке также передаётся лексемами: *kind* ‘добрая’, *sincere* ‘искренняя’, *affectionate* ‘ласковая’, *charming, lovely* ‘очаровательная’, *faithful, loyal* ‘верная’ *honest* ‘честная’.

У крымских татар женственность – это, прежде всего, скромность, застенчивость, целомудрие: *...деди Ава утана-утана* ‘...сказала Ава застенчиво’; *Анифенинъ килитли юреги* ‘закрытое на замок сердце Анифе’. Не поощряется и негативно оценивается крымскими татарами активность и доступность женщины в отношениях с противоположным полом: *къызларгъа аит незакет черчивесинден чыкъып... яшнынъ янына озю сюрип барды, онынънен таныш олмакъ истегини айтты* ‘выйдя из рамок скромности, положенной девушкам...сама подскочила к парню и заявила, что хочет с ним познакомиться’.

В крымскотатарской культуре, женственными являются качества, которые выражаются следующими лексическими единицами: *табиатлы* ‘с хорошим характером’, *незакетли* ‘вежливая, тактичная’, *дикъкъатлы* ‘внимательная’, *ферасетли* ‘рассудительная’, *алчакъгонъюлли* ‘скромная’, *утанчакъ* ‘застенчивая’, *мераметли* ‘добрая’.

Таким образом, в сопоставляемых языках женственная женщина скромная, кроткая, приветливая, рассудительная, тактичная, ласковая, верная.

Взаимоотношения с мужчиной. С самых древних времён женщина стремилась выйти замуж, найти спутника жизни (*it was not a good marriage she aimed at for her daughter, but a brilliant one* ‘замужество, которое она планировала для своей дочери, было не просто хорошим, а очень выгодным’). В современном обществе жизнь женщины перестала ограничиваться лишь проблемой замужества. Однако создание семьи, гармоничных и стабильных отношений в ней и по сей день остаются одними из важнейших желаний. Для того чтобы привлечь внимание

мужчины женщина должна быть нежной, уметь очаровывать, быть обольстительной: *then addressing herself to him with an air of most bewitching softness, of which she was a perfect mistress, she said* 'и обратилась к нему с обольстительнейшей нежностью, искусством, которым владела в совершенстве'. При такой женщине мужчина чувствует свою природную силу, мужественность, это побуждает оберегать и защищать возлюбленную: *he, in the most affectionate and tender manner, endeavoured to soothe and comfort her* 'преисполненный сострадания со всей нежностью, на какую только был способен, он всячески пытался успокоить ее и утешить'. В некоторых случаях женщина пользуется особыми уловками, чтобы привлечь внимание мужчины: *she'll have to use all her feminine wiles to get him to agree* 'она должна будет задействовать всю свою женскую хитрость, чтоб он согласился'. В данной ситуации можно говорить о том, что происходит совмещение понятий «женственность» и «женская хитрость».

И в крымскотатарской и в английской культуре женственная женщина верна своему избраннику: *акъайы 1937 сенесининъ баарь дервизасында къошуда аттан йыкъылып ольген, оны джаным-джаным йигитлер истеселер де, бирине бармагъан* 'в 1937 году на праздник дервиза её муж умер, упав с лошади, такие видные парни просили её руки, но она всем отказывала'; *мерум акъайынынъ хатиресини сакълап, аля бугунъ онынъ фамилиясыны ташый* 'в память об умершем муже она все ещё носит его фамилию'.

Дом и семья. Роль женщины в создании семьи велика, считается, что именно женщина задаёт тон в своей семье, от неё зависит, счастливы ли будут её близкие. Безусловно, она должна быть хорошей хозяйкой: *the feminine touch was evident throughout the house* 'по всему дому чувствовалась женская рука'; *бу ода къадын олмагъан эвге ич бенъземей: эр ер тер-темиз* 'не похоже, что в этом доме нет женщины - повсюду очень чисто'.

Следует также отметить, что существуют стереотипы, с детства прививаемые девочкам: *boys become men, girls become housewives* 'мальчики становятся мужчинами, девочки становятся домохозяйками'. В романе крымскотатарского писателя Юсуфа Болат используется выражение *къадынлыкъ этсинъ* 'пусть занимается женскими делами' или, в дословном переводе 'пусть будет женщиной'. В тексте произведения это выражение поясняется следующим образом: *эвде собамны якъсын, чайымны къайнатсын, ашымы пиширсин, урбамны йыкъасынъ* 'пусть растапливает мою печь, заваривает мне чай, стирает мои вещи [Болат, 1969: 204].

Испокон веков женственность ассоциировалась с материнским предназначением. Например, «бала» *сёзю йылдырым тезлигинен мийине сокъулып, онынъ эсини деръал башына кетирди* 'слово «ребёнок» молниеносно ударило в мозг и быстро привело её в чувство'; *I felt healthy and very feminine carrying the baby* 'я чувствовала себя здоровой и очень женственной, вынашивая ребенка'; *къызчыгъы хасталанды. Беш ай онынъ башындан чекильмеди. Барыны-ёкъуны сатын-савурды, бу къытлыкъ девирде онынъ ич бир арзусыны ред этмеди, косьтермеген экими къалмады* 'её дочь заболела, на протяжении пяти месяцев она не отрывалась от дочери, продала все, что у неё было, в такое сложное время ни в чем не отказывала, показала всем докторам'.

Таким образом, женщина, вынашивающая ребенка, воспитывающая его, априори женственна, прекрасна.

Интеллектуальные способности. Во многих этнических сообществах традиционно бытуют споры о совместимости интеллекта и женственности. Согласно мужским стереотипам, интеллект, логическое мышление не свойственны по-настоящему женственной спутнице жизни. Понимание и реакция на эту тезу нашло отражение в большей степени в английской художественной литературе: *and if you are one of those who imagine women incapable of learning, I shall not be offended at it. I know the common opinion* 'если вы один из тех, кто воображает, будто женщины неспособны к учению, то я ни в коей мере не буду этим оскорблена. Мне очень хорошо известно распространенное на сей счет мнение'; *perhaps she might even marry. All men do not seek intelligence in a wife and Emmeline is very affectionate* 'возможно, она даже выйдет замуж, ведь мужчины не ищут в женщинах ум, а внешне Эммелина очень привлекательна'.

Существует также мнение, что мужчины не воспринимают умных женщины, так как ум мешает проявлению их женственности - *and although it was the scientist*

in him that had first admired Hester for her cool head and reliable brain, it was the man, animal and instinctive, that responded to her disintegration by putting his arms around her and placing his lips firmly upon hers in passionate embrace 'и если холодный и аналитический ум Эстер вызвал восхищение у него как учёного, то плачущая и слабая женщина побудила его, как мужчину обнять и запечатлеть страстный поцелуй на её губах'.

В крымскотатарском языковой культуре есть примеры, когда женщина осознаёт сниженную оценку женского пола, но пытается поставить себя не ниже мужчины: *къадын олсам да, эркеклерден не эксиклигим бар?* 'ну и что с того, что я женщина, разве я хуже мужчин?', *чатышувларда эркеклерден къалышмагъан* 'в противостояниях она не отставала от мужчин'.

Следует отметить, что в крымскотатарской языковой картине мира женственным является не столько ум, сколько мудрость женщины.

Женщине полагается «женская работа», а когда она пытается работать как мужчина – это также лишает её женственности: *Барат ака бригадагъа бир ашчы ишандыргъан эди. Демек, сени ёллады? – Ёкъ, мен арыкъ къазмагъа кельдим* 'дядя Барат обещал прислать в бригаду повара, значит, он тебя взял на работу? – Нет, я пришла копать канал'; *арыкъ къазмакъ къадын арджы олмагъаныны ярым сааттен озюнь де анъларсынъ* 'через полчаса ты сама поймешь, что копать канал – это не женская работа'.

Речь. Существует такое понятие как гендерлект – грамматические, лексические и стилистические особенности и различия речи мужчин и женщин в пределах одного национального языка. По мнению американской учёной-лингвиста Р. Лакофф, существуют определенные черты речи, присущи преимущественно женщинам. Например, на лексическом уровне такие слова как *divine* 'божественный' и *cute* 'милый'. Согласно Лакофф, женщины намного чаще используют вопросительную интонацию в утверждениях и так называемые «хвостатые» или разделительные предложения, например – *he is a nice guy, isn't he?* 'он хороший парень, не так ли?'. Эмфатические определения и выразительная интонация – *so, such* и *very*, например, выражения по типу *it's so beautiful!* 'это так красиво!' также считаются женскими. Стоит отметить, что женщины чаще стараются придерживаться грамматических норм и эвфемизировать свою речь, т.е. разговаривать «правильно» и «вежливо» [Lakoff, 1975]. Соответственно, можно сделать вывод, что вежливая и мягкая речь считается женственной чертой.

В крымскотатарском языке подобных исследований не проводилось. Однако следуя критериям Р. Лакофф, можно выделить особенности «женской речи», схожие с указанными выше: 1) использование уменьшительно-ласкательных форм имён: *Эмир Алла, башынъ сагъ олсунъ, Анифечигим!* 'Господь владыка, соблезную тебе, моя Анифешечка!'; *Сурие, джаным, балам* 'Сурие, дорогая моя, дочка'; 2) вопросительные предложения с усилительной конструкцией – *бойле йигитнен корюшмек бахтлы тесадоф дегильми, аджеба?* 'знакомство с таким парнем хорошая случайность, не так ли?'.
 В английском языке женственная речь имеет следующие когнитивные признаки: *caressing voice* 'ласковый голос', *gentle voice, sweet voice* 'нежный голос', *a silken voice* 'голос, словно шелк', *a voice sweetly bland* 'нежный голос' (но если дословно – сладко-ласковый голос, т.е. идёт подчеркивание нежность в квадрате), *soft voice, a small voice* 'тихий, мягкий голос'. В крымскотатарском языке – '*назик сесли*', *муляйим сесли* 'с нежным голосом'.

Выводы. Таким образом, рассмотрев языковые средства, репрезентирующие понятие «женственность» в английской и крымскотатарской лингвокультурах, можно говорить о том, что в данных языках существует близкое восприятие исследуемого концепта. Общими для обеих культур являются концептуальные признаки женственности: красота, привлекательность, нежность, верность, скромность, мягкость, доброта, мудрость и др. Можно говорить о том, что исследуемое понятие отражает гармонию формы и содержания в обладателе вышеперечисленных свойств. Однако полной идентичности в английской и крымскотатарской языковой картине мира не наблюдается, некоторые характеристики исследуемого концепта имеют отличительный культурный окрас, по сути, передавая те же значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адонина, Л.В. Концепт «женщина» в русском языковом сознании : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.В. Адонина. – Воронеж, 2007. – 23 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. / Н.Д. Арутюнова – Москва, 1999. – 896 с.
3. Болат, Ю. Анифе. Роман / Ю. Болат. – Ташкент, 1969. – 319 с.
4. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров – Москва, 2005. – 1038 с.
5. Ганиева, А.О., Мазинов, А.С., Аблякимова Ф.Г. Репрезентация концепта «красота» в английском и крымскотатарском языках (на материале фольклорных текстов) / А.О. Ганиева, А.С. Мазинов, Ф.Г. Аблякимова // Перспективы науки – 2016. Материалы III Международного заочного конкурса научно-исследовательских работ. – Том I. Казань. – С. 65-70.
6. Гайфуллина, А.Н. Концепт «Женщина» в языке женских форумов Рунета / А.Н. Гайфуллина // Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. – Вып. 10. – Тайбэй. – 2007. – С. 107 – 116.
7. Досимова, М.С. Национальная специфика языковой объективации концепта «женщина» : на материале русского и казахского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. / М.С. Досимова. – Астрахань, 2008. – 206 с.
8. Кардапольцева, В.Н. Женственность как социокультурный конструкт / В.Н. Кардапольцева // Вестник РУДН. – Серия Социология, 2005. – № 1 (8). – С. 62 – 76.
9. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова – Москва, 2001. – 183 с.
10. Хакимьянова, А.М. Гендерное исследование концептов 'мужчина' и 'женщина' в башкирских народных лирических песнях / А.М. Хакимьянова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 6 (48): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 180 – 184.
11. Эдемова, У. Айдын геджеде. Роман / У. Эдемова. – Акъмесджит, 2005. – 340 с.
12. Agnes, M. Webster's New World College Dictionary. – IDG Books Worldwide, Inc., 1999. – 1744 p.
13. Balogh, M. A masked deception. – New York: Signet, 1985. – 224 p.
14. Evans, V., Green, M. Cognitive Linguistics: An Introduction. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
15. Evans, V. How Words Mean: Lexical Concepts, Cognitive Models, and Meaning Construction. – New York: Oxford University Press, 2009. – 377 p.
16. Fielding, H. Amelia. – Oxford: Clarendon Press, 1983. – 694 p.
17. Lakoff, R. Language and Woman's Place. – New York: Harper and Row, 1975. – 328 p.
18. McIntosh, C. Cambridge: Advanced Learner's: Dictionary fourth edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 1920 p.
19. Setterfield, D. The thirteenth tale. – London: Orion Books Ltd, 2007. 480 p.

REFERENCES

1. Adonina, L.V. Koncept «zhenshhina» v russkom jazykovom soznanii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / L.V. Adonina. – Voronezh, 2007. – 23 s.
2. Arutjunova, N.D. Jazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. / N.D. Arutjunova – Moskva, 1999. – 896 s.
3. Bolat, Ju. Anife. Roman / Ju. Bolat. – Tashkent, 1969. – 319 s.
4. Vereshhagin, E.M., Kostomarov, V.G. Jazyk i kul'tura: Tri lingvostranovedcheskie koncepcii / E.M. Vereshhagin, V.G. Kostomarov – Moskva, 2005. – 1038 s.
5. Ganieva, A.O., Mazinov, A.S., Abljakimova F.G. Rerezentacija koncepta «krasota» v anglijskom i krymskotatarskom jazykah (na materiale fol'klornyh tekstov) / A.O. Ganieva, A.S. Mazinov, F.G. Abljakimova // Perspektivy nauki – 2016. Materialy III Mezhdunarodnogo zaohnogo konkursa nauchno-issledovatel'skih rabot. – Tom I. Kazan'. – S. 65-70.
6. Gajfullina, A.N. Koncept «Zhenshhina» v jazyke zhenskih forumov Runeta / A.N. Gajfullina // Vestnik fakul'teta russkogo jazyka i literatury Universiteta kitajskoj kul'tury. – Vyp. 10. – Tajbjej. – 2007. – S. 107 – 116.
7. Dosimova, M.S. Nacional'naja specifika jazykovoj ob#ektivacii koncepta «zhenshhina» : na materiale russkogo i kazahskogo jazykov : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. / M.S. Dosimova. – Astrahan', 2008. – 206 s.

8. Kardapol'ceva, V.N. Zhenstvennost' kak sociokul'turnyj konstrukt / V.N. Kardapol'ceva // Vestnik RUDN. – Serija Sociologija, 2005. – № 1 (8). – S. 62 – 76.
9. Maslova, V.A. Lingvokul'turologija / V.A. Maslova – Moskva, 2001. – 183 s.
10. Hakim'janova, A.M. Gendernoe issledovanie konceptov 'muzhchina' i 'zhenshhina' v bashkirskih narodnyh liricheskikh pesnjah / A.M. Hakim'janova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov, 2015. – № 6 (48): v 2-h ch. – Ch. II. – С. 180 – 184.
11. Edemova, U. Ajdyn gedzhede. Roman / U. Jedemova. – Akmesdzhit, 2005. – 340 s.

УДК 811.133.1'366 :811.161.1'366
ББК 1147.11-21+Ш141.12-21

О. Л. Соколова, Л. В. Скопова
Екатеринбург, Россия

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ПРЕФИКСОМ *АНТИ-* / *АНТИ-ВО* ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

АННОТАЦИЯ. Категория вещественности в русском и французском языках имеет мало языковых средств выражения. В некоторых случаях семантика вещественности содержится в префиксе *анти-*, который, присоединяясь к различным основам, может создавать различные существительные с вещественным значением: термины, нарицательные существительные, торговые названия. Значение вещественности по определению не должно содержать компонента отрицания и противопоставления, если оно не становится символом абстрактного понятия. В статье выделяется три типа вещественных существительных, произведенных при помощи префикса *анти-*: названия медикаментов, веществ для уничтожения чего-либо и названия веществ-антагонистов. Словообразовательные основы могут обладать или не обладать вещественным значением. В первом случае в языке, как правило, образуются названия веществ с противоположными свойствами. В последнем случае, если префикс *анти-* присоединяется к свободным или связанным основам, называющим симптомы, живые организмы, природные явления и т.д., именно префикс становится носителем семантического компонента вещественности. В современном французском языке такие образования фиксируются словарями, в русском языке чаще используются перифразы. В двух сопоставляемых языках отмечается подвижность границ между такими существительными и прилагательными.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вещественные существительные, префикс *анти-*, префикс *anti-*, сопоставительная лексикология, семантика вещественности.

Сведения об авторах: 1. Ольга Леонидовна Соколова, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; адрес 620114, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62, к. 519; e-mail: Sokolova_oa@usue.ru.

2. Людмила Валентиновна Скопова, кандидат педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; адрес 620114, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62, к. 519; e-mail: l-skopova@mail.ru.

O. L. Sokolova, L. V. Skopova
Ekaterinburg, Russia

FRENCH AND RUSSIAN MATERIAL NOUNS WITH PREFIX *ANTI-* / *ANTI-*

ABSTRACT. Category of materiality in French and Russian languages has few means of expression. In some cases, the semantics of materiality is contained in the prefix *anti-* which is added to various bases and has the potential for creating different material nouns: terms, common nouns, trade names. The meaning of materiality, by definition, must not contain the component of denial and opposition, except when it symbolizes abstract concepts. The article focuses on three types of material nouns derived with the prefix *anti-*: the names of medicaments, the substances capable of destructing something and the names of substances-antagonists. Generating bases may or may not have the meaning of materiality. In the first case, they give rise to the names of substances with opposing features. In the latter case, when added to a free or a bound base denoting symptoms, living organisms, natural phenomena, etc., it is the prefix *anti-* which becomes the carrier of the semantic component of materiality. In the modern French language such newly formed words are registered by dictionaries, whereas in the Russian language it is the periphrasis that is more common. In the two languages the boundaries between such nouns and adjectives are often blurred.

KEY WORDS: material nouns, prefix *anti-*, comparative lexicology, materiality semantics.

About the authors: 1. Olga Leonidovna Sokolova, Candidate of Philology, Chief of Department of Foreign Languages, Ural State University of Economic, Ekaterinburg, Russia; e-mail: Sokolova_oa@usue.ru.

2. Ludmila Valentinovna Skopova, Candidate of Pedagogic sciences, Associate Professor of

Department of Foreign Languages, Ural State University of Economic, Ekaterinburg, Russia; e-mail: l-skopova@mail.ru.

Сопоставление структурных и семантических свойств различных классов слов имеет долгую историю, однако, по-прежнему позволяет выявить интересные закономерности функционирования языковых знаков, сходства и расхождения языковых систем. «Анализ работ последних лет показывает, что сопоставительные исследования в современной лингвистике распространяются на широчайший спектр областей исследования и по-прежнему являются актуальными в выявлении сходств, различий и особенностей разных языков» [Богоявленская, Буженинов 2015: 9].

Объектом нашего исследования являются вещественные существительные в русском и французском языках. Традиционно считается, что категория вещественности имеет мало морфологических и словообразовательных средств выражения. В лингвистической литературе подробно описаны суффиксы, сообщающие производным существительным вещественное значение в русском и французском языках, а также некоторые особенности падежных окончаний вещественных существительных в русском языке. Некоторые многозначные суффиксальные существительные можно рассматривать как случаи метонимического переноса значения существительных (процесс - результат, действие - продукт) или как случаи аффиксальной полисемии. Таким образом, в вопросе слабой морфологической выразительности вещественных существительных, французский и русский языки демонстрируют больше сходств, чем различий.

Принято считать, что префиксы обладают меньшим словообразовательным потенциалом и способны сообщать производному слову гораздо более ограниченную гамму значений. Префиксы, в отличие от суффиксов, не способны изменить частеречную принадлежность производной единицы. Тем не менее, некоторые префиксы обладают способностью переводить существительные самых разных лексико-грамматических разрядов в разряд вещественных.

Наше исследование показало, что префикс *anti-* является в этом смысле наиболее продуктивным. Статус элемента *anti-* по-прежнему спорен, часть исследователей относят его к так называемой группе греко-латинских префиксоидов, имеющих тенденцию к обособлению и занимающих промежуточное положение между префиксами и самостоятельными лексическими единицами [Lefeg 2012:1328],[Балабас 2015: 35]. Мы вслед за А.-М.Лефег рядом других авторов относим его к префиксам, а случаи написания его через дефис с производящей основой считаем позиционными графическими вариантами. Итак, при помощи префикса *anti-* в современном французском языке образовано несколько десятков вещественных существительных от самых разнообразных производящих основ.

1. Название медикаментов, лекарственных средств.

Это самая многочисленная группа вещественных существительных, образованных при помощи префикса *anti-*. Семантика и структура таких существительных прозрачна и мотивирована. Многочисленные болезненные симптомы и названия болезней дали имена группам лекарственных веществ, созданных для облегчения этих симптомов: *antidouleur*, *antiallergique*, *anti-infectueux*, *antiamaril*, *antimicosique*, *antimitotique*, *antifongique*, *antinauphatique*, *antinevralgique*, *antipaludien*, *antidépresseur*, *antidiurétique*, *antidiphtérique*, *antitussitif*, *antipsychotique*, *antiprurigineux*, *antipyrétique* - grec, *antilithique* - gre. Исследование показывает, что префикс *anti-* может присоединяться к свободным (*antidouleur*, *antiallergique*) и связанным (*antitussitif*, *antimicosique*) производящим основам, а также к основам греческого происхождения (*antipyrétique*, *antilithique*).

В русском языке их эквивалентами являются, как правило, существительные с префиксом *против-*, *противо-* (*противорвотное*, *противозудное*), а также различные сложные образования: жаропонижающее, болеутоляющее. Отметим также, что русский язык показывает меньшую, в сравнении с французским, словообразовательную гибкость и продуктивность, зачастую прибегая к перифразам (средство от укачивания) или транслитерации (*антимикотик*), тем более, что часть таких вещественных существительных можно отнести к

медицинским терминам. В сопоставляемых языках такие существительные являются по происхождению субстантивированными прилагательными, что некоторыми исследователями рассматривается также как случай эллипсиса слова-идентификатора (лекарство, средство, médicament).

2. Название защитных покрытий, составов, а также веществ для уничтожения чего-либо.

Исследователи отмечают, что частотность дериватов с этими значениями возрастает, в частности, в медийных и публицистических текстах. «Заметно возросла активность префиксов, выражающих значение отрицания, противодействия, уничтожения результатов чего-либо, анти-, контр-» [Радибурская 2014: 170]. Вещественные существительные, как часть материального объективного мира, также часто содержат в своей семантической структуре элементы, указывающие на процессы противодействия, отрицания и уничтожения. Как правило, это названия групп продуктов, предназначенных для использования в индустрии красоты, автомобильной промышленности и иных отраслях человеческой деятельности: *antipelliculaire, antimite, antiparasite, anti-age, anti-ride, anticerne, antigivrant, antigivre, antifumée, antigel, antitache, anticorrosion, antirouille*. Приведенные примеры показывают, что в качестве корневого компонента-носителя основного лексического значения выступают названия веществ (ржавчина, дым, иней), косметических недостатков, различных дефектов и естественных физических процессов (морщины, возраст, круги под глазами, пятна), живых организмов (тля, паразиты), а также некоторых процессов (коррозия, мороз). Показательно, что все единицы французского языка являются именами нарицательными и зафиксированы словарем. Именно в этой группе мы видим семантический потенциал префикса *anti-*, способного переводить в разряд вещественных существительные из других лексико-грамматических разрядов.

В русском языке такие образования фиксируются словарями литературного языка крайне редко (антифриз), и их лишь с некоторыми оговорками можно рассматривать как полностью ассимилированные единицы русского языка. По нашим наблюдениям, такие единицы все-таки образуются в русском языке, и являются, как правило, торговыми марками некоторых веществ, чье назначение весьма явно вытекает из их морфологической структуры: антиржавчина, антинакипь, антигадин (средство для приучения домашних животных к туалету). Создатели последнего продукта предложили, на наш взгляд, весьма удачное название, соединив префикс с глагольной основой и добавив к нему суффикс *-ин*, служащий для образования названий веществ).

3. Образование названий веществ-антагонистов.

На первый взгляд, кажется парадоксальным, что префикс со значением противопоставления оказывается продуктивным в классе вещественных существительных. «Поскольку в философских представлениях вещество и материя существуют независимо от сознания, вещественные существительные не должны, по определению, иметь антонимов, ибо, как можно представить существование антивещества? Тем не менее, антонимические оппозиции становятся возможными, если вещественные существительные утрачивают значение вещественности и становятся символами абстрактных и, возможно, противоположных понятий» [Соколова 2016: 85]. Однако, существование веществ с противоположными свойствами или веществ, которые нейтрализуют друг друга, не могло не найти отражения в лексическом составе языка: *antitrombine, antienzyme, anticoagulant, antidote, antioxydant, antidétonnant*. Все эти существительные являются морфологически мотивированными, т.к. их лексическое значение вытекает из суммы лексических значений их компонентов. Другими словами, в природе существуют вещества с определенными свойствами (окислитель, коагулянт, энзим, взрывчатка и т.д.), и путем добавления префикса *anti-* мы получаем названия веществ с противоположными свойствами. Единственное исключение – существительное *antidote*, производящая основа которого не является названием реального вещества, а представляет собой элемент латинского происхождения. «Несовпадение семантики мотивирующего и мотивируемого проявляется, прежде всего, в том, что семантика мотивирующего с широким объёмом значений не полностью включается в семантику мотивируемого слова, то есть мотивируемое соотносится непосредственно не со всем объёмом исходного слова, но лишь с

некоторыми из значений (с основным или вторичным) [Любезнова, 2015: 127]. В русском языке эквивалентами этих существительных являются, как правило, схожие по звучанию и написанию интернационализмы.

Таким образом, префикс *anti-* в современных французском и русском языках является продуктивным элементом, образующим от различных основ нарицательные вещественные существительные и торговые названия веществ с заданными потребительскими свойствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балабас Н.Н. Некоторые особенности префиксального словообразования современного французского языка / Н.Н. Балабас // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 12-1 (54). – 2015. – С. 35-37.
2. Богоявленская Ю.В., Буженинов А.Э. Актуальные направления современной сопоставительной лингвистики / Ю.В. Богоявленская, А.Э. Буженинов // Вопросы филологии и переводоведения. – Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. – 2015. – С. 6-9.
3. Любезнова Н.В. Семантическая мотивированность в словообразовании / Н.В. Любезнова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 7-1 (49). – 2015. – С. 126-128.
4. Рацибурская Л.В. Проявление интернационализации в современной медийном творчестве / Л.В. Рацибурская // Филология и культура. – № 4 (38). – 2014. – С. 170-174.
5. Соколова О.Л. Парадоксальность значения вещественности / О.Л. Соколова // Сопоставительная лингвистика. – № 5. – 2016. – С. 83-86.
6. Le Petit Robert de la langue française / Collectif // Dictionnaire de la langue française. Paris. Ed. Robert. – 2017. Available at: <http://www.lerobert.com/grands-dictionnaires.html>
7. Lefer, M.-A. La préfixation française à travers les genres et les domaines : étude de corpus / Marie-Aude Lefer // Congrès Mondial de Linguistique Française – CMLF 2012, publié par EDP Sciences, Université Louvain-La-Neuve, Belgique. – 2012. – Pp. 1325-1349. (Available at: <http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20120100251>)

REFERENCES

1. Balabas N.N. Nekotorye osobennosti prefiksaln'nogo slovoobrazovanija sovremennogo francuzskogo jazyka / N.N. Balabas // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – № 12-1 (54). – 2015. – S. 35-37.
2. Bogojavlenskaja Ju.V., Buzheninov A.Je. Aktual'nye napravlenija sovremennoj sopostavitel'noj lingvistiki / Ju.V. Bogojavlenskaja, A.Je. Buzheninov // Voprosy filologii i iperevodovedenija. Sb nauchnyh statej. Chuvashskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. I. Ja. Jakovleva. – 2015. – S. 6-9.
3. Ljubeznova N.V. Semanticheskaja motivirovannost' v slovoobrazovanii / N.V. Ljubeznova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – № 7-1 (49). – 2015. – S. 126-128.
4. Raciburskaja L.V. Projavlenie internacionalizacii v sovremennom medijnom tvorcestve / L.V. Raciburskaja // Filologija i kul'tura. – № 4 (38). – 2014. – S. 170-174.
5. Sokolova O.L. Paradoksal'nost' znachenija veshhestvennosti / O.L. Sokolova // Sopostavitel'naja lingvistika. – № 5. – 2016. – S. 83-86.

УДК 811.512.133'366.58:811.111'366.58
ББК Ш163.31-21+Ш143.21-21

L. I. Sadullaeva

Tashkent, Uzbekistan

TYOLOGICAL CATEGORY OF CAUSATIVE VOICE FORMS IN UZBEK AND ENGLISH LANGUAGES

ABSTRACT. Having studied the ways of expressing typological category of causative voice forms of compared languages is that there are definite morphological markers used in order to express this category in Uzbek language; mainly the category of causative voice forms can be expressed by the help of units of the morphological, lexical and syntactical levels of the language, but the typological characteristics of the causative voice forms of English in comparison with Uzbek is that in English we defined absence of markers of the causative voices forms, instead of them there are number of verbs are used as the markers of causative voices forms of lexical and syntactical levels.

These typological differential features as the expression means of the typological category of the causative voices forms in both languages presents some difficulties in learning causative voices forms.

It should be noted that there are number of affixes in Uzbek language so called "morphological markers" for expressing this category. Such as: *tir - dir*, *giz, -ir, tir*, and *- ar* and these affixes are used with verbs in the meaning force (*d + infinitive*); *make (d + infinitive)*. Thus, causative verbs have the meaning reason are cause of performing in action in comparable languages.

Obviously, that affixial form of expressing causative category is peculiar only to Uzbek language. Hence, one can consider it as the grammatical category in Uzbek language. However, causative verbs are used comparatively rarely in English.

KEY WORDS: causative voice forms, passive voice, passive constructions, typological category, lexico-syntactical markers, causative constructions.

About the author: *Sadullaeva Lailo Islambaevna, Teacher of the Department of Theoretical Disciplines of the English Language, Uzbek State University of World Languages.*

Л. И. Садуллаева

Ташкент, Узбекистан

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ФОРМ КАУЗАТИВА В УЗБЕКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

АННОТАЦИЯ. Сопоставляя способы выражения типологической категории понудительного залога в двух языках, мы видим, что типологической характеристикой выражения этой категории в узбекском языке служат морфологические маркеры глагола. В основном, форма понудительная залога выражается с помощью единиц морфологических, лексических и синтаксических уровней языка; выявлено, что в английском языке, в противоположность узбекскому, отсутствуют маркеры понудительного залога. Ряд глаголов употребляется в качестве маркеров лексического и синтаксического уровня понудительного залога.

Эти расхождения в средствах выражения типологической категории понудительного залога в обоих языках представляют некоторые трудности при овладении формой понудительного залога.

Следует отметить, что в современном узбекском языке существует ряд аффиксов, так называемых "морфологических маркеров", служащих для выражения этой категории: *tir - dir* (ср.: *уевоқ - есть, уедирвоқ - заставлять есть, make to eat*); *giz - kiz* (ср.: *ичвоқ - пить, ичкирвоқ - поить - make to drink*); *ir - tir - ar* (ср.: *пеширвоқ - готовить пишу, pishirtirvoқ - заставлять готовить пишу - to make cook*) и др. Таким образом, каузативные глаголы имеют значение причины или повода для действия в сопоставляемых языках.

Очевидно, что аффиксальная форма образования понудительного залога свойственно только для узбекского языка. Исходя из этого можно называть ее грамматической категорией в узбекском языке. В английском языке каузативные глаголы употребляются сравнительно редко.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: каузативные глаголы, страдательный залог, пассивные конструкции,

типологическая категория, лексико-синтаксические маркеры, каузативные конструкции.

Сведения об авторе: Садуллаева Лайло Исламбаевна, преподаватель кафедры теоретических дисциплин английского языка, Узбекский государственный университет мировых языков; 100137, Узбекистан, г. Ташкент, Учтепинский р-н, Кичик Халка йўли, 48, Г9а, д. 21а; e-mail: happy.pretty@mail.ru

Causative voice forms are considered to be the most difficult complex among the voice forms. There are different approaches to the study of causative voice forms in Turkic studies. Some scholars [Serebrennikov 1958: 61-72] consider that the causative voice forms are not part of the voices system, and that they should be studied from the point of view of transitivity and intransitivity in general. But the others [Gulomov 1954: 55-58], [Tursunov, Mukhtarov, Rakhmatullayev 1992: 325-326] point out that causative voice forms are equal and notional as the other voices of the verb.

As is generally known, causative voice forms change an intransitive verb into a transitive, and a transitive verb becomes more transitive. The other voice of the verb operate vice-versa, change a transitive verb into an intransitive. It is known that the voices of the verb express a relation between the subject and object with the help of a verb. It is clear that there are three notions in order to express the voices: subject, object and action. When each affix of the voice is added to transitive verb, it changes the relation between the subject and object.

But causative voice forms can't change the subject and object relation, because they are added to the intransitive verb and form the object; if they are added to the transitive verb, the number of objects is increased. Having studied such peculiarities of the causative voice forms B.A.Serebrennikov said: "There is no point of separating the causative voice forms as an independent category in Turkic and Finno-Ugric Languages" [in the same place]. In order to prove this notion one can compare causative voice forms with other voice forms of verbs in Uzbek language:

1. Active voice express S + O + A notions. Verbs with the affix of causative forms also express the same notions: S + O + A and S + O1 + O2 + A. From this point of view they are similar. There is not any special indicator in the active voice. Transitivity proceeds from the meaning of the verb. Causative voice form affixes are added to intransitive verbs and form transitive ones, if they are added to transitive verb it becomes more transitive. The active voice can be a partial basis to form other voices. The verbs of causative voice form carry the same function. Let's compare them: yuvmoq-yuvishmoq; yuvmoq-yuvdirmoq-yuvdirilmoq-yuvdirishmoq; kelmoq-keltirmoq-keltirilmoq etc.

2. The causative voice form construction comes into the same contradictory relation with the passive voice like active and passive constructions. For instance:

Active voice form construction	Passive voice form construction
Yozuvchi roman yozdi	Roman yozildi
S + O + A	S + A
Causative voice form construction	Passive voice form construction
Yozuvchi asar yaratdi	Asar yaratildi
Otasi bolasini o'qitdi	Bola o'qitildi

3. Comparing the reflexive voice construction with causative voice form construction shows that they are different phenomena. In the reflexive voice the subject carries both functions: subject and object; in the causative voice the subject becomes closer to the object. For ex. U yuzini yuvdi - u yuvindi; u suv sepdı - onasi unga suv sepdı.

It becomes clear that there is a voice forming affix as the characteristic feature which can distinguish reflexive voice from causative. The reflexive voice's affixes - (i) n and (i) l are added to the transitive verb and change it into intransitive. Causative voice's affixes change an intransitive verb into transitive and when they are added to the transitive verb it does not change them into intransitive. In this comparison one can see that the reflexive voice corresponds with its mechanism, but the causative voice does not.

4. There are following contradictions between causative and reciprocal voices:

1. Causative indicators can be added to both verbs: intransitive and transitive. But the reciprocal voice's indicator is added only to transitive verbs. The availability of causative voices is comparatively unlimited and has no bounds. They can be added to the most intransitive and transitive verbs. The reciprocal voice is formed only from

intransitive verb. This is its specific limitation. It is formed only from certain transitive verbs. It is the specific limitation for the reciprocal voice.

Let's compare these examples:

Verbs of the causative voice form

a) forming from intransitive verb:

o'stir, kuldir, yotqiz, oqiz pishir, gullat etc.

b) Forming from transitive verb:

sezdir, ko'rsat, boshlat, sanat etc.

Reciprocal voice

sozlash, tortish, bellash,

so'rash, ko'rish, urish

mushlash, otish etc.

2. There may be more than one subject of a causative voice form. The number of subjects is also more than one in the reciprocal voice. But those form-making verb's subjects are different according their essence and function. One of the subjects of the causative voice form moves towards the object. The action is only in one direction. But the subjects carry both of the two functions in reciprocal voice: subject and object. The action is in the opposite direction:

1. Murabbiya bolani yoqitdi. Raqiblar sinasha boshladilar.

2. Bog'bon ishchilarga olma tergizdi. Do'stlar quchoqlashdi.

3. When causative voice forms' indicators are added to an intransitive or transitive verb there occurs a word in the accusative case in this construction, but there is no word in the accusative case with any construction where the reciprocal voice form's affix is present.

For ex. 1. U gul keltirdi

S+O+A

2. Ular quchoqlashdilar

S=O+A

These comparisons show that the mechanism of the causative voice form construction is similar to the active voice construction's mechanism. As it is known the active is used as a basis for forming other voices, like/active voice/ to active voice the causative voice form's affix carries the same function.

Reference works always say that the causative voice form's affixes are added to all intransitive verbs and change them into transitive ones. It becomes clear that there are some verbs which are not used in the causative voice. For ex.: alaxsiramoq, mizg'imoq, uyqisramoq, hayallamoq. Let's add the causative voice form's affix above-mentioned verbs: Bola alaxsiradi - bolani alaxsiratdi, bobo mizg'idi -boboni mizg'itdi.

One can see that using above-mentioned verbs with the causative voice form's affixes has no logic, because the moods expressed by these verbs are not direct to the subject from outside, maybe it appears as a result of subject's internal inspiration.

Conclusion

1. A comparison of transitiveness and intransitiveness has shown that the mechanisms of the categories of voice are independent categories, because the mechanisms of transitiveness and intransitiveness express two notions: action and object, but voice expresses a triple notion: subject+object+action.

2. The category of the voice of verbs is closely connected with the category transitiveness and intransitiveness. The forms which can be added to the transitive verb and change the subject-object relation are able to form voices. If such forms of the verb are added to the intransitive verb, the relation between the subject and object does not change. In such cases there is no sense in speaking about voice.

3. The category of transitiveness - intransitiveness is the phenomenon which covers the category of the voice from both sides; the transitive verb is the basis for forming voice, when the voice affix is added to the verb it becomes intransitive.

4. Active voice covers nearly all transitive verbs.

5. If the active voice forms an active construction then the passive voice forms a passive construction. From this point there is a contradiction between them.

6. If a passive voice affix is added to one ruling transitive verb, the direct object changes into subject and the subject becomes passive. When the passive voice is formed from a double-ruling transitive verb, the direct object changes into subject, so that the word in the accusative case changes into the nominative case. But the indirect object remains unchanged. This case shows that only the accusative case is under the influence of voice.

7. There is a contradiction between the reflexive and active voices. The notion is a subject in the active voice is expressed by a word in the nominative case and the notion

of an object is expressed by a word in the accusative case. But both notions in the reflexive voice are expressed by a word in the nominative case.

8. There is a contradiction between the reflexive voice and the passive owing to the doer of an action. If the doer of an action becomes passive in the passive voice, a word expressing the object of an action in the accusative changes into the nominative case; however the doer of an action in the reflexive voice remains in active voice in the form of nominative case, the word expressing the object of an action doesn't form part of the construction.

9. When the reflexive voice is formed from certain verbs, subject is changed into object, so the word in the nominative case turns into dative case and vice-versa, the object is changed into subject, the word in the accusative case turns into the nominative case: *Ona bolani erkaladi - Bola onaga erkaladi*. So the connection of the verb in the reflexive case with other words depends on the transitive and its inner meaning.

If the subject and object are able to perform the same action which is expressed by verbs, in the reflexive case the subject and object aren't expressed by one notion, perhaps the subject turns into the object or vice-versa.

10. Reflexive voice is also formed from a transitive verb. If (I) *sh* affix is added to a transitive verb and there is a change between the subject and object relations, i.e. if the subjects become an object to each other it means that the reflexive voice is formed. If there is no change in subject and object relations a verb with (I) *sh* affix means the plural form.

11. Comparing with other voices causative voice forms of verbs has shown that voice forming affixes cannot change relations between the subject and object. For this reason of this verb is present in the construction we follow the basic construction rule, i.e. a concept of triples-subject+object+action.

12. By adding affixes of the optional realized members to intransitive verbs we form transitive verbs. The active includes transitive verbs.

13. Affixes of causative voice forms cannot be put together with any transitive and intransitive verbs. They are selected in accordance with semantic peculiarities of a verb's subject and object, and the speech situation is of important significance in this case. So, we have to make an amendment to a traditional point of view which has been used up to these until now days, that optional realized members' affixes can absolutely be used together with any intransitive and transitive verbs.

14. Verbs using with the affixes of the causative voice forms in the mechanism of voice and comparing them with verbs in active, passive, reflexive and reciprocal voices has shown that optional causative voice forms cannot form an independent voice like aforementioned active, passive, reflexive and reciprocal voices, they form only the active voice. Proceeding from this point of view, it would be correct if causative voice form are considered as main forms in forming voices in the structure of the active voice. We have made the following conclusions as a result of studying the peculiarities of voices: there is a necessity to introduce changes to the system of verb in Uzbek, i.e. there are four verb voices in Uzbek; active, passive, reflexive and reciprocal voices.

15. It becomes clear that active voice construction requires the presence of words in the nominative and accusative cases. A word in the accusative case in the passive voice takes the form of the nominative case. In reflexive voice meanings of words of nominative and accusative cases are found in a word in the nominative case. In reciprocal voice a word in the accusative case takes the form of the nominative case. So, the category of voice in verbs is expressed through the category of case. A transitive verb is required to form a voice.

As is generally known causative voice forms are widely used and there are different causative constructions if Modern English. At the same time it is very arguable point in comparative grammar of English and Uzbek languages. Professor

J.B. Buranov also studied and compared causative voices forms in the both languages. As to him: Typological category of causative voice forms are used to express the performance of action or process owing to only subject's order, make, compel, command (заставлять, в.п. + инф.)

However, one can be mentioned the following ways of expressing typological category of voice forms in Modern English:

1. Morphological way: a) primary causative verbs:
English active: NP1+VP+NP2;

He raised his hand
He raised his sister

passive:

His hand was raised (by him (sel))
His sister was raised (by him)

b) by the help of verb forming affixes:

They wid(en)ed the canal → They widened the canal

2. Syntactic way:

a) secondary causative verbs using without affixes:

English active: intransitive: NP1+VP+NP2

1) The child stood his doll → the doll stood

2) He walked the horse → the horse walked

passive: The doll was stood (by the child)

The horse was walked (by him)

b) causative constructions using good special markers:

English active: NP1+VP1caus+NP2+V2inf+NP1+VPcaus+N2-NP2inf+NP3

John ordered Mary to come. John caused Mary to read books.

passive: NP2+VPcaus+VPign+byNP1

Mary was asked to come; Mary was ordered to come; Mary was caused to read books (by John).

The following verbs can be used as the lexico-syntactic markers of causative forms in Modern English:

advice, allow, ask, beg, cause, challenge, command, compel, dare, direct, drive, expect, force, intend, invite, head, mean, motion, oblige, order, press, remind, teach, make, get, implore and etc.

Thus, typological category of causative voice can be expressed only by means of lexical and syntactical levels in the English language. But, in Uzbek language it can be expressed with the help of morphological, lexical and syntactic levels.

REFERENCES

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М: Просвещение, 1991. 251 с.
2. Буранов Дж. Сопоставительная грамматика английского и узбекского языков. Т: Укитувчи, 1973. 282 с.
3. Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. М: Высшая школа, 1983. 266 с.
4. Гуломов А. Г. Глагол. Т: Укитувчи, 1954. 225 с.
5. Качалова К. Н, Израилевич Е. К. Практическая грамматика английского языка. Бишкек: 2002. 672с.
6. Серебренников Б.А. Доклад II Проблемы создания описательной грамматики языков народов СССР. Уфа, 1958. С. 61-72.
7. Турсунов У., Мухтаров А., Рахматуллаев Ш. Современный узбекский литературный язык. Т: Узбекистан, 1992. 394 с.
8. Ходжиев А. Формообразование в узбекском языке. Т: Укитувчи, 1979. 79 с.
9. Юсупов У. К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики. Т: Фан, 2007. 126 с.
10. Юсупов У.К. Универсальное пособие по грамматике английского языка. Т: Академ, 2011. 367 с.
11. Ярцева В. Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков. Проблемы языкознания. М., 1957. 207 с.
12. Varabash T.A. A Guide to Better Grammar. М.: Международные отношения, 1975. 288 с.
13. Blokh M.Y. A Course III Theoretical English Grammar. М: Высшая школа, 1983. 373 с.
14. Buranov J, Yusupov U. Iriskulov M., Sadikov A. The Grammatical Structures of English, Uzbek and Russian. Part I. Т.: Ukituvchi, 1986. 369 с.
15. Ilyс B, The Structure of Modern English. Л: Просвещение, 1971. 363 с.

УДК 811.133.1'366:811.411.21'366
ББК Ш147.11-213+Ш161-213

Р. Эль Камисси
Каир, Египет

Racha EL KHAMISSY
Le Caire, Égypte

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДОМЕТИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

VERS UNE ANALYSE CONTRASTIVE DE L'INTERJECTION EN FRANÇAIS ET EN ARABE

RÉSUMÉ. Dans cet article, nous proposons un travail comparatif centré sur le phénomène interjectif en français par rapport à son équivalent dans le système linguistique arabe. Après un bref survol des réflexions théoriques sur les interjections dans les langues considérées, nous examinons les unités interjectives en français et en arabe selon les critères graphique, phonologique, morphologique, syntaxique et distributionnel, avant de passer en revue leurs caractéristiques sémantiques. Enfin, sur le plan pratique, nous mettons en contraste les interjections dans les deux langues à travers l'examen d'un corpus parallèle bilingue bidirectionnel avec les problèmes syntaxiques, sémantiques et pragmatiques liés à la traduction. Notre but est de voir comment s'effectue la transposition de ces particules de l'arabe vers le français et du français vers l'arabe, dans une perspective différentielle, les interjections présentant un intérêt particulier dans le cadre du transfert interlinguistique. Cette étude contrastive nous permettrait donc de cerner le phénomène interjectif dans son ensemble en français et en arabe.

MOTS-CLÉS : interjection, comparaison, graphie, phonie, syntaxe, sémantique, traduction.

Auteur : *Racha El Khamissy, Professeur adjoint de linguistique française et de linguistique contrastive, Département de Français, Faculté des Langues (Al Alsun), Université Ain Chams (Le Caire, Égypte); adresse: 11566, Khalifa El-Maamon St, El-Qobba Bridge, Le Caire; e-mail: rachaelkhamissy@yahoo.fr.*

Racha EL KHAMISSY
Cairo, Egypt

TOWARDS A CONTRASTIVE ANALYSIS OF INTERJECTION IN FRENCH AND ARABIC

ABSTRACT. In this paper, we propose a comparative study based on the interjective phenomenon in French in relation to its equivalent in the arabic linguistic system. After a brief overview of the theoretical reflections on interjections in the languages considered, we examine the interjective units in French and Arabic according to the graphic, phonological, morphological, syntactic and distributional criteria, before reviewing their semantic characteristics. Finally, from a practical point of view, we contrast the interjections in the two languages by examining a bi-directional parallel bilingual corpus with syntactic, semantic and pragmatic problems related to translation. Our aim is to see how the transposition of these particles from Arabic into French and from French to Arabic, from a differential perspective, is carried out. These interjections are of particular interest in the context of interlinguistic transfer. This contrastive study would allow us to identify the interjective phenomenon as a whole in French and Arabic.

KEYWORDS: interjection, comparison, graphie, phonetic, syntax, semantics, translation

About the author: *Racha El Khamissy, Associate Professor in French Linguistics and contrastive linguistics, Department of French, Faculty of Languages (Al Alsun), Ain Shams University (Cairo, Egypt); address: 11566, Khalifa El-Maamon St, El-Qobba Bridge, Cairo; e-mail: rachaelkhamissy@yahoo.fr.*

1. Introduction

L'étude des langues, dans une perspective contrastive, s'est particulièrement développée au cours du XIXème siècle, avec l'intérêt grandissant pour la recherche des

universaux en linguistique générale et la classification des langues selon leur relation génétique. Combinant la linguistique descriptive et l'approche comparative, cette branche sert à opposer des systèmes linguistiques en livrant une description aussi complète et exhaustive que possible de deux ou plusieurs langues, apparentées ou non. De fait, « *de tout temps, les linguistes ont fait appel, de manière plus ou moins régulière, à la comparaison interlangue pour étayer leur propos* » (Cartoni, Namer 2012 : 1246).

Le présent article sera consacré à étudier, de manière systématique, un fait de langue mis en contraste en français et en arabe. Bien que traité en parent pauvre, ce phénomène ne cesse d'attirer l'attention des linguistes et grammairiens de tous bords. Notre travail comparatif portera sur les interjections, éléments ayant posé depuis belle lurette des problèmes quant à leur statut linguistique.

Cette étude s'inscrit dans le cadre d'un intérêt particulier accordé à la problématique de l'interjection selon une visée comparative dans le domaine de la description des langues¹. Contrairement aux tendances qui font prévaloir l'approche monolingue, nous cheminerons un peu plus loin dans nos analyses en nous axant sur une approche bilingue français-arabe. L'apport de la comparaison interlinguale pour l'analyse d'un fait de langue est multiple et se manifeste aux niveaux à la fois théorique² et pratique³.

A ce stade, il est important de signaler que le choix de l'arabe - notre langue maternelle - et du français n'est pas aléatoire. De fait, l'éloignement génétique des deux langues⁴ ainsi que leur hétérogénéité à tous les niveaux pourraient, à notre sens, aboutir à des résultats intéressants.

La portée de l'approche contrastive met en jeu différents niveaux offerts par la science linguistique : phonologique, morphologique, syntaxique, sémantique, pour n'en mentionner que quelques-uns. Cette étude contrastive nous permettrait donc de cerner le phénomène interjectif dans son ensemble en français par rapport à son équivalent dans le système linguistique arabe. Pour ce faire, nous commencerons par un bref survol des réflexions théoriques sur les interjections dans les langues considérées et les essais classificatoires de cette catégorie. Nous examinerons ensuite les unités interjectives en français et en arabe selon les critères graphique, phonologique, morphologique, syntaxique et distributionnel, avant de passer en revue leurs caractéristiques sémantiques. Enfin, sur le plan pratique, nous mettrons en contraste les interjections dans les deux langues à travers l'examen d'un corpus parallèle bilingue⁵ bidirectionnel avec les problèmes syntaxiques, sémantiques et pragmatiques liés à la traduction. Nous essaierons de voir comment s'effectue la transposition de ces particules de l'arabe vers le français et du français vers l'arabe, dans une perspective différentielle, les interjections présentant un intérêt particulier dans le cadre du transfert interlinguistique.

Le corpus pris en considération reposera sur une variété de textes appartenant à des genres différents. Les formes interjectionnelles seront exemplifiées par des énoncés collectés sporadiquement dans la littérature, les textes sacrés et les BD. Le français et l'arabe offrent de ce point de vue un matériel important.

Nous proposons donc, dans cet article, une incursion dans l'univers de

¹ Un appel a été lancé pour étudier les interjections dans différentes langues dans un numéro spécial de la revue *Pragmatics* (Ameka 1992 : 116).

² Au niveau théorique : la linguistique contrastive « *essaye d'établir l'inventaire le plus exhaustif possible des différences et des ressemblances entre deux ou plusieurs langues* ». (Fernández 2001, p. 436). Elle permet de prendre conscience des spécificités des langues en question, de compléter des descriptions qui manquaient et de déceler les « *détails d'une langue qui n'auraient pas été découverts sans l'aide d'une perspective contrastive* » (Rawoens 2008 : 971). Elle favorise également la formulation ou la vérification d'hypothèses.

³ Au niveau pratique : la linguistique contrastive facilite l'enseignement/apprentissage des langues en éclairant les aspects propres à l'une ou l'autre des langues enseignées. Elle note les points de conflits entre les langues et par la suite permet d'identifier les types d'interférence qui risquent d'avoir lieu. Elle objective les différences pour les utiliser et les mettre en pratique dans les milieux d'éducation. Si elle pallie les problèmes liés à la traduction, elle œuvre aussi pour établir des grammaires comparées. Son rôle n'est pas moins important dans le domaine de la lexicographie en facilitant la rédaction des dictionnaires bilingues.

⁴ Famille sémitique vs Famille indo-européenne.

⁵ « *L'utilisation de corpus multilingues dans les études contrastives a connu un succès croissant et leur valeur ajoutée pour un éventail d'études sémantiques et syntaxiques, ainsi que pour des études terminologiques, a été soulignée dans de nombreuses publications* » (Rawoens 2008 : 972)

l'interjection dans une visée contrastive français-arabe, avec un arrière plan clairement descriptivo-analytique. Notre hypothèse de départ est la suivante : bien que les unités interjectionnelles constituent incontestablement des universaux de langue, la manifestation de ce phénomène varie en nombre, en forme et en sens entre les langues et lors du passage d'une langue à l'autre.

2. L'interjection en français et en arabe¹ : tour d'horizon

L'interjection - terme d'origine latine "interjectio" - signifie « acte d'intercaler ». Wilmet, dans sa *Grammaire critique du français* (2003 : 501), parle de l'interjection comme « *mot jeté entre deux* », du latin "inter" (=entre) et "iacere" (jeter). Selon Swiatkowska (2006 : 49), « *ce 'deux' est crucial pour l'interprétation de ces occurrences : entre deux parties de la phrase, entre deux parties du dialogue, entre deux parties du texte et même entre ce qui est dit et ce qui est reconstruit* ». Ce "deux" n'est pas moins opérant pour les grammairiens et les linguistes arabes qui ont choisi pour désigner ce fait de langue un mot composé de deux mots : "'asmâ' al af'âl" ou "Noms de verbes". Oscillant entre deux, le substantif et le verbe, ces éléments sont à la fois des substantifs eu égard à certains critères formels et des verbes selon le sens qu'ils véhiculent.

Les dénominations données à ces unités varient selon les grammaires. Dans les grammaires antiques, l'interjection est appelée "particula interjecta" (le mot apparaît chez Varron) et désignent les morphèmes qui génèrent une forte émotion (Cf. Buridant 2006 : 3). Dans Grevisse et Goosse (2008 : 1104), l'interjection est nommée "mot-phrase subjectif". Tesnière (1959 : 95), lui, parle de "mot-phrase" ou de "phrasillon" et Wilmet (2003 : 546) de "phrase à prédication impliquée". Riegel et al. (1999 : 462) gardent bien l'appellation d'"interjection" qui semble être l'étiquette terminologique la plus appropriée et la plus répandue. Cette même variation terminologique existe en arabe. L'appellation la mieux connue et la plus répandue est "'asmâ' al af'âl" (noms de verbes) et ce depuis Sibawayh, le maître incontesté de la grammaire arabe. Ce terme a été également adopté par l'école de Bassra qui voit que ces noms de verbes sont « *des noms qui ont remplacé le verbe ou qui ont joué son rôle* »² (nous traduisons). Or, une autre appellation apparaît au VIIème siècle de l'hégire sous la plume du grammairien Ibn Saber l'Andalous à savoir "الخالفة" (/al khâlifa-t/ ³) pour désigner ces particules. Ce même terme est repris récemment par Hassaan (1979 : 122) qui lui ajoute un complément et la désigne par "خالفة الإخالة" "khâlifa-t al 'ikhâla-t"⁴.

Dans les manuels et les grammaires françaises, la place accordée aux interjections est réduite à quelques pages. Marginalisées, si elles ne sont pas totalement absentes⁵, les interjections apparaissent en dernière position après le traitement des autres parties du discours, ce qui ne va pas de pair avec l'intérêt que peuvent susciter ces éléments au niveau de la réflexion linguistique et grammaticale. Est-ce un « *Curieux trou de mémoire* » au dire de Hérique (1998 : 627) ? L'interjection n'est guère mieux considérée par la lexicographie française : « *aux marges de la langue, ces faits sont aussi aux marges des dictionnaires* » (Rézeau 2006 : 91). En effet, les dictionnaires ne consacrent pas une entrée à part aux interjections - notamment à celles qui appartiennent à d'autres parties du discours⁶ - et se contentent de les inscrire dans leur catégorie d'origine.

L'intérêt que les linguistes portent au phénomène est vacillant. De fait, « *l'interjection se fraye difficilement un passage parmi les thèmes linguistiques - objets légitimes d'étude - pour des raisons qui tiennent à sa nature* » (Vassileva-Yordanova 2012 : 2). Au dire de Rosier (1995 : 114), l'interjection est considérée comme un "paria

¹ Nous utiliserons le système de translittération des Lettres de l'alphabet arabe, paru dans la Revue du monde musulman et de la méditerranée, n°81-82, p.6

² « أسماء قامت أو نابت مقام الفعل » (Oweich 1982 : 55)

³ L'interjection à été nommée "al khâlifa-t" car elle diffère du nom et du verbe à la fois. « فالخالفة وإن دل بعض ألفاظها على معنى الفعل فقد خالفت في أحكامه الشكلية وفي صيغته. ثم هي وإن وافقت الاسم في أحكامه الشكلية فقد غابرت في معناه » (Oweich 1982 : 55). Nous traduisons : « *Le différent : si certains de ses mots ont le sens du verbe, ils s'en dissocient formellement ; et s'ils sont conformes aux critères formels du nom s'en distancient dans le sens* ». Le pluriel est "al khawâlif" "الحوالف".

⁴ "Khâlifa-t al 'ikhâla-t" signifie que ces éléments ressemblent aux noms d'une part et aux verbes d'autre part.

⁵ L'interjection ne figure pas dans la *Grammaire historique de la langue française* de Kr Nyrop, Copenhague, Leipzig, Paris 1899-1930.

⁶ Ex : L'interjection "Tiens !" est placée sous le verbe "tenir" avec la mention "interjection".

grammatical" et encore pire comme la "partie honteuse du discours". Or, si l'interjection est un des éléments les moins traités dans tout le système linguistique, cela est « *non pas parce qu'elle lui est périphérique, mais parce qu'elle incorpore presque simultanément tous les intérêts de la linguistique* » (Wilkins 1992: 155). Étant peut-être la plus ancienne partie du langage, l'interjection occupe une place depuis les origines de la réflexion linguistique. Alors que Saussure (1995 : 101) l'exclut du système linguistique et la considère comme étrangère à la langue, les théories linguistiques qui se sont développées au XXème et au XXIème siècles tentent de renouveler l'approche de l'interjection. Les réflexions de Bally, Damourette et Pichon, et Tesnière constituent des références en ce domaine. Depuis la fin des années soixante-dix et jusqu'à nos jours, les interjections font l'objet de nombreux travaux concernant leur nature et leur(s) classification(s), leur dimension cognitive (Caron-Pargue, Caron 1995, 2000), leur rôle énonciatif dans la problématique du discours rapporté (Rosier 1995), leur traitement modal (Vassileva 1998 ; Swiatkowska 2000), leur analyse sémiotique (Kleiber 2006), leur fonction logico-sémantique comme marqueur d'acte de prédication et d'argumentation (Anscombe, Ducrot 1980 ; Olivier 1986), leur visée en praxématique (Barbériès 1992, 1995) etc.. Ceci témoigne d'un fervent et d'un enthousiasme réels concernant l'interjection en français et la ramène inéluctablement au champ d'investigation des linguistes.

Aujourd'hui, il est tout à fait légitime d'admettre la saillance du phénomène interjectif ; en effet, « *personne ne soutient plus la thèse que les interjections n'appartiennent pas à la langue* » (Swiatkowska 2006 : 47) et les linguistes ratifient tous la nature de l'interjection comme signe linguistique et comme réalité langagière. « *Le caractère linguistique de l'interjection est bien attesté par ses variations d'une langue à l'autre. Il s'agit bel et bien d'une unité de langue, qui en tant que telle, fait par exemple l'objet d'un apprentissage et dont l'usage est soumis à des conditions précises* » (Caron-Pargue, Caron, 2000 : 52).

De même, en arabe, la question des interjections constitue le summum des sujets controversés entre les grammairiens si bien qu'ils n'ont consacré presque aucun ouvrage pour la traiter. Et au cas où un grammairien décide de l'aborder, ce n'est que d'une manière plus ou moins superficielle. Ce que nous entendons par "superficiel" concerne non seulement le peu d'espace qui lui est attribué mais aussi un traitement grammatical et linguistique lacunaire, les ouvrages se centrant uniquement sur les exemples d'emploi ou des tentatives de listage. Un linguiste¹ va même jusqu'à suggérer l'omission de l'interjection des grammaires arabes sous prétexte de faciliter la grammaire. Quant aux dictionnaires arabes², ils sont très incomplets à cet égard : ils n'offrent pas d'entrée pour les interjections³ et se contentent de les décrire comme étant des "mots" sans se pencher sur la problématique de leur nature.

Depuis l'Antiquité, la question de la classification et de la catégorisation des interjections est soulevée : l'interjection est-elle véritablement une des parties du discours ou simplement une catégorie grammaticale dépendante ? Si les Grecs en font une sous-classe des adverbes, ce sont les Romains qui commencent à la considérer comme une partie autonome. Au Moyen-âge, l'interjection se trouve subordonnée à la classe des prépositions ou des adverbes. On évoque également son étroite union avec le verbe. Cette oscillation perdure même avec les théories linguistiques du XXème siècle et l'appartenance des interjections aux parties du discours demeure un sujet de controverse⁴.

L'interjection reste donc une classe hétéroclite, quoique considérée de nos jours comme une "classe grammaticale particulière" (Riegel et al. 199 : 462), une partie du discours, la 9ème et "dernière née", et ce au même titre que le nom, le verbe, l'adjectif, les déterminants, les pronoms, les prépositions, les adverbes et les conjonctions⁵. Il est à noter qu'aucune liste exhaustive des termes reconnus comme interjection n'est fournie; certaines grammaires⁶ proposent des listes des interjections les plus fréquentes mais sans prétendre à l'exhaustivité vu le processus continu de création d'interjections.

¹ Selim El Na'is, 16 مجلد العراقي، مجلة المجمع العلمي العراقي، مجلة دراسة و تيسير،

² Ex. Lissân Al 'Arab معجم لسان العرب، AL Qamous AL Mohîṭ القاموس المحيط.

³ Par ex. l'interjection arabe "uffin" "أف" est placée sous l'entrée "أففا" ('afafa).

⁴ Cf. Buridant 2006 : 3.

⁵ Pierre Le Goffic assimile l'interjection à un adverbe (1993).

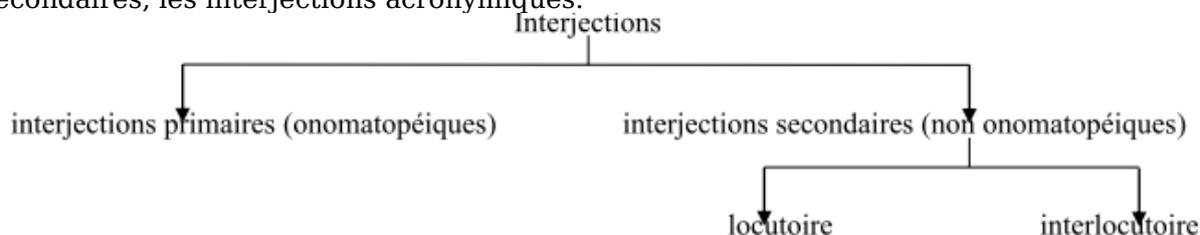
⁶ Exemple de liste : (Grevisse 1969 ; Bonnard 1971).

Par ailleurs, les anciens grammairiens et linguistes arabes sont presque tous d'accord que l'arabe ne possède que trois classes grammaticales : le nom, le verbe et la particule. Les réflexions de l'école de Bassra et celle de Kufa ont toutes deux reconnu cette classification tripartite¹. Mais, au moment où l'école de Kufa considérait les interjections comme des verbes qui indiquent une action secondée d'un temps, l'école de Bassra, elle, hésitait plutôt quant au statut de ces unités : ce sont à la fois des noms puisqu'elles acceptent les marques du nom (ex. l'article défini) et des verbes puisqu'elles peuvent s'y substituer sémantiquement². Pour Sibawayh (1966 : 241), ces mots « *sont une classe appartenant aux verbes, et où les verbes sont nommés "noms"* »³ (nous traduisons). Classification chancelante ? Au VIIème siècle de l'hégire, le grammairien Ibn Saber l'Andalous les traite comme une classe grammaticale à part, augmentant ainsi les classes de mots en arabe en quatre⁴. Cette classification quaternaire n'a pas été prise au sérieux. Ce n'est que dans les travaux récents que les linguistes, grammairiens et chercheurs ont reconsidéré la répartition des mots en quatre classes⁵, voire en sept⁶ selon les critères de la forme et de la fonction.

3. Classifications des interjections en français et en arabe

La problématique de la classification des interjections a longtemps occupé grammairiens et linguistes qui ont livré plusieurs essais classificatoires.

En français, la première classification reconnaît deux types d'interjection : les interjections *primaires* (d'origine onomatopéique) qui rassemblent les cris et les interjections *vocaliques* (*Ah !, Oh !, Eh !*) et les interjections *secondaires* ou dérivées (d'origine non onomatopéique), qui sont fondées sur des mots appartenant à d'autres classes grammaticales et devenus interjections (*Mon Dieu !, Chic !, Voyons !*) (Cf. Halté 2013 : 118-121). Barbéris (1992 : 52) adopte la même classification et les appelle *interjections onomatopéiques et interjections non onomatopéiques*. Les interjections non onomatopéiques ont une orientation soit *locutoire* (centrée sur les affects du locuteur) soit *interlocutoire* (centrée sur l'interlocuteur). Notons que les interjections dites secondaires sont plus nombreuses et sont continuellement créées⁷. Halté (2013 : 184) propose un classement ternaire, en ajoutant aux interjections primaires et dérivées ou secondaires, les interjections acronymiques.

Une autre division les présente en deux sous-classes : les interjections *modales* ou interjections proprement dites et les interjections *dictales* (c'est-à-dire, les onomatopées non lexicalisées), division qui permettrait de rendre pleinement compte de leur nature et de leur fonction respective, émotive et imitative (Cf. Melnikiené 2015 : 168, 185). Une division quasi semblable a été proposée originairement par Swiatkowska (2000 : 44) qui distingue trois sous-classes d'interjections, à savoir *modale*, celle centrée sur les réactions du sujet, *dictale*, celle des onomatopées pures et *modo-dictale*, celle des onomatopées "hybrides".

¹ Notons entre parenthèses que Damourette et Pichon (1911-1927) répertorient les mots en français en trois classes, tout comme l'arabe : les struments (mots grammaticaux ou mots outils), les verbes, et les noms. (Cf. Vassileva 2007 : 117).

² C'est pourquoi l'école de Bassra a désigné les interjections par "Noms de verbes" أسماء الأفعال.

³ "هذا باب من الفعل سُمي الفعل فيه بأسماء".

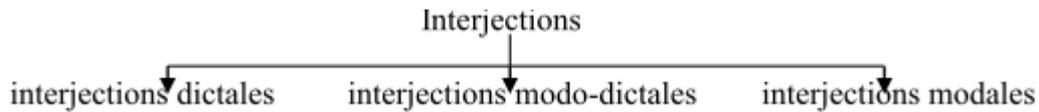
⁴ Cf. Maṭhari 2003 : 215-216.

⁵ Hassan, dans sa *Grammaire complète*, a soutenu l'avis d'une quatrième classe de mots.

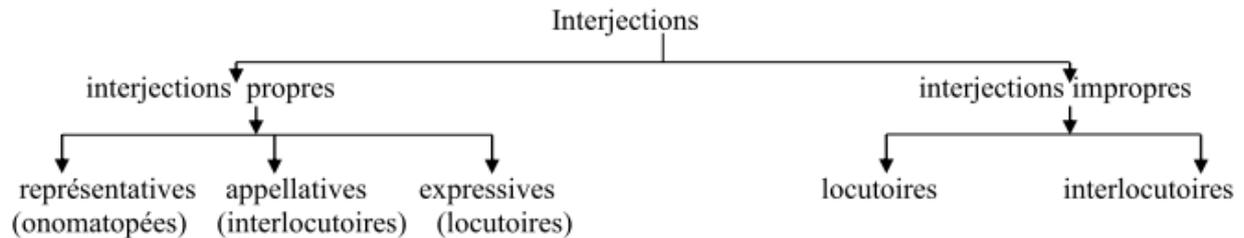
⁶ Tammaam Hassaan (1979) propose sept classes de mots dans son ouvrage *La langue arabe, son sens et sa formation*.

تمام حسان ، اللغة العربية معناها ومعناها،

⁷ Cf. Buridant 2001 : 24.

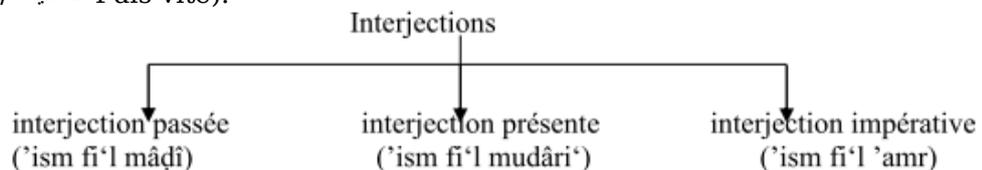

D'après Sierra Soriano (1999 : 587), il existe deux grandes catégories d'interjections : « les interjections propres d'une part (c'est-à-dire mot qui n'existe que dans cet emploi) et les interjections impropres d'autre part (mot qui emprunte sa forme à un autre signe linguistique) ». Les interjections *propres* sont, selon leur fonction, représentatives (onomatopée qui imite un bruit naturel), appellatives (qui s'orientent vers l'interlocuteur) et expressives (qui traduisent un sentiment ou une attitude manifestés par le locuteur). Les interjections *impropres* ont une orientation locutoire (jurons, expression des sentiments du locuteur) ou interlocutoire (1999 : 587-593).

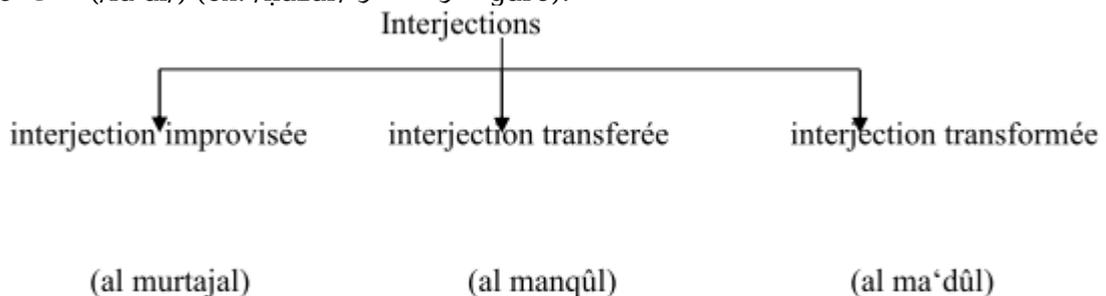

Par ailleurs, les tentatives de classification des interjections en arabe se font selon trois critères : la sémantique temporelle, le statut et la formulation.

Selon le critère de la sémantique temporelle, les interjections sont réparties en interjection *passée* ('ism fi'l mâḍî), interjection *présente* ('ism fi'l mudâri') et interjection *impérative* ('ism fi'l 'amr) et ce en correspondance avec le sens originel des verbes auxquels elles se substituent. Les interjections passées sont généralement peu nombreuses (ex. /chatân/ شتان = éloigné - ابتعد - افترق ; /hayhât/ هيهات = loin (بعد), tout comme c'est le cas pour les interjections présentes (/’ûh/ أوه = je souffre أتوجع ; /way/ وئ = je m'étonne أتعجب). Le troisième cas, celui des interjections impératives, est le plus répandu. Il désigne ordre ou interdiction (/halum/ هلم = viens ; /ââmîn/ آمين ; /rûwayd/ رويد = ralentis-toi ; /ḥay/ حى = venez ; /ḥazâr/ حذار = gare ; /ṣah/ صه = tais-toi ; /'amâmak/ أمامك = avance ; /hayt/ هيت = Fais vite).

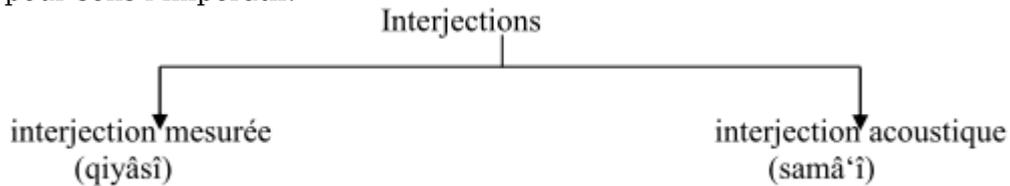

Selon leur statut, les interjections arabes sont de trois types : les interjections *improvisées* (al murtajal المرتجل) qui sont nées directement sous forme d'interjection (/ṣah/ صه ; /hayhât/ هيهات ; /'uff/ أفأ ; /way/ وئ), les interjections *transférées* (al manqûl المنقول) qui ont pour origine d'autres parties du discours (*préposition+complément* ex. /'alayka/ عليك = الزم engage-toi à, /'ilayka/ إليك = تتحى écarte-toi, cède ; *circonstant+complément* ex. /dûnaka/ دونك = خذ prends ; *nom d'action* ex. /rûwayd/ رويد = ralentis-toi) et qui ont été transportées avec changement sémantique, et enfin les interjections *transformées* ou *dérivées* (al ma'dûl المعدول/al muchtaq المشتق) qui proviennent d'un verbe trilitère avec le schème "فعال" (/fa'âl/) (ex. /ḥazâr/ حذار = gare).

Quant à la formulation, les interjections sont soit mesurées (qiyâsî قياسى) soit

acoustiques (samâ'î سماعي). La majorité des interjections en arabe n'ont ni schème ni mesure et relèvent par conséquent du second type. Le premier type rassemble uniquement les interjections dérivées d'une racine trilitère ayant pour schème "فعل" (/fa'âl/) et pour sens l'impératif.

Examinons à présent les unités interjectives en français et en arabe, selon les différents niveaux de l'approche linguistique.

4. Propriétés des interjections en français et en arabe

4.1. Propriétés formelles du signifiant interjectionnel

4.1.1. Critère graphie-phonie

Le signifiant interjectionnel regroupe certains critères au niveau graphique et phonique. En français, l'interjection est généralement caractérisée par une graphie expressive, parfois même bizarre ("ho!"). Une même interjection peut avoir des variantes graphiques ("euh!" et "heu!")¹ ou être orthographiée en lettres majuscules pour mettre en relief l'intensité de l'émotion (MON DIEU!).

Les interjections se caractérisent généralement par leur forme brève qui combine économie et rapidité. "Absence physique du mot interjectif" (Hérique 1998 : 631) ou plutôt diminution de la présence physique du mot qui se compose le plus souvent d'une image sonore d'une seule syllabe uniquement vocalique (ex. "ah!") ou combinant consonne(s) et voyelle (ex. "chut!"). Les formes exclusivement consonantiques existent toutefois mais sont plutôt rares (ex. "pst!"). Les interjections peuvent aussi être des mots lexicaux : forme lexicalisée (ex. "zut!") ou forme lexicale privée de son sens original (ex. "Tiens !") (Cf. Ritonga et al. 2015 : 3). Notons que le constat selon lequel la formule interjective est constituée d'un seul mot est encore sujet à débat.

L'interjection, « loin d'être une catégorie fermée et souvent limitée par les grammaires aux onomatopées, est un élément transcategoriel admettant des formes de différente nature déviées de leur fonction première morpho-syntaxique dans un dynamisme interne qui se transforme immédiatement en expressivité » (Buridant 2006 : 5). Une multitude de formes peuvent être qualifiées d'interjectionnelles : des cris (ex. "Oh !", "Aïe !"), des substantifs accompagnés ou non d'une détermination ou d'une préposition (ex. "Ciel !", "Ma foi !", "Bonté divine !"), des adjectifs parfois accompagnés d'un adverbe ("Mince !"), des adverbes ou locutions adverbiales ("En avant !"), des verbes surtout à l'impératif ("Allons !", "Voyons !"), des phrases ("Vive les vacances !"). Notons entre parenthèses que tout mot peut devenir interjectif (Cf. Rosier 2000 : 20).

Quant à l'intonation, elle joue un rôle décisif comme trait interne caractérisant les interjections. De fait, l'intonation à accent d'intensité accompagnant la profération des interjections est une réalité incontournable de l'oral, tout comme le point d'exclamation l'est à l'écrit. Le point d'exclamation « est dès le début de la typologie des marques typographiques lié à l'interjection » (Buridant 2001 : 12). Si les formes interjectives intonées à l'oral sont le plus souvent ponctuées à l'écrit par le marqueur graphique exclamatif, celles-ci peuvent occasionnellement être suivies par un point d'interrogation ou une simple virgule. Les indications de ponctuation à l'écrit viennent suppléer la perte de l'information intonative.

Signalons que, phonétiquement, les interjections du français « malgré certaines anomalies, présenteraient un minimum d'adaptation à son système phonologique » (Buridant 2001 : 19). C'est principalement la structure phonique des interjections primaires qui n'est parfois pas similaire à la langue à laquelle elles appartiennent, même si un certain processus de normalisation les rapproche du système phonologique. De fait, l'interjection « peut utiliser des sons qui n'ont aucunement le caractère de phonèmes » (Buridant 2001 : 15). C'est le cas du "h" qui, originellement muet, se trouve prononcé et expiré. De même, en français, la syllabe qui a toujours un noyau vocalique,

¹ La variation graphique n'entraîne pas une variation phonique. Les deux graphies se prononcent /ø/.

peut s'en débarrasser (ex. pst !, brr !). En outre, certaines formes interjectives sont sujettes à des changements phoniques :

- augmentation phonétique : ex. Aaaaaah ! ; Ohhhh !
- reduplication partielle ou totale : Aha ! ; Tiens, tiens ! ¹

Simplification graphique et simplicité phonique. Voici la forme des interjections en français. Or, les interjections peuvent varier non seulement d'une langue à l'autre, mais même d'une région à une autre selon la culture, la civilisation, le milieu culturel... La similitude entre les formes interjectives se remarque généralement dans les langues apparentées ou de même famille.

En arabe, il est réputé que les mots ont tous une racine trilitère². Toutefois, les interjections les plus courtes se rendent souvent par des mots de deux lettres uniquement (ex. /ʃah/ صه, /way/ وى). Ces formes interjectives bilitères ne sont pas d'origine arabe. Les interjections peuvent aussi être formées d'un mot de trois lettres (ex. /uff/ أفّ, /hayt/ هيت, /wayh/ وىح), de quatre lettres (ex. /ââmîn/ أمين, /rûwayd/ رويد), et même plus (/sur'ân/ سرعان, /dahdarayn/ دهدرين). Une interjection peut être formée de deux mots (/kadhbun 'alayka/ كذب عليك) voire trois (/awlâ laka fa'awlâ/ أولى لك فأولى).

Notons aussi que l'arabe forme des unités interjectives composées :

- de deux parties : ex. /wayka'anna/ ويكان (وى+كان), /ḥayhal/ حيهل (حى+هل)
- d'un tissu phonique répété : ex. /zawd zawd/ زود زود, /hays hays/ هيس هيس
- d'une préposition+son complément³ (génitif pronom suffixé) : ex. /'ilayka/ إليك, /'anka/ عنك
- d'un circonstant+son complément (génitif pronom suffixé) : ex. /'amâmaka/ أمامك, /'indaka/ عندك

L'opération de mise en relief des interjections par l'utilisation des majuscules, très fréquente en français, est inopérante en arabe, puisque le système graphique arabe n'a pas de majuscules, même pas après les points.

Les interjections en arabe viennent d'origines diversifiées : onomatopées (ex. ها - صه - هلم), noms d'action⁴ (ex. رويد), préposition+son complément pronominal (ex. إليك), circonstant+ son complément pronominal (ex. دونك - عندك), formule dérivée d'un verbe trilitère (ex. حذار), ou autre (ex. حاشا, حسيك).

Tout comme en français, une interjection peut être redoublée : ex. "/hayhât hayhât/" "هيهات هيهات". Or, le signifiant interjectionnel arabe obéit aux lois de la phonologie : la structure phonique des interjections appartient ostensiblement au système phonologique de la langue et aucun son ne lui est inconnu. Néanmoins, une même interjection est susceptible d'être prononcée de différentes manières. C'est ce qui est connu sous le nom de "al qira'ât القراءات" ou "les lectures". Ex. l'interjection "أرايتك" peut être prononcée de trois façons : "أرايتك" - "أرايتك" - "أرايتك" (/aritaka/ - /araytaka/ - /ara'aytaka/) (Cf. Oweich 1982 : 96). Autre exemple : l'interjection "أوه" se prononce de sept façons : "أوه" - "أوه" - "أوه" - "أوه" - "أوه" - "أوه" - "أوه" (/ûh/ - /awwih/ - /awwih/ - /ââwwah/ - /awah/ - /awwati/ - /ââwwati/) (Cf. Maṭhari 2003 : 222).

Si l'intonation est un critère inhérent à la prononciation des interjections dans toutes les langues, le point d'exclamation n'est pas toujours son correspondant à l'écrit. En effet, l'interjection en arabe est rarement suivie de ce marqueur typographique ; un point simple ou une virgule feront l'affaire.

Voici un tableau récapitulant les ressemblances et les dissemblances entre les deux langues au niveau graphie-phonie :

¹ Ce redoublement a certainement des répercussions sur le plan sémantique et peut créer un effet musical.

² Cf. Oweich, 1982 : 78.

³ Dans les interjections en arabe, le génitif est toujours un pronom jamais un nom.

⁴ المصدر al maṣdar.

langues		français			arabe		
		+	±	-	+	±	-
Graphie	brièveté	+			+		
	+ mots		±			±	
	variantes graphiques	+					-
	interjections composées		±		+		
	formes bizarres		±				-
	majuscules	+					-
	point d'exclamation	+				±	
Phonie	adaptation phonique		±		+		
	augmentation phonique	+					-
	réduplication partielle	+			+		
	réduplication totale	+					-
	variantes phoniques			-	+		
	intonation montante	+			+		

Tableau 1 : Les interjections selon le niveau Graphie-Phonie

4.1.2. Critère morphologique

De nombreuses caractéristiques morphologiques s'attachent à l'interjection en français. Par définition, les interjections sont des formes fixes. C'est donc le caractère invariable de l'interjection qui est le plus saillant. Selon Swiatkowska (2000 : 69), l'interjection « *ne se prête pas à des variations de genre, de nombre, de personne ni aux changements de déterminants* »¹. Les interjections rejoignent donc les formules figées préfabriquées et conventionnalisées. Cependant, cette fixation formelle et ce figement peuvent être violés ; certaines variations morphologiques restreintes peuvent être perçues :

- des variations en nombre (opposition sing. vs plur.) : ex. "*Diab!e !*" , "*Mille Diab!es !*"

- des variations en personnes (de l'impératif) : ex. "*Tiens !*" , "*Tenez !*"

Dans les interjections à base verbale, l'interjection ne garde pas toujours l'accord grammatical conforme à l'allocutaire : ex. "*Allez, prépare-toi !*"

Dans le système arabe, comme en français, les interjections ont des traits morphologiques qui les distinguent. Elles sont des formes idiomatiques² qui ne se permettent aucune modification³ : ni inflexion de genre (masculin vs féminin), ni celle du nombre (singulier vs duel vs pluriel). Morphologiquement isolées, elles ne varient pas quels que soient les mots qui les entourent : ex. "صه يا فتاة" vs "صه يا ولد" ("*Chut, fille !*" ; "*Chut, garçon !*"). Elles n'admettent pas l'actualisation par l'article défini, ni des terminaisons semblables à celles des verbes.

Si les interjections en arabe ne sont presque jamais préfixées⁴, certaines d'entre elles varient morphologiquement en acceptant la suffixation de pronoms explicites : ex. رويدك /رؤيدك/ (/*rûwayd/→/rûwaydaka/*), ويلك /ويلك/ (/*wayl/→/waylaka/*), au moment où d'autres n'apparaissent que suffixées : ex. دونك (/dûnaka/), إليك (/ilayka/), حسبك (/ḥasbuka/)... Dans les deux cas, le pronom affixe varie avec le changement de l'allocutaire (singulier/duel/pluriel ; masculin/féminin) : ex. هلمى /عليكن أنفسكن, عليكم أنفسكم, عليكم أنفسكما, عليكم أنفسك, هلموا, هلموا, هلموا... Les interjections peuvent également être suffixées par un "noun de protection" (نون الوقاية)⁵ qui vient se placer avant le pronom "ى" du locuteur: ex. رويدنى (رويدن+ى). Une suffixation de pronoms implicites ou sous entendus⁶ est également valable (ex. صه أنت = صه) ; mais ce dernier type ne modifie pas formellement l'interjection.

Notons que quelques interjections en arabe apparaissent sous la forme du duel

¹ On dit par exemple "Mon Dieu !" et non "Votre Dieu !".

² صيغ مسكوكة

³ "الخالفة ثابتة الصيغة". Nous traduisons : « *Le différent est invariable* » (Oweich 1982 : 63)

⁴ Elles ne sont jamais préfixées par des pronoms, mais peuvent l'être par des particules comme "ف" dans "فهيهايات" (fahayhât) ou comme "ل" dans "لشنان" (lachatân).

⁵ Ce noun de protection suffixe 11 interjections en arabe.

⁶ ضمير مستتر.

(/dahdarayn/ /دهدرين/) ou du pluriel (/hayhât/ /هيئات/), sans que ces unités n'aient un singulier. En outre, certaines unités interjectives sont dérivées des verbes trilitères et ont le schème "/fa'âl/" ("فعال" ex. حذار).

Voici un tableau récapitulant les ressemblances et les dissemblances entre les deux langues au niveau morphologique :

langues pts de comparaison		français			arabe		
		+	±	-	+	±	-
Morphologie	invariabilité	+			+		
	variabilité de genre			-			-
	variabilité de nombre		±				-
	variabilité de personne		±				-
	Non respect de l'accord		±				-
	actualisation		±				-
	préfixation			-		±	
	suffixation			-	+		

Tableau 2 : Les interjections selon le niveau morphologique

4.1.3. Critère syntaxique et distributionnel

Nombre de linguistes¹ soutiennent l'idée que les interjections en français sont en dehors des règles de la syntaxe : elles sont structurellement inanalysables (Tesnière 1959 : 95) et sortent du rapport grammatical et syntaxique avec le reste de l'énoncé où elles se trouvent ancrées. Syntactiquement autonomes et isolées, elles n'ont pas de fonction et n'entrent pas en rapports syntagmatiques avec les autres parties de la phrase. Leur détachement syntaxique est souligné davantage par leur encadrement par des signes de ponctuation. Cet emploi habituellement en disjonction interrompt la continuité du discours.

Le positionnement de l'interjection par rapport à la chaîne syntaxique est un objet intéressant de réflexion. Les interjections peuvent occuper des places variables. Interjetées au début, au milieu ou à la fin de la phrase, elles jouent un rôle dans la structuration des énoncés surtout dans le cadre des échanges comme particules d'articulation ou marqueurs d'enchaînement. Malgré cette variabilité positionnelle, nous ne pouvons dire que les interjections sont complètement hors des limites des règles syntaxiques. En fait, leur emplacement par rapport à la phrase n'est pas complètement libre : les interjections primaires sont généralement initialisantes (ex. *Ah !* il ne tient pas sa promesse), les interjections en incise, par leur insertion à l'intérieur de la phrase, coupent la continuité syntaxique (ex. Je suis ... *ben...* la petite amie de ton cousin), les interjections clôturantes opèrent fréquemment comme marqueur conclusif (ex. Je n'ai pas réussi mon examen, *hélas !*). Il existe donc des contraintes positionnelles où un déplacement de l'interjection serait impossible. Le fait qu'elle soit prononcée à l'initiale, au milieu ou en finale, ou être complètement détachée de la phrase elle-même, est déterminé par le sens. De fait, « *la croyance en l'autonomie syntaxique absolue de l'interjection apparaît comme un leurre au vu de la distribution particulière du mot-phrase en tête ou queue de proposition et des possibilités d'incise* », comme le souligne Rosier (1995 : 114).

L'interjection est également considérée comme "mot-phrase", "mot-énoncé invariable substitutif grammatical" (Vassileva 2007 : 121), "unité syntaxique maximale" ou "phrase non prototypique" nommée "fragment" (Gonçalves 2008 : 5). Notons également qu'une interjection suffit à constituer par elle-même l'équivalent d'une phrase entière : ex. "*Chapeau !*" (=Je vous félicite).

En outre, l'interjection peut entrer occasionnellement en relation avec d'autres éléments dans la phrase :

- en se complétant : ex. "*Gare à toi !*", "*Gare la bombe !*"
- en complétant un verbe : ex. "*dire ouf !*"
- en s'actualisant : ex. "*des oh !*", "*des ah !*"

Kleiber a donc raison de dire que ces mots « *s'insèrent pleinement (...) dans la*

¹ Dont Saussure dans son *Cours de Linguistique générale* et Tesnière dans ses *Éléments de syntaxe structurale*.

syntaxe » (2006 : 11).

Syntaxiquement parlant, l'arabe est une langue où, le plus souvent, position et fonction vont ensemble. Les interjections, n'étant ni des noms ni des verbes ni des particules, n'occupent pas les fonctions communément connues¹ : sujet, attribut/prédicat, complément d'objet direct, complément indirect et par la suite ne doivent entrer dans aucun lien syntaxique avec les autres mots qui les entourent. De surcroît, l'interjection en arabe n'accepte pas l'annexion (idâfa-t إضافة) : elle n'est pas déterminée par annexion à un autre mot en remplissant la fonction de complément du nom.

Toutefois, les grammairiens arabes voient que, puisque les interjections se substituent sémantiquement au verbe, elles occuperont donc sa fonction² et les mots qui les suivent, nommés "/damâ'im al khâlifa-t/" (ضمائم الخالفة), annexes de l'interjection) seront Sujet (فاعل) et Complément d'objet direct (مفعول به)³ respectivement :

Ex : هيهات النجاح بلا عمل (النجاح est le sujet)

Ex : أنت (le sujet est sous entendu "أنت")

Ex : عليك زيذا (le sujet est sous entendu "أنت" et le complément d'objet direct est "زيذا").

A signaler que « l'interjection est conforme au verbe qui lui est identique sémantiquement en ce qu'elle peut expliciter ou impliciter son sujet » (Oweich 1982 : 349) (nous traduisons)⁴.

L'arabe est une langue où l'ordre des mots est moyennement contraint. Le plus souvent, l'ordre syntaxique de l'interjection et son entourage reste canonique⁵ : celle-ci ne vient presque jamais postposée à son complément (Cf. Oweich 1982 : 300)⁶. Les mots qui la suivent ne lui sont pas antéposés, qu'ils soient sujet ou complément d'objet direct (ex. *زيذا عليك). phrase agrammaticale).

Il est à noter que les interjections sont considérées des mots-phrases (ex. /šah/ = chut ! ; صه = اسكت), tout comme en français, puisqu'elles peuvent former des énoncés à elles seules.

L'énoncé interjectif français s'oppose ostensiblement à l'énoncé déclaratif : il s'associe majoritairement avec la modalité exclamative (interjection locutoire centrée sur le locuteur) : ex. *Ouf!* (exclamatif), ou avec les modalités impérative et interrogative (interjection interlocutoire centrée sur l'interlocuteur) : ex. *Chut!* (impératif), *Eh bien, dansez maintenant!* (impératif) ; Tu m'aideras, *hein?* (interrogatif). Les anciens grammairiens arabes, eux, ont classé les énoncés interjectifs en deux modalités : les déclaratifs et les non déclaratifs⁷ (Cf. Oweich 1982 : 66). Cependant, à l'époque moderne, grammairiens et linguistes⁸ se sont rendu compte que les interjections, reflétant une attitude émotionnelle et un coefficient majeur d'expressivité, relèvent toutes d'énoncés non déclaratifs, impératifs ou non impératifs⁹, marquant la négation, l'interdiction, l'interrogation, l'exclamation, l'appréciation, le regret, l'exagération¹⁰ : ex. *جئ على الصلاة* (injonction) ; *وي من كسلك* (exclamation) ; *ويل لك* (menace) ; *إخ من ألم السن* (regret)...

Voici un tableau récapitulant les ressemblances et les dissemblances entre les deux langues au niveau syntaxique et distributionnel :

¹ "أسماء الأفعال لا محل لها من الإعراب" (Oweich 1982 : 347).

² "هي أسماء قامت - عند البعض - و ثابت عند آخرين - مقام الأفعال معنى و استعمالاً". Nous traduisons : « *Ce sont des noms qui, pour certains sont des verbes et pour d'autres s'y substituent sémantiquement et fonctionnellement* ». (Oweich 1982 : 42).

³ Sans s'attarder à la question de la transitivité et de l'intransitivité (Cf. Hassaan 1979 : 818).

⁴ "اسم الفعل يوافق الفعل الذي بمعناه في إظهار فاعله و إضماره".

⁵ "الخالفة تكون محفوظة الرتبة مع ضمائمها" (Oweich 1982 : 65).

⁶ Sauf dans le verset coranique "كتاب الله عليكم" où l'interjection est postposée. (La sourate An nissâ' *Les Femmes*, verset 24).

⁷ أسلوب خبري و أسلوب انشائي.

⁸ Cf. Hassaan 1979 : 113.

⁹ انشائي طلبي و انشائي غير طلبي.

¹⁰ "و قد تضمن معنى نفى أو نهى أو استعظام أو تعجب أو استحسان أو تندم أو استعظام" (Oweich 1982 : 69).

langues		français			arabe		
		+	±	-	+	±	-
syntaxe	autonomie et isolement	+				±	
	Fonction dans la phrase			-			-
	rapport syntagmatique		(±)	-	+		
	Mot-phrase	+			+		
distribution	variabilité positionnelle	+					-
modalité	Non déclarative	+			+		

Tableau 3 : Les interjections selon le niveau syntaxico-distributionnel

4.2. Propriétés sémantiques du signifié interjectionnel

Que ce soit en arabe ou en français, les interjections se distinguent généralement par leur caractère subjectif : expression d'une sensation, indice d'un sentiment, manifestation d'une émotion, d'un ordre... Les fonctions expressives et imitatives en sont les principaux traits distinctifs.

La question du sens des interjections a préoccupé récemment les linguistes et pragmaticiens. Ces particules sont "analysables sémantiquement" (Cf. Tesnière 1959 : 95) vu leur caractère polyfonctionnel et leurs valeurs sémantico-pragmatiques. La recherche sur le sémantisme de l'interjection s'inscrit non seulement dans une visée linguistique monolingue mais aussi dans une perspective bilingue/multilingue et dans la linguistique générale¹.

Pour certains, les interjections ne sont que des signes "vides de sens" sur lesquels s'accroche le sens selon le contexte. D'autres estiment que les interjections contiennent incontestablement un noyau sémantique inhérent qui est nuancé et activé in situ. A notre sens, si la vacuité de sens concerne majoritairement les interjections primaires, le « nuancage » sémantique touche plus particulièrement les interjections secondaires. Celles-ci, transférées d'autres classes grammaticales, passent par un processus de décatégorisation puis de recatégorisation en tant qu'éléments interjectifs dont le sens est plus ou moins proche du sens basal du mot. Ce déplacement sémantique et pragmatique peut se faire d'une manière totale : il s'agira donc d'un cas de désémantisation des unités interjectives déviées de leur prédestination sémantique originelle² : « *le passage à l'interjection implique donc la transposition, au-delà du sens littéral, des mots à sens déterminé, comme Mon Dieu!, en un phrasème dont le sens global n'équivaut plus au sens particulier des éléments qui le composent : dans les interjections secondaires, ces éléments perdent leur sens lexical spécifique et forment une unité significative* » (Buridant 2001 : 15). Or, le processus de désémantisation n'est pas toujours complet : il s'agit parfois d'un continuum sémantique reliant les différents emplois ou d'une légère mutation de sens³. De même, une même interjection peut voir son sens évoluer. Dans tous les cas, les interjections sont dépendantes du co(n)texte qui donne des instructions sur l'interprétation à donner. En effet, « *le contenu sémantique des interjections est très variable et ne s'explique vraiment qu'en fonction du contexte, des circonstances et des dispositions momentanées du locuteur. Les oh ! et les ah ! sont susceptibles d'exprimer toute une palette d'attitudes et d'opinions* » (Barbérís 1992 : 53). Il est à noter que l'interprétation contextuelle se fait à des degrés divers selon le caractère plus ou moins polysémique de l'interjection : « *plus la signification d'une interjection est spécifique et moins celle-ci est polysémique, et inversement : une interjection de large signification comme ah! demande un décryptage ou décodage plus contextuel qu'une interjection dont la signification est presque univoque* » (Buridant 2001 : 25-26).

La richesse sémantique des interjections est incontestable : celles-ci peuvent se

¹ Cf. Wierzbicka 1991 : 289.

² Exemple : Le sens du verbe *tenir* est perdu de vue dans l'interjection "*tiens!*".

³ Souvent, comme pour tous les éléments polysémiques, entre les deux ou plusieurs significations d'une interjection, il est possible de trouver une connexion sémantique.

charger d'effets de sens dérivés différents en fonction non seulement du contexte situationnel dans lequel elles se trouvent ancrées, mais aussi de l'intonation¹, des gestes et des mimiques. Toutefois, il existe plus ou moins un signifié conventionnel des interjections ; c'est ce signifié qui figure généralement dans les dictionnaires de langues. Les interjections peuvent marquer la satisfaction ("Chic !"), la colère ("Morbleu !"), la joie ("Youpi !"), la douleur ("Aïe !"), l'indifférence ("Bof !"), le dégoût ("Pouah !"), la surprise ("Ha !"), l'admiration ("Oh !"), le soulagement ("Ouf !"), l'hésitation ("Euh !"), l'encouragement ("Allons !"), la déception ("Zut !"), l'avertissement ("Gare !"), l'étonnement ("Ah bon !"), l'ordre ("Chut !"). Elles peuvent décrire un son ou un bruit ("Boum !", "Pouf !"), établir le contact ("Hé !", "Pst !")... Nous sommes donc face à la problématique « de la construction interjective du sens dans la transition entre langue et discours » (Olivier, Fauré 2000 : 4).

De surcroît, les unités interjectives peuvent servir à pointer un élément de la situation d'énonciation, signaler un enchaînement conclusif ou justificatif ou porter des traces d'opérations cognitives (Cf. Caron- Pargue, Caron 1995, 2000). Généralement, l'interjection est utilisée en dialogue dans un rapport locuteur-allocutaire, véhiculant le "je" et/ou le "tu/vous". Or, il est tout à fait possible de trouver une interjection monologique entre des propositions produites par le même locuteur.

Par ailleurs, les interjections en arabe sont, du point de vue sens, semblables aux verbes puisqu'elles expriment une action ou un sentiment/émotion secondés d'un temps². Pouvant se substituer sémantiquement et temporellement au verbe, elles s'en distinguent par trois caractéristiques : leur charge émotive, leur dimension rhétorique et leur éloquence, ainsi que leur efficience. Selon Kada (2008 : 160), il est inconcevable d'interpréter une interjection - qui appartient à une langue émotive - par une expression linguistique logique ; celle-ci doit être traduite par des formes émotives semblables sémantiquement. Grande est la différence entre "أوه" et "أتوجع" ("aïe !" et "je souffre"), entre "وى" et "أعجب" ("Oh !" et "je m'étonne"). L'effet même produit sur l'interlocuteur face aux deux formes énoncées est complètement différent. Etant donné que les formes interjectives contiennent une énorme charge émotionnelle accentuée par une exagération dans l'expression et la manifestation des sentiments, la forme exclamative avec la tournure "ما+أفعل" (/mâ 'af'al/ = quel +) s'avère être la forme la plus proche sémantiquement et pouvant véhiculer une impression quasi semblable : ex. وى = ما. أعجب. Toutefois, dans son sens, l'interjection demeure plus forte et plus intense.

Tout comme en français, les grammairiens et linguistes arabes se sont intéressés à décrire la sémantique des interjections. Celles-ci représentent une palette de valeurs : l'étonnement (واها - واها), la douleur (أخ - أواد - آه), le dégoût et l'insatisfaction (أف), l'ordre (صه - إيباك - حذار), l'interdiction (مه), la menace (أولى لك فأولى - ويل), la prière (أمين), l'avertissement (إيباك - حذار), ... Cependant, si les significations des interjections en français sont insaisissables et dépendent majoritairement de leur environnement contextuel, l'invariabilité sémantique est l'aspect dominant des interjections en arabe lesquelles véhiculent un signifié pour ainsi dire "stable". A titre d'exemple, une interjection comme "هيهات" (/hayhât/) ou "أف" (/uff/) voit sa signification s'imposer de façon quasi-obligatoire. Ces termes à sens presque déterminé rendent, pour l'arabe, la question des rapports entre le signifié de l'interjection en langue et en discours de second ordre.

Il est à noter que les interjections transférées d'autres parties du discours, plus particulièrement celles formées de "préposition+complément au génitif" et de "circonstant+complément au génitif", perdent leur sens littéral et originel et acquièrent un sens différent après le transfert à la catégorie des interjections : ex. "إليك" (/ilayaka/) prend le sens de "écarte-toi", "دونك" (/dûnaka/) et "عندك" (/indaka/) signifient "prends", "أمامك" (/amâmak/) veut dire "avance".

A ce stade, la question de l'intentionnalité³ qui conditionne ou non l'énonciation des interjections est cruciale : la production d'une interjection est-elle chargée d'intentionnalité ou s'agit-il d'une verbalisation spontanée ? Selon Cosnier (1997 : 13),

¹ Une panoplie d'impressions, d'émotions et de sens peut être traduite par une seule interjection prononcée chaque fois de façon différente.

² Nous avons présenté la classification des interjections en arabe selon le critère de la sémantique temporelle en interjection passée, interjection présente et interjection impérative. Voir *Supra*.

³ Nous n'aborderons pas la question des universaux des interjections qui relève de la linguistique typologique et la linguistique générale.

c'est une manifestation volontaire, une mise en scène de l'émotion, plutôt que d'une communication émotionnelle, un surgissement physique involontaire, incontrôlable, des affects. Danblon (2003 : 184) va dans le même sens en affirmant que « *toute forme d'expression linguistique doit avoir un terme intentionnel, même si celui-ci ne fait pas l'objet d'une représentation stable* ». A notre sens, l'énonciation d'une interjection est intentionnelle et consciente dans toute production destinée à un public (texte écrit, BD, théâtre, film...). Dans une conversation ou un dialogue réel, nulle intentionnalité consciente n'est à l'origine de leur énonciation : elles sont plutôt involontaires étant de simples réflexes du locuteur.

Voici un tableau récapitulant les ressemblances et les dissemblances entre les deux langues au niveau sémantique :

langues		français			arabe		
		+	±	-	+	±	-
sémantique	pts de comparaison						
	caractère subjectif	+			+		
	sens		±	-	+		
	richesse sémantique	+				±	
	variabilité sémantique	+		-			-
	intentionnalité	+			+		

Tableau 4 : Les interjections selon le niveau sémantique

5. Analyse contrastive sur corpus parallèle : juxtaposition et comparaison des données

Jusqu'ici, l'analyse contrastive nous a permis de mettre en parallèle le phénomène interjectif en arabe et en français aux niveaux graphique, phonique, morphologique, syntaxique, distributionnel et sémantique. Le cadre théorique établi exige par la suite que nous examinons des exemples afin de corroborer et de diversifier davantage notre argumentation. Nous tenterons donc à présent d'élaborer une réflexion plus orientée et plus ciblée en analysant la manifestation de ce fait dans les deux langues à travers l'examen d'un corpus parallèle bilingue bidirectionnel avec les questions phoniques, syntaxiques, sémantiques et pragmatiques liées à la traduction. Nous essaierons de voir comment s'effectue le transfert interlinguistique en comparant les textes originaux et les textes traduits¹. Le corpus utilisé ici comprend 38 exemples d'énoncés interjectifs pris dans des textes appartenant à des genres différents (littérature, textes sacrés et BD). Il s'agit donc d'un corpus exclusivement écrit : l'emploi des interjections ne se produit donc pas par hasard, mais de façon tout à fait consciente et voulue.

Selon Richet (2003 : 83), les interjections « *en tant que produits de l'instinct ou de l'affectivité, (...) transcenderaient les langues et formeraient par conséquent un 'langage' universellement compréhensible, rendant toute traduction inutile* ». Ce constat peut s'appliquer, à notre sens, aux interjections appartenant à des langues apparentées. De fait, si l'écart entre l'espagnol et le français peut se réduire lors de la traduction des interjections, surtout primaires, ceci ne sera nullement le cas, notamment lorsqu'il s'agit de deux langues aussi éloignées que le français et l'arabe.

Etant donné que c'est le contraste entre les deux langues qui nous intéresse, nous confronterons les phrases interjectives des deux langues, afin d'y déceler les dissemblances et les ressemblances entre elles, ainsi que les procédés utilisés lors du processus de traduction.

Pour ce qui est de l'attitude adoptée par le traducteur face à un texte comportant des interjections, il est évident que celui-ci doit faire montre de son savoir-faire linguistique dans la langue d'arrivée, connaître à fond les différents emplois et valeurs de l'interjection, être conscient de la nature du texte à traduire, comprendre la situation d'énonciation et le côté culturel, et posséder tous les procédés de l'opération traduisant afin de rendre à bon escient le même signifié, la même réalité et conserver la fidélité. « *Le contexte, le style, le ton, le personnage, l'auteur, sont autant d'éléments qui viennent naturellement nuancer et complexifier la simple translation* » (Richet, 2001 : 84). La fonctionnalité des interjections en arabe ou en français et la façon avec

¹ A côté de chaque exemple (original et traduction) figurera une référence succincte. La référence complète sera placée dans la bibliographie.

laquelle elles sont traitées surtout avec la question de la traduction peuvent poser des problèmes très liés aux questions sémantico-pragmatiques. Ceci implique que le traducteur devrait être, ou même doit être, conscient pour pouvoir – et savoir – résoudre ces problèmes de traduction des paires de langues en général et des interjections en particulier. L'élaboration de stratégies appropriées se révèle être donc nécessaire.

5.1. L'interjection de l'arabe vers le français

Cette partie présentera l'arabe comme langue source (LS) et le français comme langue cible (LC). Ci-après, nous présenterons quelques exemples d'interjections pour en analyser les traductions en français. L'arabe coranique étant la référence par excellence de l'arabe classique, nous en avançons quelques énoncés comportant des unités interjectives et leur traduction¹ :

(1) **أَفَبِ لَكُمْ** وَلِمَا تَعْبُدُونَ مِنْ دُونِ اللَّهِ أَفَلَا تَعْقِلُونَ (سورة الأنبياء، آية 67)

(1') **Fi** de vous et de ce que vous adorez en dehors d'Allah ! Ne raisonnez-vous pas ? (La sourate Al-Anbiyâ', Les prophètes, verset 67)

(1'') **Fi** de vous et de ces idoles que vous adorez en dehors d'Allah ! Allez-vous être raisonnables ? (La sourate Al-Anbiyâ', Les prophètes, verset 67)

(2) وَأَصْحَابُ الَّذِينَ تَمُنُّوا بِمَكَانِهِ بِالْأَمْسِ يَقُولُونَ وَيُكَانُّ اللَّهُ يَبْسُطُ الرِّزْقَ لِمَنْ يَشَاءُ مِنْ عِبَادِهِ وَيَقْدِرُ (سورة القصص ، آية 82)

(2') Et ceux qui, la veille, souhaitaient d'être à sa place, se mirent à dire : "**Ah** ! Il est vrai qu'Allah augmente la part de qui Il veut, parmi Ses serviteurs, ou la restreint." (La sourate Al-Qaşaş, le récit, verset 82)

(2'') Aussitôt, ceux qui, hier, convoitaient sa place, dirent : "**Eh bien** ! Allah dispense ses biens à qui Il veut parmi Ses Serviteurs, soit avec largesse, soit avec mesure (...)" (La sourate Al-Qaşaş, le récit, verset 82)

(3) وَيَلِّ لِكُلِّ هُمَزَةٍ لُحْمَةٌ (سورة الهمزة ، آية 1)

(3') **Malheur** à tout calomniateur diffamateur, (La sourate Al-Humazah, les calomniateurs, verset 1)

(3'') **Malheur** à tout diffamateur médisant (La sourate Al-Humazah, le diffamateur, verset 1)

(4) **أُولَىٰ لَكَ فَأُولَىٰ . ثُمَّ أُولَىٰ لَكَ فَأُولَىٰ** (سورة القيامة، آية 34-35)

(4') "**Malheur à toi, malheur !**". Et encore **malheur à toi, malheur !** (La sourate Al-Qiyâmah, la résurrection, versets 34-35)

(4'') [il sera dit] : "**Malheur à toi ! À toi le malheur !**". Et encore **malheur à toi ! À toi le malheur !**" (La sourate Al-Qiyâmah, la résurrection, versets 34-35)

En ces occurrences, et dans le passage de l'arabe vers le français, il y a rétention des interjections de la LS dans la LC, avec équivalence sémantico-pragmatique (en pareil contexte, les mots "**أَفَبِ**" et "**Fi**" sont tous deux des interjections signifiant le dégoût et la désapprobation, "**ويُكَانُّ**" et "**Ah !**" ou "**Eh bien !**" sont des exclamatifs et introduisent un élément d'information que le locuteur désire mettre en valeur², "**ويَلِّ**" et "**Malheur à**" désignent la malédiction et une prédication pessimiste, "**أُولَىٰ لَكَ فَأُولَىٰ**" et "**Malheur à**" signifient aussi une menace et l'entraînement de conséquences néfastes) et distributionnelle (la position des interjections dans la chaîne syntagmatique est la même dans les deux langues à l'exception de l'exemple (4'') où il y a inversion dans l'ordre des mots dans la deuxième partie de la phrase. Cette inversion crée un effet rythmique particulier et attire davantage l'attention sur le signifié et le signifiant interjectif). L'absence totale d'équivalence au niveau graphique entre le français et l'arabe est évidente³. Notons toutefois que, dans l'exemple (1), l'interjection arabe "**أَفَبِ**" est phonétiquement en harmonie avec le "**Fi**" du français. Cette légère ressemblance

¹ Nous présentons respectivement deux traductions du *Noble Coran* : la première est celle de Dr. Mouhammad Hamidallah et révisée de la part du Complexe du Roi Fahd, la deuxième est celle de Dr Mohamed EL Moktar Ould Bah et révisée toujours par le Complexe.

² A notre sens, l'interjection "eh bien !" est la plus adéquate en pareil contexte et la plus proche sémantiquement de "ويُكَانُّ" après de multiples lectures des interprétations du verset dont celle de Al Tabari.

³ Vu l'utilisation d'un alphabet différent ainsi que l'écriture à sens sinistrophe, le critère graphique ne sera pas ciblé.

phonique est, à notre sens, intentionnelle, dans une tentative de rendre, autant que faire se peut, quelque chose du rythme allitérant et assonancé du texte coranique.

Outre le maintien des interjections de la LS, nous remarquons une autre stratégie traductologique consistant à traduire l'interjection en utilisant une structure non-interjective avec un sens similaire :

(5) **فَدَعَلَمَ اللّٰهُ الْمَعْرِفِيْنَ مِنْكُمْ وَالْقَائِلِيْنَ لِأَخْوَانِهِمْ هَلُمَّ إِلَيْنَا وَلَا يَأْتُونَ الْبَاسَ إِلَّا قَلِيْلًا** (سورة الأحزاب، آية 18)

(5') Certes, Allah connaît ceux d'entre vous qui suscitent des obstacles, ainsi que ceux qui disent à leurs frères : "**Venez** à nous", tandis qu'ils ne déploient que peu d'ardeur au combat (La sourate Al-Aḥzab, les coalisés, verset 18)

(5'') Allah connaît bien ceux d'entre eux qui dressent les obstacles [devant les croyants] et qui disent à leurs proches : "**Revenez** donc vers nous", tout en évitant de participer vraiment au combat (La sourate Al-Aḥzab, les coalisés, verset 18)

(6) **وَرَاوَدَتْهُ الَّتِي هُوَ فِي بَيْتِهَا عَنْ نَفْسِهِ وَغَلَقَتِ الْأَبْوَابَ وَقَالَتْ هَيْت لَكَ** (سورة يوسف ، آية 23)

(6') Or celle [Zulikha] qui l'avait reçu dans sa maison essaya de le séduire. Et elle ferma bien les portes et dit : "**Viens**, (je suis prête pour toi !)" (La sourate Yūsuf, Joseph, verset 23)

(6'') La maîtresse de la maison où il vivait tenta de le séduire. Elle ferma [toutes] les issues de la maison et dit : "**Me voici**, je suis toute à toi." (La sourate Yūsuf, Joseph, verset 23)

(7) **فَأَمَّا مَنْ أُوْتِيَ كِتَابَهُ بِيَمِينِهِ فَقُولْ هَٰؤُلَاءِ أَقْرَبُ إِلَيْنَا مِنْ هَٰؤُلَاءِ وَلَٰكِن يَأْتُونَ الْبَاسَ أَكْثَرًا مِنْهُمْ** (سورة الحاقة ، آية 19)

(7') Quant à celui à qui on aura remis le Livre en sa main droite, il dira : "**Tenez** ! lisez mon livre (La sourate Al-Ḥāqqah, celle qui montre la vérité, verset 19)

(7'') Celui à qui on remettra son bilan par la main droite dira : "Voici mon bilan ; **venez** donc le lire ! (La sourate Al-Ḥāqqah, l'inéluctable, verset 19)

Dans ces énoncés, le traducteur évite le transfert des interjections de la LS par leur homologue en LC ; les interjections sont remplacées par des structures sémantiquement et fonctionnellement correspondantes : "**هَلُمَّ**" → "**venez**"/"**revenez**"; "**هَيْت**" → "**viens**"/"**me voici**"; "**هَٰؤُلَاءِ**" → "**Tenez**"/"**Venez**". Comme les interjections arabes ressemblent aux verbes et s'y substituent sémantiquement et temporellement, elles peuvent donc facilement être transposées par leurs équivalents sémantiques, en l'occurrence des verbes à l'impératif (ex. 5', 5'', 6', 7', 7'') ou des présentatifs (ex. 6'').

L'équivalence des structures disparaît également dans les énoncés ci-dessous où l'interjection présente dans le texte de départ est transformée lors du processus de traduction en un élément de nature différente mais identique sémantiquement :

(8) **هَيْهَاتَ هَيْهَاتَ لِمَا تُوعَدُونَ** (سورة المؤمنون، آية 36)

(8') **Loin, loin**, ce qu'on vous promet ! (La sourate Al-Muminūn, les croyants, verset 36)

(8'') **Chimères, rien que chimères**, ce genre de promesse ! (La sourate Al-Muminūn, les croyants, verset 36)

(9) **يَا أَيُّهَا الَّذِينَ آمَنُوا عَلَيْكُمْ أَنْفُسَكُمْ لَا تَضُرُّكُمْ مَن ضَلَّ إِذَا اهْتَدَيْتُمْ** (سورة المائدة، آية 105)

(9') Ô les croyants ! **Vous êtes responsables** de vous-mêmes ! Celui qui s'égare ne vous nuira point si vous vous avez pris la bonne voie. (La sourate Al-Mā'idah, la table servie, verset 105)

(9'') Ô vous qui croyez ! **Attachez-vous** à votre propre salut. Si vous êtes sur la bonne voie, les égarés ne sauraient vous nuire. (La sourate Al-Mā'idah, le festin, verset 105)

Dans l'exemple (8), l'interjection arabe "هيهات" est traduite par l'adverbe "loin" (8') et le substantif "chimères" (8'') lesquels rendent le signifié de l'interjection du texte de départ (notamment 8', le 8'' étant un peu plus éloigné de l'interjection initiale). La répétition est également conservée dans le texte d'arrivée en vue de maintenir la valeur d'affirmation et d'assertion voulue. Il en va de même pour l'exemple (9) où l'interjection "عليكم" est traduite par des équivalents sémantiques (notamment 9')¹. A notre sens, le

¹ Notons que, dans l'exemple (9''), la structure "attachez-vous" s'éloigne sémantiquement de l'original.

choix de cette stratégie - traduction en utilisant une structure non-interjective avec un sens similaire - est dicté par la LC qui n'a pas un équivalent interjectif adéquat.

L'objectif premier de la traduction étant de faciliter la communication entre les langues et les cultures, l'ajout d'une interjection dans la LC alors qu'elle est absente de la LS pourrait bien parfaire le sens. Afin de mieux illustrer notre propos, comparons ces deux constructions :

(10) وَقَالَ الَّذِينَ اتَّبَعُوا لَوْ أَنَّ لَنَا كَرَّةً فَنَتَبَرَّأُ مِنْهُمْ كَمَا تَبَرَّأُوا مِنَّا (سورة البقرة، آية 167)

(10') Et les suiveurs diront : "**Ah** ! Si un retour nous était possible ! Alors nous les désavouerions comme ils nous ont désavoués" (La sourate Al-Baqarah, la vache, verset 167)

(10'') diront : **Ah** si nous avons l'occasion de revenir à la vie, nous les désavouerions comme ils nous ont rejetés." (La sourate Al-Baqarah, la vache, verset 167)

(11) قَالَ بَلْ سَأَلْتُ لَكُمْ أَنْفُسَكُمْ أَمْرًا أَفْصَحُ جَمِيلٌ عَسَى اللَّهُ أَنْ يَأْتِيَنِي بِهِمْ جَمِيعًا إِنَّهُ هُوَ الْعَلِيمُ الْحَكِيمُ (سورة يوسف، آية 83)

(11') Alors [Jacob] dit : "Vos âmes plutôt vous inspiré [d'entreprendre] quelque chose ! ... **Oh** ! belle patience. (Yūsuf, Joseph, verset 83)

(11'') Le père dit : "C'est plutôt une machination que vous avez ourdie vous-mêmes. Que ma patience soit sereine ! (Yūsuf, Joseph, verset 83)

Dans l'exemple (10), l'énoncé de la LS, sans interjection, se trouve rendu en LC par l'interjection "*Ah*" interjection qui, pragmatiquement, importe le sens de l'original et sert à donner plus de force à la phrase. Pour l'énoncé (11), la 1ère traduction opte pour l'usage de l'unité interjective "*Oh* !" pour marquer la déception. La 2ème traduction emploie une phrase à modalité exclamative. Le choix d'introduire un élément interjectif semble bien transmettre le sens de l'original, quoique de manière différente.

5.2. L'interjection du français vers l'arabe

Jusqu'ici, dans notre analyse, nous avons noté que les interjections sont cruciales au cours de la reformulation dans une autre langue comme un moyen de communication. Dans cette partie, nous nous intéresserons aux formes interjectives en français (LS) et leur traduction en arabe (LC).

En français, la bande dessinée constitue un discours qui regorge d'interjections. Les données chiffrées soulignent l'importance du phénomène interjectif comme reflet de l'expressivité dans ce type d'écrit oralisé. La traduction de ces unités s'avère être un travail fastidieux d'autant plus que les langues en question ne présentent presque pas de similarité, ce qui implique le recours à différentes stratégies au cours de l'opération de traduction. Nous avons choisi la BD *Les aventures de Tintin* pour illustrer nos propos. Examinons ces quelques exemples :

Original	Traduction
(12) <i>Hop ! en voilà un !...</i> (<i>Tintin en Amérique</i> , p.7)	(12) هوب! ... انتريت من الأول.. (تان تان و عصابات شيكاغو، ص7)
(13) (<i>Tintin en Amérique</i> , p.2)	(13) (تان تان و عصابات شيكاغو، ص2)
(14) <i>Ouf ! j'ai eu de la chance ! Me voilà débarrassé d'eux !</i> (<i>Tintin en Amérique</i> , p.8)	(14) يا ه! أخيراً أخلصت منهم... !! (تان تان و عصابات شيكاغو، ص8)
(15) <i>Et hop ! au troisième de ces messieurs !... Et maintenant, prévenons la police...</i>	(15)

(Tintin en Amérique, p.7)	طاخ! دبط! التهم! .. فالانار ابولينس اركه! (تان تان و عصابات شيكاغو، ص7)
(16) Euh!...Ce cheval me plaît, oui... mais... euh...vous n'au- (Tintin en Amérique, p.17)	(16) هآ! .. الحصان يعجبني.. ولكن.. (تان تان و عصابات شيكاغو، ص17)
(17) CLAC (Tintin en Amérique, p.22)	(17) تراف (تان تان و عصابات شيكاغو، ص22)

Dans tous les exemples susmentionnés, les interjections de la LS sont maintenues dans la LC et sur le plan distributionnel, elles occupent la même position que dans le texte de départ. Or, dans les six cas, la traduction n'est pas identique. Explicitons :

- Dans l'exemple (12) et (12'), le passage du français à l'arabe est strictement un emprunt (hop → هوب). Le traducteur, au lieu de trouver ou de créer une interjection équivalente dans la langue d'arrivée, a emprunté littéralement la forme interjective de la LS avec une légère modification phonique qui s'adapte au système arabe (le "h" - muet en français - est prononcé en arabe et le /p/ français est prononcé /b/ en arabe). Etymologiquement parlant, le mot "هوب" (/hob/) n'existe pas en arabe. Il peut toutefois être utilisé à l'oral sous l'influence de quelques langues et cultures étrangères et signifie le début d'une action du locuteur, tout comme en français. L'exemple (13/13') se rapproche de l'exemple précédent : l'interjection onomatopéique "Boum" et "بوم", reproduisant le bruit de l'explosion, est un cas de correspondance phonique à une différence près : la voyelle /u/ du français devient /o/ en arabe. Parfois, il y a un calque phonique lorsque l'interjection en arabe est rédigée avec multiplication de la voyelle ("بوووم"). Cette stratégie d'emprunt à l'identique est rare notamment avec les langues avec peu de ressemblance comme le français et l'arabe. Une adaptation phonique est généralement envisagée. Pour les exemples (14) et (15), les interjections du texte de départ (Ouf!; hop!) sont traduites par des interjections, qui, quoique différentes formellement, sont similaires sémantiquement en pareil contexte (! /yâh- /ياه /طاخ/ /tâkh/). De fait, l'énoncé (15) mérite qu'on s'y attarde : l'interjection "hop!" n'est pas l'équivalent sémantique de "طاخ" (/tâkh/) de l'arabe. Ici, il faut cependant se référer au contexte et au dessin de la vignette pour se rendre compte que le choix de "طاخ" (/tâkh/) est adéquat. Le traducteur a donc réussi à fournir des équivalents de traduction qui possèdent la même valeur dans le discours.

- Quant à l'énoncé (16) et sa traduction (16'), il y a lieu de signaler un cas de traduction inexacte : l'interjection initiale (euh!) qui marque l'hésitation est traduite par l'interjection (! آه Ah) dont le signifié est différent même pragmatiquement. De fait, si le traducteur a conservé l'élément interjectif du texte source dans le texte cible, il n'a tout de même pas su en proposer une transposition adéquate. L'interjection "هم" (/hm/) aurait pu être un équivalent interjectif bien adapté au sens et au contexte.

- L'exemple (17/17') est un cas d'équivalence de traduction stéréotypée : toute interjection onomatopéique reproduisant un bruit retentissant et soudain de frappe ou d'éclatement (Clac; Plop; Bang) est traduite par la forme interjective arabe "تراف" (/trâkh/) ou "طاخ" (/tâkh/).

Outre ces cas où l'on a affaire à la traduction d'une interjection par une interjection, une autre stratégie pourrait également être mise en jeu lors du transfert interlingual :

Original	Traduction
(18) Tonnerre! (Tintin en Amérique, p.17)	(18) يا للبعنة! .. (تان تان و عصابات شيكاغو، ص17)
(19) Zut!... (Tintin en Amérique, p.19)	(19) يا للمصيبة! (تان تان و عصابات شيكاغو، ص19)

<p>(20) <i>Oh! le beau cheval!</i> (Tintin en Amérique, p.17)</p>	<p>يا جميل المصان! (تان تان و عصابات شيكاغو، ص17)</p>
<p>(21) <i>Oh! oh! quel palace!</i> (Tintin en Amérique, p.9)</p>	<p>يا له من قصر جميل (تان تان و عصابات شيكاغو، ص9)</p>
<p>(22) <i>Ça lui a coupé le sifflet, hein!...</i> (Tintin en Amérique, p.6)</p>	<p>ضربة تاضية! أليس كذلك؟ (تان تان و عصابات شيكاغو، ص6)</p>
<p>(23) <i>Zut! quelle guigne! Mon pneu est crevé!...</i> (Tintin en Amérique, p.2)</p>	<p>لقد هويته بعجلة!.. يا له من طبع! (تان تان و عصابات شيكاغو، ص2)</p>
<p>(24) <i>Aïe! un autre policeman!... Me voilà pris...</i> (Tintin en Amérique, p.8)</p>	<p>شرطي آخر! لقد ضعتك! (تان تان و عصابات شيكاغو، ص8)</p>
<p>(25) <i>Ah!... Vous croyez?...</i> (Tintin en Amérique, p.12)</p>	<p>أعتقد ذلك؟.. (تان تان و عصابات شيكاغو، ص12)</p>
<p>(26) <i>Si tu le vois, ne le rate pas, hein!...</i> (Tintin en Amérique, p.13)</p>	<p>لا تخطئه إذا لمسه!! (تان تان و عصابات شيكاغو، ص13)</p>

L'étude contrastive des exemples ci-dessus dénote que les interjections de la LS sont toutes évitées dans la LC. Or, en ces occurrences, deux cas se présentent :

- Dans les énoncés de (18) à (22), les interjections sont traduites par des éléments non interjectifs de sens identique : "tonnerre !" et "zut !" (ex. 18 et 19) sont transposés par un vocatif "يا" /yâ/ suivi d'un substantif à valeur de juron (18') ou à valeur de mécontentement ou de frustration face à une situation donnée (19'). Notons toutefois que l'équivalent interjectif existe effectivement en arabe pour l'énoncé (19) "zut → تبا". L'interjection "Oh !" des exemples (20) et (21) se trouve remplacée en LC par une structure correspondante sémantiquement (le vocatif يا /yâ/ et la particule exclamative ما /mâ/ respectivement) pour exprimer l'admiration. La répétition de la même interjection en français (21) est cependant négligée dans le texte d'arrivée ce qui supprime une nuance du texte de départ. L'interjection "hein !" de l'exemple (22) est traduite par une tournure interrogative "أليس كذلك؟" ("n'est-ce pas") marquant la satisfaction du locuteur, lequel réclame à l'allocutaire de déclarer son assentiment.

- Quant aux énoncés de (23) à (26), ils représentent un cas de non traduction ou de traduction zéro : les interjections du texte original (zut ! aïe ! ah ! hein !) sont omises dans la LC sans même qu'elles ne soient suppléées par un élément correspondant, interjectionnel ou non. À notre sens, aucune raison ne justifie cette omission d'autant plus que les correspondances sémantiques existent en arabe, notamment pour les énoncés (23), (24) et (25) ("zut → تبا", "aïe → أخ", "ah → أه").

Cette stratégie d'évitement (par utilisation d'une autre structure ou par omission) est due principalement à l'écart entre le français et l'arabe. En effet, « la situation, le dessin dans lequel apparaît l'interjection, est la clé pour déchiffrer la valeur de l'interjection » (Sierra Soriano 1999 : 600).

- (31) IRENE, *cri strident prolongé. Aaaaah !* (Acte I, scène III, p.60)
(31) إيرين : (تطلق صرخة مدوية و طويلة) أه أه أه ! (الفصل الأول - المشهد الثالث ، ص 147)

Cette modification phonique - par transcription de l'oral dans l'écrit - respecte, à notre sens, le code linguistique de chaque langue et ne nuit nullement à l'effet expressif désiré.

Sur le plan sémantique, c'est la polysémie de l'interjection "Ah" qui pose le plus de problèmes dans la traduction français-arabe. Cette interjection sert en français à marquer toutes sortes de sentiments vifs comme l'extase, le délice, l'intérêt, l'admiration, la douleur, l'indignation ou l'impatience. Elle peut dénoter la surprise, l'ironie ou la réticence. Elle peut aussi servir à raviver la conversation. Notons toutefois que, en arabe littéral, l'interjection "أه" (/âh/) signifie la douleur ou la tristesse¹. Ce n'est que dans la langue orale qu'elle peut revêtir d'autres acceptions selon le contexte. Considérons ces quelques énoncés :

- (32) PALMYRE, *en extase. Ah!* (Acte I, Scène I, p. 2)
(32) بالمير : (متحمسة) أه ! (الفصل الأول - المشهد الأول ، ص 28)

- (33) TOUS TROIS, *s'asseyant. Ah bon.* (Acte III, Tableau I, scène IV, p.101)
(33) الثلاثة : (يجلسون) أه ! حسنا. (الفصل الثالث - اللوحة الأولى - المشهد الرابع ، ص 232)

- (34) TOUS, *le conspuant. Ah! non!... non, pas toi!* (Acte I, scène 1, p. 2)
(34) الجميع : (مقاطعين) أه ! كلا ! ... ! إانت ! (الفصل الأول - المشهد الأول ، ص 29)

(35) ENSEMBLE

- a. PALMYRE. — **Ah ! ben**, tu as de la bonté de reste!
b. BOAS. — **Ah ! bien**, c'est pas moi qui ferais ça !
c. VALCREUSE. — **Ah ! ben**, tu es vraiment bonne fille!
d. PALMYRE. — **Ah! oui**, alors! (Acte I, scène III, p. 9)

- (35) يتكلمون معا
أ - بالمير : أه ! إنك طيبة جدا !
ب - بوس : أه ! لو كنت أنا من فعلت ذلك !
ج - فالكروز : إنك حقيقة فتاة طيبة !
د - بالمير : أجل ، و ماذا بعد ! (الفصل الأول - المشهد الثالث ، ص 43)

Dans l'énoncé (32), le "Ah", marque de joie et d'admiration extrême se trouve traduit par l'interjection "أه" qui, en arabe oral, lui est équivalente. Lorsque l'interjection "Ah" est suivie d'autres interjections ou d'autres classes de mots, deux possibilités de traduction sont offertes : garder l'interjection "أه" (/âh/) dans la LC (ex. 33', 34', 35'a et b) ou la supprimer (35' c et d). À notre sens, le traducteur aurait pu omettre les interjections des exemples (33) et (34), comme il l'a d'ailleurs fait pour les énoncés 35' c et d, d'autant plus que le français est plus enclin à utiliser et à multiplier les interjections, alors que l'arabe peut y suppléer par la simple présence d'autres mots comme "حسنا" ou "كلا" qui suffisent à exprimer les nuances de sens et les différents affects du texte original.

L'interjection "Aha", variante de "Ah", se trouve transposée tantôt telle quelle (ex.36'), tantôt avec modulation (ex. 37' et 38') :

- (36) MARCEL, ne pouvant réprimer un petit cri de douleur. **Aha !** (Tout en faisant manœuvrer ses phalanges endolories.) Ce cher Etienne! (Acte II, Scène XV, p.87)
(36) مارسيل : (لا يستطيع أن يكتم صرخة) آها ! (و هو يحرك أصابعه الموجوعة) هذا العزيز إيتيين ! (الفصل الثاني - المشهد الخامس عشر ، ص 203)

- (37) ETIENNE. **Aha !** (Acte I, Scène VII, p.14)
(37) إيتيين : ها ... ! (الفصل الأول - المشهد السابع ، ص 54)

- (38) ETIENNE (2), *un peu au-dessus d'Irène. Aha !* je vois qu'il vous a parlé de moi. (Acte I, Scène 7, p.19)

¹كلمة توجع أو تحزن المعجم الوسيط ص. 33

(38)، أيتيين : أه ! أرى أنه كلمك عنى. (الفصل الأول - المشهد السابع ، ص 63)

Cette interjection marquant la découverte (ex.37) ou l'étonnement (ex.38) est traduite par une forme interjective quasi conforme phoniquement ("ها" /hâ/, "أه" /âh/). Pour l'exemple (36), nous trouvons que le choix de l'interjection "Aha" dans le texte français n'a pas de rigueur au niveau sémantique. Une interjection telle que "aïe" serait mieux assortie en pareil contexte. Le traducteur a opté pour l'emprunt en utilisant la même interjection en arabe "أها" (/âhâ/) au moment où il aurait dû analyser le sens de la LS et suggérer, dans la LC, l'interjection "أه" (/âh/) ou "أخ" (/akh/), plus adéquate sémantiquement et pragmatiquement.

Bref, dans l'échantillon sélectionné, il ressort incontestablement qu'il existe quatre stratégies pour la traduction bidirectionnelle arabe/français des interjections :

1. *Traduction en utilisant une interjection*
 - a. Traduction en utilisant une interjection avec la même forme et le même sens (emprunt)
 - interjection → interjection à l'identique
 - b. Traduction en utilisant une interjection avec une forme différente mais le même sens (équivalence)
 - interjection → interjection à sens similaire
 - c. Traduction en utilisant une interjection avec un sens différent (*traduction inexacte)
 - interjection → interjection à sens différent
2. *Traduction en utilisant une structure non-interjective*
 - a. Traduction en utilisant une structure non-interjective avec un sens similaire
 - interjection → élément non interjectif à sens similaire
 - b. Traduction en utilisant une structure non-interjective avec un sens différent (*traduction inexacte)
 - interjection → élément non interjectif à sens différent
3. *Non traduction ou traduction zéro* (omission)
 - interjection → ∅
4. *Introduction d'interjection* (ajout)
 - ∅ → interjection

La stratégie (1.a.) est la moins utilisée, vu le système linguistique ostensiblement différent des deux langues. Les stratégies (1.b.) et (2.a.) sont les plus adoptées et les mieux assorties dans l'opération de transfert interlinguale. Le recours aux stratégies (3) et (4) est relatif et dépend majoritairement du sens des interjections et du contexte. Quant à (1.c.) et (2.b.), elles sont à éviter catégoriquement puisqu'elles mènent à des traductions inexactes ou erronées. Il est donc bon de faire valoir les stratégies fondées sur l'équivalence sémantique et fonctionnelle qui sont des solutions appropriées pour faciliter la communication entre les paires de langues, en particulier quand il est question de traduire les interjections. Il s'avère donc nécessaire de considérer le sens pragmatique d'une interjection plutôt que son sens littéral. De l'observation de ces stratégies et leur application sur corpus découle également une remarque concernant la fréquence plus élevée des interjections en français, notamment avec la stratégie (3) du français vers l'arabe et la stratégie (4) de l'arabe vers le français.

5. Conclusion

Au terme de ce travail, nous pouvons confirmer que les interjections sont comme la saveur qui donne à la langue utilisée son goût, ainsi qu'une intégrité et une authenticité particulières. Elles font la signification des énoncés pour qu'ils soient plus clairs et plus visibles.

Dans le présent article, nous avons analysé le phénomène interjectif en français et en arabe. Suite à de longues observations du paysage linguistique des interjections dans les deux langues, nous sommes arrivées à maintes conclusions.

Si le phénomène interjectif est bel et bien présent, il demeure un sujet controversé. L'analyse contrastive semble confirmer une nette hétérogénéité entre les systèmes linguistiques du français et de l'arabe. Que ce soit sur le plan du signifiant ou du signifié, nous avons souligné l'écart qui se manifeste non seulement au niveau

graphique et phonique, mais également au niveau de la description bilingue morphologique, syntaxique et sémantique.

Dans la dernière partie, notre attention s'est concentrée sur l'analyse contrastive en corpus bilingue en présentant les différents modèles et stratégies utilisés afin de transmettre les particules interjectives d'une langue à l'autre. Nous avons pris en compte des exemples où une interjection du texte de départ est conservée dans le texte d'arrivée, est transformée lors du processus de traduction en un élément non interjectif - plus ou moins éloignée de l'interjection initiale-, est omise dans la traduction, ou est au contraire ajoutée, avec quelques exemples complémentaires de traduction inexacte. Au niveau quantitatif, le français est plus enclin à utiliser des interjections et même à les multiplier dans un même énoncé. Bien que les unités interjectionnelles constituent incontestablement des universaux de langue, la manifestation de ce phénomène varie donc en nombre, en forme et en sens lors du passage d'une langue à l'autre.

Nous espérons avoir présenté des observations qui pourraient apporter une contribution à l'étude linguistique bilingue des interjections, d'autant plus qu'aucune étude français-arabe n'a été envisagée. Il resterait évidemment à travailler, de façon plus fine, chaque interjection. C'est sur ces articulations que nous entendons poursuivre notre recherche sur les interjections.

Textes d'application

1. القرآن الكريم

Le Noble Coran et la traduction en langue française de ses sens, Traduction faite par Dr. Mouhammad HAMIDALLAH et révisé de la part du Complexe par Dr. Mouhammad Ahmad LO, Cheikh Ahmad Mouhammad al-Amine al-CHINQUITI et Cheikh Fodé Soriba CAMARA, Complexe Roi Fahd pour l'impression du Noble Coran.

Le Noble Coran et la traduction en langue française de ses sens, Traduction faite par Dr. Mohamed El Moktar Ould Bah et révisé de la part du complexe du Roi Fahd par Dr. Bello Manna.

2. Hergé, Les Aventures de Tintin : Tintin en Amérique, éd Casterman, 1993.

هيرجيه ، مغامرات مثيرة : تان تان و عصابات شيكاغو ، دار المعارف للطبعة العربية

3. Georges Feydeau, Occupe-toi d'Amélie, éd. Le Livre de Poche, 1995.

فيدو (جورج) ، الأعمال الكاملة للكاتب الفرنسي جورج فيدو (الجزء الأول) ، تقديم مارسيل أشار ، ترجمة د. حمادة إبراهيم ، روائع المسرح العالمي ، تصدر عن المركز القومي للمسرح و الموسيقى و الفنون الشعبية ، 2006

RÉFÉRENCES

1. Ameka F. Interjections : The Universal yet Neglected Part of Speech. *Journal of Pragmatics*, n° 18, 1992. Pp.101-118.
2. Bally C. *Linguistique générale et linguistique française*. Berne, Francke, 1965. 440 p.
3. Barbéris J.-M. Onomatopée, interjection, un défi pour la grammaire. *L'information grammaticale*, n° 1, 1992. Pp. 52-57
4. Buridant C. L'interjection : jeux et enjeux. *Langages*, n° 161, 2006/1. Pp. 3-9.
5. Buridant C. *L'interjection en français : esquisse d'une étude diachronique. Essai de synthèse des travaux et aperçu sur l'histoire et les emplois de «Hélas!»*, Strasbourg, Université Marc Bloch. 2001. URL : <http://buridantesque.fr/wp-content/uploads/interjection.pdf>
6. Caron-Pargue J., Caron J, Les interjections comme marqueurs du fonctionnement cognitif. *Cahiers de praxématique*, n° 34, 2000. Pp. 51-76
7. Cartoni B., Namer F. Linguistique contrastive et morphologie : les noms en *-iste* dans une approche onomasiologique. *Congrès Mondial de Linguistique Française - CMLF 2012 SHS Web of Conferences*, n° 1, 2012. Pp.1245- 1259.
8. Cosnier J., Vaysse, J. Sémiotique des gestes communicatifs, *Nouveaux actes sémiotiques*, n° 52-53-54, Limoges, Université de Limoges, 1997. Pp. 7-28.
9. Damourette J., Pichon E. *Essai de grammaire de la langue française. Des mots à la pensée, t.1*. Paris, D'Artrey, coll. Des Linguistes contemporains, 1911-1927.

10. Danblon E. Du cri au discours expressif : une approche généalogique de l'expression des émotions. *Les émotions, Cognition, langage et développement*. Sprimont, Mardaga, 2003. Pp. 181-186.
11. Fernández, A. Y. Linguistique contrastive, linguistique comparée ou linguistique tout court?, *Presencia y renovación de la lingüística francesa*. Ediciones Universidad de Salamanca, 2001. Pp. 435-443.
12. Grevisse M., Goosse A. Le bon usage, 14e ed. Bruxelles: De Boeck, 2008. 1600 p.
13. Gonçalves M. Sur le statut linguistique de l'interjection, Universidade Católica Portuguesa - Braga; Centro de Estudos Humanísticos Praça da Faculdade de Filosofia, 1; 4710-297 Braga, 2008. URL : elvira.illf.uam.es/clg8/actas/pdf/paperCLG47.pdf
14. Kleiber G. Sémiotique de l'interjection. *Langages*, n° 161, 2006/1, 2006. Pp. 10-23.
15. Halté P. *Les marques modales dans les chats : étude sémiotique et pragmatique des interjections et des émoticônes dans un corpus de conversations synchrones en ligne*, Thèse de doctorat En cotutelle avec les Universités du Luxembourg et de Lorraine, présentée à l'Université du Luxembourg, le 13 décembre 2013. (568 p.)
16. Hérique E. Les mots de l'oubli: les interjections, *Actualité scientifique: La mémoire des mots*. Montréal; Tunis: Serviced, Proceedings of the Vème Journées Scientifiques" of 25-27 september 1997, 1998. Pp.627-635.
17. *Le Goffic P. Grammaire de la phrase française*. Paris: Hachette, 1993. 591 p.
18. Melnikienė D. Le statut Grammatical des onomatopées dans la linguistique moderne, *Verbum*, n° 6, 2015. Pp.168-187.
19. Olivier C., Fauré L. Présentation, *Cahiers de praxématique*, n°34, 2000. Pp. 3-11.
20. Rawoens G. Les corpus bilingues et la linguistique contrastive. Une étude de constructions causatives basée sur un corpus parallèle néerlandais-suédois. *9es Journées internationales d'Analyse statistique des Données Textuelles*. JADT, 2008. Pp. 971-980.
21. Rey A. Préface de Marie Treps, *Allons-y, Alonzo ! ou le petit théâtre de l'interjection*, éd. du Seuil, coll. Point Virgule, 1994. Pp. 7-9.
22. Rézeau P. L'interjection accompagnée d'un geste. Plaidoyer pour une description lexicographique. *Langages*, n° 161, 2006/1. Pp. 91-100.
23. Richet B. Quelques données et réflexions sur la traduction des interjections. Michel Ballard (éd.). *Oralité et traduction*. Arras: Artois Presses Université, 2001. Pp.79-128.
24. Richet B. La traduction au cœur de l'analyse linguistique : l'exemple de la traduction non interjective des interjections. *Traductologie, Linguistique et Traduction*. Arras: Artois Presses Université, 2003. Pp.83-98.
25. Riegel M., Pellat J-C., Rioul R. *Grammaire méthodique du français*. Paris: Linguistique nouvelle, PUF, 1994. 1152 p.
26. Ritong P. U., Mahriyuni Mahriyuni, J. F. Analyse de l'interjection dans la bande dessinée Gaston 4, *Hexagone Jurnal Pendidikan, Linguistik*, Budaya Dan Sastra Perancis, vol 4, N° 2, 2015. PP. 2-8.
27. Rosier L. L'interjection, partie 'honteuse' du discours. *Rencontres linguistique en pays rhénan*. 5-6, Choi-Jonin, Scolia, 1995. Pp. 109-121.
28. Saussure F. de. *Cours de linguistique générale*. Payot, 1995. 526 p.
29. Swiatkowska M. *Entre dire et faire. De l'interjection*. Cracovie, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2000. 140 p.
30. Swiatkowska M. L'interjection : entre deixis et anaphore, *Langages*, n° 161, 2006/1. Pp. 47-56.
31. Tesnière L. *Eléments de syntaxe structurale*. Paris: Klincksieck, 1959. 697 p.
32. Vassileva Albena A. Sur le traitement de la forme du signifié interjectionnel. *Langages*, n° 165, 2007/1. Pp. 115-122.
33. Vassileva -Yordanova A. *La morphosyntaxe à domicile, L'Interjection, pour vous, c'est quoi?* Roma, Studi Italiani Di Linguistica Teorica E Applicata, 2012.
34. Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics : The semantics of human interaction*. Berlin : Mouton de Gruyter, 1991. 502 p.
35. Wilmet M. *Grammaire critique du français*. Bruxelles, Duculot, et Paris, Hachette, 2003, 3e éd. (1997; 2e éd., 1998). 758 p.
36. Wilkins D. P. Interjections as deictics. *Journal of Pragmatics*. 18/2-3. Amsterdam, North-Holland, 1992. Pp.119-158.

Ouvrages arabes

37. سيبويه ، الكتاب ، تحقيق عبد السلام هارون ، دار القلم ، القاهرة ، 1966
Sibawayhi, Abu Bishr 'Amr. *'Al-Kittab*. Edité et expliqué par Abdel Salām Harūn. Le Caire, éd. Dārul-Qalam, 1966. (446 p.)
38. صفية مطهري ، الدلالة الإيحائية في الصيغة الإفرادية ، من منشورات اتحاد الكتاب العرب ، دمشق 2003.
Maṭhari S. La sémantique allusive de la forme du singulier, Publications de l'union des écrivains arabes, Damas, 2003. (270 p.)
39. أحمد عويش ، أسماء الأفعال في اللغة و النحو ، رسالة ماجستير ، جامعة أم القرى ، مكة (المملكة العربية السعودية) ، 1982
Oweich A. Les Noms de verbes en langue et en grammaire, Thèse de magistère, Université Umm Al Qura, La Mecque (l'Arabie Saoudite), 1982. (408 p.)
40. تمام حسان، اللغة العربية معناها ومبناها، الهيئة المصرية العامة للكتاب ، القاهرة ، 1979.
Hassaan T. *La langue arabe, son sens et sa formation*, éd. L'agence égyptienne générale du livre, 1979. (373 p.)
41. ليلى كادة ، نحو قراءة لسانية لخوالب الإخالة في التراث النحوي العربي ، مجلة المخبر - جامعة بسكرة - العدد الأول 2009 ص 159 - 166
Kada L. Vers une lecture linguistique des interjections dans le patrimoine grammaticale arabe, in Revue Al Makhbar, Université de Bascara, n°1, 2009. Pp.159-166.
42. عباس حسن ، النحو الوافي مع ربطه بالأساليب الرفيعة والحياة اللغوية المتجددة ، دار المعارف، القاهرة ، 1974
Hassan A. *La Grammaire Complète*, éd. Dar Al Ma'aref, Le Caire, 1974. (1380 p.)

УДК 81'42:81'38:81э27
ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш1006.21

А. В. Хренова
Новокузнецк, Россия

МЕТОДИКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТОВ PRESIDENT И ПРЕЗИДЕНТ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена методике сопоставительных диахронических исследований, использованной для анализа концептов president и президент на материале американских и российских средств массовой информации. Диахронические концептуальные исследования – новое направление в лингвоконцептологии, которое в настоящее время проходит этап формирования. Целью подобных исследований является выявление особенностей развития национальных концептов на различных исторических этапах, извлечение социокультурной информация, зашифрованной в языке, через изучение механизмов концептуализации человеческого опыта. Понимание закономерностей эволюции концептов может помочь объяснить современное состояние исследуемых феноменов, определить тенденции их развития в будущем. При этом специфичность национальных концептов в исторической перспективе наиболее ярко проявляется именно в ходе выполнения сопоставительного анализа. Для реализации поставленных задач предлагается методика сопоставительных диахронических исследований, объединяющая положения Санкт-Петербургской (Кемеровской) научной школы концептуальных исследований и Уральской школы политической метафорологии, сформулировавшей принципы выбора временных отрезков для анализа. Описываются этапы проведения исследования на примере концептов president и президент. В связи со сложностью структур рассматриваемых концептов обосновывается необходимость введения термина субконцепт, дается количественная характеристика выборки репрезентантов концептов, намечаются возможные направления применения методики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: президент, концепт, субконцепт, диахрония, сопоставительные исследования.

Сведения об авторе: Хренова Анна Викторовна, старший преподаватель, кафедры философии и межкультурных коммуникаций, Сибирский государственный индустриальный университет; адрес: 654007, г. Новокузнецк, ул. Кирова, 42, к. 330; e-mail : nvkz-anna@yandex.ru.

A. V. Khrenova
Novokuznetsk, Russia

HISTORICAL DYNAMICS OF CONCEPTS PRESIDENT AND ПРЕЗИДЕНТ IN AMERICAN AND RUSSIAN MASS MEDIA

ABSTRACT. The article describes the approach developed within the contrastive diachronic linguistics used for the analysis of concepts president and президент on the material of the American and Russian mass media. The diachronic conceptual analysis is a new direction in the linguo-conceptology currently undergoing its formation. The purpose of such analysis is to reveal the peculiarities of national concepts development at various historical stages, retrieving socio-cultural information encoded in the language through studying the mechanisms of human experience conceptualization. Understanding of concept evolution regularities helps to explain the modern state of the investigated phenomena, define the tendencies of their development in the future. The contrasting analysis vividly shows the national concepts specificity in the historical perspective. To achieve the set goals the approach has been offered combining the basic principles of Saint-Petersburg (Kemerovo) scientific school of conceptual research and the Ural school of political metaphorology, which formulated the choice criteria of time periods for analysis. The stages of the research carried out on the example of concepts president and президент are described, the term subconcept is introduced, characteristics of quantitative sampling containing representations of the concepts are given, possible directions for the further application of this approach are defined.

KEY WORDS: president, concept, subconcept, diachrony, contrastive linguistics.

About the author: Khrenova Anna Viktorovna, senior lecturer of Department of Philosophy

and Intercultural Communications, Siberian State Industrial University, Novokuznetsk, Russia.

За недолгую историю развития концептуальных исследований как в России, так и за рубежом, предпочтение ученых оставалось явно на стороне синхронных исследований. Тем не менее в последнее время все большее внимание обращает на себя изучение концептов в диахронии.

В основе главного положения диахронической концептологии лежит эволюционный принцип рассмотрения концепта, как ментального образования, находящегося в прямой взаимосвязи с окружающей внешней средой, «при этом внешней средой по отношению к концепту будет являться культура во всем многообразии ее духовных и материальных ценностей, что делает возможным говорить о прямо пропорциональной зависимости между эволюцией культуры и эволюцией концепта» [Боброва 2006: 9-10].

Эволюционное развитие концепта вследствие влияния экстралингвистических факторов, как пишет Е.С. Кубрякова, когнитологами первого поколения долгое время игнорировалось так же, как и необходимость обращения к исторической перспективе. Результаты, полученные в последующих синхронно-диахронных исследованиях, подтвердили их объяснительный потенциал [Кубрякова 2012: 64-65]. Другими словами, в настоящий момент, по выражению А.А. Зализняк, происходит смена научной парадигмы, для которой характерна «установка на объяснительность» [Зализняк 2001].

В.Г. Кузнецов отдельно выделяет диахроническую сопоставительную концептологию. Он противопоставляет диахроническую концептологию сопоставительной, указывая на тот факт, что в основном выполненные сопоставительные исследования носят синхронический характер. Целью диахронической сопоставительной концептологии является установление межкультурных различий в сравниваемых концептуальных структурах и их закономерностей в определенных временных промежутках [Кузнецов 2007: 26].

Исследования концептов в синхронно-диахронном аспекте не многочисленны. Большинство из них посвящены эволюции концептов в исторической перспективе на материале одного языка. Изучая концепты в диахронии, ученые, как правило, опираются либо на лексикографические источники, либо на языковой материал одного или нескольких дискурсов. Реконструкция концептов может производиться на основе дефиниционного, компонентного, фреймового, гештальт-анализа, анализа классификационных признаков, семантического поля, таксономической, слоевой, ядерно-периферийной структуры концепта, схем, сценариев, когнитивных моделей. Т.С. Сорокина отмечает, что природа концептов является решающим фактором в выборе способа их исследования, и наиболее перспективным было бы использование уже накопленных приемов внутри- и междисциплинарного анализа, учитывающих специфику концепта, языка и культуры [Сорокина 2012: 12-20].

В вопросе выбора временных отрезков для исследования авторы работ отталкиваются от общепринятой периодизации культурно-исторического процесса, от периодизации истории изучаемого языка, от конкретных событий в жизни общества. Значительно продвинулись в выработке подходов к диахроническим сопоставлениям представители Уральской школы политической метафорологии. Основные принципы, сформулированные Э.В. Будаевым, в равной степени могут использоваться и для описания концептов.

Во-первых, исследователь разграничивает диахронический и ретроспективный анализ. В отличие от ретроспективного анализа, диахронический изначально является сопоставительным. Его предметом служит процесс изменения изучаемого явления, а целью – фиксация происходящих изменений. Ретроспективный анализ – «это синхрония, опрокинутая в прошлое», т.е. изучение метафорики выполняется в отдельно взятый исторический период без выведения временных закономерностей.

Во-вторых, в рамках диахронических исследований в зависимости от продолжительности рассматриваемого периода возможно проведение континуального или дискретного анализа. Континуальный анализ применяется для относительно небольших временных промежутков, дискретный предполагает выборку внутри исследуемого периода в силу его большой протяженности.

В-третьих, диахроническое исследование строится на фрагментации дискурса на сегменты и сопоставлении полученных показателей. Как пишет Э.В. Будаев,

фрагментация бывает равномерной (изучаемый период делится на равные промежутки с различным шагом) и фокусной (выбор шага фрагментации зависит от конкретных событий внешней среды) [Будаев 2011: 142-143].

Среди научных школ концептуальных исследований, исходя из такого критерия, как разработанность исследовательской программы, выделяют Волгоградскую, Воронежскую, Краснодарскую, Московскую, Санкт-Петербургскую (Кемеровскую) школы, Уральскую школу политической метафорологии, которая изучает концепты, участвующие в ментальных операциях построения метафорических моделей [Гольдберг 2008: 10; Чудинов 2015: 120]. Данные научные школы выработали свой терминологический аппарат со своими специфическими терминами и понятиями. Некоторые термины характерны для всех школ, однако при этом они обладают определенной спецификой в силу особенностей используемого подхода и сферы исследования. Конечной целью каждой школы является построение модели изучаемого феномена и ее анализ. Различия во взглядах на структурную организацию концепта задают типы его моделей: полевая модель с четко выраженным ядром и периферией; доминантная модель со значимой ролью одного из признаков, определяющим существование самого концепта; таксономическая модель, в которой признаки находятся в иерархических отношениях и взаимообусловлены; ассоциативная модель [Хренова 2014: 258-276].

Задачи настоящего сопоставительного диахронического анализа концептов *president / президент* и специфика языкового материала обусловили выбор методики моделирования их структур: вопрос о генезисе концептов решается с учетом достижений зарубежных ученых в изучении процессов концептуализации; таксономическая модель концептов в исторической перспективе выстраивается на основе положений Санкт-Петербургской (Кемеровской) школы концептуальных исследований; временные рамки трех синхронных срезов задаются в соответствии с методикой фокусной фрагментации, разработанной в Уральской школе политической метафорологии.

Как пишут З.Д. Попова и И.А. Стернин, существует два основных подхода к изучению концептов, предполагающих использование традиционно-лингвистических и экспериментальных психолингвистических методов [Попова, Стернин 2001: 96-159]. Концепты на современном историческом этапе могут быть описаны с применением комплекса экспериментальных методов, но в изучении концептуальных систем более ранних временных промежутков их использование будет невозможно [Кондратьева 2004: 47-48]. Для выполнения сопоставительного диахронического исследования, необходимо провести анализ текстов различных исторических периодов, и методика, предложенная Санкт-Петербургской (Кемеровской) школой, позволяет это сделать. Помимо этого, рассматривая формирование концептов в диахроническом аспекте, мы можем реконструировать фрагменты их структур и выявить тенденции развития. Изыскания в области мотивирующих и символических признаков помогают объяснить особенности концептов на современном этапе. Понимание социокультурных, исторических условий генезиса концептов делает возможной попытку описать когнитивные механизмы, участвующие в их появлении и развитии, построить таксономическую модель.

Вслед за М.В. Пименовой, под *концептом* мы понимаем целостную ментальную единицу концептуальной системы, объективируемую различными языковыми средствами и содержащую структурированное знание об окружающем мире [Пименова 2005: 16]. В структуру концепта входят следующие составляющие: *мотивирующие признаки* – признаки, закрепленные во внутренней форме слова, служащие основой для формирования и развития дальнейших понятийных признаков; *понятийные признаки* – семантические компоненты лексемы, репрезентирующей концепт; *образные признаки* – концептуальные метафоры и символические признаки, отражающие мифологические, религиозные, культурные явления; *категориальные признаки* (*функциональные признаки* – признаки функций, закрепленные за референтом концепта; *ценностно-оценочные признаки* – значимые характеристики референта, стоящего за концептом); *сценарии* [Пименова, Кондратьева 2011: 114-117]. Сценарий, по определению Дж. Лакоффа, – это совокупность таких элементов онтологии, как исходное состояние, последовательность событий, конечное состояние, описываемая логической схемой *источник – путь – цель* [Lakoff 1980: 285-286].

М.В. Пименова, говоря о концептуальной системе, указывает на тот факт, что «концептуальная система обладает принципом голографичности. Суть принципа заключается в том, что концепты, составляющие эту систему, представляют структуры признаков, необходимых и достаточных для идентификации стоящих за ними фрагментов мира. При этом каждый признак концепта есть самостоятельный концепт, т.е. у признака есть свои признаки» [Колесов, Пименова 2011: 89-90]. Концепты как сложные многоуровневые сущности рассматриваются многими исследователями. Так, пары макроконцепты / концепты и концепты / субконцепты описываются в работах О.В. Афанасьевой [2007], К.В. Дмитриевой [2012], Г.Х. Зиганшиной [2013], Л.В. Ключниковой [2010], Л.П. Колоколовой [2011], О.А. Перцевой [2013], А.З. Хусаеновой [2009] и др. Макроконцепты / концепты и концепты / субконцепты соотносятся как общее и частное [Кушнир 2013: 12].

Все выделенные нами понятийные признаки, входящие в структуру концептов *president* и *президент*, можно соотнести со следующими областями социальной жизни общества: политика – ‘глава государства’, экономика / бизнес – ‘руководитель коммерческой организации’, образование / культура / наука – ‘руководитель учреждения’, административное управление – ‘глава органа власти’, территориальное управление – ‘глава административно-территориального образования’, гражданское общество – ‘руководитель некоммерческого объединения’ [Хренова 2009а: 385]. В силу специфики каждой из этих сфер перечисленные понятийные признаки могут быть рассмотрены как отдельные субконцепты.

Таким образом, в связи со сложностью понятийных структур изучаемых концептов *president* и *президент* вводится рабочий термин *субконцепт*. В нашем понимании, концепт – это совокупность субконцептов с одноименным названием, которые принадлежат различным областям социального взаимодействия, различным дискурсам, структуры которых выстраиваются в соответствии с их особенностями функционирования в конкретных концептуальных системах: политическая, экономическая, образовательная, спортивная, религиозная и др.

Выполненное диахроническое исследование концептов *president* и *президент* в американской и российской концептуальных системах включает следующие пять этапов:

Первый этап – изучение историко-этимологических, когнитивных основ формирования концептов *president* и *президент* по материалам лексикографических источников и текстам классической латинской литературы, выявление их мотивирующих признаков.

Второй этап заключается в отборе синтаксических конструкций с репрезентантами концептов *president* и *президент* внутри временных границ изучаемых периодов. В соответствии с предложенной Э.В. Будаевым фокусной методикой отбора материала был определен главный принцип выбора периодов для анализа – это вовлеченность США и России в мировые экономические кризисы. При этом соблюдена условная равнозначность данных явлений, так как за последние 200 лет имели место не менее 10 мировых экономических кризисов различной степени тяжести. Для анализа были выбраны сильнейшие кризисы: в XIX в. – 1873-1879 гг., в XX в. – 1929-1933 гг. и в XXI в. – 2008-2012 гг. Концепт *president* исследуется на материале американского периодического издания «The New York Times»; концепт *президент* – на материале газет «Московские ведомости» (период 1873-1879 гг.), «Правда» (период 1929-1933 гг.) и «Независимая газета» (период 2008-2012 гг.).

С целью получения достоверных результатов анализа понятийной области концептов была произведена случайная выборка конструкций, содержащих репрезентанты концепта *president* и *президент* в объеме: 1873-1879 гг. – 1097 / 894 ед., 1929-1933 гг. – 1030 / 690 ед., 2008-2012 гг. – 1051 / 1167 ед. Расхождение в количестве проанализированных единиц в первом и во втором периодах объясняется спецификой «функционирования» концептов в национальных концептуальных системах, т.е. наличием соотношенности с реалиями политического устройства государств. Поскольку количество примеров с лексемой *президент* в материале данных двух периодов меньше, то с целью получения значимого результата объем выборки номеров газеты «Московские ведомости» составил $\frac{1}{6}$ (425 номеров) от генеральной совокупности (2555 номеров), и объем

выборки выпусков газеты «Правда» – 100% (здесь был использован метод сплошной выборки). Количественные данные генеральной совокупности и произведенной выборки содержатся в таблице 1.

Таблица 1. Количественная характеристика выборки репрезентантов концептов *president* и *президент*

Периоды	Общее количество номеров	Общее количество лексем, ед.	Количество номеров в выборке	Количество примеров в выборке, ед.	Частотность лексем в 1 номере, ед.
Концепт <i>president</i> («NYT»)					
1873-1879 гг.	2555	32 139	90	1097	12,6
1929-1933 гг.	1825	164 542	15	1030	90,1
2008-2012 гг.	1825	118 596	20	1051	65
Концепт <i>президент</i> («МВ», «Правда», «НГ»)					
1873-1879 гг.	2555	5364	425	894	2,1
1929-1933 гг.	1825	690	1825	690	0,4
2008-2012 гг.	1325	41 978	40	1167	31,7

В среднем, частотность использования репрезентантов концептов *president* и *президент* в исследуемом материале составила: 1873-1879 гг. – 12,6 / 2,1 ед., 1929-1933 гг. – 90,1 / 0,4 ед., 2008-2012 гг. – 65 / 31,7 ед., на основании чего можно сделать вывод о более высокой степени актуальности исследуемых феноменов для сознания американцев в различные исторические периоды.

Третий этап – сопоставление национальных концептов на уровне понятийных областей в трех синхронных срезах. Выявление общих и специфических закономерностей их развития. Изучение первичного и вторичных символических признаков, вошедших в структуры современных концептов.

Четвертый этап заключается в моделировании комплексных структур национальных политических субконцептов по материалам прессы в период 2008-2012 гг., в котором репрезентанты концептов соответствуют реалиям политического устройства государства как в США, так и в России. Признак 'глава государства' на настоящем историческом этапе является доминирующим и наиболее значимым в понятийных структурах концептов: *president* – 88,9% и *президент* – 92,8 %, что позволяет конкретизировать предмет исследования. Анализируются два способа актуализации субконцептов – субъектный и объектный, в структурах концептов выделяется лингвокультурологическая категория «свой – чужой».

На пятом этапе проводится сопоставление результатов моделирования признаков и сценариев национальных субконцептов третьего синхронного среза.

Использованная методика сопоставительного диахронического исследования позволила установить, что концепты *president* и *президент* это динамично развивающиеся ментальные образования, обладающие как общими закономерностями, так и национальными особенностями эволюции на разных исторических этапах. В рамках политической лингвистики и политологии концептуальные признаки и сценарии, выявленные в структурах субконцептов, могут рассматриваться как своеобразные маркеры политической культуры. Анализируя их в диахронии, можно выявить тенденции изменений политических институтов и традиций в обществе. Применяя описанный комплекс исследовательских процедур, представляется возможным изучать другие сложные ментальные единицы на уровне концептов и субконцептов, а также концепты, принадлежащие сфере политико-властных отношений государства и общества в диахронии, на материале одного или нескольких языков в сопоставительном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева, О.В. Семантическая структура концепта «время» и ее отражение во фразеологических системах английского, испанского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О.В. Афанасьева. – Казань, 2007. – 188 с.
2. Боброва, Е.А. Опыт лингвистического исследования эволюции концепта "путешествие" в англоязычной культуре : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.А.

Боброва. – Иркутск, 2007. – 220 с.

3. Будаев, Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: монография / Э.В. Будаев. Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. – 330 с.

4. Гольдберг, В.Б. Дискуссионные проблемы современной лингвоконцептологии / В.Б. Гольдберг // Антология концептов; под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2008. – Т. 6. – С. 4-17.

5. Дмитриева, К.В. Концепт цвет в когнитивно-функционально-стилистическом аспекте (на материале романов В. Набокова «Лолита» и А. Фадеева «Разгром») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / К.В. Дмитриева. – Кемерово, 2012. – 246 с.

6. Зализняк, А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» / А.А. Зализняк // Вопросы языкознания. – №2. – 2001. – С. 13-25.

7. Зиганшина, Г.Х. Концепт «характер человека» через призму сегодняшнего дня / Г.Х. Зиганшина // Вестник Башкирского университета. – Т. 18. №3. – 2013. – С. 125-131.

8. Ключникова, Л.В. Концепт проявление любви / Л.В. Ключникова // Вестник МГОУ (Серия «Лингвистика»). – №1. – 2010. – С. 78-81.

9. Колесов, В.В. Языковые основы русской ментальности: уч. пособ. / В.В. Колесов, М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУКИ, 2011. – 136 с.

10. Кондратьева, О.Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов душа, сердце, ум) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.Н. Кондратьева. – Кемерово, 2004. – 202 с.

11. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова. – М.: Знак, 2012. – 208 с.

12. Кузнецов, В.Г. Предмет и задачи диахронической сопоставительной концептологии (на примере морально-ценностных концептов) / В.Г. Кузнецов // Вопросы когнитивной лингвистики. – №2. – 2007. – С. 26-34.

13. Кушнир, О.Н. Эволюция русской концептосферы на рубеже XX-XXI веков: Вопросы динамической лингвоконцептологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О.Н. Кушнир. – Тверь, 2013. – 44 с.

14. Пименова, М.В. Концептуальные исследования. Введение: уч. пособ. / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. – М.: Флинта, 2011. – 176 с.

15. Пименова, М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Антология концептов; под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 15-19.

16. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

17. Перцева, О.А. Репрезентация макроконцепта «движение» в языковой картине мира / О.А. Перцева // Перспективы науки. – №8 (47). – 2013. – С. 93-96.

18. Сорокина, Т.С. Диахроническая концептология: некоторые методики исследования / Т.С. Сорокина // Вестник МГЛУ. – №27 (660). – 2012. – С. 9-21.

19. Хренова, А.В. Историко-этимологический анализ имен концептов президент и president / А.В. Хренова // Новое в славянской филологии: сб. ст.; отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009а. – С. 380-387.

20. Хренова, А.В. Научные школы концептуальных исследований / А.В. Хренова // Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: колл. монография: К 80-летию юбилею проф. В. В. Колесова / отв. соред. М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: ИД Д. Бураго, 2014. – С. 258-276.

21. Хусаенова, А.З. Когнитивно-лингвистическое исследование кластерного концепта PRIVACY : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.З. Хусаенова. – Санкт-Петербург, 2009. – 199 с.

22. Чудинов, А.П. Когнитивная наука – когнитивные науки – Федерация когнитивных наук / А.П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – №1 (042). – 2015. – С. 117-121.

23. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago- London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

REFERENCES

1. Afanas'eva, O.V. Semanticheskaja struktura koncepta «vremja» i ee otrazhenie vo frazeologicheskikh sistemah anglijskogo, ispanskogo i russkogo jazykov : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20 / O.V. Afanas'eva. – Kazan', 2007. – 188 s.

2. Bobrova, E.A. Opyt lingvisticheskogo issledovanija jevoljucii koncepta "puteshestvie" v anglojazyčnoj kul'ture : dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / E.A. Bobrova. - Irkutsk, 2007. - 220 s.
3. Budaev, Je.V. Sopostavitel'naja politicheskaja metaforologija: monografija / Je.V. Budaev. Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2011. - 330 s.
4. Gol'dberg, V.B. Diskussionnye problemy sovremennoj lingvokonceptologii / V.B. Goldberg // Antologija konceptov; pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina. Volgograd: Paradigma, 2008. - T. 6. - S. 4-17.
5. Dmitrieva, K.V. Koncept cvet v kognitivno-funktional'no-stilisticheskom aspekte (na materiale romanov V. Nabokova «Lolita» i A. Fadeeva «Razgrom») : dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / K.V. Dmitrieva. -Kemerovo, 2012. - 246 s.
6. Zaliznjak, A.A. Semanticheskaja derivacija v sinhronii i diahronii: proekt «kataloga semanticheskikh perehodov» / A.A. Zaliznjak // Voprosy jazykoznanija. - №2. - 2001. - S. 13-25.
7. Ziganshina, G.H. Koncept «harakter cheloveka» cherez prizmu segodnjashnego dnja / G.H. Ziganshina // Vestnik Bashkirskogo universiteta. - T. 18. №3. - 2013. - S. 125-131.
8. Ključnikova, L.V. Koncept projavlenie ljubvi / L.V. Ključnikova // Vestnik MGOU (Serija «Lingvistika»). - №1. - 2010. - S. 78-81.
9. Kolesov, V.V. Jazykovye osnovy russoj mental'nosti: uch. posob. / V.V. Kolesov, M.V. Pimenova. - Kemerovo: KemGUKI, 2011. - 136 s.
10. Kondrat'eva, O.N. Koncepty vnutrennego mira cheloveka v russkih letopisjah (na primere konceptov dusha, serdce, um) : dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / O.N. Kondrat'eva. - Kemerovo, 2004. - 202 s.
11. Kubrjakova, E.S. V poiskah sushhnosti jazyka: Kognitivnye issledovanija / E.S. Kubrjakova. - M.: Znak, 2012. - 208 s.
12. Kuznecov, V.G. Predmet i zadachi diahronicheskoj sopostavitel'noj konceptologii (na primere moral'no-cennostnyh konceptov) / V.G. Kuznecov // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. - №2. - 2007. - S. 26-34.
13. Kushnir, O.N. Jevoljucija russoj konceptosfery na rubezhe XX-XXI vekov: Voprosy dinamicheskoj lingvokonceptologii : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01 / O.N. Kushnir. - Tver', 2013. - 44 s.
14. Pimenova, M.V. Konceptual'nye issledovanija. Vvedenie: uch. posob. / M.V. Pimenova, O.N. Kondrat'eva. - M.: Flinta, 2011. - 176 s.
15. Pimenova, M.V. Metodologija konceptual'nyh issledovanij / M.V. Pimenova // Antologija konceptov; pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina. - Volgograd: Paradigma, 2005. - T. 1. - S. 15-19.
16. Popova, Z.D. Oчерki po kognitivnoj lingvistike: monografija / Z.D. Popova, I.A. Sternin. - Voronezh: Istoki, 2001. - 191 s.
17. Perceva, O.A. Reprezentacija makrokoncepta «dvizhenie» v jazykovoj kartine mira / O.A. Perceva // Perspektivy nauki. - №8 (47). - 2013. - S. 93-96.
18. Sorokina, T.S. Diahronicheskaja konceptologija: nekotorye metodiki issledovanija / T.S. Sorokina // Vestnik MGLU. - №27 (660). - 2012. -S. 9-21.
19. Hrenova, A.V. Istoriko-jetimologicheskij analiz imen konceptov prezident i president / A.V. Hrenova // Novoe v slavjanskoj filologii: sb. st.; otv. red. M.V. Pimenova. - Sevastopol': Ribjest, 2009a. - S. 380-387.
20. Hrenova, A.V. Nauchnye shkoly konceptual'nyh issledovanij / A.V. Hrenova // Sovremennaja lingvistika i issledovanija mental'nosti v XXI veke: koll. monografija: K 80-letnemu jubileju prof. V. V. Kolesova / otv. soled. M.V. Pimenova, V.I. Terkulov. - Kiev: ID D. Burago, 2014. - S. 258-276.
21. Husaenova, A.Z. Kognitivno-lingvisticheskoe issledovanie klaster'nogo koncepta PRIVACY : dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / A.Z. Husaenova. - Sankt-Peterburg, 2009. - 199 s.
22. Chudinov, A.P. Kognitivnaja nauka - kognitivnye nauki - Federacija kognitivnyh nauk / A.P. Chudinov // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. - № 1 (042). - 2015. - S. 117-121.

УДК 811.133.1:811.161.1:39
ББК Ш147.11-006.3+Ш141.12-006.3
А. Д. Хруцкая
Екатеринбург, Россия

A. D. Khrutskaya
Ekaterinbourg, Russie

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА МУЖЧИНЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА)

АННОТАЦИЯ. Статья освещает образ мужчины в национальной картине мира и паремиологической (как части языковой) во французском и русском языке: в данном исследовании раскрываются культурно-специфические особенности универсального образа, которые иллюстрируют наличие различий в представлениях о мире у носителей разных лингвокультур, а значит, и справедливость разграничения понятий «национальная картина мира» и «языковая картина мира».

Компонентный анализ единиц паремиологического фонда русского и французского языка, включающих компонент «мужчина», позволил нам выделить репрезентативные дифференциальные признаки (на уровне эталонной и образной когнитивной подсистемы лингвокультуры), присущие компоненту «мужчина», а также был проведён ассоциативный эксперимент с носителями французского и русского языка для дальнейшего сопоставления паремиологической и актуальной национальной картины мира (включающей не только ценностный компонент, но задействующей более широкое, ассоциативное поле). Результаты анализа паремий и эксперимента стали основой для построения идеализированных когнитивных моделей выбранного концепта для двух национальных картин мира, после чего были проанализированы сходства и различия восприятия данного универсального концепта в рамках французской и русской национальных картин мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: паремиология, языковая картина мира, национальная картина мира, паремиологическая картина мира, лингвокультурология.

Сведения об авторе: Анастасия Дмитриевна Хруцкая, студент 4 курса Уральского государственного педагогического университета; г. Екатеринбург; e-mail: nastya_hruckaya@mail.ru.

LA REPRÉSENTATION PARÉMIOLOGIQUE DE L'IMAGE DE L'HOMME DANS LA VISION NATIONALE DU MONDE (BASÉE SUR LES PARÉMIES DU FRANÇAIS ET DU RUSSE)

RÉSUMÉ. Cet article porte sur l'image de l'homme dans la vision nationale du monde et dans la vision parémiologique (faisant la partie de la vision linguistique) du monde en français et en russe: cette recherche est destinée à révéler les particularités culturelles de cette image universelle qui illustrent les différences dans les idées sur le monde chez les représentants de linguocultures différentes.

L'analyse sémique des unités parémiologiques du russe et du français qui contiennent le composant « homme » nous a permis de dégager ses caractéristiques différencielles représentatives (au niveau des sous-systèmes cognitifs de la liguoculture : axiologique et figuré). Ensuite, nous avons effectué l'expérience sur les associations parmi les locuteurs natifs du français et du russe pour comparer la vision parémiologique du monde et la vision nationale (actuelle) du monde (qui contient non seulement les valeurs mais aussi le champs associatif qui est évidemment plus large). Les résultats des deux étapes ont servi de base pour construire les modèles cognitifs idéalisés du concept choisi pour les deux visions nationales du mondes. Après cela nous avons analysé les similitudes et les divergences de la perception de ce concept universel dans le cadre de la vision nationale du monde française et russe.

MOTS-CLÉS: parémiologie, vision linguistique du monde, vision nationale du monde, vision parémiologique du monde, linguoculturologie.

Auteur: Anastasia Khrutskaya, étudiante de 4ème année, Département des Langues Romanes, Université Pédagogique d'Etat de l'Oural, Ekaterinbourg, Russie; e-mail: nastya_hruckaya@mail.ru.

A. D. Khrutskaya
Ekaterinburg, Russia

PAREMIOLOGICAL REPRESENTATION OF THE IMAGE OF MAN IN NATIONAL PICTURE OF THE WORLD (ON THE MATERIAL OF FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES)

ABSTRACT. In this paper is shown the image of man in national and paremiological (as a linguistic component) picture of the world. In this article are revealed culturally specific features of this universal image. They illustrate the presence of distinctions in world presentations of representatives of different lingocultures.

The component analysis of paremiological unities of French and Russian including the component "man" has allowed us to mark out representative differentials (on the level of model and figurative cognitive subsystem of lingoculture), inherent for this component. Further was made the association experiment with native speakers of French and Russian for comparison of paremiological and actual national picture of the world (including not only value component but also larger, associative field). Analysis results of paremiological units and associative experiment have become the base of modeling of idealized cognitive models of chosen concept for two national pictures of the world. After were analyzed resemblances and differences of perception of this universal concept in French and Russian national pictures of the world.

KEYWORDS: paremiology, language picture of the world, national picture of the world, paremiological picture of the world, lingoculturology

About the author: *Anastasia Khrutskaya, Student of 4th year, Departement of Romance Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Dans la linguistique et la linguoculturologie contemporaines il existe actuellement la tendance d'étudier les particularités des visions linguistiques et nationales du monde à travers la langue. G. de Humboldt a été un des premiers à exprimer cette idée : selon lui, les langues différentes ne sont pas tout simplement deux dénominations différentes d'un même objet mais c'est l'image de cet objet qui diffère.

Par conséquent, l'étude de la langue, en l'occurrence de la phraséologie et de la parémiologie, permet d'obtenir des informations très utiles pour l'étude de la mentalité et de la culture d'une telle ou telle communauté ethnique et linguistique. La recherche sur la vision linguistique du monde se fait essentiellement dans les domaines suivants : l'étude des particularités des concepts dans le cadre de la linguoculture (y compris son aspect contrastif) [Воркачев 2004, Мерзлякова 2009 et d'autres]; l'étude des mentalités nationales à travers la langue [Буженинов 2010, Газизова 2016 et d'autres]; l'étude des particularités des visions phraséologiques et parémiologiques du monde [Бутенко 2014].

Comme définition de base, généralisant l'opinion de plusieurs linguistes (Н.Ф. Алефиренко, В.А. Маслова, З.Д. Попова, И.А. Стернин), la vision du monde (ou l'image du monde) c'est un ensemble d'idées d'une ethnie sur la réalité à un moment donné dans l'évolution du peuple et cet ensemble a un reflet dans les signes linguistiques et dans leur sens. D'après V.A.Maslova, «la vision linguistique du monde coïncide avec le reflet logique du monde dans l'esprit de l'homme. En même temps, il existe certains fragments de la vision linguistique du monde (par exemple, la phraséologie) – qui constituent l'aspect national de la vision linguistique du monde qui varie d'une langue à autre» [Маслова: 2007: 255].

Ces « fragments » regroupent aussi les unités parémiologiques (les proverbes et les dictons). Le terme « parémie » est conçu, pour la plupart des linguistes, comme l'aphorisme d'origine populaire, donc, les proverbes et les dictons en premier lieu. Les aphorismes, d'origine populaire ou non, font tout une couche d'expressions qui sont généralement placées parmi les phraséologismes [Алефиренко, Семененко 2009: 240].

La question sur l'appartenance des parémies aux unités phraséologiques reste ouverte parce que les parémies ont certaines caractéristiques des phraséologismes, des phrases et des groupements de mots libres. Par ailleurs, les proverbes et les dictons se distinguent des phraséologismes selon des critères divers, dont le principal est leur nature syntaxique différente. Certains affirment que la distinction essentielle consiste en ce que la parémie, contrairement au phraséologisme, possède la structure de la proposition. Nous trouvons cette explication insuffisante et recourons plutôt à une autre : la parémie possède une complétude sémantique et phonétique (au niveau de

l'intonation), elle est syntaxiquement fragmentable et ne se base pas sur une notion (comme le phraséologisme) mais sur un jugement. En plus, les phraséologismes ont toujours et obligatoirement le sens figuré, alors que parmi les proverbes il y a surtout ceux qui s'emploient dans leur sens propre [Алефиренко, Семеновко 2009: 241-242].

A part le problème de la distinction de la phraséologie et de la parémiologie, du proverbe et du diction, il est aussi question de différencier les proverbes et les aphorismes. A l'avis des linguistes russes, l'aphorisme est une expression figée livresque qui expose d'une manière originale l'opinion de son auteur sur un phénomène réel ou sur une notion philosophique.

Les parémies en font partie, sauf que ces unités ont l'origine populaire, se caractérisent par la forme concise, ont le sens facilement reproduisible qui est le plus souvent didactique. Les parémies sont destinées à juger tout aspect de la vie humaine (le caractère, l'activité etc.)

D'autre part, la tradition parémiologique française propose une plus grande diversité des unités parémiologiques où l'on distingue deux classes : les parémies d'origine populaire (les proverbes, les adages, les dictons) et les parémies qui ont un auteur (les maximes, les sentences, les aphorismes, les apophthèmes).

- le dicton est un ensemble qui regroupe les vérités simples, les observations, souvent liées au temps, à la terre et aux superstitions;

- l'adage est une unité parémiologique qui ne possède aucune expression connotative ou métaphorique, elle ne reflète pas les particularités historiques ni locales mais s'emploie uniquement dans les domaines pratiques (jurisprudence, économie) [Privat URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/91946.pdf>];

- la maxime est une phrase connue qui exprime une sagesse, un proverbe;

- aphorisme - quelques mots, parfois, une phrase entière, qui généralisent un principe ou décrivent un mot ou une situation sous un angle particulier [Diachy URL: <http://eprints.iliauni.edu.ge/usr/share/eprints3/data/65/1/djachy.pdf>].

Si l'on compare les phraséologismes, les parémies et les aphorismes, on peut dire que ce sont des espèces différentes des expressions figées dont chacune se caractérise par un ensemble de traits particuliers quant à leur structure, leur sens et leurs fonctions.

Dans le sens étroit du terme « parémie », notre intérêt est porté sur les proverbes et les dictons qui sont les unités parémiologiques principales et qui comportent un élément axiologique, moral et évaluatif pour réaliser leur fonction didactique. Naturellement, l'origine de ces parémies relève leur caractère national et culturellement motivé et, par conséquent, elles sont étroitement liées aux stéréotypes.

Notre recherche est basée sur 292 parémies de la langue française et 306 parémies russes avec le composant « homme » (dans le sens « un être humain de genre masculin ») tirés des dictionnaires de proverbes et de dictons [Cosson 2014, Maloux 2014, Montreynaud 2015, Rat 2014, Даль 1957, Аникин 1988, Жуков 1991, Мокиенко 2010].

A la première étape de la recherche, par moyen de l'analyse sémique, nous dégageons les traits caractéristiques (groupes idéographiques) qui sont exprimés dans les parémies avec le composant « homme » pour construire ensuite le modèle cognitif idéalisé qui représente l'ensemble de ces traits actualisés dans les parémies en question [Богоявленская, Буженинов 2015].

La seconde étape de la recherche comprend l'expérience sur les associations de 200 participants (d'origine russe et française) qui sont des locuteurs natifs de la langue et des représentants de la linguoculture, en même temps. 137 Français et 129 Russes ont participé à l'expérience mais on n'a reçu des réponses significatives que de 100 représentants de chaque nationalité. Un des critères importants a été le degré de l'assimilation de la culture (au moins deux générations qui ont grandi dans le pays) car la vision phraséologique et parémiologique du monde est la plus difficile à assimiler et de ce fait tous les citoyens du pays ne sont pas les représentants de la culture de ce pays, surtout de nos jours.

Ainsi, à la fin de cette expérience nous avons obtenu 1000 associations pour les deux nationalités : chaque interrogé donnait cinq associations. Nous avons constitué 6 groupes d'âge : moins de 20 ans, de 20 à 25 ans, de 26 à 35 ans, de 36 à 45 ans, de 46 à 60 ans et plus de 61 ans.

Le champs associatif reçu forme deux autres modèles cognitifs idéalisés pour chaque linguoculture qui sont comparés entre eux mais aussi à ceux que nous avons dégagés après l'analyse sémique. Cette comparaison permet, à notre avis, de révéler les similitudes et les divergences entre les images de l'homme interculturelles ainsi que du point de vue historique.

En somme, après avoir effectué l'analyse sémique, nous avons distingué 83 caractéristiques.

Les traits les plus importants pour l'homme français sont :

1) la misogynie (42 parémies - 14,3%). Elle est exprimée dans l'attitude de l'homme envers le mariage qu'il faudrait éviter. La femme n'a pas d'importance pour la société, contrairement à l'homme. Elle est faible (physiquement et d'esprit), elle tente de dominer l'homme ce qui est inadmissible pour un homme sage. Il y a aussi des proverbes qui indiquent la nature diabolique de la femme.

L'homme a deux bons jours sur terre: quand il prend femme et quand il l'enterre.

2) le mariage (35 parémies - 12%). Dans ce groupe l'homme est représenté comme le mari mais sans valeur affective, donc, il s'agit de l'attitude plutôt neutre envers le mariage. La fréquence de ce trait dans les proverbes s'explique pas le fait que le mariage est l'état social de l'homme traditionnel et presque naturel. C'est dans la vie conjugale que l'homme joue un des rôles les plus importants.

Jeune femme et homme âgé emplissent d'enfants le foyer.

3) l'ivrognerie (31 parémie - 10,6%). L'attitude de l'homme français envers l'alcool est ambivalente : certaines parémies expriment la nuance positive (c'est un plaisir), d'autres - négative (l'ivrognerie mène à la mort « sociale » de l'homme, c'est le comportement insupportable et inadmissible). D'ailleurs, le vin est une boisson directement liée à l'homme.

Le bon vin réjouit le cœur de l'homme

4) le mariage malheureux (24 parémies - 8,2%). C'est une autre manifestation, négative, de l'homme dans la vie conjugale. C'est aussi une caractéristique très fréquente. Elle est étroitement liée à la première, à la misogynie, puisque c'est la femme qui rend l'homme malheureux au mariage. Dans les proverbes de ce groupe on voit que la vie célibataire est encouragée, certainement plus heureuse que la vie conjugale et tout cela est destiné à provoquer chez l'homme la répugnance au mariage.

Un homme mal marié il vaudrait mieux qu'il fût noyé

D'autres caractéristiques moins significatives : prudent (22 - 7,5%), faible en comparaison avec la femme (21 - 7,2%), sot (21 - 7,2%), dominant (20 - 6,9%), vieux (19 - 6,5%), poilu (17 - 5,8%), infidèle (16 - 5,5%), malhonnête (16 - 5,5%), paresseux (16 - 5,5%), phalocrate (16 - 5,5%), l'homme véritable (16 - 5,5%), l'homme ayant un handicap (13 - 4,5%), déviant du prototype de l'homme (12 - 4,1%), travailleur (12 - 4,1%), honnête (12 - 4,1%), riche (12 - 4,1%), amoureux (10 - 3,4%), pauvre (10 - 3,4%), respectable (10 - 3,4%), voluplueux (9 - 3,1%), célibataire (8 - 2,7%), dépendant de ses propres intentions (7 - 2,4%), heureux (7 - 2,4%), déterminé de facteurs différents (6 - 2,1%), gourmand (6 - 2,1%), heureux au mariage (5 - 1,7%), vivant pour le bien de la société (5 - 1,7%), désiré (5 - 1,7%), menteur (5 - 1,7%), jeune (5 - 1,7%), beau (4 - 1,4%), indépendant (4 - 1,4%), bavard (4 - 1,4%), chercheur du bien-être (4 - 1,4%), militaire (3 - 1%), séducteur (3 - 1%), sexuellement libéré (3 - 1%), fort (3 - 1%), joueur (3 - 1%), incorrigible (3 - 1%), appréciant le cheval comme un animal utile (3 - 1%), sexuellement passif (2 - 0,7%), lâche (2 - 0,7%), malade (2 - 0,7%), fier (2 - 0,7%), menant la vie saine (2 - 0,7%), fidèle (2 - 0,7%), bien éduqué (2 - 0,7%), insensible (2 - 0,7%), sobre (dans l'alcool) (2 - 0,7%), bon (1 - 0,3%), sincère (1 - 0,3%), un ami fidèle (1 - 0,3%), aigri (1 - 0,3%), endurant (1 - 0,3%), sédentaire (1 - 0,3%).

Les traits caractéristiques de l'homme russe :

1) le travail (68 parémies - 22,2%). Le goût du travail chez l'homme russe est particulièrement apprécié (contrairement au Français). C'est la valeur suprême et elle se manifeste dans tous les domaines de l'activité humaine et dans toute la vie de l'homme, voire, la vie et le travail deviennent presque synonymes. Le travail est exprimé comme le seul moyen de non seulement bien vivre, mais parfois de survivre, au moins. La valeur du travail n'est pas dans le résultat mais dans le fait de travailler, lui-même. C'est aussi la vertu de l'homme. Tous les traits de caractère de l'homme trouvent le reflet dans son travail. Il n'est pas seulement travailleur, il est aussi assez intelligent pour gouverner un ménage, il a tous les savoir-faire nécessaires pour vivre à son aise,

dans son travail il domine toujours. Cependant, l'homme travailleur est aussi un esclave. Cette connotation est exprimée à l'aide d'une autre qui y est associée : la dépendance et le déterminisme, la fatalité. Le raisonnement est le suivant : l'homme qui travaille est un paysan, un paysan est un esclave, un esclave ne peut rien décider pour lui-même, il n'a aucune liberté, il est né dominé d'un maître et il mourra ainsi. D'où vient l'humilité et la simplicité de l'homme. Finalement, « l'homme travailleur » devient une « méta-image » qui regroupe le plus de traits de caractère de l'homme et qui provoque dans les parémies lui-même une très multitude d'images.

Мужу одна забота, чтобы шла путём работа (L'homme n'a qu'un souci : que le travail se fasse bien)

2) le mariage (27 parémies - 8,8%). De nouveau le groupe neutre. En général, le sens des parémies russes et françaises coïncident. La destinée de l'homme est d'être l'époux et le père. Cela est souvent opposé à un célibataire. L'homme est obligé (ce qui n'a pas figuré dans les proverbes français) de se marier pour se réaliser dans la vie. Ce trait s'associe fréquemment au travail, au ménage et à la position dominante de l'homme.

Муж стар, а жена молода - дожидайся детей; муж молод, а жена стара - дожидайся плетей (L'homme est vieux et la femme est jeune - il y aura des enfants ; l'homme est jeune et la femme est vieille - il y aura le fouet (=de la peine)

3) l'ignorance, la sottise (26 parémies - 8,5%). L'homme russe se présente souvent comme bête. Il est incapable de faire fortune. Sa stupidité est incorrigible. Cette caractéristique en provoque d'autres : la simplicité, l'absence de l'ambition, l'excès (en alcool, en nourriture, en bagarre). Il est irresponsable.

Мужик ищет рукавицы, а две за поясом (l'homme cherche ses moufles, mais les deux sont attachées derrière à sa ceinture)

4) la suprématie (24 parémies - 7,8%). La position dominante de l'homme se manifeste en famille. Qu'il soit bon ou méchant, il est toujours le soutien pour sa femme, son défenseur. Il est entrepreneur, on le respecte. Mais contrairement à l'homme français, cette position dominante ne fait pas apparaître la négligence envers la femme. L'homme se sent bien dans son rôle du père de famille. Il emploie toutes ses capacités au bien de la famille. Son pouvoir démontre aussi sa force d'où viennent les valeurs patriarcales.

D'autres caractéristiques moins significatives : pauvre (22 - 7,2%), riche (21 - 6,9%), ivrogne (21 - 6,9%), défenseur (14 - 4,6%), malheureux au mariage (12 - 3,9%), gourmand (12 - 3,9%), avide (11 - 3,6%), misogynne (11 - 3,6%), paresseux (11 - 3,6%), démesuré (11 - 3,6%), prudent (10 - 3,3%), malheureux (9 - 2,9%), malhonnête (7 - 2,3%), obstiné (7 - 2,3%), irresponsable (6 - 2%), insignifiant (6 - 2%), un mauvais époux (6 - 2%), célibataire (6 - 2%), honnête (6 - 2%), religieux (5 - 1,6%), déterminé de facteurs différents (5 - 1,6%), simple, sans ambition (5 - 1,6%), faible en comparaison avec la femme (5 - 1,6%), heureux (5 - 1,6%), heureux au mariage (5 - 1,6%), rusé (5 - 1,6%), méchant (4 - 1,3%), incorrigible (4 - 1,3%), inutile pour les travaux domestiques (3 - 1%), barbu (3 - 1%), militaire (3 - 1%), bon (3 - 1%), mal éduqué (3 - 1%), attirant (3 - 1%), laid (3 - 1%), l'homme ayant un handicap (3 - 1%), l'homme véritable (3 - 1%), vieux (3 - 1%), individualiste (2 - 0,7%), chercheur du bien-être (2 - 0,7%), fumeur (2 - 0,7%), jeune (2 - 0,7%), ne craignant pas le Dieu (2 - 0,7%), supérieur à la femme (2 - 0,7%), rebelle (2 - 0,7%), fier (1 - 0,3%), joueur (1 - 0,3%), dépendant de ses propres intentions (1 - 0,3%), injuste (1 - 0,3%), contraire de la femme (1 - 0,3%), lâche (1 - 0,3%), respectable (1 - 0,3%).

L'image de l'homme reflétée dans les parémies nous représente les caractéristiques qui existent depuis des siècles. Par exemple, pour un homme travailleur il était obligatoire de travailler la terre et d'être le maître de la maison ce qui a, évidemment, changé. Pareil pour la misogynie et bien des autres traits cités ci-dessus. Mais, bien que modifiée, cette image existe toujours dans la conscience des représentants d'une telle ou telle culture. Et c'est grâce à l'expérience des associations que cela se découvre.

Après avoir mené notre enquête nous avons reçu 82 et 73 groupes d'associations significatives pour le français et le russe respectivement. Parmi les associations, les plus représentatives sont citées ci-dessous :

• Français : *séducteur* (22 - 4,4%), *gentleman* (21 - 4,2%), *prétentieux* (21 - 4,2%), *instruit* (16 - 3,2%), *élégant* (14 - 2,8%), *gastronome* (13 - 2,6%), *sexe* (13 - 2,6%), *sportif* (12 - 2,4%);

• Russes : *alcool* (42 - 8,4%), *fort* (31 - 6,3%), *habillé traditionnellement* (24 - 4,8%), *barbe* (20 - 4%), *courageux* (17 - 3,4%), *famille* (16 - 3,2%), *travailleur* (14 - 2,8%), *soigneux* (12 - 2,4%).

On voit bien que l'image de l'homme a beaucoup changé avec le temps. Cela est dû, avant tout, au changement de la réalité, de la vision objective du monde et à ce que la vision parémiologique du monde ne reflète qu'une partie de la vision nationale du monde (celle qui est liée à la langue), alors que les associations permettent d'évaluer l'image culturellement déterminée sous plusieurs angles.

Enfin, la comparaison des caractéristiques relevées dans les parémies et dans les associations nous donnent deux modèles cognitifs idéalisés suivants (en français et en russe respectivement) :

Caractéristique	Proportions parémies/associations
misogynie	42/3
l'homme marié	35/3
ivrogne	31/10
prudent, raisonnable	22/19
sot	21/4
dominant	20/12
poilu	17/8
paresseux	16/9
l'homme véritable	16/21
travailleur	12/4
riche	12/6
amoureux	10/5
voluptueux	9/7
gourmand	6/13
vivant pour le bien de la société	5/8
désiré	5/9
beau	4/9
indépendant	4/8
bavard	4/2
chercheur du bien-être	4/6
séducteur	3/22
sexuellement libéré	3/13
fort	3/4
lâche	2/2
fier	2/9
aigri	1/11

Caractéristique	Proportions parémies/associations
travailleur	68/29
l'homme marié	27/16
sot	26/3
dominant	24/5
pauvre	22/1
riche	21/1
ivrogne	21/42
défenseur	14/6
paresseux	11/5
démesuré	11/2
prudent	10/2
obstiné	7/3
irresponsable	6/4
insignifiant	6/2

honnête	6/3
religieux	5/2
simple, sans ambition	5/8
barbu	3/20
bon	3/3
mal éduqué	3/6
attirant	3/6
laid	3/3
vieux	3/3
fumeur	2/3
rebelle	2/4

Il faut aussi noter que le volume de chaque caractéristique dans les parémies ne coïncide pas toujours avec celle des associations.

En plus, l'aspect négatif est beaucoup plus souvent exprimé dans les parémies (bien que pour les Russes, il y en ait eu beaucoup dans les associations aussi) qui aide à mieux démontrer le caractère didactique de ces unités, donc, le comportement inadmissible, le « comment il ne faut pas faire ».

Les proportions ci-dessus ont une particularité : les parémies et les associations en français sont en corrélation inversement proportionnelle par excellence (plus il y a de parémies, moins il y a d'associations et vice-versa), tandis que pour le russe cette corrélation est essentiellement directe (plus il y a de parémies, plus il y a d'associations et l'inverse).

Cela pourrait être expliqué par des raisons suivantes :

1. Pour les Français les changements objectifs dans la réalité ont provoqué le changement parallèle dans la vision nationale du monde.

2. Les jugements et les images qui gardent l'archétype de l'homme français perdent leur importance et sont remplacés par des images plus actuelles, néanmoins, ils existent toujours dans la conscience des représentants de cette linguoculture.

3. Pour les Russes, au contraire, les changements dans la réalité n'ont pas influencé sur la vision du monde qui se révèle ainsi comme étant très rigide.

4. La perception traditionnelle de l'homme russe persiste et est bien représentée dans les associations, donc, dans la vision actuelle c'est pour cela que les caractéristiques des parémies et des associations ne se distinguent pas aussi ostensiblement que pour le français.

Tout cela permet de constater que la vision nationale du monde chez les Français est plus dynamique et au contraire, la vision nationale du monde chez les représentants de la linguoculture est stéréotypisée.

En somme, la présence de l'image traditionnelle dans la vision objective du monde actuelle et les différences entre ces images pour de différentes linguocultures prouvent que la vision linguistique du monde est liée à la vision nationale du monde et par conséquent, les deux sont le produit de la mentalité nationale.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко. - М.: Флинта: Наука, 2009. - 344 с.
2. Богоявленская, Ю.В., Буженинов, А.Э. Прецедентное имя «Наполеон» в исторической памяти Франции: опыт корпусного исследования / Ю.В. Богоявленская, А.Э. Буженинов // Политическая лингвистика. - № 2. - Екатеринбург: изд-во УрГПУ, 2015. - С. 137-143.
3. Буженинов, А.Э. Роль синтаксических трансформаций в выявлении особенностей национального менталитета России и Франции (на материале сказов П.П. Бажова и их переводов на французский язык) / А.Э. Буженинов // Казанская наука. - №9. - Вып.2 - Казань: изд-во Казанский издательский дом, 2010. - С. 472-475.
4. Бутенко, Е.Ю. Фразеологическая вербализация концепта class в английской лингвокультуре (на материале фразеологических и паремиологических единиц) / Е.Ю. Бутенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - № 11 (Ч.2). - Тамбов: «Грамота» 2014. - С.58 - 62.
5. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. / С.Г. Воркачев - М.: Гнозис, 2004. - 192 с.

6. Газизова, Л.Г. Фразеологизмы как средства отражения ментальности в испанском и русском рекламном тексте // Сопоставительная лингвистика / гл. ред. Ю.В. Богоявленская; ФГОУ ВО «Урал.гос. пед. ун-т». Екатеринбург 2016. Вып. 5. 2016. - С. 28-32.
7. Даль, В.И. Пословицы русского народа. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. — 991 с.
8. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок: Около 1200 пословиц и поговорок. - М.: Русский язык, 1991. - 534 с.
9. Красных, В.В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. - №2. - М., 2013. -С. 7-18.
10. Маслова, В.А. Homo lingualis в культуре: Монография. - М.: Гнозис, 2007. - 320 с.
11. Мерзлякова, И.С. Лингвокультурный концепт «Femme» (женщина) и его символическое выражение во французском языке // Гуманитарный вектор. - № 3. - Чита, 2009. - С. 91-96.
12. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г., Николаева, Е.К. Большой словарь русских пословиц. - М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. - 1024 с.
13. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика. - М.: АСТ: «Восток-Запад», 2010. - 314 с.
14. Русские пословицы и поговорки / под. ред. В. П. Аникина; сост. Ф. М. Селиванов, Б. П. Кирдан, В. П. Аникин. - М.: Художественная литература, 1988. - 431 с.
15. Фразеологические единицы как элемент языковой картины мира // Сб. мат. Всероссийской науч. конф. под ред. Н.Б. Усачевой. - Курган: изд-во КГУ, 2015. - 133 с.
16. Cosson, G. Dictionnaire des dictons des terroirs de France / G. Cosson. - Paris: Larousse, 2014. - 400 p.
17. Diachy, K. L'étude sémiotique et linguistique des proverbes français / K. Diachy. - 2011. [Электронный ресурс]. - URL: <http://eprints.iliauni.edu.ge/usr/share/eprints3/data/65/1/djachy.pdf> (дата обращения: 8.03.2016)
18. Le petit Larousse illustré. - P.: Larousse, 2006. - 1839 p.
19. Maloux, M. Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes / M. Maloux. - Paris: Larousse, 2014. - 627 p.
20. Montreynaud, F. Dictionnaire de proverbes et dictons / F. Montreynaud, A. Pierron, F. Suzzoni. - Trebaseleghe: Grafica Veneta S.p.A., 2015. - 760 p.
21. Privat, M. Qu'est-ce qu'un proverbe? Essai de définition raisonnée / M. Privat. - 1999. [Электронный ресурс]. - URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/91946.pdf> (дата обращения: 8.03.2016)
22. Proverbes français avec le mot-clé «homme». [Электронный ресурс]. -URL: http://www.culture.gouv.fr/public/mistral/proverbe_fr (дата обращения: 9.09.2015)
23. Rat, M. Dictionnaire des expressions et locutions traditionnelles. - Paris: Larousse, 2014. - 464 p.

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F., Semenenko N. N. Frazеologija i paremiologija / N.F. Alefirenko. - М.: Flinta: Nauka, 2009. - 344 s.
2. Bogojavlenskaja, Ju.V., Buzheninov, A. Je. Precedentnoe imja «Napoleon» v istoricheskoj pamjati Francii: opyt korpusnogo issledovanija / Ju.V. Bogojavlenskaja, A. Je. Buzheninov // Politicheskaja lingvistika. - № 2. - Ekaterinburg: izd-vo UrGPU, 2015. - S. 137-143.
3. Buzheninov, A. Je. Rol' sintaksicheskikh transformacij v vyjavlenii osobennostej nacional'nogo mentaliteta Rossii i Francii (na materiale skazov P.P. Bazhova i ih perevodov na francuzskij jazyk) / A. Je. Buzheninov // Kazanskaja nauka. - №9. - Vyp.2 - Kazan': izd-vo Kazanskij izdatel'skij dom, 2010. - S. 472-475.
4. Butenko, E. Ju. Frazеologicheskaja verbalizacija koncepta class v anglijskoj lingvokul'ture (na materiale frazeologicheskikh i paremiologicheskikh edinic) / E. Ju. Butenko // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. - № 11 (Ch.2). - Tambov: «Gramota» 2014. - S.58 - 62.
5. Vorkachev, S.G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept. / S.G. Vorkachev - М.: Gnozis, 2004. - 192 s.
6. Gazizova, L.G. Frazеologizmy kak sredstva otrazhenija mental'nosti v ispanskom i

- russkom reklamnom tekste // Sopostavitel'naja lingvistika / gl. red. Ju.V. Bogojavlenskaja; FGOU VO «Ural.gos. ped. un-t». Ekaterinburg 2016. Vyp. 5. 2016. - S. 28-32.
7. Dal', V.I. Poslovice russkogo naroda. — M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1957. — 991 s.
8. Zhukov, V.P. Slovar' russkih poslovic i pogovorok: Okolo 1200 poslovic i pogovorok. — M.: Russkij jazyk, 1991. — 534 s.
9. Krasnyh, V.V. Lingvokul'tura kak ob#ekt kognitivnyh issledovanij // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. — №2. — M., 2013. —S. 7-18.
10. Maslova, V.A. Homo lingualis v kul'ture: Monografija. — M.: Gnozis, 2007. — 320 s.
11. Merzljakova, I.S. Lingvokul'turnyj koncept «Femme» (zhenshhina) i ego simvolicheskoe vyrazhenie vo francuzskom jazyke // Gumanitarnyj vektor. — № 3. — Chita, 2009. — S. 91-96.
12. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G., Nikolaeva, E.K. Bol'shoj slovar' russkih poslovic. — M.: ZAO «OLMA Media Grupp», 2010. — 1024 s.
13. Popova, Z. D., Sternin, I. A. Kognitivnaja lingvistika. — M.: AST: «Vostok-Zapad», 2010. — 314 s.
14. Russkie poslovice i pogovorki / pod. red. V. P. Anikina; sost. F. M. Selivanov, B. P. Kirdan, V. P. Anikin. — M.: Hudozhestvennaja literatura, 1988. — 431 s.
15. Frazeologicheskie edinicy kak jelement jazykovej kartiny mira // Sb. mat. Vserossijskoj nauch. konf. pod red. N.B. Usachevoj. — Kurgan: izd-vo KGU, 2015. — 133 s.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

УДК 811.111'373.43

ББК Ш143.21-32

С. А. Дьяконова

Екатеринбург, Россия

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ: АНАЛИЗ «МОДНЫХ» НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются лексические инновации в межкультурной коммуникативной практике - актуальные слова и выражения современности - так называемые «модные» неологизмы (buzzwords), еще не получившие лексикографического отражения и закрепления в толковых словарях, но вошедшие в активное употребление за последние пять лет в период с 2012 по 2016 год в связи с потребностью обозначения новых реалий, тенденций и веяний, а также для номинации уже существующих в языке явлений для придания им ощущения свежести и новизны, и являющиеся средством отражения изменений, происходящих в современной английской лингвокультуре. Анализ «модных» неологизмов в современном английском языке проводился с использованием статистических методов группировки данных, позволяющих классифицировать отобранные лексические единицы по разным основаниям и выявить их структурно-семантические особенности. Результаты проведенного автором лингвистического статистического исследования отражают следующие аспекты: во-первых, прослеживается количественная динамика появления «модных» неологизмов в английском языке; во-вторых, выявляются части речи, составляющие основную массу новых лексических единиц; в-третьих, выявляются наиболее продуктивные способы словообразования «модных» неологизмов; в-четвертых, выделяются наиболее распространенные их семантические категории (сфера употребления).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инновации, межкультурная коммуникация, коммуникативная практика, «модные» неологизмы, языковая картина мира.

Сведения об авторе: *Светлана Алексеевна Дьяконова, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; адрес: 620114, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 62, к. 519; e-mail: dsa76@inbox.ru.*

S. A. Diakonova

Ekaterinburg, Russia

LEXICAL INNOVATIONS IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION PRACTICE: ANALYSIS OF BUZZWORDS IN MODERN ENGLISH LANGUAGE

ABSTRACT. The article focuses on lexical innovations in cross-cultural communication practice - dynamic words of modernity - modern English 'buzzwords', which have not yet been recorded in general dictionaries but have become particularly popular during the last five years between 2012 and 2016 due to advances in technology and communications media as well as changes in social life of the speech community in question. Analysis of buzzwords in the modern English language was carried out with the help of statistical research methods allowing to sort lexical units under discussion according to different criteria and identify their structural and semantic features. The undertaken research provides insight into the phenomenon of buzzwords from different perspectives that are as follows: firstly, it focuses on buzzwords sorted by date of appearance; secondly, it identifies the most common parts of speech of buzzwords; thirdly, it reveals the most productive word-formation types; finally, it identifies the key topic areas of buzzwords.

KEY WORDS: innovations, cross-cultural communication, communication practice, buzzwords, language worldview.

About the author: *Svetlana Alekseyevna Diakonova, Senior teacher of Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia; e-mail: dsa76@inbox.ru.*

Начало XXI века характеризуется стремительным развитием различных сфер жизни общества, что неизбежно накладывает свой отпечаток на характер современной коммуникативной практики и языковой картины мира в целом. Лексический состав языка более, чем другие его уровни (фонетический, грамматический или синтаксический), реагирует на изменения общественно-политического и культурного характера жизни народа – носителя языка. Инновации в словарном составе представляют собой языковой ответ на новые реалии и факты объективной действительности, характерные для конкретного периода. При этом каждая эпоха выдвигает на первый план некоторое количество слов, которые обладают социальной значимостью и особой выразительностью. Анализ языковых процессов позволяет высказать предположение о том, что в настоящий момент современный английский переживает «неологический бум», ярким свидетельством которого является феномен «модных слов».

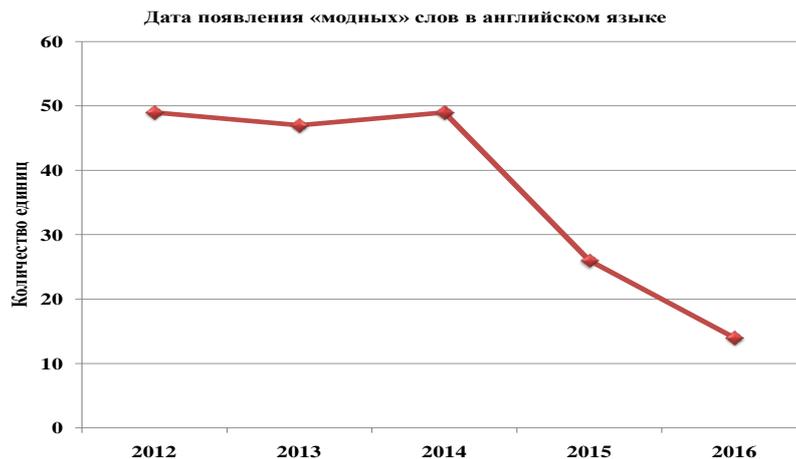
«Модные» неологизмы – актуальные слова и выражения современности, лексические инновации – возникают в связи с потребностью обозначения новых реалий, тенденций и веяний, а также для номинации уже существующих в языке явлений, для придания словам ощущения свежести и новизны. Они представляют собой «пластичный слой лексики, обладающей социальной и психологической обусловленностью» [Журавлева 2010: 4] и отражают особенности ментальной картины мира носителей данного языка и культуры в определенный период времени. «Модные» неологизмы, как правило, отличаются кратковременной употребительностью, однако часть ранее модных единиц в дальнейшем остается в языке, утрачивая свойства неологизмов. Критериями принадлежности слова к категории «модных», помимо социолингвистических (частотность) и психолингвистических (ощущение говорящими новизны и современности слова, его одобрение хотя бы частью узуса), являются также метаязыковые высказывания-рефлексивы, в которых отражается «социокультурное настроение» [там же]. В.Новиков, автор «Словаря модных слов», описывая динамику речевой моды русского языка, дает следующее определение: «Модное слово – это слово с претензиями, оно часто звучит в устной речи, мелькает в прессе, то и дело доносится из радиоприемника или телевизора, в новых модных словах отражаются колоритные особенности нашей жизни, важные сдвиги в общественном сознании» [Новиков 2008: 4]. При этом именно СМИ способствуют распространению нового, «модного» варианта употребления лексемы на другие лингвокультурные ареалы [Добросклонская 2008: 48].

В английском языке «модные» неологизмы получили название «buzzwords» (англ. buzz – привлекать внимание, повышенный интерес). MacmillanEnglishDictionary содержит следующее определение: buzzword NOUN [COUNTABLE] /'bʌz,wɜ:(r)d/ – a word that has become very popular, especially a word relating to a particular activity or subject (слово, ставшее очень популярным, особенно относящееся к определенному виду или сфере деятельности).

Актуальность предпринятого исследования обусловлена необходимостью изучения «модных» неологизмов в английском языке как средства отражения изменений, происходящих в современной английской лингвокультуре. Цель исследования заключается в выявлении структурно-семантических особенностей «модных» неологизмов, вошедших в активное употребление в английском языке за последние пять лет, в период с 2012 по 2016 год.

Материалом исследования послужил архив неологизмов (Buzzwords) сайта www.macmillandictionaries.com, представляющий собой глоссарий «модных слов», каждое из которых в тот или иной момент было признано «словом недели» и отражает современное состояние английского языка. Для изучения были отобраны 185 ключевых лексических единиц (всего 282 единицы), еще не получивших лексикографического отражения и закрепления в толковых словарях.

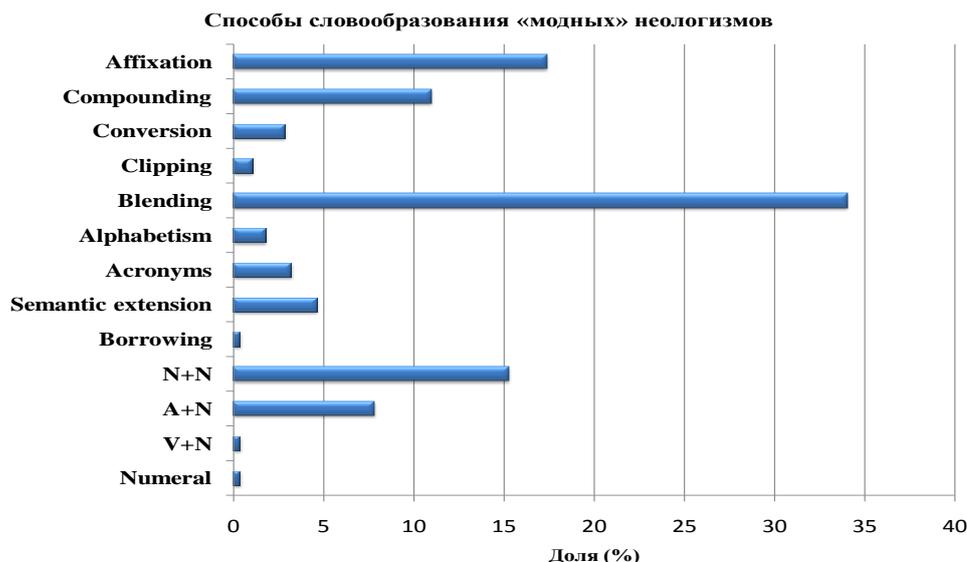
Первый этап исследования заключался в определении количественной динамики появления «модных» неологизмов в английском языке с помощью статистического метода типологической группировки данных. Исследуемые лексические единицы были сгруппированы по дате их появления, в результате чего было выявлено, что за указанный период пик неологизмов приходился на 2012 и 2014 годы, однако в целом к концу 2016 года наблюдается динамика снижения появления «модных» слов в английском языке.

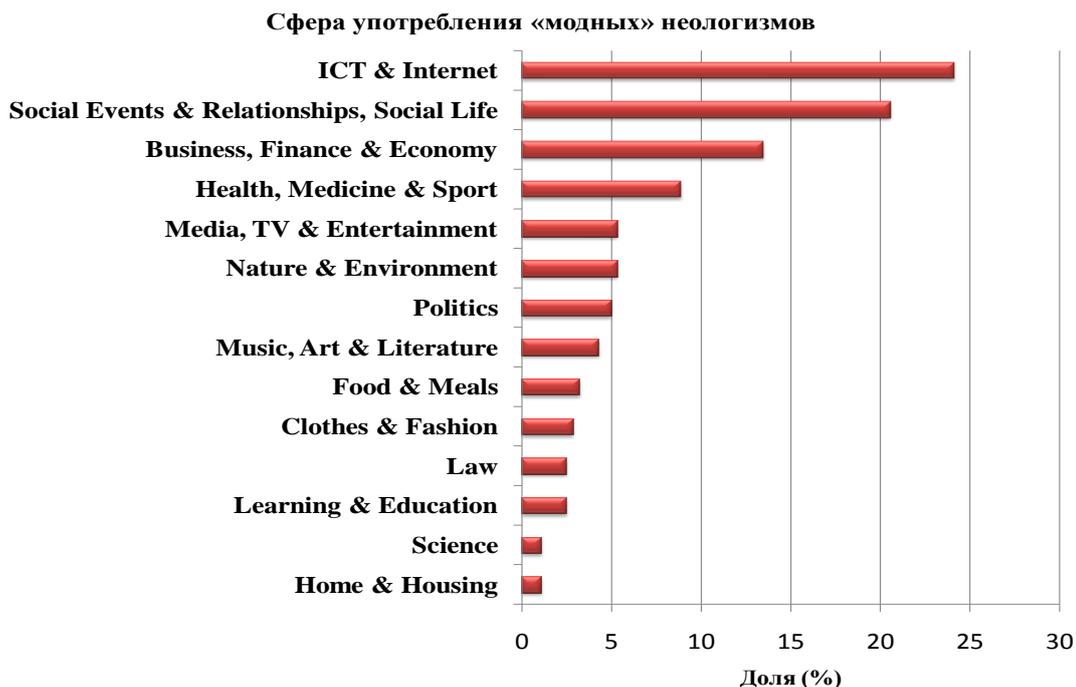
Второй этап исследования заключался в выявлении части(ей) речи, составляющей(их) основную массу исследуемых лексических единиц. Из 282 анализируемых «модных» неологизмов 212 (приблизительно три четверти – 75,2%) составляют имена существительные или словосочетания, имеющие в своем составе существительные; 39 лексических единиц (или 13,8 %) относятся к глаголам; 29 лексических единиц (10,3%) являются прилагательными; и всего 2 единицы (или 0,7%) относятся к наречиям. Таким образом, отличительной особенностью «модных» слов является их принадлежность только к знаменательным частям речи, т.е. к именам существительному, прилагательному, глаголу и наречию; при этом существительные составляют наиболее многочисленную группу.

Дальнейший анализ частей речи «модных» неологизмов показал, что существительные, относящиеся к разряду исчисляемых (**e-reader*), составляют большинство (56,6%); неисчисляемые существительные (**nomophobia*) составляют вторую по величине группу (39,1%). Существительные, относящиеся к обоим разрядам (**ecocide*), сравнительно немногочисленны (всего 2,8%). Существительные, относящиеся к разряду употребляемых только во множественном (**tom jeans*) или только в единственном числе (**omnishambles*), а также собирательные существительные (**squeezed middle*), являются наименее представленными категориями (0,47%). Что касается глаголов, в процентном отношении количество переходных форм (**to chainwatch*) почти в два раза превышает количество непереходных (**to medal*) (43,6% и 20,6% соответственно). Лексические единицы, относящиеся к обоим категориям (**to troll*), составляют 35,8%.

Третий этап исследования заключался в выявлении наиболее продуктивного способа словообразования «модных» неологизмов с использованием метода структурной группировки данных. Несмотря на то, что контаминация (*blending*) – возникновение нового слова или выражения в результате смешения частей двух слов или выражений – считается непродуктивной словообразовательной моделью, в отношении «модных» неологизмов данный способ словообразования показал самую высокую эффективность, с его помощью образована треть всех исследуемых лексических единиц (**bigorexia, Brexit, Frankenstorm, infobesity, to stuffocate, etc.*). Второй по распространенности словообразовательной моделью оказалась аффиксация (*affixation*) – способ образования слов с помощью аффиксов, т.е. присоединение аффиксов к корню или основе слова, с помощью которой образовано 17,37% исследуемых лексических единиц (**gamification, hipster, selfie, solutionism, supercellular, etc.*). Третьим по продуктивности способом пополнения лексического состава современного английского языка в рамках собранного материала оказались «модные» неологизмы-словосочетания с количественным преобладанием формулы N+N (существительное + существительное) (**iceberg home, pheromone party, property porn, sandwich generation, tiger mother, etc.*).

Четвертый этап исследования заключался в выявлении наиболее распространенной сферы употребления «модных» неологизмов. Отобранные лексические единицы были классифицированы по тематическому принципу, в результате чего были выделены следующие лексико-семантические группы: информационные и коммуникационные технологии и интернет (**Bitcoin, cyberloaf, digital wildfire, twintern, webrooming, etc.*); люди и общество (**babylag, uncoupling, crowdbirth, FOMO, Sip and See, etc.*); бизнес, финансы и экономика (**crowdfunding, fiscal cliff, sharing economy, solopreneur, zero hours contract, etc.*); здоровье, медицина и спорт (**hypnobirthing, liquid biopsy, moto-doping, paleo diet, text neck, etc.*); природа и окружающая среда (**biomimicry, frost quake, rewilding, sandscape, zonkey, etc.*); СМИ, ТВ и развлечения (**chainwatching, charticle, chillax, media meshing, pre-roll, etc.*); политика (**mic drop, MINT, overvote, push poll, RINO, etc.*); музыка, искусство и литература (**caxirola, diabolica, flash fiction, photorealism, Zumba, etc.*); еда (**brinner, duffin, free-from, kimchi, small-plate, etc.*); мода и одежда (**coatigan, onesie, rat tail, shapewear, skeumorphic, etc.*); образование (**conlang, m-learning, nanodegree, SOLE, vertical tutoring, etc.*); право (**drug driving, jailbreak, spear phishing, etc.*); наука (**exoplanet, Higgs boson, protologism*); дом и жилище (**iceberg home, rainingarden, ruburb*).

Наиболее представленной в рамках собранного материала оказалась тематическая категория «информационные и коммуникационные технологии и интернет», составляющая около четверти (24,11%) всех исследуемых лексических единиц. Второй в количественном плане оказалась семантическая категория «люди и общество», насчитывающая 20,56%; в то время как семантическая категория «бизнес, финансы и экономика», считающаяся исходной, составила лишь 13,47%. В корпусе исследованных неологизмов значительно меньшую продуктивность показали категории «еда» (3,19%); «одежда и мода» (2,83%); «право» и «образование» (2,48% каждая); почти не отражены неологизмы, относящиеся к сферам «наука» и «дом и жилище» (1,06% каждая).

Таким образом, в целом к концу 2016 года наблюдается динамика снижения появления «модных» неологизмов в английском языке; отличительной особенностью новых слов является их принадлежность только к знаменательным частям речи, из которых наиболее многочисленную группу составляют существительные; наиболее продуктивным способом словообразования «модных» неологизмов является контаминация (blending); наиболее представленной в рамках собранного материала оказалась тематическая категория «информационные и коммуникационные технологии и интернет».

ЛИТЕРАТУРА

1. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 203 стр.
2. Журавлева, Н. Г. Феномен «модного» слова: лингво-прагматический аспект (на материале современного русского языка): автореф. дисс. ... к. филол. н. – Ставрополь, 2010. – 25 с.
3. Новиков, В. Новый словарь модных слов. – М.: АСТ: Зебра Е, 2008. – 192 с.
4. Macmillan dictionary (Available at: <http://www.macmillandictionary.com/buzzword>)

REFERENCES

1. Dobrosklonskaya, T. G. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech': uchebnoye posobiye. – M.: Flinta: Nauka, 2008. – 203 str.
2. Zhuravleva, N. G. Fenomen «modnogo» slova: lingvo-pragmaticheskiy aspekt (na materiale sovremennogo russkogo yazyka): avtoref. diss. ... k. filol. n. — Stavropol', 2010. – 25 s.
3. Novikov, V. Novyy slovar' modnykh slov. – M.: AST: Zebra E, 2008. – 192 s.

УДК 811.133.1'38

ББК Ш147.11-55

Е. В. Ерофеева

Екатеринбург, Россия

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПРОСЬБЫ, РЕАЛИЗУЕМЫЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

АННОТАЦИЯ. В данной статье на примере речевых актов просьбы во французском языке рассматривается проблема планирования речевого поведения в зависимости от контекста общения и статусов коммуникантов. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке прагматики и психолингвистики. Автор раскрывает содержание таких понятий как стратегия, тактика, коммуникативный ход и сопоставляет их с базовым понятием прагматики - речевым актом. Основное содержание статьи составляет анализ коммуникативных ходов, к которым прибегает говорящий при реализации просьбы во французском дискурсе. Примеры из художественной литературы иллюстрируют выводы автора. Ситуация просьбы рассматривается как комплекс из основных и дополнительных компонентов. Среди последних чаще всего встречаются извинения за просьбу, объяснение причин просьбы, выражение благодарности за будущее выполнение просьбы. Анализ материала показал, что при наличии различий в статусе коммуникантов, а также, чем больше психологическая дистанция между ними, тем выше потребность в использовании дополнительных компонентов. На основании анализа языкового материала устанавливается, что коммуникативная стратегия просьбы часто включает в себя ходы других речевых тактик (угрозы, упрека, жалобы, похвалы и др.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевой акт просьбы; речевые стратегии и тактики; коммуникативный ход.

Сведения об авторе: *Ерофеева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой романских языков, Уральский государственный педагогический университет; доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 465; e-mail: e.v.erofeeva@yandex.ru.*

E. V. Erofeeva

Ekaterinburg, Russia

COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS REQUESTS IMPLEMENTED IN FRENCH

ABSTRACT. In this article, on the example of request speech acts in French is shown the problem of planning of the speech behavior depending on the communicative context and communicators status. This work has an interdisciplinary nature, is written at the intersection of pragmatics and Psycholinguistics. The author reveals the content of concepts such as strategy, tactics, communicative course and compares them with the pragmatics basic concept of speech act. The main content of the article is analysis of communicative moves which are used by speaker in the course of the implementation of request in French discourse. Examples from the literature illustrate the authors' conclusions. The situation of the request is treated as a complex of primary and secondary components.

Among the last the most frequent are apologies for the request explaining the reasons for the request, the expression of gratitude for the future execution of the request. Material analysis showed that when there are differences in the status of the communicators, as well as there is more psychological distance between them, the higher the need for using additional components. On the basis of the analysis of linguistic material is established that communicative strategy requests often includes passages of other speech tactics (threats, reproach, complaints, praise, etc.).

KEY WORDS: Request Speech Act; Speech Strategies and Tactics; Communicative Course.

About the author: *Elena Vladimirovna Erofeeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Roman Languages Department, Ural State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ural State Economical University Ekaterinburg, Russia; e-mail: e.v.erofeeva@yandex.ru.*

В последнее время проблематика речевого общения является одной из наиболее

привлекательных областей в сфере междисциплинарных исследований. Большой интерес стали представлять лингвистические результаты, показывающие каким образом язык соотносится с другими аспектами существования человека (Горшкова О.В., Гулакова И.И., Жданова Е.В., Красных В.В., Почепцов Г.Г., Янко Т.Е.).

Некоторые объяснения речевого поведения с точки зрения его эффективности могут быть получены через описание стратегических направлений и тактических приемов. Речевая стратегия включает в себя планирование речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. [Иссерс 2006:153]. Способ осуществления речевой стратегии получил название речевой тактики. Если речевую стратегию понимать как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего, то речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии. Составные элементы речевой тактики называются коммуникативными ходами. Это минимальная стратегическая единица, которая связывает реплику говорящего и реплику слушающего по принципу иллокутивного вынуждения. Коммуникативный ход определяется относительно предполагаемой реакции партнера и с учетом предыдущих речевых действий. В речевом ходе можно увидеть аналог речевого акта (далее: РА). О.С. Иссерс считает, что главное отличие коммуникативного хода от исходного понятия РА заключается в интерпретации намерений говорящего: для коммуникативного хода это возможно только в рамках общей стратегии и тактики.

В нашем исследовании мы рассматриваем речевые акты, наиболее часто встречающиеся в повседневном общении, реализующие побудительную функцию языка, которая обладает большой значимостью для процесса общения, для регулирования отношений между людьми. Речевой акт просьбы – это директивный речевой акт, представляющий собой побуждение к действию, бенефактивному для говорящего, решение об исполнении которого, принимается адресатом [Ерофеева 2014:77].

При выборе тактики просьбы говорящий рассчитывает на максимальное сопротивление со стороны слушающего. Это выражается в особо тщательном планировании коммуникативных ходов.

В. И. Карасик интерпретирует коммуникативный ход РА просьбы как комплекс из 5 основных компонентов: 1) начало разговора; 2) обращение; 3) просьба о просьбе; 4) мотивировка; 5) собственно просьба [Карасик 1992:47]

Разумеется, наличие этих компонентов не является строго обязательным. Чаще всего говорящий использует только некоторые из них. Проанализируем следующую коммуникативную ситуацию:

Комиссар Мегрэ обращается с просьбой к своей собеседнице:

(1) - *Ecoutez (1), Madame Oosting (2), vous pourriez me rendre un grand service. (3) Votre mari a une auto ?(4) - Bien sûr. -Il serait gentil de vous conduire au bureau central de la police [...]* (5) – *Послушайте, Мадам Устинг, вы могли бы оказать мне большую услугу. -У вашего мужа есть автомобиль? - Конечно. - Было бы любезно с его стороны доставить вас в центральный офис полиции...* [Simenon 1988:387]

В данном примере присутствуют следующие компоненты: начало разговора (1), обращение (2), реплика (3) делает акцент на значимость просьбы для говорящего, предварительный вопрос (4) имеет цель выяснить возможности адресата для выполнения просьбы, собственно просьба (5) помимо основного своего компонента содержит положительную оценку действий адресата.

Среди дополнительных компонентов просьбы можно также назвать:

1) извинение за просьбу

(2) - *Je vous demande pardon de vous avoir dérangé, monsieur Serré, mais j'aimerais que vous répondiez à quelques questions.* – *Я прошу прощения за беспокойство, мсье Серре, но мне бы хотелось, чтобы вы ответили на несколько вопросов.* [Simenon 1988:567]

2) объяснение причин просьбы

(3) - *Tu permets que je reste ici, Alain ? ça m'embête de rentrer; la vieille est sûrement sur le sentier de la guerre; et comme je n'ai pas de quoi payer mon loyer...* Ты позволишь мне остаться здесь, Ален? Мне не хочется возвращаться; старуха реально готова к войне, а поскольку мне нечем

платить за жилье... [Déforges 1983:129]

(4) – *Léa, je n'en ai pas le courage, veux-tu les ouvrir ?* - Леа, мне не хватает смелости, открой их пожалуйста... [Pennac 1987:128]

3) выражение благодарности за будущее выполнение просьбы

(5) – *Voulez-vous lui demander s'il accepte de me recevoir? Je vous en serais tellement reconnaissante...* - Спросите, пожалуйста, у него, не согласится ли он принять меня. Я была бы вам так признательна... [Exbrayat 1967:53].

Следует заметить, что потребность в дополнительных компонентах чаще всего возникает в официальной обстановке общения, особенно при наличии различий в статусе коммуникантов. Анализ материала показал, что, чем больше психологическая дистанция между коммуникантами, тем вероятнее употребление развернутой схемы.

Когда говорящий убежден в том, что партнер не согласится выполнить просьбу с первого раза, или уже получен отказ, он нередко прибегает к стратегии уговаривания. Среди речевых тактик стратегии уговаривания лингвисты выделяют тактики уговоров и убеждения. Причем различия между ними имеют не столько понятийную, сколько психологическую основу. Уговаривание воздействует на чувства и эмоциональный мир адресата, в то время как убеждение направлено на разум человека [Иссерс 2006:142]. Рассмотрим коммуникативные ходы, к которым прибегает говорящий при реализации просьбы, используя различные тактики уговаривания:

А. Коммуникативный ход – «апелляция к чувствам, отношениям».

Коммуникативной предпосылкой данного хода являются представления о чувствах коммуникантов друг к другу, которые для обеих сторон являются ценными.

(6) – *Sarah, je ne veux pas être harcelé de cette manière. Souviens-toi que je suis ton père.* - Сара, я не хочу, чтобы ты так на меня наседала. Не забывай, что я твой отец. [Devine 1972:140]

Реплика *Souviens-toi que je suis ton père* по своей привычной функции является упреком, в основе когнитивных предпосылок которого лежат неоправдавшиеся ожидания. Однако, если в своей основной функции упрек используется с целью вызвать стыд, раскаяние у слушающего, то в контексте уговоров этот ход преследует цель побудить его к определенным действиям в интересах говорящего [Иссерс 2006:152].

Б. Коммуникативный ход – «апелляция к качествам партнера».

В реализации этого хода лежит выделение качеств слушающего, которые позволяют ему выполнить то, к чему склоняет его говорящий. В функции аргумента выступает комплимент собеседнику:

(7) – *Je vous en supplie, Baas!... Je sais que vous êtes bon...* - Я вас умоляю, Баас! Я знаю, что вы хороший... [Simenon 1988:256]

(8) – *Ma colombe, ma vie, ma perle blanche, venez prendre un bain, je vous prie.* - Голубка моя, моя жизнь, моя жемчужина, приходите принять ванну, я прошу вас. [Bourin 1994:153]

В. Коммуникативный ход – «апелляция к разуму».

Этот ход маркируется показателями, указывающими на разумность, осведомленность адресата:

(9) – *Vous ne pouvez pas me laisser seule avec Camille, je suis incapable de la soigner, de lui faire ses piqûres.* - Вы не можете оставить меня одну с Камиллой, я не способна за ней ухаживать, делать ей уколы... [Déforges 1983:124]

При реализации просьбы говорящий может прибегать к одному или нескольким коммуникативным ходам. Разумеется, их последовательность не является строго закрепленной, а целиком зависит от реакции партнера по коммуникации. Реакция же определяется всем комплексом когнитивных, психологических и коммуникационных параметров, характеризующих ситуацию общения. Таким образом, задача говорящего состоит в том, чтобы посредством нескольких коммуникативных ходов изменить эти параметры «в свою пользу».

В целом, анализ собранного материала показывает, что коммуникативная тактика реализации просьбы может сводиться к использованию различных

коммуникативных ходов. При необходимости она может включать ходы других речевых тактик (угрозы, упрека, оскорбления, обвинения, уличения, обиды, жалобы, лести, похвалы, комплимента и т.д.), которые расширяют диапазон воздействия на партнера и способствуют успешной реализации коммуникативной задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшкова, О.В. Коммуникативная стратегия в диалогическом дискурсе // Актуальные проблемы коммуникации и культуры-2.: междунар. сб. науч. тр. / О.В.Горшкова. – М., Пятигорск: ПГЛУ, 2005. – С.24-28.
2. Гулакова, И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / И.И. Гулагова. – Орел, 2004. – 152 с.
3. Ерофеева, Е.В. Прагматическая реализация категории побудительности во французском дискурсе (на примере речевых актов приказа и команды) / Е.В. Ерофеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33). Часть 1. С. 76-79.
4. Ерофеева, Е.В. Прямые и косвенные способы выражения речевого акта просьбы во французском языке/ Е.В. Ерофеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. № 10 (64). Часть 1. – С. 70-73.
5. Жданова, Е.В. Личность и коммуникация: практикум по речевому взаимодействию / Е.В. Жданова. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 176 с.
6. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 4-е изд., стереотип / О.С. Иссерс. – М.: КомКнига, 2006. -288 с.
7. Карасик, В.И. Социальный статус человека в лингвистическом аспекте // «Я», «Субъект», «Индивид» в парадигмах современного языкознания: Сб. научно-аналитических обзоров / В.И. Карасик. – М., 1992. – С. 47-85.
8. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций / В.В.Красных. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
9. Почепцов, Г.Г. Стратегия / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук: Ваклер, 2005. - 354 с.
10. Янко, Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. - 382 с.
11. Déforges, R. La Bicyclette bleue. – P. : Editions Ramsay, 1983. – 370 p.
12. Devine, D. Une jeune fille éperdue. –P.:Librairie des Champs- Elyses, 1972. - 186 p.
13. Exbrayat. Le dernier des salauds. – P.: Librairie des Champs -Elyses, 1967. - 189 p.
14. Pennac, D. La fée carabine. – Paris : Gallimard, 1987. – 310 p.
15. Simenon, G. Pedigree // Tout Simenon 2. - Paris: Presse de la Cit,1988.- 894 p.
16. Bourin J. Les compagnons d'éternité. – Paris : Gallimard, 1994. - 424 p.

REFERENCES

1. Gorshkova, O.V. Kommunikativnaja strategija v dialogicheskom diskurse // Aktual'nye problemy kommunikacii i kul'tury-2.: mezhdunar. sb. nauch. tr. / O.V.Gorshkova. – М., Pjatigorsk: PGLU, 2005. – S.24-28.
2. Gulakova, I.I. Kommunikativnye strategii i taktiki rechevogo povedenija v konfliktnoj situacii obshhenija: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01, 10.02.19 / I.I. Gulagova. – Orel, 2004. – 152 s.
3. Erofeeva, E.V. Pragmaticeskaja realizacija kategorii pobuditel'nosti vo francuzskom diskurse (na primere rechevyh aktov prikaza i komandy) / E.V. Erofeeva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 3 (33). Chast' 1. S. 76-79.
4. Erofeeva, E.V. Prjamye i kosvennye sposoby vyrazhenija rechevogo akta pros'by vo francuzskom jazyke / E.V. Erofeeva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2016. № 10 (64). Chast' 1. S. 70-73.
5. Zhdanova, E.V. Lichnost' i kommunikacija: praktikum po rechevomu vzaimodejstvu / E.V. Zhdanova. – М.: Flinta: Nauka, 2010. – 176 s.
6. Issers, O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. 4-e izd., stereotip / O.S. Issers. – М.: KomKniga, 2006. -288 s.
7. Karasik, V.I. Social'nyj status cheloveka v lingvisticheskom aspekte // «Ja», «Sub#ekt», «Individ» v paradigmah sovremennogo jazykoznanija: Sb. nauchno-analiticheskikh obzorov / V.I. Karasik. – М., 1992. – S. 47-85.

8. Krasnyh, V.V. Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikacii: kurs lekcij / V.V.Krasnyh. - M.: Gnozis, 2001. - 270 s.
9. Pochepcov, G.G. Strategija/ G.G. Pochepcov. - M.: Refl-buk: Vakler, 2005. -354 s.
10. Janko, T.E. Kommunikativnye strategii russoj rechi / T.E. Janko. - M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. - 382 s.

УДК 811.133.1'282
ББК Ш147.11-025.7

Б. Колкук, Ю. Тушкова, Л. Уль
Страсбург, Франция

ПОНИМАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ЭЛЬЗАСЕ

АННОТАЦИЯ. Данная работа посвящена анализу выражений, отобранных из словаря Пьера Резо (Словарь французских регионализмов в Эльзасе, 2007). Цель этого исследования, проведенного спустя 10 лет после публикации словаря, заключается в определении современного положения регионализмов в Эльзасе. В ходе него была разработана анкета отражающая как понимание, так и употребление региональных выражений. В ее заполнении участвовали 411 респондентов. Результаты анкетирования позволили представить картину основных социолингвистических тенденций в регионе Эльзас (Франция). В большинстве случаев предложенные конструкции не были поняты. Также было проведено сравнение понимания выражений жителями Эльзаса и участниками анкетирования, не проживающими в регионе. В исследовании прежде всего пойдет речь о понятии “регионализм” и его дефиниции, затем мы отметим исторические изменения в регионе Эльзас, чтобы прояснить происхождение региональных выражений. Далее мы представим методологию, использованную в рамках данной работы и позволяющую раскрыть современные лингвистические тенденции в Эльзасе. В заключение речь пойдет о результатах, полученных в ходе исследования, и также мы отметим возможные пути дальнейшего развития проблематики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Региональный французский в Эльзасе, эльзасский диалект, понимание регионального французского, социальная лингвистика, эльзасская диалектология.

Сведения об авторах: 1) *Б. Колкук, студентка магистратуры по направлению “Романистика”, факультет романских языков Мюнхенского университета; студентка по программе Erasmus на филологическом факультете Страсбургского университета; адрес: 80539, Мюнхен, Гешвистершоллплатц, д. 1; e-mail: beatrice.colcuc@campus.lmu.de.*

2) *Ю. Тушкова, студентка магистратуры по направлению “Лингвистика” филологического факультета Страсбургского университета; адрес: 67084, Страсбург, ул. Рене Декарта, зд. Портик, 14; e-mail: julie.tushkova@yandex.ru.*

3) *Л. Уль, студентка магистратуры по направлению “Лингвистика” филологического факультета Страсбургского университета; адрес: 67084, Страсбург, ул. Рене Декарта, зд. Портик, 14; e-mail: lucie.uhl2@etu.unistra.fr.*

B. Colcuc, Y. Tushkova, L. Uhl
Strasbourg, France

COMPRÉHENSION ET USAGE DU FRANÇAIS RÉGIONAL EN ALSACE

RÉSUMÉ. L'étude qui va suivre porte sur l'analyse de l'usage et de la compréhension de quelques expressions, parmi celles proposées par P. Rézeau en 2007 (Dictionnaire des régionalismes du français en Alsace). Cette étude a été faite dix ans après la publication de son dictionnaire, dans le but de déceler les tendances actuelles des régionalismes en Alsace. Pour ce faire, nous avons créé un questionnaire, contenant des questions qui portaient sur la compréhension et l'usage des expressions que nous avions choisies. Les 411 répondants nous ont permis de faire une analyse, au moins sommaire, grâce à laquelle nous avons pu relever la tendance sociolinguistique générale de l'Alsace. Nous avons alors remarqué un manque de compréhension des expressions dans la plupart des cas. Nous expliquons dans un premier temps ce qu'est un régionalisme, et comment il se définit, puis nous abordons l'histoire de la région Alsace, afin d'expliquer pourquoi ces régionalismes sont présents et d'où ils proviennent. Enfin, nous concluons avec la méthodologie utilisée pour déceler la tendance actuelle en Alsace, et nous dégageons quelques pistes pour la poursuite de l'étude de façon plus poussée.

MOTS-CLÉS: Français régional en Alsace, Alsacien, dialecte alsacien, Compréhension du français régional, Sociolinguistique, Dialectologie alsacienne

Auteurs : 1) *B. Colcuc, étudiante en master ‘Romanistik’ au Département de Langues*

Romanes, Ludwig-Maximilians-Universität de Munich; Erasmus à la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg; adresse: Geschwister-Scholl-Platz 1, 80539, München; e-mail: beatrice.colcuc@campus.lmu.de.

2) *Y. Tushkova, étudiante en master 'Sciences du Langage' à la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg; adresse: Bâtiment Le Portique, 14, Rue René Descartes, BP 80010 - 67084, Strasbourg Cedex; e-mail: julie.tushkova@yandex.ru.*

3) *L. Uhl, étudiante en master 'Sciences du Langage' à la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg; adresse: Bâtiment Le Portique, 14, Rue René Descartes, BP 80010 - 67084 Strasbourg Cedex; e-mail: lucie.uhl2@etu.unistra.fr.*

B. Colcuc, Y. Tushkova, L. Uhl
Strasbourg, France

COMPREHENSION AND USE OF REGIONAL FRENCH IN ALSACE

ABSTRACT. The following study analyses the use and comprehension of some regional expressions, some of which were formerly proposed by P. Rézeau in 2007. Ten years after the publication of his book, *Dictionnaire des régionalismes du français en Alsace*, this study aims to identify the current trends of local expressions in the Alsace region. The research team from the University of Strasbourg first starts by explaining the definition of 'regionalism,' as well as an in-depth look at the linguistic background of the Alsace region, in order to show where and how regional expressions appear. The team then created a survey to quantify the percentages of the population who understand and use the expressions of interest. The questionnaire had a total of 411 responses, allowing for an analysis to identify the general sociolinguistic trends of Alsace. The results showed that there is a lack of understanding in most cases. In conclusion, the team notes potential areas of further study.

KEYWORDS: Regional French in Alsace, Alsatian Dialect, Alsatian, comprehension of regional French, Sociolinguistics, Alsatian Dialectology.

About the authors: 1) *B. Colcuc, student of master 'Romanistik' at Departement of Romance Languages, Ludwig-Maximilians-Universität of Munich; on Erasmus exchange at the Faculty of Letters, University of Strasbourg; address: Geschwister-Scholl-Platz 1, 80539, München, Allemagne; e-mail : beatrice.colcuc@campus.lmu.de*

2) *Y. Tushkova, student of master 'Sciences du Langage' at the Faculty of Letters, University of Strasbourg; address: Bâtiment Le Portique, 14, Rue René Descartes, BP 80010 - 67084 Strasbourg Cedex - France; e-mail: julie.tushkova@yandex.ru.*

3) *L. Uhl, student of master 'Sciences du Langage' at the Faculty of Letters, University of Strasbourg; address: Bâtiment Le Portique, 14, Rue René Descartes, BP 80010 - 67084 Strasbourg Cedex - France; e-mail : lucie.uhl2@etu.unistra.fr.*

1. *Cadrage du sujet*¹

L'étude qui va suivre porte sur l'analyse de l'usage et de la compréhension de quelques expressions régionales françaises en Alsace. Nous avons trouvé ces expressions dans le *Dictionnaire des régionalismes français d'Alsace* de P. REZEAU (2007).

Dans un premier temps, nous avons souhaité nous concentrer sur quelques définitions, afin de donner un cadre à notre étude. Cela nous permettra également de savoir quel terme nous pourrions utiliser pour désigner les différentes expressions que nous avons pu analyser au cours de cette étude.

Nous nous sommes en effet demandé si nous devons parler de *langue* pour désigner les variantes régionales existant en Alsace, ou si le terme *langue régionale* était plus approprié. Il pourrait également s'agir d'un dialecte, ou de simples variantes régionales au sein d'une langue donnée.

Nous avons choisi les expressions et locutions que nous souhaitons analyser dans le dictionnaire de P. REZEAU, le *Dictionnaire des régionalismes du français en Alsace*, 2007. Au vu de ce titre, nous pouvons en déduire que l'auteur considère que ces expressions sont des régionalismes utilisés en Alsace, au sein de la langue française.

Selon J. Dubois la langue est une norme, et la norme qu'il s'agit de retenir, en ce qui concerne le français, est le parler des générations moyennes. Dans les mots de J. Dubois "La norme se définit par l'intercompréhension la plus étendue. Le français étudié

¹ Les définitions que nous donnons dans ce paragraphe introductif sont tirées de Warnant 1973 : 100 - 125. Les mots de J. Dubois et A. Martinet sont contenus dans le même article.

est alors dit neutralisé”¹.

Puisqu’il est question de l’intercompréhension la plus étendue, nous pourrions penser que le français standard, la norme, est constitué par tous les caractères communs qu’on retrouve dans le parler français, de Marseille à Liège, de Bordeaux à Strasbourg, en passant par Paris.

Or, le parler régional ne se distingue de la norme que par un nombre limité de particularités. Nous pourrions donc parler de variations régionales en français. Certaines de ces variations régionales, sous des poussées diverses et souvent non-linguistiques, tendent à en supplanter d’autres et y arrivent parfois, faisant ainsi leur entrée dans le français standard.

Le fait de parler de traits régionaux permet de ne pas faire apparaître le français pratiqué dans la région comme une variété complètement différente du français standard.

Si la somme des traits régionaux n’est pas négligeable, nous ne pouvons pourtant pas ignorer le fait qu’elle est le résultat de confrontations ayant eu lieu sur le plan géographique, mais aussi sur le plan sociologique.

En effet, la France, de par sa situation géographique et politique, et son état linguistique, a pu voir sa langue nationale influencée, que ce soit par le germanique au nord, ou le roman plus au sud.

Nous constatons également que le français employé dans un certain contexte normatif, tel que le langage écrit ou lors de l’emploi d’un registre soutenu, ne diffère pas réellement d’une région à l’autre, mais que les traits régionaux sont plutôt relevés au sein de certains contextes familiers, ou dans un cercle restreint. Ces traits sont présents même lorsque les individus ne parlent plus le dialecte de la région dans laquelle ils vivent.

La disparition des dialectes que nous constatons actuellement pourrait être due à l’obligation de l’enseignement, la radio, la télévision, la facilité de communication entre les villes, la diffusion de la presse écrite, etc.

Le français régional d’aujourd’hui est donc moins marqué que le français régional d’il y a plus de 50 ans, qui pourrait plutôt être considéré comme un dialecte, de nos jours. Au contraire, le français que l’on qualifie de régional actuellement aurait été, à l’époque, considéré comme un “bon” français.

Concernant les régionalismes, ils peuvent être limités à une aire relativement restreinte, ou au contraire recouvrir une aire vaste, en englobant plusieurs régions voisines ou non. Les régionalismes peuvent provenir de différentes sources, telles que le dialecte parlé antérieurement dans la région, des archaïsmes du français de bon usage, des emprunts faits par les français régionaux aux langues voisines.

Dans les chapitres qui suivent, nous avons choisi de nous concentrer sur les régionalismes présents dans la région Alsace, et provenant du dialecte parlé à l’intérieur de cette aire, l’Alsacien.

Nous noterons que les expressions que nous allons analyser ultérieurement sont certes des traductions de l’alsacien utilisées en français régional, mais l’alsacien est avant tout un dialecte de la langue allemande. Les expressions que nous avons choisies sont des expressions en français, qui sont des calques d’expression en alsacien ainsi qu’en allemand. Cela permet de faire la différence entre les langues régionales et les variations régionales en français. Nous nous sommes intéressées, dix ans après, à la vitalité de ces expressions, en s’informant sur leur connaissance et leur compréhension.

Nous allons, dans la partie suivante, revenir sur la raison pour laquelle l’alsacien est une langue si proche de l’allemand, et tenter de donner certaines causes de l’utilisation des locutions traduites de l’allemand en Alsace.

2. Situation linguistique actuelle

2.1. Excursus historique

La situation linguistique actuelle en Alsace s’explique en premier lieu par l’histoire de la région, l’idéologie dominante ainsi que par la politique sociale et linguistique menée pendant les périodes françaises ou allemandes.

¹ *Ibid.* p.102

La formation de l'identité linguistique des habitants de la région est soumise à plusieurs facteurs déterminés par le cours de l'histoire qui imposait souvent le passage de la culture allemande à la culture française et *vice versa*. Ainsi depuis l'arrivée des tribus alémaniques et franciques entre les VIème et IXème siècles, la langue, ancêtre de l'allemand, commence à s'établir comme la langue d'Etat.

La majeure partie du temps, l'Alsace appartenait à l'Allemagne et ce jusqu'à sa première annexion par la France en 1648. Ensuite la région a vécu encore deux périodes allemandes (1870 - 1918; 1940 - 1944) et deux reprises (1918 - 1940; 1944) par la France. Pendant ces périodes, les deux langues changeaient consécutivement, s'influençaient et formaient le dialecte [Klein 2009: 46 - 52].

2.2. *L'omniprésence du français, les restes allemands*

Depuis l'année 1944 nous sommes dans la quatrième période française. Le français est omniprésent dans tous les domaines : c'est la seule langue à être utilisée dans la correspondance administrative et dans le commerce. Le culte religieux se fait majoritairement en français mais certaines églises protestantes utilisent encore souvent l'allemand. Tous les affichages sont rédigés en français et la presse bien qu'elle puisse être bilingue, doit avoir une mention en français "édition bilingue" [Hug 1987: 113]. Il est évident que l'élément le plus important dans la transmission de la langue, comme l'enseignement, s'effectue exclusivement en français.

Malgré cela, l'Alsace a toujours été influencée par l'allemand, aussi bien à cause de son histoire que de sa position géographique frontalière. La première cause explique la présence de l'allemand chez les locuteurs plus âgés et la deuxième - la nécessité de l'apprentissage de l'allemand par les jeunes. La maîtrise de la langue voisine fait toujours valoir une candidature sur le marché du travail en Alsace. C'est donc pour ces raisons historiques et géographiques que l'allemand est enseigné dans la plupart des écoles.

2.4. *L'alsacien¹*

L'alsacien, qui est la langue régionale selon Hug [Hug 1975], se parle généralement dans la famille et entre amis.

Actuellement son usage varie selon l'âge et le milieu social. Ainsi, l'alsacien est plutôt représenté dans les villages et n'est pas courant parmi les jeunes. On pourrait donc dire qu'il est menacé par la langue nationale, donc par le français et qu'il est en train de se perdre.

Pourtant, les Alsaciens commencent à s'intéresser à la protection de leur identité régionale et de leur dialecte en mettant en place des ateliers qui proposent des cours gratuits d'alsacien. Parmi ceux-ci, un des plus connus est OLCA (office pour la langue et la culture alsacienne) - association qui propose des outils et de l'aide pour l'organisation des ateliers d'alsacien et guide les enseignants désirant intégrer l'alsacien dans leurs activités pédagogiques.

Il existe également le Théâtre alsacien de Guebwiller qui est destiné aux gens de tout âge. Ce théâtre propose aussi des cours d'alsacien gratuits et accessibles à un public assez large y compris à la jeune génération d'Alsaciens et de Français issus d'autres régions.

Bien que l'alsacien perde ses positions et que l'allemand ne représente plus qu'une langue vivante enseignée, le français garde certains vestiges renvoyant au développement historique de la région et c'est ce qui nous intéresse dans le cadre de cette étude exploratoire.

3. *Méthodologie*

3.1. *Le choix du sujet et le but de l'étude*

La raison principale qui nous a amenées vers ce choix de sujet est simple : nous avons un intérêt commun à l'égard du monde linguistique et culturel germanique, et nous voulions mener une petite étude au sein de la région dans laquelle nous avons choisi d'effectuer nos études. Par ailleurs, comme nous avons déjà évoqué une fois, nous voulions vérifier, dix ans après la publication de P. Rézeau, s'il y avait eu des changements par rapport à la compréhension et à l'usage de certaines expressions qui,

¹ Les informations concernant l'alsacien contenues dans ce paragraphe sont tirées de C. Feix 2017.

d'après l'auteur, sont censées être typiquement alsaciennes.

3.2. Le questionnaire

3.2.1. La création du questionnaire

Dans le but de vérifier la compréhension et l'usage de certaines expressions, nous avons choisi huit expressions, parmi celles proposées par P. Rézeau (2007), qui sont, à nos yeux, les plus fréquemment employées. Nous les avons ensuite intégrées dans un questionnaire¹. Nous avons également choisi ces expressions car il ne s'agit pas de simples mots, mais de constructions phrastiques, au niveau syntaxique. Nous avons créé le questionnaire en nous servant de la plate-forme *Google Forms*, qui permet non seulement d'élaborer des questionnaires de façon simple et rapide, mais d'en faciliter leur diffusion. Le questionnaire est composé de dix-huit questions, dont huit de caractère générale concernant la ou les langues maternelles, parlées ou comprises, l'âge, le département de naissance et de résidence, le diplôme le plus élevé obtenu, et enfin le sexe. Nous avons retenu ces données sociodémographiques car notre intention était celle de faire une analyse par tranches d'âge, afin de voir s'il y avait des spécificités par rapport au sexe et au degré d'instruction. Le département de naissance et de résidence sont importants étant donné que la vérification était censée repérer les traits sociolinguistiques alsaciens. Les dix questions restantes portent sur les expressions que nous avons choisies. Parmi ces questions, une catégorisation peut être faite : d'une part nous avons cinq questions visant à vérifier la compréhension des locutions selon le modèle : « [EXPRESSION] signifie » avec quatre réponses possibles, dont une seule correcte.

Le tableau suivant montre les questions et les possibles réponses pour les questions posées selon le modèle ci-dessus :

Tableau 1. La partie du questionnaire portant sur la compréhension.

QUESTION POSÉE (Rézeau 2007)	RÉPONSES POSSIBLES (réponse correcte en <i>italique</i>)
“Avoir une grenouille dans la gorge” signifie: (p. 29)	☐ <i>Avoir un chat dans la gorge</i> ☐ Avoir la nausée ☐ Avaler de travers ☐ Autre / Aucune réponse ne me convient
“Ça donne un plan” signifie: (p. 214 ; all. “Es gibt einen Plan”)	☐ <i>Il y a un plan</i> ☐ Quelqu'un vous donne un rendez-vous ☐ Quelqu'un vous donne un plan ☐ Autre / Aucune réponse ne me convient
“Ça tire” signifie: (p. 217 ;all. “Es zieht”)	☐ <i>Il y a du courant d'air</i> ☐ Mes vêtements sont trop serrés ☐ Il y a des coups feu dans la rue ☐ Autre / Aucune réponse ne me convient
“Faire un bleu” signifie: (p. 15; all. “blaumachen”)	☐ <i>Sécher les cours</i> ☐ Être ivre ☐ Avoir un hématome ☐ Autre / Aucune réponse ne me convient
“Ils veulent de la pluie demain” signifie: (p. 115; “Sie wollen Regen morgen”)	☐ <i>La météo prévoit de la pluie pour la journée de demain</i> ☐ Les gens souhaitent qu'il pleuve

	demain ☐ Les oiseaux volent bas, donc il va pleuvoir demain ☐ Autre / Aucune réponse ne me convient
--	---

D'autre part, il y a quatre questions visant à vérifier l'usage des locutions. Chaque question décrira une situation, avec deux possibilités de réponse, toutes les deux étant correctes, selon le modèle : « [MISE EN SITUATION] [CHOIX D'UNE EXPRESSION DÉSIGNANT L'ACTE RÉSULTANT] ».

Tableau 2. La partie du questionnaire portant sur l'usage.

QUESTION POSÉE	RÉPONSES POSSIBLES (expression régionale en <i>italique</i>)
Le jour du déménagement, votre ami Paul n'est apparemment pas à l'heure. Que faites-vous?	☐ <i>Vous attendez sur Paul</i> (p. 75 ; all. "Sie warten auf Paul") ☐ Vous attendez Paul
Votre patron vous propose un congé exceptionnel lundi prochain. Vous souhaitez annoncer la nouvelle à vos amis. Vous dites :	☐ <i>J'ai libre</i> (p. 85; all. "Ich habe frei") ☐ Je suis en congé
Votre ami passe un examen demain. Vous souhaitez lui porter chance. Vous utiliserez plutôt :	☐ <i>Serrer les pouces</i> (p. 15 ; all. "Die Daumen drücken") ☐ Croiser les doigts
Votre ami a besoin d'aide pour son déménagement. Que faites-vous ?	☐ <i>Vous lui aidez</i> (p. 32 ; all. "Jemandem helfen") ☐ Vous l'aidez

Il nous semble également opportun d'aborder le sujet du choix des questions : le but des questions purement linguistiques est évident, alors que certains lecteurs pourraient se demander pourquoi nous avons voulu poser des questions à caractère général, même si par la suite nous avons choisi de ne pas tout analyser. La diffusion, à savoir l'application d'un questionnaire, en détermine les effets. Au moment de l'analyse des données, nous nous sommes rendu compte qu'en effet certaines questions avaient, à travers les réponses, produit des résultats intéressants, mais qui étaient peu pertinents pour notre enquête. Nous nous référons ici surtout aux questions portant sur l'âge, sur le sexe et sur le degré d'instruction, puisque nous ne voulions pas comparer la compréhension ou l'usage entre les tranches d'âge, mais plutôt dégager la situation alsacienne actuelle en partant d'une comparaison avec Rézeau 2007. Par ailleurs, nous avons constaté un écart significatif entre le nombre de participants âgés de dix-huit à vingt-cinq ans, et ceux âgés de cinquante ans et plus. Pour cette raison, une comparaison entre les tranches d'âge n'aurait pas pu être possible, car elle aurait manqué de pertinence.

3.2.2. La diffusion du questionnaire

Le moyen dont nous nous sommes servis pour la diffusion du questionnaire est l'internet, notamment à travers le réseau social *Facebook*. Nous avons partagé le lien sur des groupes étudiants, mais certaines personnes ont été contactées via e-mail ou avec un message sur le portable. La rapidité de diffusion du questionnaire a été pour nous une surprise : seulement deux heures après la mise en ligne, nous avons déjà récolté une quarantaine de réponses. Cinq jours après le partage, l'échantillon comptait 411 réponses, et nous avons alors procédé au téléchargement des résultats dans le but

de commencer l'analyse des réponses. Nous avons dès lors fermé le questionnaire en ligne.

Une fois téléchargés les résultats sous forme de fichier en format *.xlsx* (tableur Microsoft Excel), il a fallu les examiner. Ce qui nous intéressait le plus n'était pas l'analyse des questions les unes à la suite des autres, mais la mise en relief des données de façon croisée. Pour ce faire, nous nous sommes servi des tableaux croisés sur Excel. Après avoir dégagé les données intéressantes, toujours sur Excel, nous avons construit les graphiques, qui ont l'avantage d'apporter une bonne clarté aux résultats.

3.2. Problèmes, limites, causes et solutions

Lors de notre étude, nous avons évidemment rencontré quelques problèmes, auxquels nous tâcherons de remédier dans nos prochaines études.

Le premier problème auquel nous avons dû faire face est celui de l'âge des répondants. Dans les faits nous avons eu, sur un total de 411 répondants, 380 répondants âgés de dix-huit à vingt-cinq ans, et seulement dix-huit répondants âgés de cinquante à soixante-cinq ans et plus. Cette hétérogénéité est la conséquence directe du moyen de diffusion : les réseaux sociaux, et de façon plus générale l'internet, sont « peuplés » plutôt par les plus jeunes. C'est pour cette raison que nous n'avons pas réussi à atteindre les générations plus âgées. Certes, une enquête sur le terrain nous aurait permis d'avoir accès aux répondants plus âgés, mais, parallèlement, nous n'aurions pas pu récolter ainsi un si grand nombre de données. Cet imprévu nous empêchera alors de mener une analyse comparative entre les tranches d'âge.

Bien que notre enquête ait été conduite en cherchant à être le plus méticuleux possible, nous sommes conscientes du fait qu'elle présente des limites : le nombre de questions posées n'est pas suffisant pour donner un aperçu total de la situation alsacienne. Par ailleurs, notre petite enquête n'a pas pour but de révolutionner les études dans le domaine de la dialectologie alsacienne, mais, sans prétendre à l'exhaustivité, cette étude pourra donner un aperçu de la tendance actuelle.

La deuxième partie du questionnaire porte sur l'usage. Nous avons donné à la fois deux réponses, dont une seule est grammaticalement correcte. Dans ce cas-là nous avons constaté une limite dans le sens où les répondants auraient pu donner une réponse selon la conscience de la sanction linguistique, et non pas selon la spontanéité. Il s'avère que beaucoup de locuteurs sont convaincus de parler selon le bon usage de la langue, alors que dans la pratique ils utilisent des expressions qui ne sont pas toujours considérées grammaticalement correctes.

Sur un plan plus technique, nous avons rencontré des problèmes avec la création des graphiques pour l'analyse détaillée des données. En effet, la plate-forme Google Forms affiche pour chaque question les graphiques selon la totalité des réponses données, mais ne dispense pas de graphiques sur la base de données croisées, comme par exemple les pourcentages de réponse selon le département de résidence. Pour ce faire, il est indispensable de maîtriser au moins les bases d'Excel. Malgré tout, ce logiciel présente un désavantage, puisque que les tableaux et les graphiques n'y sont pas conçus de manière automatique. L'utilisateur doit les créer manuellement, alors qu'il existe sûrement des logiciels qui permettent de faire tout cela de façon automatique.

Malgré ces quelques imprévus et inconvénients nous avons obtenu des réponses qui nous semblaient intéressantes. Celles-ci ont été obtenues grâce à la méthodologie détaillée précédemment.

4. Résultats

Dans les réponses portant sur la compréhension, nous avons pu remarquer que les expressions qualifiées par P. Rézeau de *régionales* ne sont pas toutes réellement comprises par la population d'Alsace. Les deux seules expressions régionales dont le taux de compréhension est plus important par rapport aux autres sont les locutions « ça tire » (« il y a du courant d'air ») et « ils veulent de la pluie » (« la météo prévoit qu'il pleuvra ») qui relèvent 61% et 71% respectivement. Nous constatons alors que les expressions telles que « avoir une grenouille dans la gorge » (« avoir un chat dans la gorge ») et « ça donne un plan » (« il y a un plan ») ne sont que très peu comprises, 29% et 17% des répondants alsaciens et donc des locuteurs qui sont plus ou moins familiers à la langue voisine ne les perçoivent pas comme issues de l'allemand. L'expression « faire un

bleu" ("sécher les cours") posait quelques problèmes puisque les répondants semblent avoir confondu deux locutions. La majorité des répondants (49%) ont choisi "avoir un hématome" ce qui renvoie à "se faire un bleu" donc il est plus évident et plus spontané d'interpréter l'expression comme proche au langage dit standard, d'autant plus si son usage dialectal est peu présent. Nous avons effectué également la comparaison de la compréhension des locutions mentionnées ci-dessus des locuteurs alsaciens et non-alsaciens. Ainsi dans chaque cas on remarque que le taux de bonnes réponses est plus élevé pour les Alsaciens ce qui rend le résultat homogène pour chaque question : plus de trois quarts de réponses correctes sont données par les locuteurs de la région d'Alsace. On pourrait alors conclure que la compréhension des locutions est bien contrainte par le critère géographique.

Nous avons également créé quelques questions portant sur l'usage des régionalismes, qui étaient eux aussi proposés par P. Rézeau. Les réponses à ces questions nous ont permis de relever les tendances concernant l'usage d'expressions telles que "attendre sur quelqu'un", "avoir libre", "serrer les pouces" et "lui aider" en Alsace. Ces expressions sont dites régionales, car elles sont complètement intégrées en français du point de vue lexical mais gardent toujours une syntaxe allemande. En effet, selon le français standard, ces expressions seraient respectivement corrigées par "attendre quelqu'un", "être en congé", "croiser les doigts" et "aider quelqu'un".

Nous avons pu remarquer que chez les locuteurs d'Alsace interrogés, l'utilisation du français standard prédominait. En effet, l'expression correspondant au bon français était choisie en grande majorité, dans plus de 95% des cas. Néanmoins, une des expressions déroge à cette règle, il s'agit de l'expression "avoir libre". Dans ce cas-là, les locuteurs d'Alsace étaient 21% à déclarer utiliser cette expression plutôt que la variante du français standard correspondante.

En faisant cette recherche, nous souhaitons voir s'il y avait eu des changements entre ce qui était dit par P. Rézeau dans le *Dictionnaire des régionalismes du français en Alsace* et l'état actuel de la langue.

5. Conclusion

Grâce à nos résultats, nous avons pu remarquer qu'il existe une faible compréhension, ainsi qu'un usage moindre, pour certaines expressions testées, par rapport à ce qui était annoncé par P. Rézeau. Néanmoins, nous constatons que les personnes plus âgées de notre panel de répondants, bien qu'ils n'aient pas été nombreux, semblaient avoir une compréhension et un usage des expressions régionales plus élevés.

Il est vrai que suite au moyen de diffusion du questionnaire utilisé, nos répondants étaient majoritairement des personnes de moins de 50 ans, et avaient principalement entre 18 et 25 ans.

Le questionnaire comporte peu d'expressions, et il serait donc intéressant, ultérieurement, d'en analyser davantage, et de s'adresser à un public plus varié en âge, en diffusant le questionnaire de façon différente. Cela nous permettrait de pouvoir effectuer une analyse des réponses selon la catégorie d'âge.

Pour ces différentes raisons, nous ne pouvons donner de faits certains quant à la réalité des régionalismes en Alsace, mais notre étude semble tout de même être assez révélatrice des tendances actuelles, en particulier dans la jeune génération.

REFERENCES

1. Feix C. "J'apprends l'alsacien" France 3 Grand Est. URL: <http://france3-regions.francetvinfo.fr/grand-est/emissions/rund-um-0/j-apprends-alsacien-1216725.html>. Date de consultation: 21/03/2017
2. Huck D. (coord.), Bothorel-Witz, A., Geiger-Jaillet, A. L'Alsace et ses langues. Eléments de description d'une situation sociolinguistique en zone de frontière. In: Andrea Abel, et al. (eds.): *Aspects of Multilingualism in European Border Regions, Insights and Views from Alsace, Eastern Macedonia and Thrace, the Lublin Voivodeship and South-Tyrol*. Bolzano/Bozen: Europäische Akademie Bozen, 2007.
3. Hug M. La situation en Alsace. *Langue Française*, n° 25, 1975. Pp. 112-120.
4. Klein P. L'Alsace, entre trois langues et deux cultures. *Diasporiques*, n° 8, 2009. Pp. 46-52.

5. Rézeau P. *Dictionnaire des régionalismes du français en Alsace*. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 2007.
6. Warnant L. Dialectes du français et français régionaux. *Langue Française*, n°18, 1973. Pp. 100-125.

УДК 811.133.1'366

ББК Ш147.11-21

Н. Д. Кручинкина

Саранск, Россия

СИНСЕМАНТИЧНОСТЬ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСЕМЫ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

АННОТАЦИЯ. Темой настоящей статьи является синсемантичность глагола. Выбор темы обусловлен синтагматической значимостью глагола во французском предложении. Целью статьи является исследование проблемы синсемантичности глагольного значения в синтаксической структуре предложения во французском языке. Тактика статьи - следующая: показать в сравнении роль глагола и существительного в их взаимодействии в предложении как в структурно-синтаксическом, функционально-синтаксическом, так и в семантико-синтаксическом аспекте. При использовании методик компонентного и дистрибутивного анализов на примерах из французского языка в противопоставлении показана важная регулирующая роль глагола в формировании синтаксической структуры предложения и, наоборот, зависимость глагольной семантики от лексико-семантического характера его субстантивного окружения. В синтаксическом плане французский глагол в роли предиката организует структуру предложения в зависимости от своих валентных свойств. Семантика глагола, наоборот, испытывает влияние содержания субстантивных конститuentов, которые модифицируют семантическую структуру его лексического значения в соответствии со своей лексико-семантической структурой значения. Знание этих закономерностей синтагматической зависимости глагольного значения позволит обосновать и внедрить в практику обучения изучение лексики французского языка в рамках синтаксических структур.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глагол, существительное, актанта, валентность, лексема, синсемантичность, семантическое согласование.

Сведения об авторе: *Нина Дмитриевна Кручинкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева; адрес: 430005, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 22, кв. 23; e-mail: ndk-07@mail.ru.*

N. D. Kruchinkina

Saransk, Russia

SYNSEMANTICS OF THE VERBAL LEXEME IN THE SENTENCE

ABSTRACT. Theme of the article: synsemantics of the verb. The choice was based on syntagmatic significance of the verb in the sentence. The purpose of this article: examination of the value of verb synsemantics in the syntactic structure of sentence. Tactics of the article: showing in comparison of the role of verb and noun in their interaction in the sentence. Using the methods of the componental and distributional analyses on examples from the French language is shown in opposition the regulatory role of the verb in the formation of the syntactic structure of the sentence and, conversely, the dependence of verbal semantics from the lexico-semantic nature of its substantive environment. Syntactically, the verb as predicate organizes the structure of the sentence according to their valence properties. The semantics of the verb, on the contrary, influenced the content of the substantive constituents that modify the semantic structure of lexical meaning according to its lexical-semantic structure of values. Knowledge of syntagmatic mechanisms based on verbal values will allow to justify and implement the study of the vocabulary of the language in the syntactic structures.

KEY WORDS: verb, noun, actant, valence, lexeme, synsemantics, semantic compatibility.

About the author: *Nina Dmitrievna Kruchinkina, PhD, associate professor, National Research Mordovian State N.P. Ogarev University, Associate Professor of Department of romance Philology, Saransk, Russia; e-mail: ndk-07@mail.ru.*

Глаголу в его синтаксической функции отдается централизованная роль в предложении как синтаксическом образовании. В зависимости от валентных свойств глагола предложение обретает ту или иную функционально-синтаксическую структуру. Наиболее ярко и последовательно эту роль глагола в предложении как синтаксисе зависимостей продемонстрировал Л. Теньер [Tesièrè 1959].

Вербоцентрическая теория Л. Теньера, по нашему мнению, для того периода

оказалась весьма своевременной. В.Г. Гак считает ее роль «чрезвычайно актуальной». На актуальность основного труда Л. Теньера указывает и В.М. Алпатов [Алпатов 2005: 278]. В.Г. Гак объясняет это в первую очередь тем, что Л. Теньер «стремился реабилитировать синтаксис как раздел языкознания» [Гак 1988: 9]. Заметим, со своей стороны, что это было весьма важным для лингвистики того времени. Дело в том, что, как это отмечали и наши крупные лингвисты, грамматистов того времени занимали в первую очередь морфологические феномены.

Кроме того, как справедливо отметил В.Г. Гак, труд Л. Теньера можно считать предваряющим исследование по семантической составляющей синтаксиса – семантическому синтаксису: «Теньер явился провозвестником семантического синтаксиса» [Гак 1988: 14]. Мы со своей стороны добавим, что выше названный труд Л. Теньера в дальнейшем в определенной мере способствовал и появлению синтаксической семантики [Кручинкина 2016а: 76-77].

Роль Л. Теньера в освещении важнейших синтаксических явлений не могли не отметить и другие известные отечественные лингвисты. Так, по мнению В.Г. Адмони, «в современной грамматике сочетаемость, под наименованием «валентность», была выдвинута на передний план как явление, на основе которого можно исследовать саму структуру предложения, Л. Теньером» [Адмони 1988: 43]. Л. Теньер понятие валентности как основы формирования синтаксических отношений не только ввел в лингвистическую теорию, но и последовательно продемонстрировал проявление валентности глагола как основы формирования той или иной структуры предложения. Своей вербоцентрической интерпретацией предложения как синтаксиса функциональных зависимостей Л. Теньер открыл путь для разработки других важнейших исследований в области синтаксиса в целом и синтаксиса предложения, в частности.

Хотя в титре фундаментального труда Л. Теньера обозначено, что он посвящен синтаксису структур, Л. Теньер с самого начала фактически семантизирует как синтаксические конstituенты предложения, так и само предложение. Например, глагол представлен Л. Теньером образно подобно атому «с крючками, который может притягивать к себе большее или меньшее число актантов, которыми он способен управлять» [Теньер 1988: 250]. Именно эта способность глагола была названа им валентностью.

Возможно, Л. Теньер использовал этот термин потому, что в Ф. де Соссюр в своих лекциях по лингвистике, говоря о системном характере языка, использовал термин того же корня – *valeur* (в переводе на русский язык – значимость, ценность) [Saussure 1995: 153-154]. В теории Ф. де Соссюра термин *valeur* означает статус языкового элемента как элемента системы.

Предложение в процессуальном аспекте Л. Теньер уподобляет драме, а его функциональные конstituенты сравнивает с актерами, участвующими в этой драме, и с обстоятельствами при которых она разворачивается, т.е. он семантизирует функционально-синтаксический аспект отношений [Tesnière 1959: 102-103; Теньер 1988: 117].

Вполне естественно, что ставя своей главной задачей исследование синтаксической структуры, Л. Теньер в центр вербоцентрических воззрений ставит тему синтаксических отношений – синтаксической связи явлений: «главное понятие синтаксиса, согласно Л. Теньеру, синтаксическая связь» [Алпатов 2005: 279]. Интересно заметить, что анализируя синтаксическую структуру предложения, Л. Теньер синтаксическую связь (*connexion*) приравнивает к элементам предложения наряду с глаголом и актантами [Tesnière 1959: 12].

А вот мнение известного отечественного лингвиста Т.П. Ломтева отлично в этом плане от взгляда французского лингвиста. Т.П. Ломтев, различая в рамках отечественной традиции уровень члена предложения, разграничивает глагол как сказуемое и глагол как предикат и утверждает следующее: «Сопоставление понятий членов предложения, с одной стороны, и понятий предикатных предметов и их отношений – с другой, показывает, что так называемое сказуемое не член предложения, т.е. не есть член отношения; оно представляет собою то, что связывает все члены предложения в одно целое, т.е. некоторое отношение. Подлежащее и дополнение можно рассматривать как члены некоторого отношения, а сказуемое – как их отношение, а не член того множества, членом которого

являются подлежащее и дополнение» [Ломтев 1976: 202]. Д. Виллемс по этому поводу имеет свою точку зрения, замечая, что синтаксически глагол материализует форму мысли в отношениях, которые мысль устанавливает между разными объектами [Willems 1981: 8].

Ось отношений это план синтагматики. Ф. де Соссюр заметил, что производное от названия плана понятие синтагмы «относится не только к словам, но и к сочетаниям слов, к сложным единицам всякого рода и любой длины (сложные слова, члены предложения, целые предложения)» [Соссюр 1977: 156]. Такой конструкт как предложение Ф. Соссюр назвал «типичным проявлением синтагмы» [Соссюр 1977: 158]. Видимо, эта интерпретация предложения и послужила тому, что предложение рассматривалось до определенного времени исключительно в синтагматическом аспекте, хотя и этот аспект предложения, конечно, не стоит игнорировать.

Пропозитивная синтагматика представляет для лингвистов особый интерес [Кручинкина 2013: 58-61], так как предложение в роли высказывания является основной коммуникативной единицей. Характерно, что и Л. Теньер при изучении синтаксических синтагматических отношений анализировал пропозитивную синтагму как основу структурного синтаксиса [Tesnière 1959].

Ш. Балли, говоря о прогрессивной последовательности как важнейшей характеристике синтагмы и описывая ее различные варианты реализации, рассматривает также ее воплощение во многих случаях в рамках предложения, иначе говоря – в рамках пропозитивной синтагмы [Балли 1955: 230-251]. При определении синтагмы, он характеризует пропозитивные синтагмы, т.е. предложения: в его дефиниции синтагмой называется любая бинарная совокупность знаков, большая или меньшая, «которую можно свести к форме предложения» [Балли 1955: 115]. Заметим, что точка зрения Ш. Балли совпадает с мнением Ф. де Соссюра на этот счет [Соссюр 1977: 156, 158].

Образно представляя предложение как драму, Л. Теньер привнес фактически в данное описание функциональный образ события как номината и интерпретировал само предложение в его функциональном синтагматическом развертывании. Такая фактически событийная характеристика номинанта – предложения –, возможно, впоследствии была использована в синтаксической семантике, главной языковой единицей в которой было признано предложение» [Кручинкина 2016а: 77-78].

Н.Д. Арутюнова в свое время заметила, что отношение семантической зависимости членов синтагм обратно направлению синтаксической зависимости. И это понятно: синтаксически зависимый член синтагмы является своего рода семантическим актуализатором значения синтаксически главного члена. Это соответствует и онтологической сущности таких актуализаторов. Так, если нет субстанции, нет и ее признака, нет и совершаемого ею действия (процесса).

О первичности имени субстанции в филогенезе и, тем самым, имплицитно, о его категориальной автосемантической говорят также Ф. Делюфр [Deloffre 1975: 16-17] и Ф. Франсуа [François 1968: 249-250].

Глагол в роли предиката с античных времен рассматривался как связка – сначала в роли предикатива именного сказуемого. Однако, следует, на наш взгляд, признать, что и полнозначный глагольный предикат также выступает связующим элементом в синтагме.

Г.А. Золотова, говоря об онтологической природе имен действия и субстанции, отмечает, что «в объективной действительности действие не существует, оно осуществляется как функция субъекта» [Золотова 1982: 163]. Поэтому если существительное имеет референтную сущность, то глагол – сигнификативную. Д. Виллемс приходит к идентичным выводам. Сравнивая существительное и глагол, как две базовые части речи, она подтверждает «референтную сущность» имени, когда говорит, что «существительное своей тесной связью с денотатом глубоко погружено в реальность»: так как «обозначает, метафорически или прямо, субстанцию» [Willems 1981: 8]. При описании глагольной сущности она акцентирует внимание на организующей роли глагола в синтаксических образованиях и делает вывод: «семантически глагол характеризуется тем, что он обычно выражает отношение»; «глагол и его соединения играют господствующую роль в сигнификативной структуре предложения» [Willems 1981: 8]. На той же ноте

«звучит» и голос К. Кербрат-Ореккиони в ее оценке синтаксической глагольной значимости: «синтаксическое поведение глагола более показательно для проявления его сущности, чем синтаксическое поведение имени» [Kerbrat-Orecchioni 1979: 66].

Имя процесса играет организующую роль в объединении субстанциальных участников событий. В означаемом пропозитивных знаков глагол-релятор участвует в эксплицировании той или иной формы пропозитивного обозначения соответствующего типового события. Уже сама релятивная функция глагола говорит о том, что означаемое глагольных лексем зависит от значений объединяемых им в единое пропозитивное имя события имен субстанций.

В целом как часть речи глагол синсемантический. Если существительное имеет референтную сущность, то глагол – сигнификативную. Как считает Д. Виллемс, синтаксически глагол материализует форму мысли в отношениях, которые мысль устанавливает между разными объектами [Willems 1981: 8].

Из выше приведенных высказываний о существительном и глаголе становится ясным, что вопрос о степени их семантической самостоятельности или зависимости друг от друга важен не сам по себе. Решение проблемы семантической самодостаточности имени и семантической несамодостаточности глагола как частей речи важно как для понимания внутриязыковых процессов формирования функционально-семантической структуры пропозитивных образований, так и для объяснения внеязыковых причин определенной иерархии формирования структур пропозитивных знаков при отражении событийной картины мира.

Представляется совершенно справедливым, вслед за сторонниками вербоцентрической позиции, с одной стороны отметить центральную, фокусирующую роль глагола в предложении как ядерного члена предикатной структуры (например, в глагольно-именном предложении). С другой стороны, представляется важным отметить, что глагол обретает активную валентность в результате поглощения валентностной "энергии" взаимодействующих именных субстанций: именно их категориальный и внутрикатегориальный семантический характер определяет семантическую, да и синтаксическую валентность глагола.

В глаголе, в частности, в глаголе-предикате, фокусируется вся "энергия" предложения, т.е. энергия взаимодействия тех или иных типов субстанций. Благодаря ее конденсированному выражению в одной словоформе более доступным становится изучение потенциалов предложения через призму глагола, нежели через призму субстанции, проецирующей свою валентность на глагол и синтаксическую валентность глагола. Поэтому точнее было бы сказать, что глагол в предикатной конструкции псевдоавтосемантический. Его иллюзорная автосеманτικότητα в деривационной истории предикатной конструкции оказывается на деле синсемантической. Глагольная валентность – это радиация воспринятой от актантов семантической и потенциальной комбинаторной "энергии" [Кручинкина 1998: 51].

Понятие синсемантии появилось в лингвистике в оппозиции к понятию автосемантии благодаря А. Марти: оно не осталось незамеченным. В отечественной лингвистике идея внутреннего сочетаемостного потенциала заинтересовала Е.В. Гулыгу, которой оказались близки идеи А. Марти на этот счет. В лексической семантике статус семантической самодостаточности лексемы был также обозначен термином *категорематичность*, а статус семантической несамодостаточности – еще и терминами *синсемичность* [Золотова 1982: 76, 157, 163], *синкатегорематичность* [Kleiber 1981: 39-58; Tutescu 1975: 40].

Е.В. Гулыга анализирует автосемантию и синсемантию не только по отношению к морфологическим, но и к синтаксическим единицам [Гулыга 1967; Гулыга 1971: 15-19]. К. Бюлер рассматривает свойство синсемантичности в отношении единиц грамматического и лексического уровней [Бюлер 2001: 39, 259].

В энциклопедическом словаре «Языкознание» отмечена значимость обнаруженного А. Марти и обозначенного терминами *автосемантия* и *синсемантия* явления: «Предложенное Марти разграничение автосемантии (самодостаточности компонентов языка) и синсемантии (семантической их недостаточности) с последующей детализацией и привязкой к частям речи и др. единицам не утратило своего значения до сих пор» [Языкознание 1998: 406].

Автосемантические языковые единицы выражают значение «независимо от

других лексических единиц, синтаксических конструкций, контекста или ситуации» [Гулыга 1971: 17]. Этим они отличаются от синсемантических единиц, которые, напротив, раскрывают свою семантику «в сочетании с другими языковыми единицами, на фоне контекста или ситуации» [Гулыга 1971: 17]. Н.Д. Арутюнова поэтому уделяет внимание синтагматическим условиям проявления синтагматической обусловленности (связанности), или относительности значений [Арутюнова 1999: 16-18] и автономности смысла имен. В связи с этим лингвисты различают явления как смысловой, так и структурной автосемантической и синсемантической [Адмони 1958; Гулыга 1971: 15-17].

В отличие от большинства лингвистов, которые при рассмотрении явлений авто- и синсемантической на первый план выводят анализ свойств самих авто- или синсемантических единиц, К. Бюлер говорит не о самих единицах, а о синсемантическом окружении [Бюлер 2001: 141, 149-150], что нам представляется вполне объяснимым. Н.Д. Арутюнова также достаточно внимательно анализирует синтагматические условия проявления, например, синтагматически связанных, т.е. контекстуально обусловленных вторичных значений и значений конкретных имен в синтагматически метонимизированных значениях в процессе когнитивно-номинативной деятельности [Арутюнова 1999: 15-25].

Автосемантический или синсемантический характер конstituентов пропозитивных синтагм определяет их функциональное поведение в синтаксической структуре означающих пропозитивных знаков (номинантов) с разными категориальными событийными значениями. Взаимодействие субстанций разных типов обеспечивает отражение смысловой динамики событийных отношений объективной действительности. При взаимодействии субстанций разного категориального характера происходят процессы соответствующего категориального содержания. Взаимодействие субстанций в экстралингвистической действительности уже относится к функциональной синтактике иерархичности взаимодействующих субстанций. Поэтому как вариант проявления автосемантической и синсемантической в пропозитивных синтагмах можно считать не только иерархию частей речи, но и функциональных означаемых пропозитивных номинантов, а также их функциональных означающих – членов предложения.

Автосеманτικότητα и синсеманτικότητα семантически немотивированных лексем может быть онтологически мотивированной в разных измерениях. Так, предметные существительные как первородные существительные любого языка обозначают субстанцию в том наборе компонентов значения, который отражает содержательную структуру отражаемых субстанций. Поэтому не случайно лингвисты обращают внимание на этот ракурс «измерения» лексем. Н.Д. Арутюнова, например, в этом аспекте выделяет две разновидности лексических единиц по способу их референции: прямой или опосредованной [Арутюнова 1999: 17-18]. В.Г. Адмони также уделяет внимание необходимости разграничивать значения «семантически действительные» и «семантически отраженные». Он дает определение этих двух групп значений: «Семантически действительное значение выражает признак, реально присущий тому денотату (явлению), который обозначен данной словоформой. А семантически отраженное значение – это значение, которое фактически присуще не денотату, обозначенному данной словоформой, а денотату, обозначенному другой словоформой – на основе синтаксического отношения, существующего между этими словоформами» [Адмони 1988: 71-72].

В основном явления авто- и синсемантической описаны по отношению к существительным [Кручинкина 1998: 47-52; Гак 2000: 124-125]. Между тем как было сказано выше, синсеманτικότητα по своей онтологической и сигнификативной природе в первую очередь отличаются глагольные лексемы.

Синсеманτικότητα лексем проявляется в особенностях их синтаксической и семантической комбинаторики. Получается, что чем полнее глагол демонстрирует свою валентностную мощь, тем зависимее его семантика от наличия актантов. Собственно, глаголы с одним, только субъектным (первым) актантом в семантическом плане являются самодостаточными, хотя при определенных условиях у них есть опасность лишиться грамматической глагольной категориальности [Кручинкина 2016б: 59-60].

Рассмотрим на примере глагольно-именных фраз или предложений,

заимствованных из одноязычного французского словаря «Dictionnaire de français» проявление зависимости лексического значения глагольных лексем от лексико-семантических характеристик их лексико-семантического окружения: *lancer une pierre contre un arbre; lancer la balle à son partenaire / lancer un cri strident. Jeter une pierre dans l'eau; jeter des graviers contre une fenêtre; jeter son sac par terre / jeter un cri; jeter une idée sur le papier.*

Глаголы физического действия (воздействия) *lancer, jeter* проявляют себя в этом компоненте значения только в том случае, если вторым (объектным) актантом оказывается конкретное существительное. При замены этой позиции на второй актант с неперечисленным значением в такой синтагме глагол модифицирует свое значение физического действия: в *lancer un cri strident; / jeter un cri* глаголы *lancer* и *jeter* уже обозначают звуковое действие (не воздействие). При сочетаемости со вторым актантом, обозначающим мыслительное понятие (*une idée*) глагол *jeter* без наличия локализатора *sur le papier* глагол мог бы обозначать звуковое действие (как информационное воздействие). Наличие локализатора *sur le papier* влияет на изменение смысла глагола: он приобретает значение действия, производимого каким-то эксплицитно не представленным соответствующим инструментом или способом (ручкой, карандашом, распечаткой), чтобы письменно (*sur le papier*) зафиксировать мысль.

Если в синтаксическом синтагматическом аспекте глагол формирует пропозитивную синтагму в соответствии со своей парадигматической валентностью и в этом плане является структурирующим предложением членом, то в синтагматическом плане на семантическом уровне он является сам зависимым в реализации того или иного варианта парадигмы своего лексического значения: зависимым, при заданной валентности, от семантического содержания актантов – в первую очередь от семантики второго актанта.

Автосемантичность или синсемантичность парадигматического значения лексем также влияют на их сочетаемость в синтагме, их конструктивные возможности. В синтагматике как организованной линейной цепи элементов синтаксической конструкции невозможно хаотическое нагромождение элементов. Начиная с фонетического уровня, в каждом языке имеются свои закономерности объединения звуков, их комбинаторики [Кручинкина 1995].

В синтагматических образованиях пропозитивного уровня с разным количеством членов расположение конститuentов в синтактике отрегулировано определенными правилами относительно стержня всей структуры – глагола в роли предиката и в отношениях аналитических составляющих одной функциональной единицы – предложения. Кроме того, есть определенные правила, по которым одни члены синтагматической цепи в системе языка могут существовать относительно независимо в силу их семантической полноценности, а другие для актуализации своего значения требуют соответствующего лексико-семантического окружения, так как они в своем внутреннем значении не автономны.

И фонетическая ассимиляция, и грамматическое согласование прилагательного с существительным относятся к разноуровневым проявлениям одного и того же процесса, одной и той же закономерности. В выше приведенных примерах семантической синтагматики на лексико-семантическом уровне мы оказались свидетелями того же явления. Для этого уровня синтагматических отношений оно получило название семантического согласования [Гак 1966: 88; Гак 1998: 279–284]. Это название производно от названия грамматического варианта подчинительной связи прилагательного и существительного: прилагательное должно содержать те же грамматические признаки, что и подчиняющее его существительное, хотя формальное выражение этих признаков у них не будет одинаковым.

Производность термина *семантическое согласование* состоит в том, что при семантическом согласовании речь идет не о синтаксической форме связи, а о смысловой. И повторение в признаках (атомах смысла, семах, компонентах значения) будет не из грамматического арсенала средств, а из содержательного. И грамматическая связь согласования, и семантическая характеризуются повторением (итерацией) одного или нескольких компонентов значения (сем).
Ш. Балли рассмотрел такой процесс повторения показателей одного и того же

признака и назвал его обязательным грамматическим плеоназмом [Балли 1955: 169-172].

Дублирование признаков в разных членах синтагм, с одной стороны, является избыточным, и в разных языках наблюдается разная степень избыточности. Повторение этого качества и на лексико-семантическом уровне позволяет думать, что такая избыточность действительно является обязательной не только в грамматике. Она оказывается необходимой, чтобы общностью признака или признаков связать конструкцию как своего рода скрепом. Такой скреп В.Г. Гак мотивированно обозначил производным от термина *синтагма* термином *синтагмема* [Гак 1972: 376; Гак 1998: 281].

Изменение семантики первого актанта для антропонимичных глаголов, как можно заранее предположить, также меняет синтагматическую структуру значения глагола, так как глагол меняет свои дистрибутивные семантические условия: *Cette nouvelle jeta le trouble dans le pays. Le crime jeta l'effroi dans la ville. Sa mort jeta la famille dans le désespoir. Son attitude trahissait son impatience. Ses forces l'ont trahie. Ses pleurs l'ont trahie. Son attitude traduisait son impatience. La musique est capable de traduire certains sentiments.* Во всех выше приведенных пропозитивных синтагмах представлены антропонимичные по своему парадигматическому статусу глагольные лексемы, но здесь они оказались в дистрибуции с неодушевленными подлежащими (по синтагматической позиции – первыми актантами). В этих условиях происходит лексическое рассогласование между семантикой антропонимичности и неантропонимичности. К тому же первые актанты представлены именами действия, именами состояния, именами факта, т.е. все синтагмы имеют в роли первого актанта лексемы с конденсированным обозначением событий, а синтагмы – семантически осложненный характер. По принципу семантического согласования в глаголах при такой лексико-семантической дистрибуции с первыми актантами непредметной семантики происходит транспозиция первичных значений: появляется объединяющая глагол и первый актант компонент значения абстрактности: метафоризация их значений. На поверхностном (лексическом) уровне имеет место рассогласование, на семантическом – расширение первичного значения глаголов в результате семантической адаптации семантической структуры их значений к соответствующим событийным семам первого актанта.

Это происходит потому, что для актуализации объективного смысла глагольно-именной синтагмы и тем более развернутой пропозитивной синтагмы, необходимо соблюдать правило согласования смыслов синтаксически главного члена синтагмы и синтаксически зависимого.

К одной из характеристик семантического согласования лингвисты относят семантическую избыточность, проявляющуюся в итерации сем компонентов синтагм [Гак, 1998: 281; Апресян, 1972: 443].

Пропозитивные знаки (номинанты) именуют целостное событие реальной действительности, которое характеризуется взаимодействием субстанций, приобретающих относительно друг друга определенные роли при формировании событий. Поэтому конститuentы пропозитивных номинантов функционально, как семантически, так и синтаксически взаимно обусловлены [Brousseau, Roberge 2000: 238-246; Verspoor, Dirven & Radden 2002: 103-124]. Каждый пропозитивный номинант с парадигматическим событийным значением функционально синсемантичен по отношению к своему функциональному типовому субстрату, являясь его симметричной функциональной проекцией.

При рассмотрении вопроса о синсемантичности глагольных лексем следует особо отметить так называемые лексически фиксированные, или несвободные сочетания слов. Согласно определению В.Г. Гака, глагольное словосочетание обретает статус несвободного сочетания слов в том случае, если зависимое существительное обозначает не конкретный предмет, а «отвлеченное понятие, качество, действие, либо, обозначая конкретное понятие, используется фигурально» [Гак 1966: 238]. В этих сочетаниях слов присутствуют те же синтаксические закономерности синтаксической и синтагматической связи, что и в свободных сочетаниях слов. В них столь же ощутимо сказывается влияние на семантическую структуру лексического значения глагола семантики актантов. Однако есть и очень заметное отличие, которое ярко проявляется в том случае,

когда в роли второго актанта оказывается отглагольное существительное: *adresser la parole à quelqu'un, donner envie à quelqu'un, jeter le regard sur quelqu'un, rendre la liberté à un prisonnier, faire don à quelqu'un de quelque chose.*

Если в целом изменение лексико-семантической дистрибуции глагола модифицирует его значение, то в этих случаях имеет место не просто семантическое согласование между глаголом и вторым актантом, а категориальный плеоназм: не итерация компонентов значения членов синтагмы, а повторение категориальных сем – классов действия (процесса) в конституенте глагольного оформления и в отглагольном деривате, который генетически, изменив свое частеречное оформление, сохранил классу действия (процесса), состояния. В этом случае язык устраняет столь насыщенную, надо полагать, аномальную для языка категориальную семантическую избыточность тем, что выводит на первый план у глагола его синтаксическую, связующую роль, сохраняя его прототипическую валентность в рамках его лексемного означающего. В.Г. Гак называет этот процесс, происходящий с глаголом в таких ситуациях, десемантизацией. Мы считаем, что речь идет лишь о, в данном случае, некотором переформатировании синтаксического статуса глагола. Так, во французской лингвистике такого рода конструкции в синтаксическом означающем классифицируются как составные глагольные сказуемые, а сам глагол интерпретируется как полуслужебный, т.е. частично потерявший свою полноту [Гак 2000: 586-587].

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони, В.Г. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы / В.Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1958. – № 1. – С. 111-117.
2. Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. – Л.: Наука, 1988. – 240 с.
3. Алпатов, В.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. / В.М. Алпатов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
4. Апресян, Ю.Д. Об одном правиле сложения лексических значений / Ю.Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1972. – С. 439-458.
5. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
6. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка: Пер. с фр. / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
7. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: Пер. с нем. / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 2001. – 528 с.
8. Гак, В.Г. Беседы о французском слове. (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков) / В.Г. Гак. – М.: Междунар. отношения, 1966. – 336 с.
9. Гак, В.Г. К проблеме семантической синтагматики / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1972. – С. 367-395.
10. Гак, В.Г. Л. Теньер и его структурный синтаксис / В.Г. Гак // Вступ. статья к: Л. Теньер. Основы структурного синтаксиса. Пер. с франц. – М.: Прогресс, 1988. – С. 4-12.
11. Гак, В.Г. К проблеме семантической синтагматики / В.Г. Гак // Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 272-297.
12. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
13. Гулыга, Е.В. Автосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова / Е.В. Гулыга // Филологические науки. – 1967. – № 2. – С. 62-72.
14. Гулыга, Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке / Е.В. Гулыга. – М.: Высшая школа, 1971. – 206 с.
15. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
16. Кручинкина, Н.Д. Согласование единиц как общезыковая закономерность / Н.Д. Кручинкина // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. В 2 т. – М., 1995. – Том 1. – С. 277-278.
17. Кручинкина, Н.Д. Синтагматика и парадигматика пропозитивного номинанта / Н.Д. Кручинкина. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1998. – 104 с.

18. Кручинкина, Н.Д. Синтаксические и семантические особенности пропозитивных синтагм / Н.Д. Кручинкина // Функционально-структурные особенности романских языков. – М.: МГОУ, 2013. – С. 58-65.
19. Кручинкина, Н.Д. Номинация событийных отношений в предложениях с несвободным сочетанием слов / Н.Д. Кручинкина // Перевод в меняющемся мире. – М.: Издат. центр «Азбуковник», 2015. – С. 428-433.
20. Кручинкина, Н.Д. Некоторые базовые принципы существования и развития языка / Н.Д. Кручинкина // Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. – В двух томах. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016а. – Том 1. – С. 66-79.
21. Кручинкина, Н.Д. Степень проявления «глагольности» глагольным предикатом / Н.Д. Кручинкина // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. – Вып. 10. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016б. – С. 52-61.
22. Ломтев, Т.П. Общее и русское языкознание / Т.П. Ломтев. – М.: Наука, 1976. – 382 с.
23. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 7-285.
24. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с фр. / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 654 с.
25. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
26. Brousseau, A.-M., Roberge, Y. Syntaxe et sémantique du français / A.-M. Brousseau, Y. Roberge. – Québec, Saint-Laurent, 2000. – 352 p.
27. Deloffre, F. La phrase française / F. Deloffre. – P.: SEDES, 1975.
28. Dictionnaire de français / Direction J. Dubois. – P.: Larousse, 1994. – 1096 p.
29. François, F. La description linguistique / F. François // Le langage. – P., 1968. – Pp. 171-282.
30. Kerbrat-Orecchioni, C. De la sémantique lexicale à la sémantique de l'énonciation / C. Kerbrat-Orecchioni. En 3 t. – Lille: Univ. de Lille III, 1979. T. 1. – 597 p.
31. Kleiber, G. Problèmes de référence: Descriptions définies et noms propres / G. Kleiber. – P.: Klincksieck, 1981. – 538 p.
32. Saussure, de. F. Cours de linguistique générale / F. de Saussure. – P.: Payot, 1995. – 523 p.
33. Tesnière, L. Eléments de syntaxe structurale / L. Tesnière. – P.: Klincksieck, 1959. – 659 p.
34. Tutescu, M. Précis de sémantique française / M. Tutescu. – Bucuresti-Paris: Klincksieck, 1975. – 258 p.
35. Verspoor, M., Dirven, R. & Radden, G. L'assemblage des concepts: la syntaxe / M. Verspoor, R. Dirven & G. Radden // Linguistique cognitive / Ed. Delbecque N. – Bruxelles, 2002. – Pp. 103-136.
36. Willems, D. Syntaxe, lexique et sémantique. Les constructions verbales / D. Willems. – Gent: Rijkuniversitet te Gent, 1981. – 276 p.

REFERENCES

1. Admoni, V.G. Zavershennost' konstrukcii kak javlenie sintaksicheskoi formy / V.G. Admoni // Voprosy jazykoznanija. – 1958. – № 1. – S. 111-117.
2. Admoni, V.G. Grammaticheskij stroj kak sistema postroenija i obshhaja teorija grammatiki / V.G. Admoni. – L.: Nauka, 1988. – 240 s.
3. Alpatov, V.M. Istorija lingvisticheskikh uchenij: Ucheb. posobie. 4-e izd., ispr. i dop. / V.M. Alpatov. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. – 368 s.
4. Apresjan, Ju.D. Ob odnom pravile slozhenija leksicheskikh znachenij / Ju.D. Apresjan // Problemy strukturnoj lingvistiki. – M.: Nauka, 1972. – S. 439-458.
5. Arutjunova, N.D. Jazyk i mir cheloveka / N.D. Arutjunova. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. – 896 s.
6. Balli, Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka: Per. s fr. / Sh. Balli. – M.: Izd-vo inostr. lit., 1955. – 416 s.
7. Bjuler, K. Teorija jazyka. Reprezentativnaja funkcija jazyka: Per. s nem. / K. Bjuler. – M.: Progress, 2001. – 528 s.

8. Gak, V.G. Besedy o francuzskom slove. (Iz sravnitel'noj leksikologii francuzskogo i russkogo jazykov) / V.G. Gak. – M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1966. – 336 s.
9. Gak, V.G. K probleme semanticheskoy sintagmatiki / V.G. Gak // Problemy strukturnoj lingvistiki. – M.: Nauka, 1972. – S. 367-395.
10. Gak, V.G. L. Ten'er i ego strukturnyj sintaksis / V.G. Gak // Vstup. stat'ja k: L. Ten'er. Osnovy strukturnogo sintaksisa. Per. s franc. – M.: Progress, 1988. – S. 4-12.
11. Gak, V.G. K probleme semanticheskoy sintagmatiki / V.G. Gak // Jazykovye preobrazovanija. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1998. – S. 272-297.
12. Gak, V.G. Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka / V.G. Gak. – M.: Dobrosvet, 2000. – 832 s.
13. Gulyga, E.V. Avtosemantija i sinsemantija kak priznaki smyslovoj struktury slova / E.V. Gulyga // Filologicheskie nauki. – 1967. – № 2. – С. 62-72.
14. Gulyga, E.V. Teorija slozhnopodchinennogo predlozhenija v sovremennom nemeckom jazyke / E.V. Gulyga. – M.: Vysshaja shkola, 1971. – 206 s.
15. Zolotova, G. A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa. – M.: Nauka, 1982. – 368 s.
16. Kruchinkina, N.D. Soglasovanie edinic kak obshhejazykovaja zakonomernost' / N.D. Kruchinkina // Lingvistika na ishode HH veka: itogi i perspektivy. V 2 t. – M., 1995. – Tom 1. – S. 277-278.
17. Kruchinkina, N.D. Sintagmatika i paradigmatika propozitivnogo nominanta / N.D. Kruchinkina. – Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1998. – 104 s.
18. Kruchinkina, N.D. Sintaksicheskie i semanticheskie osobennosti propozitivnyh sintagm / N.D. Kruchinkina // Funkcional'no-strukturnye osobennosti romanskih jazykov. – M.: MGOU, 2013. – S. 58-65.
19. Kruchinkina, N.D. Nominacija sobytijnyh otnoshenij v predlozhenijah s nesvobodnym sochetaniem slov / N.D. Kruchinkina // Perevod v menjajushhemsja mire. – M.: Izdat. centr «Azbukovnik», 2015. – S. 428-433.
20. Kruchinkina, N.D. Nekotorye bazovye principy sushhestvovanija i razvitija jazyka / N.D. Kruchinkina // Problemy obshhej i vostokovednoj lingvistiki 2015. Jazyk. Obshhestvo. Istorija nauki. – V dvuh tomah. – M.: In-t vostokovedenija RAN, 2016a. – Tom 1. – S. 66-79.
21. Kruchinkina, N.D. Stepen' projavlenija «glagol'nosti» glagol'nym predikatom / N.D. Kruchinkina // Lingvisticheskie i jekstralingvisticheskie problemy kommunikacii: teoreticheskie i prikladnye aspekty. – Vyp. 10. – Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2016b. – S. 52-61.
22. Lomtev, T.P. Obshhee i russkoe jazykoznanie / T.P. Lomtev. – M.: Nauka, 1976. – 382 s.
23. Sossjur, F. de. Kurs obshhej lingvistiki / F. de Sossjur // Sossjur F. de. Trudy po jazykoznaniju. – M.: Progress, 1977. – S. 7-285.
24. Ten'er, L. Osnovy strukturnogo sintaksisa: Per. s fr. / L. Ten'er. – M.: Progress, 1988. – 654 s.
25. Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. Jarceva. – 2-e izd. – M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998. – 685 s.

УДК 811.133.1'42:811.133.1'27
ББК Ш147.11-51+Ш147.11-006.21

М. В. Плотникова
Екатеринбург, Россия

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ ВО ФРАНЦИИ – 2017: СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВЫХ ВЫБОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАКАТОВ)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению политических плакатов, заполонивших парижские улицы накануне президентских выборов во Франции 2017. В контексте происходящих в европейской и мировой политических системах глобальных изменений, таких как Брексит или избрание Дональда Трампа на пост президента США, президентские выборы 2017 года во Франции расцениваются ведущими политическими аналитиками как судьбоносные. Политические плакаты, созданные известными уличными художниками, представляют собой своего рода политические карикатуры, изображающие основных кандидатов на пост президента Франции и отражающие основные события и скандалы президентской кампании в виде сказочных и мультипликационных персонажей. Мы расцениваем данные образы как визуальные метафоры и анализируем, используя принципы лингвокогнитивного подхода. Персонажи рассматриваются как прецедентные феномены и исследуются в их связи с первоисточником. Исследование показало, что основные кандидаты на пост президента не соответствуют ожиданиям французского электората, поэтому в данной президентской кампании нет очевидного лидера. В качестве альтернативы существующим кандидатам художники предложили вымышленных героев. Таким образом, иронические пародийные плакаты выразили настроения французского общества, вызванные президентской избирательной кампанией 2017 года.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика, политическая лингвистика, политический плакат, визуальная метафора, выборы.

Сведения об авторе: *Плотникова Мария Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 465; e-mail: plotnikova_mary@mail.ru.*

M. V. Plotnikova
Ekaterinburg, Russia

FRENCH PRESIDENTIAL CAMPAIGN 2017: FAIRY TALE ABOUT FAIR ELECTIONS (BASED ON POLITICAL POSTERS)

ABSTRACT. The article deals with political posters appeared in France a few weeks before presidential elections 2017. In the context of global changes taking place in European and world political systems, such as Brexit or the election of Donald Trump as US President, the presidential elections of 2017 in France are regarded by leading political analysts as fateful. The posters made by famous street artists are a kind of political cartoons depicting the main candidates for President of France and revealing essential events and scandals of president race by means of famous cartoon and fairy tales characters. We consider these posters as visual metaphors and analyze them using the methods of cognitive linguistics. The images are also treated as precedent phenomena and studied in connection with initial figures. The research demonstrated that all of the candidates couldn't answer to the expectations of French electorate and there was no evidence of a leader of the race. To come up with an alternative to the current candidates the artists invented their own pretendets. Therefore the ironic parodical posters expressed the mood of the French society caused by the presidential election campaign of 2017.

KEY WORDS: cognitive linguistics, political linguistics, political poster, visual metaphor, elections.

About the author: *Plotnikova Maria Vjatcheslavovna, PhD in Philology, Associate Professor of the Chair of the Romance Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, e-mail: plotnikova_mary@mail.ru.*

Выборы, как одно из самых ярких и значительных политических событий, всегда привлекают повышенное внимание мировой общественности [Сорокина, Кипина 2012]. В контексте происходящих в европейской и мировой политических

системах глобальных изменений, таких как Брексит или избрание Дональда Трампа на пост президента США, президентские выборы 2017 года во Франции расцениваются ведущими политическими аналитиками как судьбоносные. По мнению видных политических и общественных деятелей, любой сценарий развития президентской кампании может стать как спасением, так и катастрофой для Европейского союза. Интрига одной из главных избирательных кампаний последних пяти лет сохраняется до последнего момента: согласно социологическим опросам, накануне выборов разрыв между четырьмя основными кандидатами находится в пределах статистической погрешности.

Неудивительно, что столь значительное политическое событие нашло отражение не только в вербальных текстах прессы и выступлений политических деятелей, но и в креолизованных текстах политических карикатур и плакатов.

Одной из тенденций современных лингвистических исследований является устойчивый интерес к паралингвистическим феноменам, таким как креолизованный текст [Ворошилова 2012аб, 2013аб; Шустрова 2014, 2015; Надточева, Шустрова 2017; Плотникова, Кипина 2016]. Данное явление особенно активно изучается в рамках лингвокогнитивного направления, являющихся одним из ведущих в отечественной и зарубежной лингвистике последних десятилетий. Тексты политических плакатов в данной статье будут рассматриваться как визуальные метафоры и интерпретироваться в русле когнитивно-дискурсивного подхода.

Немаловажной для данного исследования является теория прецедентности, рассматривающая текст как своеобразный синтез различных областей человеческой деятельности, в который, помимо основного словесного содержания, включены многочисленные контексты из литературы и искусства, архитектуры, музыки, истории и политики [Караулов 1987: 216-236]. Изучение прецедентных феноменов широко представлено в отечественной лингвистике, что свидетельствует об исключительной актуальности данного исследовательского направления [Богоявленская, Нахимова, Чудинов, 2015, 2016; Ворожцова 2007; Илюшкина 2002; Кушнерук 2004; Нахимова 2007].

В середине апреля 2017 г. представители французского стрит-арта, известные уличные художники Комбо и Джереми, заполнили парижские улицы альтернативными политическими плакатами, изображающими в качестве кандидатов в президенты сказочных, мультипликационных и вовсе не существующих персонажей. На данных плакатах ярко иронически представлены все основные события предвыборной кампании и кандидаты на пост президента. Мы расцениваем данные образы как прецедентные феномены со сферой-источником «мультипликация» и «сказочный мир». Также в анализе представлены визуальные метафоры, представляющие вымышленных персонажей, где источником метафорической экспансии выступает игра слов.

Известный скандал с некогда основным претендентом на пост президента, кандидатом от правоцентристской партии «Республиканцы», бывшим премьер-министром Франсуа Фийоном нашел широкое отражение в мировых СМИ. Фийон казался идеальным кандидатом от одной из самых авторитетных партий Франции, так как прошел все ступени политической номенклатуры и являлся самым опытным из представленных кандидатов. Однако за несколько месяцев до выборов еженедельник «Канар Аншене» сообщил, что на протяжении нескольких лет его супруга дети были оформлены как сотрудники аппарата Национальной Ассамблеи. Несмотря на то, что это обычная практика, не нарушающая законодательства, никаких доказательств реально выполненной работы правоохранительные органы найти не смогли. Франсуа Фийону предъявили обвинения в коррупции и финансовых махинациях. Хотя Фийон не признавал себя виновным и заявлял о заговоре, организованном действующим президентом, Франсуа Олландом, рейтинг кандидата неуклонно устремился вниз.

Художники изобразили Фийона в виде двух сказочных персонажей: Пиноккио и Золушки (рис. 1, 2). Пиноккио, являющийся ярким символом лжи, создает аллюзию на скандал, разгоревшийся вокруг кандидатуры Фийона. Надпись на плакате: *Jiminy Cricket n'a jamais été mon assistant parlementaire* (Сверчок никогда не был моим помощником в парламенте) может расцениваться как прямое указание на Фийона. Любопытно, что сама англоязычная версия имени сверчка –

Jiminy Cricket – это эвфемизм, служащий для замены междометия *Jesus Christ*.

Рис.1, 2

Образ Золушки, представленный на плакате, сопровождается надписью *Ma robe et mes souliers m'ont été offerts par une amie* (Платье и туфельки мне подарила подруга). Данная фраза белокурой Золушки связана еще с одним громким скандалом, участником которого стал Фийон. Известный французский адвокат Робер Буржи заявил, что кандидат в президенты и бывший премьер-министр Франсуа Фийон оказывал на него давление после того, как в СМИ появилась информация о том, что он подарил ему несколько очень дорогих костюмов. Сведения о том, что адвокат подарил Фийону два костюма общей стоимостью в 13000 евро, появились в марте 2017 г. в парижском еженедельнике *Journal du Dimanche*. По словам Буржи, в течение недели после опубликования материала он получал предупреждения от самого Фийона и его помощников ни в коем случае не признаваться, что костюмы были подарены именно им. Буржи заявил, что хорошо знает Фийона, более того, они состояли в дружеских отношениях. В одном из интервью адвокат также сообщил, подарил костюмы Фийону "в связи с его победой на праймериз правых сил, проводившихся в перспективе президентских выборов во Франции" и "Фийон был очень тронут этим подарком". Под давлением СМИ в конце марта Фийон был вынужден вернуть подаренные костюмы.

Еще один скандальный кандидат на пост президента, лидер партии ультра-правого толка «Национальный фронт» Марин Ле Пен, являющаяся сторонницей выхода Франции из Евросоюза и закрытия границ, представлена на плакатах изображением знаменитого героя сказок Дж. Роулинг Гарри Поттера, сопровождаемого надписью *Dans les urnes ne prononcez pas son nom* (В бюллетенях не называйте ее имени) (рис. 3). Таким образом, Марин Ле Пен напрямую ассоциируется с абсолютным злом, воплощенным в серии книг о Гарри Поттере темным волшебником Волан-де-Мортом, настолько ужасным, что в мире магии боялись даже произносить его имя.

Рис. 3

«Злодейка» Ле Пен также представлена на другом плакате, изображающем коварного персонажа «Книги джунглей» Р. Киплинга, питона Каа, являющегося зловещим образом смерти и главным антагонистом Маугли (рис. 4). В Диснеевском мультфильме Каа также вызывает ассоциации с чёрной магией и гипнозом.

Рис. 4

Ayez confianceee, votez pour moiii! (Доверяйтееее, голосуйте за меняяя) – гласит надпись на плакате. Змеиный язык традиционно передается в большинстве европейских языков с помощью ономотопеи. Стоит отметить, что вышеупомянутый персонаж Волан-де-Морт также владел змеиным языком, так как был прямым потомком могущественного черного мага Салазара Слизерина, являющегося одним из четырех основателей Школы чародейства и волшебства «Хогвартс» и умеющего разговаривать на языке змей. В его честь назван один из факультетов Школы. Символ Слизерина — серебряная змея на зеленом фоне. Указанием именно на Марин Ле Пен, стоящей за образом Каа, является синий цвет змеи (рис. 6), ассоциирующийся с символом избирательной кампании политика – синей розой (рис. 5).

Рис. 5

Рис. 6

Кандидат от политического мейнстрима Эммануэль Макрон также выступил

героем нескольких плакатов. Несмотря на то, что французские СМИ старательно избегают критики Макрона, независимые зарубежные издания расценивают кандидатуру Макрона как политический проект, запущенный семейством Ротшильдов для внешнего управления Францией. Самый молодой кандидат на президентский пост представлен в образе наивной и непослушной диснеевской принцессы Ариэль, Русалочки (рис. 7). Надпись на плакате *En nage!* (Пльвем) является указанием на название основанной Макроном партии *En marche!* (Вперед! (досл. Идем!).

Рис.7

Герой одного из плакатов, Скрудж МакДак, являющийся символом предприимчивости, жадности, цинизма и манипуляций фактами и событиями в своих интересах, также может быть аллюзией на Макрона, учитывая прошлое кандидата и созвучие его фамилии с данным диснеевским персонажем. Бывший инвестиционный банкир семейства Ротшильдов, получивший прозвище финансового Моцарта, бывший чиновник Министерства экономики, Министр экономики, промышленности и цифровых дел Франции при Франсуа Олланде, Макрон уличен за чрезмерную любовь к деньгам (рис. 8). Это подтверждает и надпись на плакате: *Pas de fausses promesses, je garderai tout pour moi* (Никаких лживых обещаний, я оставлю все себе):

Рис. 8

На плакатах представлены и менее популярные кандидаты. Так, лидер партии «Непокорившаяся Франция», некоммунист Жан-Люк Меланшон представлен в образе Дональда Дака (рис. 9), а социалист Бенуа Анмон – Смурфика Ворчуна (рис. 10), говорящего *Moi, j'aime pas les élections* (Я не люблю выборы). На выборах 2017 года партия социалистов имеет самые низкие рейтинги за всю историю своего существования.

Рис. 9

Рис. 10

Текущая избирательная кампания является одной из самых непредсказуемых и скандальных за всю историю президентских выборов во Франции. Многие политические аналитики отмечают, что ни один из кандидатов не отвечает предпочтениям и реальным потребностям французского народа. Исходя из этого, французские художники представили несколько альтернативных кандидатов на пост президента.

Кандидат, представляющий худший сценарий завершения выборов, воплощает в себе все недостатки существующих претендентов. Эрик Картман, персонаж мультсериала «Южный парк», не любит представителей других национальностей, как Марин Ле Пен, незрелый как Эммануэль Макрон, потакает своим слабостям как Франсуа Фийон (рис. 11). Слоган плаката *Je vous emmerde et JE RESTE A L'ELYSEE* (Я достану вас и ОСТАНУСЬ В ЕЛИСЕЙСКОМ ДВОРЦЕ) показывает стремление всех кандидатов к власти и нежелание учитывать интересы избирателей.

Рис. 11

Другой альтернативный кандидат выражает призыв к голосованию против всех. Вымышленный персонаж Жюст Леблан (от фр. *juste* – справедливый, *blanc* – белый, фиктивный, пустой) призывает избирателей слоганом *Le vote JUSTE c'est le vote BLANC* (Справедливое голосование – это голосование пустым бюллетенем).

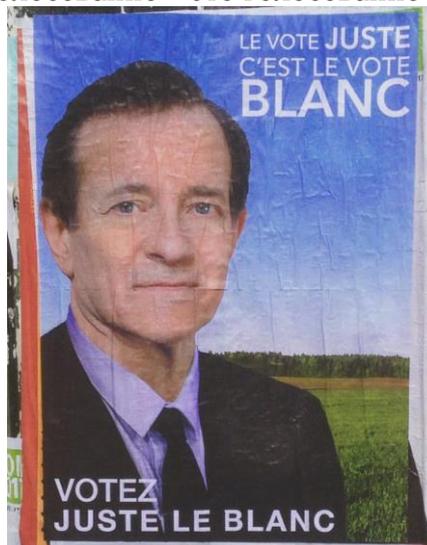

Рис. 12

Французские художники Джереми и Комбо заявили, что посредством этих плакатов хотели повернуть избирательную кампанию в более мирное и демократическое русло, заставить избирателей посмеяться и одновременно задуматься о будущем Франции. Иронические пародийные плакаты выразили настроения французского общества, вызванные президентской избирательной кампанией 2017 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богоявленская Ю. В., Нахимова Е. А., Чудинов А. П. Корпусное исследование национальных особенностей восприятия прецедентности. Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 2. С. 187-195.
2. Буженинов А. Э. Зомбилэнд как портрет американской политики в идиостиле Анри Жиру. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-3 (65). С. 77-80.
3. Ворожцова О. А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских федеральных выборов (2003-2004 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. -Екатеринбург, 2007.
4. Ворошилова М. Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 94-99.
5. Ворошилова М. Б. Креолизованный рекламный текст: аспекты изучения // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. №2. С. 39-43.
6. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: принцип целостности или принцип заменяемости // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 177-183.
7. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : моногр. / М. Б. Ворошилова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. — 194 с.
8. Илюшкина М. Ю. Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. -СПб., 2002.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. -М., 1987.
10. Кушнерук С. Л. Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе//Лингвистика: бюл. Урал. лингв. о-ва. -Екатеринбург, 2004. -Т. 13.
11. Надточева Е. С., Шустрова Е. В. Стереотипные социальные роли президента США в американской карикатуре периода Великой депрессии. Политическая лингвистика. 2017. № 1. С. 137-151.

12. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: моногр. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». -Екатеринбург, 2007.
13. Плотникова М. В., Кипина М. А. Советский Джеймс Бонд: политический портрет В. В. Путина во французских медиатекстах в свете украинского кризиса. Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 200-204.
14. Сорокина Н. И., Плотникова М. В. Выборы в Государственную Думу 2011 глазами французских СМИ. Сопоставительная лингвистика. 2012. № 1. С. 110-112.
15. Шустрова Е. В. Методики анализа графических метафор // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 70-80
16. Шустрова Е. В. Ориентационные метафоры в американской карикатуре времен Великой Депрессии // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 65-73.
17. Bogoyavlenskaya Y. V., Nakhimova E. A., Chudinov A. P. Precedent Utterances in the National Historical Memory: a Corpus Study. Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 39-48.

Источник материала

<https://www.tuxboard.com/parodies-affiches-presidentielle-2017/#> (дата обращения: 15.04.17)

REFERENCES

1. Bogoyavlenskaya YU. V., Nahimova E. A., CHudinov A. P. Korpusnoe issledovanie nacional'nyh osobennostej vospriyatiya precedentnosti. Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. № 2. S. 187-195.
2. Buzheninov A. EH. Zombilehnd kak portret amerikanskoj politiki v idiostile Anri ZHiru. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 11-3 (65). S. 77-80.
3. Vorozhova O. A. Lingvisticheskoe issledovanie precedentnyh fenomenov v diskurse rossijskih i amerikanskih federal'nyh vyborov (2003-2004 gg.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. -Ekaterinburg, 2007.
4. Voroshilova M. B. Kreolizovannaya metafora: pervye zarisovki // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 94-99.
5. Voroshilova M. B. Kreolizovannyj reklamnyj tekst: aspekty izucheniya // Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: YAzyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa. 2012. №2. S. 39-43.
6. Voroshilova M. B. Kreolizovannyj tekst: princip celostnosti ili princip zamenaemosti // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4. S. 177-183.
7. Voroshilova M. B. Politicheskij kreolizovannyj tekst: klyuchi k prochteniyu : monogr. / M. B. Voroshilova ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. — 194 s.
8. Ilyushkina M. YU. Precedentnye fenomeny v rossijskoj i britanskoj pechatnoj reklame uslug dlya turistov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. -SPb., 2002.
9. Karaulov YU. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. -M., 1987.
10. Kushneruk S. L. Denotativnyj i konnotativnyj aspekty funkcionirovaniya precedentnyh imen v rossijskoj i amerikanskoj reklame//Lingvistika: byul. Ural. lingv. o-va. -Ekaterinburg, 2004. -T. 13.
11. Nadtocheva E. S., SHustrova E. V. Stereotipnye social'nye roli prezidenta SSHA v amerikanskoj karikature perioda Velikoj depressii. Politicheskaya lingvistika. 2017. № 1. S. 137-151.
12. Nahimova E. A. Precedentnye imena v massovoj kommunikacii: monogr./GOU VPO «Ural. gos. ped. un-t». -Ekaterinburg, 2007.
13. Plotnikova M. V., Kipina M. A. Sovetskij Dzhejms Bond: politicheskij portret V. V. Putina vo francuzskih mediatekstah v svete ukrainskogo krizisa. Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 200-204.
14. Sorokina N. I., Plotnikova M. V. Vybery v Gosudarstvennyyu Dumu 2011 glazami francuzskih SMI. Sopostavitel'naya lingvistika. 2012. № 1. S. 110-112.
15. SHustrova E. V. Metodiki analiza graficheskikh metafor // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014. № 6. S. 70-80
16. SHustrova E. V. Orientacionnye metafory v amerikanskoj karikature vremen Velikoj Depressii // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3. S. 65-73.

УДК 811.133.1'42

ББК Ш147.11-5

Асфане Пурмазаэри*Париж, Франция**Тегеран, Иран***Afsaneh Pourmazaheri***Paris, France**Téhéran, Iran***АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ «ЧУЖОГО».
СИТУАЦИЯ АВТОРСКОГО СУБЪЕКТИВИЗМА****DESCRIPTION AXIOLOGISEE DE L'AUTRE.
LE CAS DE LA SUBJECTIVITE AUCTORIALE**

RÉSUMÉ. Le récit de voyage, qui, de par sa nature factuelle et descriptive, est censé être a priori une description objective et exacte de l'univers référentiel de l'Autre, s'avère englober, en pratique, des représentations dites « approximatives » et « évaluatives ». La distance culturelle et la subjectivité de l'auteur minimise les données descriptives pertinentes et ouvre la voie à des jugements préétablis (liés majoritairement à la représentation doxique de l'Autre). Dans cet article nous tentons de découvrir le fonctionnement linguistique du préjugé et du discours axiologique de manière générale. Celui-ci repose sur le principe allusif et le jugement sur l'Autre suppose une comparaison implicite à une norme donnée comme notoirement connue. Ce qui nous intéresse tout particulièrement dans le traitement descriptif du référent dans notre corpus de récit de voyage, surtout ceux qui se rapportent au XIXe siècle, avec toute la charge historique, le rapport avec l'Autre qui s'instaure durant cette période marquée par l'orientalisme et le regard que porte l'Occident sur l'Orient, est la prise en charge du discours par ses sujets. Les commentaires des écrivains voyageurs seront donc analysés à l'aune des critères axiologiques et des catégories de l'objectif-subjectif qui sous-tendent les récits de voyages.

MOTS-CLÉS: axiologie, subjectivité, altérité, péjoratif, description, récit de voyage.

Auteur: *Afsaneh Pourmazaheri, Docteure en linguistique et analyse du discours à l'Université de la Sorbonne Nouvelle-Paris 3, Doctorante et enseignante de la littérature française et comparée à l'Université de Téhéran; adresse: 17, rue de la Sorbonne, 75231, Paris, Cedex 05; e-mail: pourmazaheri@ut.ac.ir.*

Afsaneh Pourmazaheri*Paris, France**Teheran, Iran***AN AXIOLOGIZED DESCRIPTION OF THE OTHER
THE CASE OF THE AUCTORIAL SUBJECTIVITY**

ABSTRACT. The travel narration, which by its factual and descriptive nature is supposed to be a priori an objective and exact description of the referential universe of the Other, appears to cover, in practice, so-called "approximate" and "evaluative" representations. The cultural distance and the subjectivity of the author minimizes the relevant descriptive data and opens the way to pre-established judgments (mostly related to the doxic representation of the Other). In this article we try to discover the linguistic functioning of prejudice and axiological discourse in general. The latter is based on the allusive principle and the judgment on the Other implies an implicit comparison with a given norm as well-known. We are especially interested in the descriptive treatment of the referent in our corpus of travel narration, especially those related to the nineteenth century, with all the historical burden, the relationship with the Other that takes place during this period marked by Orientalism and the West's view on the East and finally the taking over of discourse by its subjects. The comments of the traveler writers will be analyzed according to the axiological criteria and the subjective-objective categories that underlie the travel stories.

KEYWORDS: axiology, subjectivity, alterity, pejorative, description, travel story.

About the author: *Afsaneh Pourmazaheri, PhD in linguistics and discourse analysis at Sorbonne University Nouvelle-Paris 3, PhD student and lecturer of comparative and French literature at the Tehran University; address: 17, rue de la Sorbonne, 75231, Paris, Cedex 05; e-mail: pourmazaheri@ut.ac.ir.*

Axiologie idéologique : entre l'éthique et la morale

Pratiquement, nous pouvons considérer l'axiologie¹ comme le synonyme de « philosophie des valeurs ». La valeur morale est ce qui guide le jugement moral des individus. Ce sont les idéologies, les religions et les sociétés humaines qui transmettent ces valeurs. L'axiologie se définit donc comme science des valeurs morales et théorie des valeurs (*axios*) dotée d'une potentialité de prescrire et, d'après Henry Duméry, passe « tout naturellement de l'[ontologie](#) au jugement de valeur » (Duméry 2016 : axiologie). Pour certains, comme pour Nietzsche ou Max Scheler, l'axiologie établit une hiérarchie entre les valeurs, dont les valeurs générales liées à l'argumentation du « bien » et du « mal »,² et possède deux parties : « l'esthétique » et « l'éthique » (Marchetti 1992). C'est surtout cette dernière qui nous intéresse dans l'étude des jugements de valeurs qui visent une société, a priori, discriminée dans le rapport entre l'Orient et l'Occident du XIXe siècle.

Ce jugement de valeur vis-à-vis de l'Autre est également lié, dans une optique plus personnelle, à la morale. Elle englobe « l'ensemble des normes propres à un individu, à un groupe social ou à un peuple, à un moment précis de son histoire par un raisonnement conscient » (Arnsperger, Van Parijs 2003 : 9). La morale est, la plupart du temps, reliée à une tradition historique qui « discrimine ce qui est de ce qui doit être, d'après le dogme » (Massé 2000 : 24). Différentes formes de conséquentialisme liées à la morale sont donc proposées à savoir l'altruisme, l'égoïsme et l'utilitarisme qui cherche successivement à bénéficier, l'autre, le soi et la majorité de ses membres. Dans le cas qui nous concerne, nous nous sommes intéressée à la deuxième et troisième formes, car dans l'optique égoïste et utilitariste, les droits et les bénéfices de soi et des siens prévalent sur ceux de l'Autre et des autres. Ainsi cette dichotomie « Soi vs Autre » se trouve à la base de toute analyse à visée axiologique car l'auteur voyageur ne peut en aucun cas manquer de livrer une description impartiale du référent réel. L'intrusion de ses jugements et positionnements, clairement repérable dans son texte, perturbe la représentation neutre du texte et finit par révéler sa vision biaisée et axiologisée.

L'axiologie discursive: la subjectivité idéologique

La subjectivité discursive a partie liée avec la notion de responsabilité du sujet parlant lorsqu'il « prend la parole » (Maingueneau 2000 : 189) pour décrire l'Autre. « Le discours n'est discours que s'il est rapporté à une instance qui à la fois se pose comme *source des repérages* personnels, temporels, spatiaux et indique quelle *attitude* il adopte à l'égard de ce qu'il dit et de son interlocuteur (processus de modalisation) » (*Ibid.*). Notre but est de traiter le problème dans une optique axiologique. Le traitement du sujet est donc situé au centre des investigations de l'analyse du discours. Les travaux des structuralistes, surtout les althusserianistes, suppose une théorie de « l'assujettissement » (Grzmil-Tylutki 2011 : 249). D'après eux, l'idéologie est une force sociale et toute communication est toujours idéologique. Autrement dit, on peut dire que l'idéologie interpelle le locuteur et le pousse à devenir « sujet » (*ibid.*).

Dans « L'idéologie : une notion bien embarrassante » (2007) Maingueneau souligne que l'idéologie constitue la première étape de l'analyse du discours car elle « signifie une science des idées, des systèmes de pensée et plus largement, de leur cohérence » (Maingueneau, 2007 : 249). Au XIXe siècle (siècle qui nous concerne dans ce travail), l'idéologie entrant dans les milieux sociaux prend une connotation péjorative pour représenter « un monde illusoire, faux, résultat d'une manipulation » (Grzmil-Tylutki 2011 : 249).

Dans cette optique discursiviste, on prétend que la « communauté discursive n'existe que dans et par ce qu'elle énonce ou ce qu'elle peut énoncer. La communauté discursive fait partie du discours » (*ibid.*). L'appartenance à « la même sphère des attitudes socio-langagières, aux mêmes formations imaginaires » (Grzmil-Tylutki 2011 : 249) se manifeste à travers la parole. Le comportement langagier provient de la logique commune, c'est pourquoi nous remarquons que parfois le terme « idéologie » est discriminé au profit de celui de « doxa » surtout par les linguistiques comme Maingueneau. Ce dernier terme, la doxa, est défini comme un « ensemble de données

¹ . L'étude ou la théorie d'*axion*, c'est-à-dire de ce qui est « digne d'estime », de ce qui vaut, de ce qui est objet d'un [jugement](#) de valeur.

² . Revue de la France et de l'étranger 1890, juillet - décembre, vol. XXX, pp. 466-479.

axiomatiques, (...) propre à une communauté précise, souvent minoritaire » (Prokop 2008 : 164). En reconnaissant la place déterminante du sujet parlant dans l'analyse du discours, nous pourrions affirmer que le traitement de la notion d'«axiologie» est certes essentiel. Evoquer la question de l'axiologie nécessite la présence d'un sujet-énonciateur car celui-ci vit en permanente interaction avec le monde et avec les autres. L'auteur-voyageur se trouve donc dans l'«axiosphère» (Grzmil-Tylutki 2011 : 251) où il se trouve continuellement face aux choix de valeur d'ordre épistémique, esthétique, éthique (morales), vitales, ressenties (hédonistes), etc. (Puzynina 1992).

D'après Charaudeau «à chaque énoncé, on peut trouver une signification en dehors du contexte grâce à l'activité référentielle relevant de la connaissance morpho-syntaxique de cet énoncé» (Charaudeau 1988 : 71) qu'il appelle «la symbolisation référentielle» (Charaudeau 1988 : 73). Contrairement à cette symbolisation ou «conceptualisation» (Grzmil-Tylutki 2011 : 252), nous nous trouvons face à l'implicite qui s'explique de la sorte : «le même énoncé n'acquiert de sens qu'émergé dans des conditions de production précises et dans l'intentionnalité du sujet» (Charaudeau 1983 : 18). Par conséquent, nous pouvons affirmer que tout discours est axiologique parce que toute activité du sujet parlant se fait à travers des choix qu'il fait dans son discours et que celui-ci se définit fondamentalement «en termes de relation» (Grzmil-Tylutki 2011 : 252).

Bipolarité de jugement de valeur

Cette problématique relève de la linguistique de l'énonciation et des théories linguistiques de l'expression de la subjectivité et de l'évaluation. Nous tenterons donc de procéder à notre analyse de corpus en suivant cette optique. La linguistique de l'énonciation essaie de repérer l'inscription du sujet parlant à l'intérieur de l'énoncé dont le traitement de la subjectivité (c'est-à-dire l'expression d'une évaluation) et de l'axiologie, à l'instar des travaux de Kerbrat-Orecchioni (1997) en constituent une grande partie. Celle-ci considère qu'«une étude de la langue hors situation d'énonciation n'a pas de sens» (Kerbrat-Orecchioni 1997 : 87) car sans la contextualisation le repérage des éléments évaluatifs ou axiologique n'est pas possible. Nous sommes donc en mesure de présenter deux formes évaluatives, à la suite du classement fait par Kerbrat-Orecchioni (1997) dont «la forme axiologique» (entre autres) qui s'intéresse à la distinction dichotomique entre le mélioratif et le péjoratif.

Nous allons donc nous intéresser de plus près à la façon dont se manifeste une évaluation dans le contexte discursif de notre corpus. Cette expression évaluative ou axiologique manifeste dans une polarité des thèmes mélioratifs ou péjoratifs dont la cohérence dépend en grande partie de leur contexte d'apparition. Car, tout contexte particulier est capable d'altérer «la polarité initiale d'un terme» (Boubel 2013 : 2). C'est pourquoi il arrive même aux auteurs d'employer un terme positif lorsqu'il s'agit d'une description péjorative et vice versa, ce qui relève, dans ce cas, du domaine de l'implicite. Contrairement à l'axiologie positive dans les adjectifs évaluatifs (épithète ou attribut), nous remarquons des cas où il y a un sous-entendu péjoratif doté d'une connotation négative. Dans l'exemple suivant, la locution «bande de brave» implique une idée négative car la charge évaluative du mot «bande» et du mot «brave» (utilisé par un individu qui se croit supérieur surtout dans le contexte altéritaire) entraîne une connotation péjorative qui n'est pas repérable sur le plan formel :

Ils vivaient, il est vrai, de notre argent, mais leur sens moral n'allait pas jusqu'à nous en savoir gré; bien au contraire, tous les Arabes nos voisins, rampants quand ils avaient besoin de nous, s'exprimaient entre eux sur notre compte en termes peu aimables et protégeaient cette bande de braves qui venaient de Turquie pour voler ces chiens de chrétiens nouvellement arrivés dans le pays. (Jacques de Morgan, Mission scientifique en Perse en dix volumes en 1889-1891: 67)

Dans les deux extraits suivants, cette altérité est signalée dans le premier exemple par «simple et bon» pour marquer la distanciation culturelle, et dans le second exemple par «le bon Haji-Abbas» qui produit une distanciation sociale. Quoiqu'il en soit, l'adjectif évaluatif à l'apparence positive est en l'occurrence utilisé dans un but autre que celui de sa dénotation première :

Nous commençons de connaître le caractère simple et bon de l'ancien asiatique. Les habitants apprennent que deux personnes de notre caravane sont égarées ; de suite par un pur mouvement de bonté, sans y être invités, ils envoyèrent dans tous les

environs des hommes armés pour faire des recherches. (Claude Mathieu comte de Gardane, Journal d'un voyage dans la Turquie d'Asie et la Perse effectué 1807-1808, 1809 : 9)

Aujourd'hui, que faire? Après le repos méridien, allons fumer un kalyan et prendre un sorbet à la neige chez le bon Hadji-Abbas, qui a promis de nous conduire un de ces jours au tombeau du poète Saadi et à celui du noble Hafiz. (Pierre Loti, Vers Ispahan en 1900 : 95)

Ce n'est pas toujours sur le plan sémantique que joue cette ambiguïté, il arrive qu'une évaluation positive soit suivie d'un jugement syntactique négatif qui ne porte pas atteinte au jugement même mais au référent qui fait office de destinataire de l'évaluation négative :

Neuf heures un quart de Seid-abad à Tikmetach: 50 maisons. On trouve ici des eaux claires et salubres, ce qui est rare en Perse. Beaucoup d'arbres fruitiers, et surtout de grenadiers qui produisent des fruits excellents. A une lieue, ruines d'un caravansérail, et au« dessus à gauche, celles d'une forteresse, dont les restes sont imposants. (Claude Mathieu comte de Gardane, Journal d'un voyage dans la Turquie d'Asie et la Perse effectué 1807-1808, 1809 : 40)

Cette superbe cité, regardée comme le séjour le plus agréable et le plus délicieux de toutes les résidences des grands pays, n'est plus qu'une misérable ville ruinée, et bientôt ce ne sera, comme tant d'autres, qu'un triste amas de décombres. (Prieur de Sombreuil, les petits voyages en Perse et en Arabie, 1844 :85)

Nous remarquons ci-dessus comment la locution « des eaux claires et salubres » qui évoque une impression positive, est complétée par la proposition explétive négative « ce qui est rare en Perse » dont l'usage est purement facultatif. En ce qui concerne les adjectifs évaluatifs « superbe », « agréables », « délicieux » dotés d'une charge axiologique positive, les groupes nominaux « misérable ville ruinée » et « amas de décombres » les orientent vers une péjoration. C'est cette évaluation négative qui l'emporte car celle qui exprime une valeur méliorative est absente dans les traits qui caractérisent notre référent décrit. La contiguïté des éléments d'évaluation péjorative et méliorative est un phénomène que l'on constate en récurrence dans ce type de corpus. Cela crée certes un effet de style mais il est vrai que cette méthode appliquée à la description du référent réel dans un tel corpus où la vériconditionnalité et la fidélité à la description proche de la réalité sont une nécessité, porte atteinte à la description et à la compréhension du texte. Cela montre également son instabilité dans le positionnement vis-à-vis de l'Autre à cause de sa connaissance partielle du monde référentiel dans lequel il se trouve. Nous pouvons donc affirmer que ce positionnement mélioratif ou péjoratif ne manque pas de tergiversation vu l'ambiguïté du référent réel qui pousse souvent les auteurs à produire des descriptions axiologisées, vagues ou floue, de l'Autre.

Les péjoratifs absolus

Cependant nous nous intéresserons plus particulièrement dans nos d'analyses axiologiques aux formes syntactique négatives, car ces dernières dépassent largement en nombre et en occurrence celles qui expriment un jugement de valeur positive. Cela nous permet de repérer des stratégies mise en œuvre dans les formes axiologiques et évaluatives dont le décodage se fait au travers des connaissances du monde partagées et des codifications sociales. De cette façon nous serons en mesure de classer des séquences descriptives suivant leur caractère négatif absolu. L'impact de la contextualisation nous conduit directement au terme de « modifieur » qui se définit en tant qu'un phénomène lexical, syntaxique, discursif capable d'agir sur la valeur axiologique d'un lexique. Sur cette constatation, nous cherchons à rendre compte des « stratégies d'expression d'une opinion » (Charaudeau 1992 : 56) et des formes d'apparition des « modifieurs », garants d'une évaluation subjective, dans le contexte qui est le nôtre c'est-à-dire celui de la rencontre de l'Occident et de l'Orient dont la manifestation la plus probable est celle du concept de préjugé. Ainsi les formes d'apparition concrète de ces « stratégies d'expressions d'une opinion » ou des « modifieurs » convergent de manière générale sur les épithètes et des formes adverbiales de l'évaluation et moins dans les substantifs et les verbes sous-entendant la péjoration que l'on a relevées dans les extraits ci-dessous:

Au jour mourant, nous regardons s'engouffrer au-dessous de nous, dans l'ogive du portique, deux cents chameaux pour le moins, attachés à la file; d'étonnants chameaux

parés avec une pompe barbare; ayant des plumets sur la bosse, des queues de coq sur le front, des queues de renard aux oreilles, des fausses barbes faites de coquillages enfilés. (Pierre Loti, Vers Ispahan en 1900 : 266)

Les Louris, entre autres, se livrent à des actes de dépravation à peine croyables. (Prieur de Sombreuil, les petits voyages en Perse et en Arabie, 1844 :125)

Les chambres toutes petites, où l'on nous fait asseoir sur des coussins, ont des plafonds en arabesques et en alvéoles; elles s'éclairent à peine, sur des cours sombres, aux murs ornés de faïences ou bizarrement peinturlurés de personnages, d'animaux et de fleurs. (Jacques de Morgan, Mission scientifique en Perse en dix volumes en 1889-1891: 232)

Dans les exemples qui précèdent nous remarquons une fréquence considérable des occurrences épithétiques péjoratives notamment celles du type « barbare » et des locutions nominales « une race de barbare », « des actes de dépravation » et des formes verbales « péjorativisées » par rapport à leur forme « normale » comme « peinturlurer » dont la définition exacte est « peindre sans gout et sans connaissance » (pour lequel l'auteur aurait pu choisir le verbe « peindre » qui, au niveau sémantique a le même sens mais dépourvu de dimension péjorative).

Jugement de valeur à l'apparence généralisée

Le préjugé apparaît quand la description favorise les discours antérieurs posés comme des axiomes. Dans ce genre de situations énonciatives les énoncés assimilent une charge évaluative et tendent à devenir des formules réductrices. Cette réduction d'ordre axiologique invite le lecteur à s'approprier les perspectives et les présupposés révélateurs du préjugé. Nous sommes donc en mesure de démontrer la présence d'un jugement préalable, préconçu et préfabriqué dans le discours du voyageur européen en Orient au XIXe siècle. La perception même de l'altérité est conditionnée et formée dans l'esprit du voyageur-énonciateur avant qu'il se trouve dans l'univers qu'il est censé décrire. Les éléments qui altèrent ou préconstruisent la description sont les données, les impressions ou les paramètres qui forment la culture et l'environnement socio-politique du voyageur. Sur le plan syntactique et formel, des préjugés apparaissent dans les schémas préétablis reposant, majoritairement sur le principe de l'allusion et de la généralisation.

Dans la majeure partie des cas de figures, dans les énoncés nous assistons à un effacement des traces de l'énonciation. Cette forme donne une sorte de légitimité au discours en le présentant comme un fait vrai et universellement admis. Berrendonner préfère le concept de « On-vérité » (Berrendonner 1982) car d'après lui l'énonciateur présente le fait dont il est témoin comme une vérité partagée par un grand nombre de personnes, en l'occurrence les Européens, par le filtre descriptif qu'il opte pour voir, comprendre, connaître et décrire l'Autre. Ces énoncés possèdent généralement une apparence neutre qui se rapproche de la « définition » de par leur apparence générale renforcée surtout par le présent gnomique et la copule « être » :

Les Persans d'aujourd'hui sont le peuple le plus menteur de la terre. Il serait difficile de s'exprimer à leur égard avec un laconisme plus énergique (...). (Prieur de Sombreuil, les petits voyages en Perse et en Arabie, 1844 :18)

Les Persans poussent très loin l'amour propre national ; ils vantent avec emphase la beauté des jardins de Chiraz, les fruits délicieux de Yezd et les monuments d'Ispahan. (Prieur de Sombreuil, les petits voyages en Perse et en Arabie, 1844 :20)

En un mot, le Turc rend service dans le moment et sans rien dire ; le Persan parle beaucoup, déclare avec emphase qu'il fera, et ne fait presque jamais ce qu'il annonce. Le Persan se distingue du Turc par des idées beaucoup plus libérales, par l'esprit de curiosité et l'amour des nouvelles choses. (Prieur de Sombreuil, les petits voyages en Perse et en Arabie, 1844 :17)

Les Orientaux ne connaissent point ces rapports combinés, ces règles de proportion, ces nuances de goût, qui règnent dans nos appartements, et qui plaisent plus par l'ordre et la symétrie (...). C'est le seul genre de richesse et de luxe dont les Persans font cas. Tout ce qui frappe les sens leur paraît seul grand et magnifique ; ce qui n'est pas or ou pierre précieuse n'est, à leurs yeux, d'aucun mérite. (Prieur de Sombreuil, les petits voyages en Perse et en Arabie, 1844 :60)

On voit l'art avec lequel les habitants distribuent les eaux dans leurs jardins. On

passe près du petit village d'Ali-khé. La race de ses chevaux est renommée. Les persans sont d'excellents cavaliers. (Claude Mathieu comte de Gardane, Journal d'un voyage dans la Turquie d'Asie et la Perse effectué 1807-1808, 1809 : 32)

Dans les exemples que l'on a notés, le nom ethnique sujet est majoritairement situé en tête de l'énoncé suivi du prédicat au présent gnominique avec une coupole ou un verbe à la troisième personne du pluriel ou du singulier. « Les Persans d'aujourd'hui sont le peuple le plus menteur », « Les Persans poussent très loin l'amour propre national », « le Persan parle beaucoup », « le Persan se distingue du Turc par des idées beaucoup plus libérales », « Les Orientaux ne connaissent point ces rapports combinés », « Les persans sont d'excellents cavaliers ». Cette forme de généralisation synecdoques hypéronymiques n'enlève rien à l'aspect évaluatif du jugement de l'auteur envers la communauté dont il prétend livrer une description proche de la réalité.

D'autre part, le complément de nom joue un rôle important dans la production des énoncés axiologiques lorsque le substantif employé est non-classifiant et que le référent c'est-à-dire le substantif-noyau est une caractéristique morale. Dans ce cas nous remarquons que ce trait définitoire est une propriété typique et prend une coloration évaluative suivant le contexte dans lequel il évolue:

C'est donc aujourd'hui la grande solennité religieuse des Persans, l'anniversaire du martyre de leur khalife. Dans les mosquées, des milliers d'hommes gémissent ensemble; on entend de loin leurs voix, en un murmure confus qui imite le bruit de la mer. (Pierre Loti, Vers Ispahan en 1900 : 174)

Mais quand on a l'honneur d'être des Persans, ou des Arabes, ou des Hindous, ou même des Japonais, autrement dit, nos devanciers de plusieurs siècles en matière d'affinements de toutes sortes, des gens ayant eu en propre, bien avant nous, un art exquis, une architecture, une grâce élégante d'usages, d'ameublements et de costumes, -vraiment c'est déchoir que de nous copier. (Pierre Loti, Vers Ispahan en 1900 : 290)

Mais cette superbe capitale, qui faisait la gloire des Persans, n'est plus aujourd'hui que l'ombre de ce qu'elle était autrefois. (Prieur de Sombreuil, les petits voyages en Perse et en Arabie, 1844 :57)

La vertu militaire des Persans ne les empêche pas d'être indifférents et cruels ; le Turc a une sensibilité qui part du cœur; il se plaît à soulager son semblable; les animaux même éprouvent les effets de sa bienfaisance. Le Persan n'a de sensibilité que dans la tête ; son âme est d'une excessive sécheresse. (Prieur de Sombreuil, les petits voyages en Perse et en Arabie, 1844 :18)

Les substantifs ci-dessus « la grande solennité religieuse », « l'honneur d'être », « la vertu militaire » complétés tous par le complément prépositionnel ethnique « des Persans » constituent une sorte de locution prépositionnelle lexicalisée. Cela confère une forme d'impression de vérité générale car le figement syntactique renforce la valeur sémantique de la locution. Ainsi le lecteur le considère comme un fait avéré sans.

Du côté de la réception des énoncés de ce type, le lecteur a recours à son « réservoir commun de préjugés, d'images préconçues, stéréotypées » (Magri-Mourgues 1994 : 7) dans l'espoir de reconstruire l'image qui vient de lui être présentée. Quant aux épithètes ethniques, ils véhiculent une grande charge axiologique saturée de connotations et de préjugés :

La lune monte dans le ciel, où de gros nuages, qui persistent encore, la font de temps à autre mystérieuse. Escorte d'inconnus, silhouettes très persanes; pour moi, visages nouveaux, costumes et harnais vus pour la première fois. (Pierre Loti, Vers Ispahan en 1900 : 11)

Ne sachant pas comment se comporteraient mes roues de brouettes, je pris la précaution de construire un araba, ou voiture indigène, à deux roues pleines. Mes planches de caisses firent les frais de ce singulier véhicule; les trois voitures furent terminés en douze heures. (Jacques de Morgan, Mission scientifique en Perse en dix volumes en 1889-1891: 76)

Parmi les femmes turques et grecques, plusieurs sont douées dans leur jeunesse d'une rare beauté, qui est encore rehaussée par l'éclat du costume oriental. Les longues tresses de leurs cheveux flottent sur leurs épaules, parsemées d'une façon toute fantastique, de fleurs, de perles, et d'une petite monnaie d'or vénitienne. (Le jeune voyageur dans la Syrie, l'Arabie et la Perse, 1854 : 156)

Les épithètes ethniques du type « très persane », « indigène » et « oriental », fortement réducteurs montre la conception préconstruite que l'auteur-voyageur a et

projette dans ses écrits. Ces adjectifs prêtent à leur référent un ensemble de caractéristiques dont la fonction est simplement de définir l'ethnie à laquelle ils appartiennent. L'usage délibéré et récurrent de ce genre d'adjectif révèle la subjectivité de l'énonciateur, au sens où « leur charge symbolique fait apparaître un ensemble de traits ethniques teintés de préjugés péjoratifs » (même si ces traits ne sont pas explicitement énoncés) (Amossy 1982 : 51).

Péjoration vs approximation : Les catégories floues

Les formules à enclosure révélatrices de l'approximation, dont les formes canoniques se manifestent dans les locutions du type *une sorte de*, *une espèce de*, *un type de* et *un genre de*, sont également assimilables à des expressions axiologiques en ce sens qu'elles permettent de « passer de la modalité épistémique à l'introduction subreptice d'un jugement appréciatif » (Amossy 1982 : 53). Ce double fonctionnement révèle également dans ce genre de locutions une potentialité polysémique, et la capacité de se déplacer dans son champ sémantique d'après son contexte d'apparition. Prenons les exemples ci-dessous classés suivant les formules à enclosure *une espèce de*, *une sorte de* et *un genre de* et leurs variantes:

- *(Une) espèce de, l'espèce de, cette espèce de:*

Le soleil, encore très haut, n'est plus qu'un funèbre disque jaune, terne comme un globe de lampe vu à travers de la fumée. Une obscurité d'éclipse ou de fin de monde achève de descendre sur nous. Dans l'espèce de grotte en terre noircie, qui est la chambre du caravansérail, le sable entre en tourbillons par les trous qui servent de portes et de fenêtres; on suffoque, et cependant il faut rester là, car dehors ce serait pire. (Pierre Loti, Vers Ispahan en 1900 : 258)

Le drap vert, collet et parements rouges, boutons jaunes, pantalons larges de toile de coton blanche, et brodequins. L'hiver, on donne de plus à chaque homme une espèce de manteau court, d'étoffe de laine très épaisse, et dont le dehors est recouvert de longs poils semblables à ceux d'une chèvre. (Gaspard Drouville, Voyage en Perse fait en 1812-1813, 1828 : 113)

- *Une sorte de, cette sorte de :*

Sept heures et demie de Kerman-chah à Muidccht, sur une petite rivière poissonneuse: 45 maisons et un caravansérail. Quoiqu'au milieu de Février, j'y ai vu semer. On compte sur la pluie. Dans les Iles de l'Archipel il y a cette sorte de bled qu'on sème à la fin de Février, et qu'on récolte à la fin de Mai. Le grain est petit, mais donne beaucoup de farine. (Claude Mathieu comte de Gardane, Journal d'un voyage dans la Turquie d'Asie et la Perse effectué 1807-1808, 1809 : 83)

- *Un genre de :*

D'après un genre de vie aussi simple, il n'arrive guère aux Arabes d'avoir des affaires criminelles; mais, en ce cas, l'émir pourrait faire donner des coups de bâton, pendre, décapiter ou couper la barbe du coupable: on nous a assuré qu'il y avait peu d'exemples de ces sortes d'exécutions. (Prieur de Sombreuil, les petits voyages en Perse et en Arabie, 1844 :219)

Leurs bagages et leurs chameaux forment une enceinte circulaire, au milieu de laquelle ils renferment la nuit leurs bestiaux qui ont mangé jusqu'au soir. Les habitants, qui sont partout fort hospitaliers, leur donnent toujours quelque chose ; et, leur genre de vie à part, ils ne sont pas malheureux, car on les voit partout de bon œil. (Gaspard Drouville, Voyage en Perse fait en 1812-1813, 1828 : 190)

Ces exemples nous semblent introduire une hiérarchisation entre les deux univers de référence qui se heurtent et qui révèlent le regard d'ordre évaluatif que le voyageur projette sur le référent qu'il décrit. Les données culturelles décrites, à part d'être présentées comme différentes ou floues dans la société réceptrice, sont dépréciées surtout parce qu'elles correspondent très peu à celles des sociétés occidentales. Ce choix de catégorisation montre que le référent décrit n'est pas désignable ou catégorisable pour l'auteur occidental. Il se trouve « hors catégorie » par rapport aux critères et à la norme commune. Cela crée incontestablement un effet de péjoration perceptible dès la première lecture du texte en question. La présence simultanée des épithètes, des verbes ou des substantifs évaluatifs négatifs du type « funèbre », « on suffoque », « système bâtard », « bled », etc. bien que parsemé de façons éparse dans le contexte aide à l'inculcation de cette impression.

L'interprétation qui découle de ce type d'énoncé dépend également de la

catégorisation du référent décrit. Quand il s'agit de décrire un artefact, ou un simple objet doté des propriétés objectives, la modalisation a tendance à porter sur l'approximation définitoire. Au contraire, lorsque la modalisation vise un trait culturel, une pratique rituelle ou un trait caractérisant un être humain, apparaissent de préférences des formes modalisatrices de nature appréciative. Ce genre de positionnement lié au jugement de valeur se manifeste la plupart du temps avec la formule *une espèce de N*, en comparaison avec d'autres formules d'approximations:

De tant de lieux traversés en pleine nuit, et que jamais on ne revoit le lendemain, que jamais on ne peut vérifier à la clarté du jour, pas un ne ressemblait à celui-ci; nous n'avions point rencontré encore cette espèce de paix. La majesté de ces grands arbres que n'agite aucun souffle, cette vallée qui ne finit pas, cette transparence bleuâtre des ténèbres, peu à peu suggèrent à l'imagination un rêve du paganisme grec. (Pierre Loti, Vers Ispahan en 1900 : 57)

Il veut qu'on en suive les préceptes, mais il rejette toutes les traditions des musulmans. Il consent à voir dans Mahomet un sage aimé de Dieu, mais il blâme les hommages qu'on lui rend. Il dit que Dieu, blessé de cette espèce de culte, l'a envoyé sur la terre pour détromper les hommes à cet égard, et que tous ceux qui mépriseront ses instructions mériteront d'être exterminés. (Prieur de Sombreuil, les petits voyages en Perse et en Arabie, 1844 :16)

Des procédés de cette forme se manifestent en récurrence dans les corpus du type « récit de voyage » et préparent le terrain pour l'apparition de l'interdiscours basé sur le préconstruit. D'après ces formes préfabriquées, les grilles et les critères occidentaux sont des exemplaires de la catégorie évoquée. Ainsi d'autres formes s'avèrent être inférieures ou incomplètes, ce qui résulte d'une description teinté de péjoration.

Péjoration vs non-prototypie

A côté des bivalentes formules modalisatrices à enclosure, il y a ces autres formules dont la portée évaluative est nettement plus stable. Les formules telles que *un drôle de*, ainsi que d'autres adjectifs modalisants notamment *étrange, amusant, curieux, bizarre, singulier, étonnant, rigolo, etc.* manifestent une forme explicite de subjectivité de la part de l'énonciateur. Pour que sa description tienne debout, le voyageur-énonciateur a recours à l'évaluation et aux préjugés qui sont, eux, bien présents dans sa mémoire en tant que tel avant même le voyage. Cette « mise à distance appréciative » (Amossy 1982 : 53) est un paradigme descriptif qui se manifeste à l'aide des outils de désignation modalisés tels dont nous n'évoquons que quelques exemples :

- *que une/une + adjectif évaluatif + de + substantif (ethnique/ propre/ commun)*
- *adjectif évaluatif + substantif*
- *substantif + adjectif évaluatif*
- *adjectif évaluatif + adjectif évaluatif + substantif*
- *substantif évaluatif + de*
- *le/ la/ les + plus + adjectif évaluatif*
- *adverbe (fort, bien, assez) + adjectif évaluatif*
- *verbe + adjectif évaluatif*
- *verbe + adverbe évaluatif*
- *adverbe évaluatif + adjectif*
- *coupole + adjectif évaluatif*
- *substantif + adjectif évaluatif*
- *substantif évaluatif + de*

Etrange/ étrangeté de :

Le futur vient à la rencontre de son épouse jusqu'à une petite distance; et dès qu'il l'aperçoit, il lui jette une orange et s'enfuit dans sa maison. Cette salutation, qui vous paraîtra bien étrange, devient le signal d'un mouvement général. (...) Tous les costumes des habitants ou des voyageurs qui animent ce lieu sont pittoresques et étranges. (Le jeune voyageur dans la Syrie, l'Arabie et la Perse, 1854 : 402)

Un (e) drôle de/ drôlement :

De là, nous apercevons les dames campées sous les arbres, sous les tapis qu'elles ont suspendus en tendeleets; leurs voiles trempés plaquent drôlement sur leurs nez; le gentil ruisseau, devenu torrent, les a couvertes de boue; elles ont enlevé les babouches (...). D'aimable humeur quand même, car on voit un rire bon enfant secouer leurs formes mouillées... (Pierre Loti, Vers Ispahan en 1900 : 303)

Des groupes nombreux de dames noires au masque blanc. Et surtout des enfants adorables, avec de drôles d'habits comme ceux de grandes personnes; petits garçons en longue robe et trop haut bonnet; petites filles aux yeux peints, jolies comme des poupées, en veste à basques retombantes, jupe courte et culotte par-dessous. (Pierre Loti, Vers Ispahan en 1900 : 210)

Curieux :

Nous eûmes, dans ces contrées désertes, un spectacle assez curieux, c'est le passage d'une caravane. Il en est de plusieurs espèces. Les unes sont des pèlerinages que font à la Mekke des peuples rassemblés de tous les états de l'empire ottoman. (Prieur de Sombreuil, les petits voyages en Perse et en Arabie, 1844 :222)

Singulier (ère). Singulièrement:

Un objet de curiosité bien singulier, et que l'on ne trouve sans doute qu'à Ispahan, (Prieur de Sombreuil, les petits voyages en Perse et en Arabie, 1844 :66)

La longue rue de Muna se convertit alors en une foire, où le mélange de tant de nations, de langues, de costumes et de mœurs est singulièrement frappant : nulle part ailleurs vous ne retrouverez un assemblage aussi bizarre. (Le jeune voyageur dans la Syrie, l'Arabie et la Perse, 1854 :299)

Etonnant :

Au reste, quand le cas exige qu'elles se portent avec diligence sur un point, elles marchent d'une manière étonnante, pour peu qu'on ait l'adresse d'exciter leur zèle ; alors elles font jusqu'à quinze pharsanges dans un jour, ce qui répond à vingt lieues de France. (Gaspard Drouville, Voyage en Perse fait en 1812-1813, 1828 : 147)

Bizarre/ Bizarrement. Bizarrie :

Coran se tait, ou que Fusage ne prononce pas, tout est abandonné à la décision du juge. Chez les Bédouins, les lois se transmettent ordinairement de bouche en bouche, et sont souvent fort bizarres. La jurisprudence est du reste très simple; les avocats sont inconnus. (Prieur de Sombreuil, les petits voyages en Perse et en Arabie, 1844 :138)

Chaque fois que j'ai eu à décrire des coutumes ou des usages singuliers, comme les mariages, les circonstances bizarres qui les accompagnent, etc. (...). Les Persans donnent pour raison de cette bizarrerie, que si une femme venait à concevoir dans ce moment, il ne pourrait en résulter qu'un enfant de sang; raisonnement tout-à-fait singulier pour un tel peuple. (Gaspard Drouville, Voyage en Perse fait en 1812-1813, 1828 : 151)

Particulier :

Les traditions du pays prétendent qu'il a été élevé par Abraham; la pierre noire qui est l'objet d'un culte particulier se trouve incrustée dans un des coins du temple (que l'on nomme la Kaaba), et tout bon musulman doit la baiser (...). (Gaspard Drouville, Voyage en Perse fait en 1812-1813, 1828 : 226)

Ces familles, répandues dans toutes les parties de l'Arabie, forment une classe distincte, et n'admettent dans leur sein aucun étranger. L'amour de la guerre est un trait particulier de leur caractère, qui a plus d'un rapport avec celui du Bédouin. Ils doivent celle ressemblance à une coutume assez singulière, qui existait déjà du temps de Mahomet. (Le jeune voyageur dans la Syrie, l'Arabie et la Perse, 1854 : 293)

Extraordinaire :

Rien de plus extraordinaire que l'aspect de ces rochers, dont les nombreuses anfractuosités donnent lieu aux effets de lumière les plus singuliers (...). Les parois de la gorge, par où l'on pénètre dans cette enceinte, sont, dans la partie du défilé qui est la plus large et la plus rapprochée de la ville, creusées et sculptées d'une façon singulière. (Le jeune voyageur dans la Syrie, l'Arabie et la Perse, 1854 : 268)

Nous pouvons distinguer, dans les extraits ci-dessus, un glissement de l'évaluation et un degré d'appartenance catégorielle vers un jugement axiologique explicite. La fréquence des modalisations péjoratives (et mélioratives) dans le récit de voyage est due à la nature « autobiographique » (Guérin 2003 : 52) de ce genre. Car avant de « dire l'univers étranger » (*ibid.*), l'énonciateur-voyageur « se dit soi-même dans cette rencontre avec l'autre » (Guérin 2003 : 53). Cela est valable pour tous les voyageurs, peu importe la nature de leur mission et leur profil personnel parce que la représentation des sociétés exotiques est tributaire de « leur subjectivité, leurs réactions affectives et idéologiques » (*Ibid.*).

La nature non prototypique du référent apparaît donc sous forme modalisée à l'aide des formules évaluatives et qualificatives dont la fonction est d'insister sur le fait

que le référent s'éloigne de ce qu'il devrait représenter ; d'où sa nature « drôle », « bizarre », « étrange », etc. C'est ce que l'on peut appeler la forme « altérisée » (Guérin 2003: 54) de la représentation du référent réel. De telles expressions insistent sur le sentiment d'étrangeté qu'éprouve le voyageur au vu de l'univers social qu'il découvre; mais cette distance culturelle n'est pas explicitement jugée en termes de *valeur* car cette force d'évaluation n'apparaît pas directement dans la surface de l'énoncé. Il y a une part confiée au lecteur dans l'interprétation de ce positionnement et de ce jugement de valeur par lui-même contrairement à certains autres cas où la péjoration est explicitement énoncée sans aucun scrupule

La catégorisation prototypante

Contrairement aux cas précédents, nous avons relevé des extraits dans lesquels la description du référent est fortement colorée par des jugements de valeur explicites. L'usage de certains adjectifs évaluatifs montre comment la non-prototypie confine une exclusion totale de la catégorie descriptive et fait entrer le référent réel dans la sphère des référents décrits « axiologisés » du type « bien et mal ». Dans les extraits suivants nous remarquons que l'énonciateur ne rejette pas le référent comme appartenant à une catégorie exclue de son système de valeur. Au contraire il fait entrer volontiers le référent dans sa propre catégorie descriptive où il juge, à partir de ses propres grilles de jugement de valeur, le référent comme étant explicitement inférieur. Ces formulations et jugements axiologiques abondent dans les récits de voyages surtout dans ceux appartenant au corpus du XIXe siècle, marqué par la période coloniale et les polémiques autour de la question de la supériorité de l'Occident sur l'Orient. Des adjectifs évaluatif-péjoratifs du type *fou, fêlé, repoussant, grossier, affreux, horrible, ridicule*, etc. et des adverbes dont *grossièrement, horriblement*, etc. y sont abondants:

De plus en plus il s'exalte, le vieux derviche au regard de fou; voici qu'il se met à chanter comme les muezzins, d'une voix fêlée qui chevrote, et les coups redoublent contre les poitrines nues. Toutes les dames-fantômes maintenant sont arrivées sur les toits alentour; elles couronnent les terrasses et les murs branlants. (Pierre Loti, Vers Ispahan en 1900 : 172)

Le pays, extrêmement sec, est favorable au traitement des plaies et les nomades sont généralement très sains, tandis que dans les villes la proportion des avariés est considérable. Gens des villes et des tentes, tous sont d'une saleté repoussante, en sorte que les affections de la peau et des yeux sont très fréquents. (Jacques de Morgan, Mission scientifique en Perse en dix volumes en 1889-1891: 67)

Ce qu'on appelle médecine en Perse n'est qu'une jonglerie grossière exercée avec une rare impudence. Cependant ceux qui s'y adonnent jouissent, surtout parmi le peuple, d'un respect qui approche de l'adoration. (Gaspard Drouville, Voyage en Perse fait en 1812-1813, 1828 : 160)

On voit les hommes et les femmes se presser en foule pour baiser cet animal privilégié et pour frotter leurs fronts contre lui, s'imaginant obtenir, par ce moyen ridicule, quelque bénédiction. (Le jeune voyageur dans la Syrie, l'Arabie et la Perse, 1854 : 237)

Nous avons également noté des formes modalisantes marquées par la surmodalisation qui renforce l'idée impliquée sur le référent en question (Le Querler 1996 : 79):

Le soir, pour rentrer à la Légation de France, il faut comme toujours traverser l'affreux désert repoussant où pourrissent les bêtes de caravane. (Pierre Loti, Vers Ispahan en 1900 : 293)

La petite ville, c'est Enzeli; de près, un horrible amas de boutiques repoussantes, à l'usage des voyageurs, un repaire de fripons et de pouilleux, ni persans, ni russes, ni arméniens, ni juifs, gens de nationalité vague, exploités de frontière. Mais les jardins, à l'entour d'Enzeli, sont pleins de roses, de lis, d'œillets qui embaument, et les oranges poussent en confiance tout au bord de cette mer sans marée, au milieu des sables fins de la petite grève tranquille. (Pierre Loti, Vers Ispahan en 1900 : 312)

Le double usage de l'adjectif évaluatif péjoratif comme « affreux désert repoussantes » et le verbe « pourrir » qui les suit ainsi que « horrible amas de boutiques repoussant », « repaire de fripons et de pouilleux », etc. sont des exemples qui montrent la présence d'un jugement subjectif dans la description. Ce double emploi de la modalisation épistémico-appréciatif montre à quel point le référent décrit s'éloigne de

son référent réel. Celui-ci dans son propre milieu culturel n'est marqué ni par péjoration ni par approximation ou autres formes d'éloignement susceptible de rendre son appréhension difficile. De telles formules, dont la forte occurrence montre le haut degré de subjectivité des récits de voyage, sont presque inexistantes dans les textes dits scientifiques ou anthropologiques marqués surtout par l'objectivité (Adam 1990 : 45).

Conclusion

Dans ce chapitre nous avons essayé d'analyser de près le fonctionnement et le contexte d'apparition des formulations évaluatives et plus précisément des préjugés et des jugements de valeurs péjoratifs. Le préjugé est basé sur le principe d'exclusion de la norme, de la catégorie appartenant au prototype. L'Autre est continuellement comparé à une norme préétablie, à certaines idées préfabriquées auxquelles il n'appartient pas. Il est donc rejeté, jugé et même humilié. Dans ce travail nous avons montré comment le récit de voyage, traité du point de vue évaluatif (péjoratif ou mélioratif) le référent réel appartenant à la sphère de l'univers de l'Autre à l'aide de pré-acquis remplaçant l'étrangeté par des schémas abstraits et figés. C'est ainsi que le discours sur l'altérité qui, au départ, était censé faire connaître l'univers étranger au lecteur, se transforme en une sorte de récit sur soi qui juge l'Autre à l'aune de son propre regard et va jusqu'à se permettre d'exprimer ses jugements de valeurs à l'écrit. Nous avons vu comment l'usage des formes syntactiques évaluatives telles que les épithètes évaluatives, les noms ethniques, la modalisation et la surmodalisation contribuent à ce transfert axiologique en les enfermant dans les formes figées préétablies. Les cooccurrences des types de désignations modalisées analysés dans notre travail mettent en lumière le positionnement énonciatif partagé par les écrivains-voyageurs au XIXe siècle, et qui nous paraît *hic et nunc* spécifique au genre viatique. L'altérité axiologisée est donc le parangon de ce genre de description et permet d'observer un mode de construction du «réel» extralinguistique dont le traitement varie dans d'autres champs d'étude voisins surtout ceux marqués par l'objectivité c'est-à-dire des récits liés à l'anthropologie et aux domaines approchants.

Corpus exploratoire

1. Drouville G. *Voyage en Perse fait en 1812-1813*. Paris: Pochard, 1828.
2. Gardane (comte de) Cl. M. *Journal d'un voyage dans la Turquie d'Asie et la Perse*, Paris Normant, 1808.
3. Le jeune voyageur dans la Syrie, l'Arabie et la Perse. Paris, Riseler, 1854.
4. Loti P., Pirot Ch. *Vers Ispahan*. Paris 1900, 2010.
5. Morgan J. (de) *Mission scientifique en Perse en dix volumes en 1889-1891*. Paris: Ernest Leroux, 1891.
6. Sombreuil Pr. (de) *Les petits voyages en Perse et en Arabie*. Paris: Pierre Maumus, 1844.

REFERENCES

1. Adam J.-M. *et al. Le Discours anthropologique : description, narration, savoir*. Paris, Klincksieck, 1990.
2. Amossy R., Rosen El. *Les Discours du Cliché*. Paris : CDU-SEDES, 1982.
3. Arnsperger Ch., Van Parijs Ph. *Ethique économique et sociale*. Paris, La Découverte, 2003.
4. Berrendonner A. *Éléments de pragmatique linguistique*, Paris : Minuit, 1982.
5. Boubel N. Étude de la variabilité axiologique en fonction du contexte linguistique, soumission *CILPR XXVII* - Section 10, 2013. URL : <http://www.atilf.fr/cilpr2013/programme/resumes/e1c0baf67341a69cb3f8710027935f5a.pdf> (consulté le 14/01/2016).
6. Charaudeau P. *Langage et discours. Éléments de sémiolinguistique*. Paris : Hachette, 1983.
7. Charaudeau P. Une théorie des sujets du langage, *Modèles linguistiques*, t.X, fasc. 2. 1988. Pp. 67-78.
8. Charaudeau P. *Grammaire du sens et de l'expression*. Hachette Education, 1992.
9. Duméry H. Axiologie, *Encyclopædia Universalis* [en ligne]. URL : <http://www.universalis.fr/encyclopedie/axiologie/> (consulté le 2 avril 2016).

10. Guerin O. Espèce de premier ministre, sorte de clarinette et autres drôles de toques, Ou quand les voyageurs y perdent leur latin, *Carnets de bord*, n°6, C. Ferreira dir., Université de Genève, département de sociologie, 2003. Pp.46-55. URL : <http://www.unige.ch/ses/socio/carnets-de-bord/revue/article.php?NoArt=53&num=6> (consulté le 2 avril 2016).
11. Grzmil-Tylutki H. L'axiologie discursive: entre l'implicite et l'explicite, *Synergies Pologne n° 8*, 2011. Université Jagellonne, Cracovie, Pologne. Pp. 247-253.
12. Kerbrat-Orecchioni L' *énonciation : de la subjectivité dans le langage*. Paris : Colin, 1997.
13. Le Querler N. *Typologie des modalités*. Caen : Presses universitaires de Caen, 1996.
14. Magri-Mourgues V. Préjugés et syntaxe, *Présence de l'Autre dans les littératures francophones*. Sainte Catharines, Canada, 1994.
15. Maingueneau D. *Analyser les textes de communication*. Paris: Nathan, 2000.
16. Maingueneau D. L'idéologie : une notion bien embarrassante, *L'idéologie en sociologie de la littérature*, N° 2, 2007. URL : <https://contextes.revues.org/189> (consulté le 2 avril 2016).
17. Marchetti A. Axiologie et poésie chez Léon Bloy, Léon Bloy au tournant du siècle, *textes réunis et présentés par Pierre Glaudes*. Toulouse : Presses universitaires de Toulouse-Mirail, 1992. Pp. 269-284.
18. Masse R. [Les limites d'une approche essentialiste des ethnoéthiques: pour un relativisme éthique critique \[archive\]](#), *Anthropologie et sociétés*, N° 24(2), 2000. Pp.13-33.
19. Puzynina J. *Język wartości*. Warszawa: PWN,1992.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 811.133.1'42

ББК Ш147.1-51

Д. Абейкайе

Маруа, Камерун

D. Abaikaye

Maroua, Cameroun

К ВОПРОСУ О СЕМИОТИКЕ ПИСЬМЕННОСТИ МЕЖДУ ГОВОРЕНИЕМ И РУКОПИСНЫМИ ТЕКСТАМИ: ФРАНФУЛЬФУЛЬДЕ НА СЕВЕРЕ КАМЕРУНА

POUR UNE SEMIOTIQUE DE L'ECRIT ENTRE ORALITE ET SCRIPTURALITE : LE *FRANFULFULDE* AU NORD CAMEROUN

RÉSUMÉ. Cette étude entend montrer l'exploitation momentanée d'un parler hybride en plein essor dans les milieux scolaires et universitaires du Cameroun septentrional : le franfulfulde. La manifestation de cette activité individuelle et quotidienne est alors perçue et présentée comme un véhicule propice à l'expression de contacts de langue et de la diversité culturelle en francophonie du sud. Nous nous intéressons à ce parler hybride de par son double aspect de parler composite et de discours. En tant que parler, il présuppose un système de signes et des codes; et en tant que discours, il s'inscrit dans une logique individuelle. Pour cerner les manifestations de ce postulat, nous nous sommes servi de l'approche sémiolinguistique de Patrick Charaudeau qui s'intéresse à l'analyse du discours. Cette réflexion nous a permis non seulement d'observer la création lexicale, les opérations syntagmatiques et transformationnelles, mais également de prendre en considération ce que pourrait être les intentions réelles des usagers du franfulfulde et la relation particulière qui les unit à la langue française dans la fonction sémiotique.

MOTS-CLÉS: praxéogénie, glossogénie, franfulfulde, sémiotique, oralité, scripturalité.

Auteur: *David Abaikaye, enseignant-chercheur, Université de Maroua, département de Français, faculté des lettres et sciences humaines. Adresse: B.P. 644 Maroua, Cameroun; e-mail : abaikayedavid@yahoo.fr.*

D. Abaikaye

Maroua, Cameroon

TOWARD A WRITTEN SEMIOTIC BETWEEN ORAL AND SCRIPTURE: *FRANFULFULDE* IN NORTHERN CAMEROON

ABSTRACT. The present paper sets out to examine the exploitation of a hybrid talk which is gaining ground in school and University settings in Northern Cameroon: *Franfulfulde*. The manifestation of this individual and daily activity is thence seen as a conducive vehicle for the expression of language contacts and cultural diversity in southern Francophonie. The focus is on this hybrid speech; this is due to its aspect of double composite speech. Like a talk it presupposes a system of signs and codes; like a speech it falls within an individual logic. To examine the manifestations of this postulate, we resorted to the semiolinguistic approach of Patrick Charaudeau who interest (concern) at speech analysis. This investigation did not only result to the observation of lexical creation, syntagmatic and transformational operations, but also to take into account what might be the real speech intentions of users and the particular relationship which united with French Language of *Franfulfulde* in the semiotic function.

KEYWORDS: praxeogeny, glossogeny, franfulfulde, semiotic, oral, scripture.

About the author: *David Abaikaye, Associate Lecturer in Department of French the Faculty of Letters and Social Sciences of the University of Maroua. Address: B.P. 644 Maroua, Cameroon; e-mail: abaikayedavid@yahoo.fr*

Introduction

Le développement moderne de la linguistique, était généralement compris dans une indistinction des modalités orales et écrites, à travers la description précise des langues particulières, mais aussi des modélisations savantes. Depuis le 20ème, son essor nécessitait de se dégager de l'emprise d'une philologie essentiellement tournée vers l'exégèse des textes.

Cela étant, dans les trois régions septentrionales du Cameroun (Extrême-Nord, Nord et Adamaoua), les populations en majorité s'expriment en fulfulde qu'en français, langue officielle dominante. Étant donné que nombre de jeunes scolarisés sont des francophones qui parlent couramment le fulfulde, ils n'éprouvent aucune peine à créer ce que Gumperz appelle « l'alternance codique » (1989 : 57). Dans les milieux scolaires et universitaires nord camerounais, ce parler hybride apparaît comme un mélange de français et de fulfulde d'où le terme *franfulfulde*. Ce constat est le résultat d'une enquête que nous avons menée au lycée classique et moderne de Garoua, au lycée de Garoua Djamboutou, au lycée d'Ouro Tchédé-Maroua et au lycée bilingue de Maroua en 2008, 2011, 2015 et 2016 respectivement, dans les classes de terminales, premières et secondes, soit une population scolaire d'environ cinq cents sujets par établissement.

Cette créativité lexicale féconde en milieux pédagogiques est une activité normale puisque l'essence de la langue n'est pas statique. La langue, « langage puissant » est un ouvrage construit, une activité collective, une « glossogénie » (Valin, 1971 : 14-15) que nous actualisons, que nous utilisons pour épouser la momentanéité et la diversité des impressions de tous ordres, pour dire notre expérience du moment. C'est cette exploitation momentanée, cette activité quotidienne que Valin appelle *praxéogénie* (Valin, op.cit.:14-15). La *glossogénie* et la *praxéogénie* sont donc posées dans une perspective phénoménologique.

En effet, la *glossogénie* est une tension créatrice continue, la *praxéogénie* qui la manifeste, est une activité individuelle momentanée. Ces deux activités sont avant tout donc des phénomènes de temporalité : le temps *glossogénique* est une durée ouverte, le temps *praxéogénique* est la durée d'une conversation, d'un discours oral ou écrit, d'un acte de langage ou de parole. Tout procès de praxéogénie est un acte individuel, donc une liberté, une liberté imaginante et créatrice qui peut s'exercer non seulement sur le plan syntagmatique ou syntactico-discursif, mais aussi paradigmatique ou pléronomique, plan de diversification croissante de mots nouveaux de génération en génération. (ibid : 14-15)

Le *franfulfulde* est une exploitation particulière de la *glossogénie*, théoriquement, du français et du fulfulde. Il est une opérativité discursive consciente qui s'inscrit dans la logique de toutes les langues, la logique systématique, cette tendance à la création, à la construction et à la continuation par dépassement constant des systèmes constitutifs de la langue.

Le *franfulfulde* nous intéressera sous son double aspect de parler hybride et de discours. En tant que parler, il présuppose un système de signes et de codes; en tant que discours, il s'inscrit dans une logique individuelle. En clair, il s'agira pour nous non seulement d'observer la création lexicale, les opérations syntagmatiques et transformationnelles, mais également de prendre en considération ce que pourraient être les intentions réelles des usagers du *franfulfulde*, ce que dit l'acte de parole *franfulfulde* du fait de la relation particulière qui unit ses usagers à la langue française (Charaudeau, 1983 : 9).

Notre approche du *franfulfulde* se veut donc sémiolinguistique. Le *franfulfulde* a-t-il un intérêt linguistique ? Si oui quelle description linguistique peut-on faire de la phrase *franfulfulde* ? Dans ce cas de figure, peut-on fonder une sémiotique du *franfulfulde* ? En d'autres termes quelle est la fonction sémiotique du *franfulfulde* ?

1. Description linguistique de la phrase *franfulfulde*

Dans une description linguistique, les composantes les plus utiles sont entre autres la phonologie, le lexique et la syntaxe. Mais avant d'examiner le *franfulfulde* comme système particulier de signes, il importe de signaler qu'il est avant tout un parler hybride.

1.1. Le *franfulfulde*, un phénomène oral

En observant les différentes phrases que nous avons recueillies, nous constatons que les locuteurs de ce parler composite produisent normalement leurs phrases, cependant ne parviennent pas à les écrire correctement.

(1). a. Mi *hebi* bic am. //J'ai trouvé mon stylo. // (*hebi* pour *heebi* ou *hebi*)//.

b. S'il te plaît, je peux avoir ton *jibere* pour montrer le modèle à un tailleur ? // (*jibere* pour *jibbere* ou *jiibere*)//.

c. Assiam *yobi* frais de scolarité aujourd'hui. // (*yobi* pour *yobii* ou *yoobi*)//.

d. Il a vendu son *goortegal* moins cher. // (*goortegal* pour *gortegal* ou *gortegaal*)//.

e. À quinze heures, l'école *timmi*. // (*timmi* pour *timmi* ou *timii*)//.

f. Cette vendeuse-là connaît bien faire le *gari*. // (*gari* pour *gaari* ou *garii*)//.

Dans ces énoncés, nous relevons des mots *fulfuldes* *heebi* « trouver », *jibbere* « boubou », *yobii* « payer », *gortegal* « coq », *timmi* « terminer », *gaari* « bouillie »... qui sont précédés de déterminants du français. Ils sont employés comme des termes naturellement français. Les mots *fulfuldes* ne possèdent ni article défini et indéfini, ni article partitif. Pour exprimer les valeurs et les emplois de ces articles, l'élève *fulfuldephone* a recours aux déterminants qui marquent les noms dépourvus de déterminants. Au regard de ces occurrences sus énumérées, on comprend qu'au nord Cameroun, les vocables *fulfuldes* sont fréquemment employés dans des phrases en français en milieu scolaire et universitaire. Ainsi, l'adstrat *franfulfulde* est beaucoup plus important que l'adstrat *fulfulfrançais* en contexte d'étude. C'est dire que les usagers emploient plus des mots et expressions d'origine française. Bien plus, on constate que ni l'orthophonie, ni l'orthographe ne semblent préoccuper les usagers du *franfulfulde*. Toutes ces occurrences montrent que le *franfulfulde* se parle, qu'il ne s'écrit pas encore, sinon on n'aurait pas tant de variations morphologiques pour un même mot à l'instar de *jibere* pour *jibbere* ou *jiibere*, *goortegal* pour *gortegal* ou *gortegaal*, *gari* pour *gaari* ou *garii*, etc. Que dire de la phonématique dans cette étude ?

1.2. L'approche phonologique

Au nord Cameroun, la prononciation de certains phonèmes, les plus petites unités sonores d'une langue, s'écarte quelque peu de la norme française et confère à la langue parlée une saveur particulière. En contact donc avec le *fulfulde*, le français est prononcé différemment par des locuteurs *fulfuldephones* dans cette partie du pays. L'accent du français parlé laisse paraître les pratiques articulatoires du *fulfulde*. Celui-ci est marqué par une élocution rapide et des sons aigus. L'articulation est généralement antérieure, à tel point qu'une partie de certains sons s'articule dans la cavité buccale, ce qui amène les locuteurs à prononcer de façon particulière le **ch** et le **j** (consonnes pré palatales constrictives, sourde pour la première, et sonore pour la deuxième), respectivement prononcées [S] et [Z]. Considérons les illustrations suivantes :

(2). a. Min, mi *chef* [Sɛʃ] jee classe. //Moi, je [Zɛ] suis *chef* de classe.//

b. Mamat *choisi* [swzi] deuxième *sujet* [suze] haa philo. //Mamat a *choisi* le deuxième sujet en philo.//

c. Anee do fete jee tabaski don nu *spéciale* [ɛspɛsial]. //Cette année la fête de tabaski était très

spéciale.//

d. Handee dum la rentrée *scolaire* [ɛskoler]. //Aujourd'hui c'est la rentrée *scolaire*.//

e. *Tenue* [tɛni] ma do a timmi lootugo dum na ?//As-tu fini de laver ta *tenue* ?//

f. Be fajira do min hojay *déjeuner* [deezene] haa saare.// Ce matin on n'a pas pris le petit déjeuner à la maison.//

g. Itu *marmite* [marrmit] do gal yitee. //Enlève la *marmite* du feu.//

Dans les énoncés ci-dessus transcrits en *franfulfulde*, nous remarquons que l'accent du *fulfulde* se traduit dans l'articulation des mots français. La distinction entre les systèmes phonétique et phonologique du français et du *fulfulde* entraîne la production de sons approximatifs chez certains apprenants *fulfuldephones*. Ils réussissent à parler le français sans modifier la qualité des phonèmes de leur parler

propre, c'est-à-dire qu'ils lui appliquent le système phonatoire du fulfulde. Ces locuteurs ont du mal à se faire comprendre par leurs interlocuteurs. C'est dire que, sur le plan phonétique, la réalisation approximative de certains phonèmes consonantiques est avérée. C'est le cas de [ʃ], [ʒ], [y], [s] et [r] qui deviennent respectivement [S], [Z], [I],[ɛS] et [RR] ou [U].

La prononciation du son [r] est prolongée dans les mots, [marrmit], [sɛtadirr], [dirr] pour *marmite*, *c'est-à-dire*, *dure*, respectivement. On constate que la fricative sonore uvulaire (ou vélaire), *r*, au lieu d'être articulée avec le dos de la langue contre la luvette (ce qu'on appelle le *r* grasseyé, ou *r* dorsal), devient le *r* roulé (scientifiquement appelé *r* apical et caractérisé par des battements très énergiques, la langue se mettant derrière les alvéoles supérieures, avec un contact intermittent.). La voyelle [y] est prononcée [i], dans *tendue*, *tu*, le «u» est devenu «i», [təni], [ti] au lieu de [təny], [ty]. La consonne prépalatale [ʒ] est prononcée [Z] dans les termes *je*, *déjeuner*, *âgé*, nous avons [Zɛ], [deZɛne], [aZɛ] au lieu de [ʒə],[deʒœne], [aʒe]. La consonne prépalatale [ʃ] est prononcée [S] dans les mots *chef*, *choisir*, *schéma*, *chat*, [Sɛf], [Swazir], [Sɛma], [Sɑ] en lieu et place de [ʃəf],[ʃwazir], [ʃema], [ʃa]. S'agissant du groupement à l'initial, on note l'inexistence de la structure canonique en *fulfulde*; ce qui entraîne la création de prothèse pour la réalisation de ces unités lexicales. La consonne constrictive dorso palatale [s] est prononcée [ɛs] dans les mots *spéciale*, *scolaire*, *sport*, [ɛspɛsial], [ɛskøler], [ɛspør] au lieu de [spesjal], [skøler], [spør].

À ce sujet, Mendo Ze (1992 : 80) note que

Cette prononciation se justifie par le fait que le système phonétique français possède des sons qui n'existent pas dans les langues parlées dans le Cameroun septentrional [à l'instar du fulfulde]. Des locuteurs remplacent donc ces sons par ceux auxquels la langue maternelle les a habitués.

Au bout du compte, les traits du fulfulde apparaissent fréquemment dans les phrases de certains locuteurs (ou apprenants) *franfulfuldephones*. Ces élèves ne parviennent pas à transcrire de façon correcte les mots qu'ils entendent par exemple dans l'épreuve d'orthographe. Cette prononciation fautive a également une forte répercussion sur leur discours, sur leur production écrite, c'est-à-dire sur la composition française au premier cycle, et sur la dissertation au second cycle. Très souvent, ils ne sont pas éloquents dans leur propos sur le plan oral. Leur rhétorique s'inscrit dans un style médiocre et déplaisant. Le terme *franfulfulde* est donc un composé commode qui résorbe des phénomènes complexes non seulement dans l'insaisissabilité de la prononciation des termes français, mais aussi dans le parler quotidien, et surtout dans le lexique hétéroclite.

1.3. La structure lexicale

Au nord Cameroun, le *franfulfulde* est une attitude langagière francophone, il constitue un phénomène d'emprunt au français. Or, l'on remarque que certains mots français se sont désémantés au profit d'une resémantisation *franfulfulde*. Considérons les énoncés ci-après :

- (3). a. Mi dillan jangugo *kaaye* am. //Je vais étudier mes leçons.//
- b. Min *dansi* jur nder balde do. //J'ai beaucoup dansé ces derniers jours-ci.//
- c. Ta on acca mo *montugo* dow leggal. //Ne le laissez pas grimper sur l'arbre.//
- d. Mi *gravi* ma film do. //Je t'ai gravé le film là.//
- e. *Teni* ma do a timmi lootugo dum ?//As-tu fini de laver ta tenue ?//

Dans le phénomène *franfulfulde*, c'est la phrase fulfulde qui devient l'espace, le cadre des occurrences de quelques vocables français, nord camerounais ou autres. Les emprunts intéressent surtout le substantif, le verbe et, dans une certaine mesure, l'adjectif. Les vocables *kaaye* « cahier », *dansi* « danser », *montugo* « monter », *gravi* « graver », *teni* « tenue » qui désignent respectivement « cahier », « danser », « monter », « graver », « tenue » sont formés du français et du fulfulde. Le *franfulfulde* alterne donc les systèmes linguistiques des deux langues. Les mots outils, « simples outils grammaticaux » (Tesnière, 1965), indicateurs de fonctions (prépositions, subordonnants), ou de relations (coordonnants) ou alors les introducteurs ne sont guère concernés par la praxéogénie du *franfulfulde*.

Par ailleurs, de tous les sémantèmes, certains substantifs sont à très forte prévisibilité, notamment les substantifs communs qui ont une large extension.

Cependant, la fréquence de certains verbes et des adjectifs n'est pas moins remarquable. Ceci nous a permis de noter que les mots dans le contexte *franfulfulde* s'appliquent à certains domaines bien précis :

Nous observons que les locuteurs du *franfulfulde* sont préoccupés par l'échange social, les sujets banals de la quotidienneté. Sur un tout autre plan, celui du champ conceptuel, (le véhiculaire philosophique, tous les termes qui relèvent de la réflexion, du savoir, du raisonnement), cet échange linguistique est plutôt rare. Les substitutions ne concernent généralement que les sémantèmes : noms, verbes, adjectifs soumis à un jeu de transformation grammaticale. Il n'en reste pas moins que le *franfulfulde* est une forme relâchée, agrammaticale.

1.4. La composante grammaticale

Pendant longtemps, l'ambition de la grammaire générative et transformationnelle a été de donner à tous les sujets parlants la compétence de comprendre et de construire des phrases grammaticales qu'ils n'ont jamais entendues auparavant. Elle montre comment construire correctement les phrases, comment expliquer les phénomènes linguistiques et formuler des prédictions vérifiables, des règles explicites. Elle a mis en évidence les règles syntagmatique, transformationnelle et morpho phonémique.

Dans le cas de figure, d'emblée il faut noter que le *franfulfulde* n'a pas de syntaxe particulière. La syntaxe du *franfulfulde* combine celle du français et du fulfulde. Le *franfulfulde* présente des cas de morphèmes dérivationnels comme nous l'avons analysé au niveau des substantifs, et connaît des morphèmes flexionnels : au niveau du substantif les marques de genre et de nombre sont ceux de la langue d'origine, le français ou le fulfulde. Le verbe, lui, connaît des marques de personne et de nombre, de temps et de mode.

(8). a. *Directer a voyaji kenya.*//Le directeur a voyagé hier.//

b. *Mi gravi ma film do.* //Je t'ai gravé le film là.//

c. *'Be ndesidi[ndɛsidi] suumugo lewru dīdī.*//Ils ont décidé de jeuner

pendant deux mois.//

Il convient de relever que, dans leurs propos, des locuteurs du *franfulfulde* alternent le son des deux langues dans un même mot à l'instar de « voyaji », « gravi », « ndesidi ». Les traits des systèmes verbaux de ces langues mères du *franfulfulde* se combinent dans la formation des verbes hybrides. En effet, il s'agit de : *voyag*, *grav*, *ndesidi* qui sont les radicaux des verbes *voyager*, *graver*, *décider* ; on note le participe en *é* du français qui est remplacé par son équivalence en fulfulde : *-i* qui traduit l'aspect accompli d'un verbe en fulfulde tel dans « voyaji », « gravi » pour *voyagé* et *gravé* respectivement. Lorsqu'on observe attentivement la phrase *franfulfulde*, on se rend compte que le locuteur ne semble pas ignorer les règles qui régissent les langues d'emprunt, mais ce qu'il ne respecte pas comme marques normatives en français, il le déporte intentionnellement sur ses propres créations.

De ce qui précède, l'on retient que tout acte de langage est l'aptitude à signifier le monde par un explicite langagier, à le signifier dans une totalité intégratrice du contexte sociohistorique et des relations qui s'établissent entre les protagonistes du langage. Pour Fosso (1999 : 188) il n'y a pas d'acte de parole ou de langage produit par un locuteur pour un allocataire idéal dans une circonstance de communication neutre. On doit donc tenir compte de l'intention attestée ou non du locuteur et de la relation particulière qui pourrait l'unir à l'allocataire. C'est d'ailleurs ce que déclare Charaudeau (1983 : 9), l'acte de langage

n'épuise pas sa signification dans sa forme explicite. Cet explicite signifie autre chose que lui-même qui est relatif à ce contexte sociohistorique [...], ce qui nous amène à le considérer comme un objet double, constitué d'un Explicite (ce qui est manifesté) et d'un Implicite (lieu de sens multiples qui dépendent des circonstances de communication).

Si l'on veut, l'Explicite dont parle Charaudeau, c'est la reconnaissance morpho-sémantique du signe, sa référentialité. Quant à l'Implicite, il concerne les conditions de réalisation discursive ; il renvoie à quelque chose d'autre que la condensation expression-signification et qui se trouve avant ou après l'acte de profération de la parole ou après l'écriture.

Il s'agira pour nous donc d'observer le *franfulfulde* dans la double perspective d'abstraction et d'élucidation, c'est-à-dire de l'observer à la fois comme une structure

langagière en activité et comme une manifestation langagière en contexte, en relation avec ses conditions de production-interprétation. Tels sont les deux volets sémiolinguistiques de notre approche, ce que Peirce appelle *semiosis* : « par *semiosis*, dit-il, j'entends une action ou influence qui est ou qui implique une action entre trois sujets, tels qu'un signe, son objet et son interprétant. » Latraverse (1987 : 80)

2. La fonction sémiotique du *franfulfulde*

Morris, dans ses *Foundations of the theory of signs* reprend le concept de *semiosis*. La *semiosis*, commente Morris, comporte trois composantes : *le véhicule du signe*, ce qui agit matériellement comme signe et qui induit sa reconnaissance ; *le designatum*, ce à quoi le signe renvoie ; *l'interprétant*, effet par lequel une chose agit comme le signe d'une autre sur un interprète. La sémiotique du *franfulfulde* va donc impliquer les dimensions sémantique (relations des signes aux objets), syntaxique (relations des signes avec d'autres signes), pragmatique (relation des signes aux interprètes).

2.1. La dimension sémantique

Parlant de *l'interprétant*, on dira avec Morris (1938), qu'il est l'effet du signe sur l'interprète. L'effet est non seulement la reconnaissance lexico-sémantique, mais également l'élucidation des formes que prennent les *interprétants* dans telle ou telle circonstance, ce que Strawson (1950 : 50) appelle *signification intentionnelle-cum-situation*.

Alors que la reconnaissance lexico-sémantique est *l'interprétant immédiat* de la signification conventionnelle ou linguistique, c'est-à-dire ce qui est d'abord perçu, la signification intentionnelle est identifiée au bout d'une *interprétation dynamique*. Ce second aspect s'inscrit dans une problématique de la communication que nous examinerons plus loin. Ce qui va nous préoccuper dans cette partie, c'est la signification immédiate, c'est-à-dire la relation forme/sens.

Nous avons observé les différentes formes de signifiants *franfulfulde*. Nous avons relevé : hebi, heebi ou hebii signifiant « trouver » ; jangal-« voyager » ; jangugo-« étudier » ; bodum-« bon » ; beldum- « qualité » ; lumo -« marché » ; lamdo -« le chef », ndesidi- « décider » ; desidi -« décevoir » ; maayo et mayo -« cours d'eau » ; timmi et timmii -« terminer » ; optal et lopttal -« hôpital ». Leurs réalisations effectives, à l'oral comme à l'écrit, sont fantaisistes, c'est-à-dire indifféremment substituables les unes aux autres. Donc, seul le contexte libère immédiatement le sens.

En *franfulfulde*, l'analyse phonétique n'est pas pertinente. Peu importe la phonation de *jibere, jibbere ou jibere ; goortegal, gortegal ou gortegaal ; gari, gaari ou garii*,

De même, l'analyse phonématique est parfaitement peu rentable, c'est-à-dire celle des phonèmes, de leur classement, de l'examen de leurs combinaisons pour former les signifiants de la langue. Depuis Saussure, nous savons que les unités linguistiques sont différentielles, qu'elles s'opposent les unes aux autres sans gradation : un phonème français sera /d/ ou /non -d/, jamais plus ou moins /d/. De même, l'opposition [r]/[l] qui sert à distinguer *rot* et *lot*, *riz* et *lit* est distinctive et pertinente (Baylon et Fabre, 1975 : 85).

En *franfulfulde*, le phonème est une unité segmentale mais non discrète, non différentielle : les différentes graphies de : **déjeuner**, [dezene] ou [deezene] ; **je** [Zɛ] ou [Zə], **chef** [Sɛf], [Səf], choisir [swazir], **spécial** [ɛspɛsial], **sport** [ɛspɔr], **coiffure** [kwafir], **tenue** [tɛni]... l'absence ou la substitution des phonèmes [ʒ], [ʃ], [S], [y]... n'a aucune incidence sémantique sur le mot, mais entraîne plutôt une production de sons approximatifs avec un impact sur la syntaxe.

2.2. L'aspect syntaxique

S'agissant de la dimension syntaxique, le *franfulfulde* peut être appréhendé comme une « désorganisation » de la syntaxe française. De même que la langue est un système et non un conglomérat d'éléments juxtaposés sans liens entre eux (Martinet, 1965), de même un énoncé présente un agencement tout aussi systématique en raccourci. Une langue (ou un énoncé) ne peut pas être représentée dans ses manifestations immédiatement significatives par des unités simplement alignées sans relation entre elles. Comme l'affirme Tesnière (1965 :11-12),

tout mot qui fait partie d'une phrase cesse par lui-même d'être isolé

comme dans le dictionnaire. Entre lui et ses voisins, l'esprit aperçoit des connexions dont l'ensemble forme la charpente de la phrase. [...], construire une phrase, c'est mettre la vie dans une masse amorphe de mots en établissant entre eux un ensemble de connexions.

Qui dit système, dit également hiérarchie. Tout énoncé a un centre grammatical par rapport auquel s'ordonnent les autres éléments de l'ensemble. C'est ce que Benveniste (1966 : 128) rappelle très opportunément après les grammairiens et les philosophes depuis la haute antiquité, à savoir que « le caractère distinctif entre tous inhérent à la phrase (est) d'être un prédicat. »

Dans un énoncé indépendant, le point de rattachement de tous les éléments de cet énoncé, comme dit Martinet cité par Tchekhoff (1977 : 47-55), est celui « autour duquel s'organise la phrase et par rapport auquel les autres éléments constitutifs marquent leur fonction. » Le rapport de prédicat à son sujet, par exemple, met en cause ce que Guillaume (1964) a nommé le mécanisme d'incidence. L'incidence (signifiant en propre référence) est un mécanisme qui règle le rapport des mots entre eux.

Mais le mot *franfulfulde* inséré dans la syntaxe française n'a aucun fonctionnement syntagmatique, mais essentiellement paradigmatic. Nous avons vu que le verbe ignore la flexion, ce qui signifie que du point de vue des transformations syntagmatiques, le verbe tout comme le substantif du reste, ne se sent pas concerné par les affixes grammaticaux.

(9). a. Directer a *voyaji* kenya. // Le directeur a voyagé hier. //

b. Directer a *voyaji* jon ta. // Le directeur voyage tout à l'heure. //

c. Binkel gorgo do a *deranja* min foore. // De tout temps ce garçon me dérange. //

d. Maladi dume don *deranja* gorgo do ? // Cet homme est menacé par quelle maladie ? //

Dès lors, on comprend que la valeur d'une occurrence du lexique *franfulfulde* n'est pas dans sa capacité d'entrer en voisinage avec les autres signes, mais bien plus d'entretenir un rapport de substituabilité avec les mots français correspondants dans la langue.

Parler *franfulfulde*, c'est tout simplement convertir dans la chaîne parlée le mot français en un mot peul. Comprendre le *franfulfulde*, c'est choisir, à certains moments de la chaîne parlée, des mots français qu'on substitue aux mots peuls ou inversement. Ce faisant, la *relation correspondantiste* (Morris, 1938 : 65) ou référentielle est contestée dans sa bi-univocité classique sa/sé puisqu'elle se dilate en une structure tri-relative :

Signifiant 1 (français) ➡ *Signifiant 2* (fulfulde) ➡ *Signifié*.

En effet, dans le procès sémiologique en *franfulfulde*, le signifiant en français ou en fulfulde ne renvoie pas directement à un signifié, il entre d'abord en relation de traduction ou de substitution avant de référer au signifié. Voilà pourquoi, une phrase *franfulfulde* est incompréhensible si l'auditeur ou le lecteur ne connaît pas le sens des unités françaises ou fulfulphones qu'elle renferme. Le locuteur et l'allocutaire doivent tous deux avoir des compétences en français ou en fulfulde.

Par ailleurs, quand on sait que le sens se définit par la place du signe dans le système- donc qu'un mot *n'a pas de signification*, (*qu'il*) *n'a que des usages* (Baylon et Fabre, 1975 : 126)- que l'entourage linguistique d'un mot permet de lui attribuer un sens plutôt qu'un autre, on peut affirmer que la phrase *franfulfulde* qui ne se comprend qu'après traduction est une tentative d'inversion du discours en langue. Cette situation provoque en effet une sorte de dialectique entre langue et discours, entre un lexique par exemple, qui revendique son sens dans la langue (traduction), son sémantisme pur, non altéré, et une structure phrastique qui, par la nature de son fonctionnement, modifie, sélectionne et articule le potentiel sémique de ses unités.

En d'autres termes, dans une phrase française comme *Pierre a reçu un coup sur la cafetière* (c'est-à-dire sur la tête), on ne peut pas comprendre le sens de *cafetière* dans sa pure référentialité. Il tire son sens du voisinage avec les autres éléments. Le sens est généré par une combinatoire de toutes les unités phrastiques, agencement qui est une sorte de consentement à l'appauvrissement puisque chaque signe perd un peu de son contenu sémique au profit de l'ensemble. C'est pourquoi, Tesnière (1965 : 12) affirme :

Comprendre une phrase, c'est saisir l'ensemble des connexions qui en unissent les différents mots, [et] la connexion est indispensable à l'expression de la pensée. Sans la connexion, nous ne saurions exprimer aucune pensée

continue et nous ne pourrions qu'énoncer une succession d'images et d'idées isolées les unes des autres et sans lien entre elles.

La phrase française « mâtinée » du *fulfulde* ne se comprend qu'en raison directe de la capacité de l'allocutaire de traduire au fur et à mesure en français ces irrptions détonnantes dans la syntaxe française. Si le signifiant *franfulfulde* ne renvoie pas d'abord à un signifié, mais à un autre signifiant, traduction du premier, on pourrait dire que la phrase *franfulfulde* est un simple jeu dont l'enjeu relève plus d'une sémiotique de la communication que d'une sémiotique de la signification, même si le communicatif et le significatif participent à l'édification de la totalité sémiotique.

2.3. La dimension pragmatique

De prime abord, il importe d'établir la nuance qui existe en sémiotique entre la communication et la signification. En effet, la question de la communication concentre les divers types d'interaction que les signes permettent entre les individus. Par contre, la question de la signification, quant à elle, rend compte du contenu de signes considérés en eux-mêmes (cas des interprétants immédiats). Toutefois, les deux domaines s'articulent : on a un objet premier, le sens immédiat qui est prolongé par d'autres *interprétants* qui assurent le branchement du signe sur l'expérience des interprètes. Une tendance fréquente est de définir la sémantique comme l'étude de cet objet premier et d'abandonner à la pragmatique « les aspects biotiques de la semiosis, c'est-à-dire tous les phénomènes psychologiques, biologiques et sociologiques qui apparaissent dans le fonctionnement des signes. » (Morris, 1938 : 45)

À la syntaxe et à la sémantique, la pragmatique vient s'ajouter pour assurer la *complétion* de l'édifice sémiotique. En effet, la créativité chez le locuteur du *franfulfulde* n'est pas uniquement animée par le besoin de communiquer un message ; le *franfulfulde* apparaît avant tout comme un contrat ludique, un jeu réglé, le plaisir d'être ensemble entre camarades et copains de classes ou d'établissement, de parler et de s'écouter parler. Ce plaisir de la conversation, du dialogue est visible à l'attrait d'un style (truffé de français et de *fulfulde*: *peer am, meer am*), ou à d'autres formes de parodie d'extraction exotique et énigmatique : *pater am, mater am* respectivement employés pour *père, mère*, sont des créations purement ludiques et esthétiques.

En outre, le *franfulfulde* apparaît comme un phénomène discriminatoire ; il est réservé à une classe de jeunes gens entre quinze et vingt-cinq ans qui ont envie de marquer leur différence, de montrer qu'ils sont entre eux et qu'ils peuvent s'exprimer en toute liberté, en toute confiance, en toute complicité et en toute complicité. Sous ce rapport, le *franfulfulde* a également une fonction phatique, il est la manifestation de la conscience de groupe, groupe de toutes les complicités dont le *franfulfulde* est le mot de passe qui rassure qu'on est bien entre gens de même bord.

Bien plus, le *franfulfulde* est aussi la manifestation d'un besoin de liberté. C'est pourtant vrai, comme l'affirme Strawson (1950 : 54), que

La créativité est une propriété inhérente aux langues naturelles, mais non liée à l'acte d'énonciation qui permet au locuteur l'exploitation des ressources sémantiques considérables, soit pour modaliser, nuancer... soit pour choisir la manière de communiquer du sens.

À l'analyse, le *franfulfulde* est loin d'être regardé seulement comme simple interférence linguistique. À en croire Fosso (1999 : 193), « c'est un processus destructivo-constructif, une opération de mutilation et de construction dont les motivations sont bien au-delà de l'esthéticité, ou de la poéticité. » En effet, la quasi-totalité des enseignants de français des lycées et collèges dans le septentrion camerounais sont unanimes pour reconnaître que le niveau en français est de plus en plus bas, que l'orthographe au premier cycle est une épreuve redoutée, que les copies de séquence ou d'examen au premier cycle comme au second sont le lieu d'un « macaronisme » (copies truffées de fautes extrêmement graves). Aussi vous diront-ils que les élèves ne lisent plus, accaparés qu'ils sont par l'organisation des bals de jeunes, par les excursions d'agrément, les médias, les concerts, les concours de danse, etc. Ainsi, complètement installés dans le divertissement et la paresse, nos élèves sont-ils devenus incapables de faire une rédaction ou une dissertation de qualité : pauvreté du vocabulaire, conjugaison déconcertante, niveau de langue vulgaire et ordurier.

Par ailleurs, l'on ne doit pas perdre de vue que le *franfulfulde*, pour ces apprenants francophones, semble être une sorte de révolte contre les contraintes représentées par

les normes de la langue française établies par les différentes grammaires : bon usage, grammaire raisonnée, grammaire normative ou traditionnelle, grammaire générative, etc. En inondant la syntaxe de la langue française de mots peuls dans leur logique, ces élèves croient la relativiser, la bafouer ou la désacraliser. Cette logique à la fois psychologique et psychopédagogique est en réalité une fuite qui ne résoud aucun problème. Le français dans notre sous système éducatif est la langue de base. Elle reste une discipline quasi incontournable dans les lycées et collèges.

L'effort et le temps que les élèves consacrent au défi, c'est-à-dire à la création et à l'enrichissement du *franfulfulde* représentent une déperdition d'énergie qu'ils devraient consacrer à l'orthographe et à la composition française, épreuves redoutables qui ne seront, malheureusement pour eux, jamais supprimées ni de leur programme de formation, ni des examens officiels, du moins tant que le français restera pour beaucoup de camerounais la langue officielle.

Conclusion

En somme, lorsqu'on se penche sur le phénomène *franfulfulde* on découvre qu'en réalité, il est un parler hybride et libre, très vivant et ouvert, en plein essor dans le septentrion camerounais, intégrant à la syntaxe française le fulfulde. Le *franfulfulde* recouvre en fait une réalité plus riche et dense qu'on ne l'atteste. Et pour nous, le terme *franfulfulde* pour désigner cette richesse nous semble impropre. Ce que nous avons appelé *franfulfulde* est en réalité le *sabir* nord camerounais. Le *sabir* selon Marouzeau (1951 : 68) est un « parler résultant d'un mélange de français et de provençal, d'espagnol et de catalan, de grec, d'italien et d'arabe en usage dans les ports de la Méditerranée ; par extension toute langue consistant dans un mélange. » Bien plus, le *sabir* n'est utilisé que pour des relations épisodiques, à l'objet limité, particulièrement pour les échanges commerciaux ; le *sabir* nord camerounais est restreint aux milieux scolaires et universitaires. Et comme nous avons pu le constater, il a une structure grammaticale mal caractérisée ou inexistante, et un lexique pauvre, limité aux besoins qui les ont fait naître et qui assurent leur survie.

Au-delà de ces besoins, et outre, son côté ludique, du plaisir qu'il offre et de la conscience de groupe qu'il développe, le *sabir* nord camerounais donne à ses usagers, il nous a semblé être fondamentalement une volonté de se poser, de se libérer. Pris ainsi, il est le marteau heideggerien utilisé pour défoncer illusoirement la langue et le monde : le monde des lois, de la discipline, des règles, des diplômes, critères prioritaires d'insertion sociale. Dans cette perspective, la langue française centrale n'a rien à craindre de ce phénomène, car il est beaucoup plus un style de vie qu'une volonté de créer une langue concurrentielle ; si l'on veut, il est plus une philosophie existentielle qu'une langue véhiculaire.

REFERENCES

1. Baylon Ch., Fabre P. *Initiation à la linguistique*. Paris: Nathan, 1975.
2. Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*. Paris: Gallimard, 1966.
3. Charaudeau P. *Langage et discours. Eléments de sémiolinguistique (théorie et pratique)*. Paris: Hachette, 1983.
4. Chomsky N. *Structures syntaxiques*. La Haye: Mouton et Co, 1957.
5. Dubois J., et al. *Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage*. Paris: Larousse, 1994.
6. Fosso Le camfrançais : une praxéogénie complexe et iconoclaste, *Le français langue africaine. Enjeux et atouts pour la francophonie*. Paris: Publisud, 1999.
7. Guillaume G. *Langage et sciences du langage*. Paris: Niset, 1964.
8. Gumperz J.J. *Sociolinguistique interactionnelle, une approche interprétative*. Paris: L'Harmattan, 1989.
9. Latraverse F. *La Pragmatique*. Bruxelles: Pierre Mardaga, 1987.
10. Marouzeau J. *Lexique de la terminologie linguistique*. Paris: Geuthner, 1951.
11. Martinet A., *La linguistique synchronique*. Paris: PUF, 1965.
12. Martinet A. *Eléments de linguistique générale*, Paris, Armand Colin, 1967.
13. Mendo Ze G. *Une crise dans les crises : le français en Afrique noire, le cas du Cameroun*. Paris: ABC, 1992.
14. Morris W. Ch. *Foundations of the theory of signs*. Chicago, 1938.

15. Saussure F. (de) *Cours de linguistique générale*. Paris: Payot, 1965.
16. Sourdou M. Morphologie et syntaxe du français, *Langue française*, n° 35, 1977. Pp.41-46.
17. Strawson P.Fr. On Referring, *Mind*, vol 10, n° 235. 1950.
18. Tchekhoff Ch. La prédication, *Langue française*, n° 35, 1977. Pp.47-55.
19. Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris: Klincksieck, 1965.
20. Valin R. *Introduction aux Leçons de linguistique de Gustave Guillaume*. Québec: PUL, 1971.

УДК 811.111'25:811.161.1'25

ББК Ш143.21-8+Ш141.12-8

Ю. Б. Кайгородцева, О. В. Нагель

Томск, Россия

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА НА МАТЕРИАЛЕ ИНАУГУРАЦИОННЫХ РЕЧЕЙ БАРАКА Х. ОБАМЫ И В. В. ПУТИНА

АННОТАЦИЯ. В данной статье представлена идея культурологической вариативности перевода отдельных слов, словосочетаний, речевых сегментов, несущих важную семантическую нагрузку для американского президентского дискурса. Обращается внимание на то, каким образом и в какой степени культурные особенности национального политического дискурса отражены в торжественных речах рассматриваемых политических лидеров. Исследуется то, как в аспекте культурологического фокуса переводчику удается адаптировать семантику англоязычных речевых оборотов к языковым традициям и нормам русского слога, культурным моделям русской политической среды, в частности, в ситуации инаугурационного обращения президента к нации. В статье анализируются переводческие трансформации, культурная и коммуникативная эффективность их применения с целью преодоления межкультурного барьера в межъязыковой коммуникации. Утверждается, что несмотря на идею о семантической идентичности двух текстов, которая лежит в основе перевода, культурные различия, стоящие за этими текстами, часто приводят к неожиданности между ними, в частности, на лексическом уровне. В статье выявлено, что характер политического американского и русского инаугурационного дискурса в целом обладает рядом общих черт, но на уровне отдельных лексических единиц и языковых оборотов, которые являются языковой объективацией культурной модели национального политического дискурса, возможно наблюдать определенные различия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инаугурационный президентский дискурс, переводческие трансформации, культурологическая модель перевода

Сведения об авторах: 1. Юлия Борисовна Кайгородцева, студент магистратуры, факультет иностранных языков, Национальный исследовательский Томский государственный университет, адрес: г. Томск, 634050, Российская Федерация, ул. Ленина, 36; e-mail: yuliabk@yahoo.com.

2. Ольга Васильевна Нагель, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета, адрес: г. Томск, 634050, Российская Федерация, ул. Ленина, 36; e-mail: olga.nagel2012@yandex.ru.

Y. B. Kaygorodtseva, O. V. Nagel

Tomsk, Russia

CULTURAL ASPECT OF TRANSLATING INAUGURAL ADDRESSES (BASED ON ADDRESSES OF B. OBAMA AND V. PUTIN)

ABSTRACT. This article conveys the idea of culture based variation in translating of separate words, collocations, speech units which carry an important meaning for American presidential discourse. Special attention is given to the manner and extent of national cultural features reflection in inaugural address of the political leaders considered. The research focuses on the cultural aspect of translation and adaption of semantics of the English speech patterns to the traditions and standards of Russian phraseology, cultural models of Russian political environment, particularly, in the context of inaugural presidential address to the nation. Translation transformations, their cultural and communicative efficiency together with their aim to overcome the cross-cultural barrier within the interlingual communication are analyzed. The article claims that in defiance of semantic identity of the two texts, there are cultural differences standing behind them, often leading to the diversity in their translation, especially on a lexical level. The article reveals the idea that the nature of Russian and American political inaugural discourse has a number of common features, meanwhile some lexical units and expressions reflecting cultural model of national political discourse still vary.

KEY WORDS: inaugural presidential discourse, translation transformations, cultural model of translation.

About the authors: 1. Olga Vasilievna Nagel, PhD, Associate Professor, of the Department of

Foreign Languages, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; e-mail: yuliabk@yahoo.com.

2. *Yulia Borisovna Kaygorodtseva, MA student of the Department of Foreign Languages, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; e-mail: olga.nagel2012@yandex.ru.*

Введение

Значение перевода в современном мире трудно переоценить. Несмотря на стремительное развитие информационных технологий и широкие возможности, которые открывает машинный перевод, «живой» перевод по-прежнему актуален ввиду многоаспектного характера межкультурного взаимодействия. Перевод – это прежде всего постоянное взаимодействие двух культур и посредством языковых манипуляций переводчик ориентирован на передачу уникальных особенностей и закономерностей каждой культуры, вовлеченной в коммуникацию независимо от сферы деятельности. Так, например, в политическом дискурсе, который является объектом данного исследования, имеется своя особенная лексика, характерно большое количество клише, наименований исторических реалий, собственных имен, связанных с культурной жизнью страны. Например, фразеологизм *long hot summer* означает букв. «долгое жаркое лето». Данное клише, возникшее в 1966 году во время небывалого подъема борьбы негров США за свои гражданские права, в настоящее время употребляется вместо слова *riots* – волнения, бунты. Так же речи политиков не лишены эмоционально-окрашенных элементов, образных выражений, синтаксических фигур, отражающих культурное языковое наследие страны. Так, новый термин *sleeper* (ранее *dark horse*) иногда употребляется вместо обычного термина *surprise victor* – неожиданный победитель (на выборах).

Перевод политических текстов в целом, вне привязанности к какой-либо отдельной стране, предполагает специальный подход к переводу за счет того, что в них присутствуют разные языковые средства, несущие культурный колорит данной страны: метафоры, фразеологизмы, метонимические структуры, поговорки (например, популярная метафора «перезагрузки» - *to hit the reset button; seek to sow conflict* – посеять семена конфликта).

В нашем исследовании мы рассматриваем культурно-языковую специфику политической коммуникации на примере инаугурационной речи и поднимаем вопрос о необходимости развития культурной компетенции переводчиков в данном аспекте.

По справедливому замечанию А. Вежбицкой: «Анализ культуры может обрести новые идеи из лингвистики, в частности из лингвистической семантики, <...> семантическая точка зрения на культуру есть нечто такое, что анализ культуры едва ли может позволить себе игнорировать» [1. С. 13-14]. Поскольку составляющие картины мира у разных народов разные, а картина мира отражается в языке, постольку расхождения наблюдаются во многих языковых аспектах. Кроме того, очень часто проблемы перевода (особенно в политическом контексте) связаны с новым, меняющимся взглядом на культуру и мир в целом. «Под влиянием ценностной проблематики произошли и продолжают происходить содержательные и структурные преобразования и внутренняя дифференциация всех разделов, направлений и уровня философского знания в целом» [2. С. 155]. Сегодня вопросы патриотизма, духовной культуры, национального самоопределения, свободы и ответственности стоят во главе угла научно-философской мысли [3. С. 398-416], [4], [5], [6]. В ряде зарубежных университетов представлены отдельные факультеты, на которых изучаются вопросы национализма (Central European University, Boston University, University of Edinburgh, London School of Economics).

В теории перевода культурному компоненту коммуникации уделяется особое внимание. Существующая культурологическая концепция перевода акцентирует внимание на значимости культурной составляющей коммуникации и предлагает возможные решения некоторых актуальных переводческих задач. Одной из таких задач является прагматическая адаптация исходного текста [7. С. 102-108], вызванная присутствием, и отсюда – необходимостью снятия, в межъязыковой коммуникации межкультурного барьера (культурного компонента), который возникает вследствие несовпадения фоновых знаний разноязычных коммуникантов, а также из-за различия речевых норм ИЯ и ПЯ. О прагматической адаптации писал Е.В. Бреус, отмечая, что, поскольку исходный текст переадресовывается

иноязычному получателю, располагающему другим объемом фоновых знаний, то в тексте появляются поправки на социально-культурные и психологические различия между получателем оригинального текста и текста перевода [8. С. 106]. Переводчик переадресовывает сообщение иноязычному слушателю, вводя поправку на эти различия. Согласно А.Д. Швейцеру, переводчик «стремится найти не просто смысловые эквиваленты, т. е. единицы, обозначающие те же явления действительности, а те функциональные соответствия, которые способны вызвать у иноязычного получателя реакцию, сходную с той, которую данное сообщение вызывает у тех, кто читает или слышит его в подлиннике» [9. С. 242].

Для эффективной переадресации сообщения иноязычному слушателю при переводе используются различные переводческие приемы, к которым можно отнести перефразирование (*I will never do it again as long as I live - Я никогда в жизни больше этого не сделаю*); антонимический перевод (*shouldn't be underestimated - трудно переоценить*); конверсию (*Оратор устало замолчал - The tired speaker was silent*), поясняющий перевод (ввод неизвестной информации непосредственно в текст ПЯ), примечания. Прагматическую адаптацию возможно также осуществить с помощью таких приемов, как опущение (*They say - Говорят, you see - понимаешь*), добавления/распространения (*Он подарил эти часы матери - He gave this watch to his mother*) и уподобление (*He glanced up just to see a stranger - Он взглянул наверх и в этот момент увидел незнакомца*).

В ситуации политической коммуникации, перевод президентских речей безусловно представляет определенные трудности. Удачный, адекватный перевод подобного рода текстов зависит не только от лингвистической подготовки переводчика, но и от экстралингвистической информации, которой он обладает. Жизнь мирового сообщества во многом определяет саму лингвистическую культуру, которую коротко можно охарактеризовать как способность осуществлять диалог с представителями разных культур, учитывая все нормы и ценности, установленные и принятые в них, и действуя в соответствии ожидаемым культурным моделям [10. С. 71-76].

Теории, посвященные культурным моделям, исследовались в работах Д. Холланд, Н. Куинн, А. Вежбицкой, Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, Т. В. Лариной, Б. Шора, С. Левинсона, Г. Палмера и др. Центр СоциоКогнитивных Исследований Дискурса МГЛУ дает следующее определение культурной модели: «это способ организации культурных знаний; структуры знаний и модели поведения, которые отличают одну культуру от другой. <...> культурные модели реализуются в артефактах культуры, традициях, в особенностях повседневного поведения; они имеют выход в язык и лежат в основе семантики языковых единиц и выражений» [11].

В рамках нашего исследования мы остановимся на языковой объективации некоторых **культурных моделей** в контексте американских и российских политических речей.

Методы исследования

Прежде чем перейти непосредственно к анализу исследовательского материала рассмотрим российский и американский политический дискурс, а именно жанр инаугурации, в аспекте наличия в нем языковой объективации универсальных и культурно специфичных явлений.

Замечено, что среди исследователей нет общепринятого определения языка политики (Т. В. Юдина, А.П. Чудинов, П.Н. Денисов, П.Б. Паршин, О.И. Воробьева, Н.А. Герасименко, П.Н. Миронова). В данном исследовании мы придерживаемся точки зрения голландского лингвиста Т.Ван Дейка (T.van Dijk), который дает узкое определение политического дискурса. Исследователь считает, что политический дискурс – это класс жанров, ограниченный особой социальной сферой, а именно политикой. Дискурс является политическим, когда он сопровождает политический акт в политической обстановке. [12].

Одной из таких политических обстановок несомненно является инаугурация. **Инаугурация** – это торжественная процедура вступления в должность главы государства. Церемония присуща республиканскому строю, и широко известна именно американская процедура данного ритуала. За всю историю Америки данная процедура проходила свыше 50-ти раз, поэтому многие страны переняли данную

традицию, в том числе и Россия.

Представим, какие культурно-языковые особенности присущи этому речевому жанру в американской и российской политической обстановке.

Инаугурация в США – это праздник американской государственности, к подготовке которого относятся очень серьезно, для проведения которого организуется инаугурационный комитет. Стоит отметить активное участие и самих президентов в разработке церемонии инаугурации. Так, первый президент Дж. Вашингтон в значительной мере повлиял на формирование процедуры вступления в должность президента. В церемонии инаугурации остались слова Дж. Вашингтона после принесения первой в американской истории и присяги, которые стали впоследствии обязательным атрибутом инаугурации: *«Клянусь в этом, и да поможет мне Бог!»*.

Отличительной особенностью инаугурации американских президентов является сочетание гражданских деталей церемониала с религиозно-духовными символами. Поэтому в инаугурационных речах можно встретить цитаты из Библии, библейские образы. Американские президенты не только цитируют Библию [13. С. 353, 458, 254], они сами пишут молитвы и начинают инаугурационную речь с прочтения собственного обращения к Богу. В кульминационной заключительной части инаугурационного выступления президенты обращаются к Богу со словами о помощи. Так, например, Ф. Д. Рузвельт в свое время произнес: *«Пока на мне этот долг, я все сделаю для выражения его целей и исполнения его воли, прося наставления Божия. Да поможет Он всем и каждому из нас просветить пребывающих во тьме, и да наставит нас на мирный путь!»* [14. С. 394].

В некоторых случаях инаугурационную речь можно сравнить с проповедью, поскольку содержание речи концентрируется на объектах, имеющих вневременную значимость для слушателей, разделяющих единые ценности (примером может служить цитата в предыдущем абзаце).

Значение торжественных инаугурационных речей трудно переоценить, поскольку содержание ораторской речи может изменить ход истории, способно изменить духовное состояние общества и дает импульсы к направленному изменению общественной жизни.

Задачи, которые ставят перед собой инаугурационные выступления американских президентов, состоят в объединении нации и акцентировании традиционных ценностей. Г.Г. Почепцов пишет о том, что первый анализ инаугурационных речей американских президентов был сделан в 1937 году. Исследователи изучали, как семантически представлены четыре категории общих национальных символов [15. С. 239]: **подлинный** (форма правительства, Америка, моя / наша страна и т.п.), **историческая отсылка** (великое прошлое, предки), **фундаментальные концепты** (Бог, Конституция, свобода), **сегодняшнее благополучие и ожидание** (уверенность в будущем). Такие категории символов со временем стали структурообразующими элементами инаугурационных речей американских президентов.

Если говорить в целом, «для англоамериканского [политического] дискурса ... актуальна алмондовская постановка проблемы: каковы политико-культурные условия стабильной демократии и как можно их воспроизвести в странах, вступающих на путь демократизации? В российском же контексте вопросы стоят иначе: каковы возможности и пределы преобразования политической культуры и как особенности политической культуры объясняют трудности и неудачи «демократического транзита?»» [16. С.17].

В качестве демонстрации присутствия культурного отличия в политической жизни Америки и России Л.В. Смехов отметил: «В России церемония инаугурации проходит в Кремле, на ней присутствуют только высшие государственные чиновники. Практики проведения данной церемонии с допуском всех желающих в России нет. В США, опыт которых в основном использовался при создании российского института президентства, церемония инаугурации проходит перед Белым Домом и, помимо представителей власти, на ней может присутствовать любой желающий, купивший билет. Основываясь на этом, можно предположить, что институт президентства в России более закрыт от электората, чем американский, и российский президент в своей работе опирается в большей степени на мнение правительства, а американский – на мнение своего народа» [17].

С. 180-181].

Говоря о политической риторике Б. Обамы А.А. Константинова отмечает, что [18. С.7-13]: «публичные выступления этого политического деятеля свидетельствуют о его сложившемся ярком ораторском стиле. <...> эффективность риторики во многом зависит от умения оратора сочетать в своих речах рациональное и эмоциональное. Так, у Б. Обамы наблюдается эффективная комбинация средств влияния на эмоциональную и когнитивную сферу человеческой личности, причем, в некоторых случаях прием воздействия на чувства заменяет анализ понятий, аргументацию, логические умозаключения. В следствие этого, риторика Б. Обамы образна, вдохновенна, наделена эмоциональной выразительностью, полна художественных приемов. Перечисленные эстетические качества речи политика обеспечивает и активное использование паремий». В своей статье Константиновна отмечает, что паремии, пословицы, устоявшиеся фразеологические единицы – характерная черта публичной риторики президента, средство поддержания его политической позиции. А пословицы, паремии, фразеологические единства есть не что иное, как своего рода «культурные конструкции», не случайные знаки, но конструкции, порожденные культурой народа. («A house divided against itself cannot stand», «United we stand, divided we fall», «Do unto others as you would have them do unto you») [18. С.7-13].

Что касается, российского лидера В. Путина, то по заключению Бабича Н.Г., паремии и фразеологические единицы в его речах – это средства экспрессивности прежде всего президентского *интервью*. Бабич Н.Г. отмечает, что обилие «метафорических моделей и различных видов паремий, поговорок и пословиц, ... помогает создать эффект интимизации общения и приводит дискуссии Президента в плоскость гармоничного или иронического дискурса» [19. С. 11].

Обращаясь к политической риторике В. Путина, следует отметить, что он часто старается вызвать патриотические чувства граждан, дать им надежду на позитивное будущее: «Здесь в Кремле – сосредоточие нашей национальной памяти. Здесь, в стенах Кремля, веками вершилась история нашей страны, и у нас нет права быть "Иванами, не помнящими родства". Мы не должны забывать ничего, мы должны знать свою историю, знать ее такой, какая она есть, извлекать из нее уроки, всегда помнить о тех, кто создал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим государством. Мы сохраним эту память, и мы сохраним эту связь времен, и все лучшее из нашей истории мы передадим потомкам» (В. Путин, 2000). Рассуждая о патриотизме в речевом дискурсе президента, В.А. Калинин отмечает: «... в риторике «Единой России» предпочтение отдается терминам «патриотизм» и «консерватизм», «национализм» имеет негативные коннотации» [20. С. 93]. Тем не менее, обратим внимание, что в речи В. Путина [21] по отношению к России используется слово «цивилизация»; «великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию». В статье президента 2012 года «Россия: национальный вопрос» довольно часто упоминается термин «нация». То есть, выявление культурологических черт российского президентского дискурса и его риторики представляет определенный исследовательский интерес из-за упомянутых выше несовпадений.

В целом, речь В. Путина выдержана в деловом стиле, логически выстроена и менее богата в эмоциональном плане, нежели речь Обамы. Российский лидер старается говорить сжато, жестко и четко, с целью убедить слушателя в неэмоциональности принятия важных государственных решений, а так же с целью создать атмосферу спокойствия и стабильности.

Таким образом, можно отметить, что существует ряд отличий политической коммуникации рассматриваемых стран, которые необходимо учитывать при переводе для более эффективной передачи политических настроений.

Исследование

Обратимся к анализу перевода отрывка инаугурационной речи 44-го американского президента Барака Х.Обамы, произнесенной им в 2009 году, рассмотрим наличие в ней языковой реализации культурных моделей, о которых мы говорили выше и проанализируем используемые переводческие решения. Прежде всего нас интересуют данные трансформации с точки зрения того,

насколько они мотивированы ориентацией на присущие в русском президентском дискурсе проявления культурно-специфичных моделей. В связи с чем, в анализе перевода американской инаугурационной речи мы обращаемся к оригинальным речам русских политических деятелей (В. Путина и Д. Медведева).

Прежде всего, хотелось бы отметить, что в анализируемом нами переводе отрывка инаугурационной речи американского президента безусловно присутствует достаточно переводческих трансформаций, многие из которых подчас носят чисто грамматический характер. Например, *the words have been spoken... – ee [присяги] слова звучали...; the oath is taken – присяга звучала; for everywhere we look, there is work to be done – работа найдется для каждого*. Переводчику постоянно приходится решать, какими элементами оригинала можно пожертвовать, чтобы сделать возможным полноценное воспроизведение других, коммуникативно значимых его частей. На трансформациях, не несущих культурно-специфический характер, мы не будем останавливаться, они не требуют особого комментария, поскольку не относятся к постановке нашей проблемы.

Рассмотрим первый абзац инаугурационной речи Барака Х.Обамы и его подстрочный и адаптированный перевод (см. Пример 1).

Пример 1

оригинал

My fellow citizens!

подстрочник

Мои сограждане!

адапт. перевод

Дорогие сограждане! [22]

В самом первом предложении переводчик использует «нулевой перевод», опуская местоимение «*my*». Смысл предложения, при этом, не нарушается и не вызывает недоумения у русского слушателя. Традиционно считается, что в английском языке притяжательные местоимения чаще употребляются там, где в русском – только подразумеваются, например: *He hurt his leg – Он поранил ногу*. Все три инаугурационные речи В.В. Путина начинались в том же ключе и с отсутствием каких-либо притяжательных местоимений: «*Уважаемые граждане России! Дорогие друзья!*» (В. Путин 2000, 2004, 2012). Стоит отметить, что одно из значений английского слова «*fellow*» – товарищ, друг, собрат, приятель [23.]. Однако в переводе эта компонента значения опускается в силу того, что словосочетание «*fellow citizens*» уже имеет устоявшийся способ перевода. «Такие единства (сочетания) являются неотъемлемой частью английского языка, и знание этих словосочетаний – залог адекватного перевода всего высказывания» [24. С. 73]. С культурологической точки зрения достаточно того, что в той и в другой речи сохраняется прилагательное «*дорогие*», которое семантически вмещает в себя значение «дружественности».

В следующем предложении (см. Пример 2) при переводе обстоятельства места идет замена «*here*» на «*перед вами*», что оправдывается стремлением переводчика подчеркнуть преданность нового президента своим обязанностям и своему народу, перед которым выступает. В подсознании многих российских граждан президент, как правило, адресует свою речь ко всем и одновременно к каждому, а не просто стоит «здесь», на президентском поприще: «*Сегодня я обращаюсь к вам, именно к вам*». (В. Путин 2000).

Пример 2

оригинал

I stand here today humbled by the task before us, grateful for the trust you have bestowed, mindful of the sacrifices borne by our ancestors.

подстрочник

Я стою здесь сегодня присмирившись задачей перед нами, благодарный за доверие, которое вы даровали, помнящий о жертвах, претерпленных нашими предками.

*адапт.
перевод*

Я стою перед вами сегодня, полностью сознавая грандиозность стоящих перед нами задач, испытывая глубокую признательность за оказанное мне доверие и вспоминая жертвы, которые принесли наши предки.

Далее в этом же отрывке, при переводе оборота «humbled by the tasks before us» можно проследить пример трансформации, оправданной культурологическими различиями в политической речи двух президентов. Причастие humbled означает «присмиривший», от слова humble «скромный, робкий, смиренный» [25]. А теперь сравним перевод этого оборота в речи американского президента: «...*полностью сознавая грандиозность стоящих перед нами задач*» с фрагментом речи российского лидера: «*Я понимаю, что взял на себя огромную ответственность...*» (В. Путин 2000). Можно сделать вывод, что для русского слушателя/ избирателя недопустимо видеть лидера государства нерешительным, робким, колеблющимся в принятии решений, – отсюда и перевод, который более близок к патетике инаугурационной речи российского президента.

В стремлении придерживаться конвенциональных норм русского языка, переводчик применяет такие трансформации, как «добавление» и смену залога глагольной формы. «*Я стою, <...> испытывая глубокую признательность за оказанное доверие...*». Действительно, у русскоговорящего слушателя уже на слуху, что если речь идет о чье-то выражаемой признательности, то она непременно искренняя или же глубокая: «*Вы поверили, что вместе мы сможем изменить нашу жизнь к лучшему. Я глубоко признателен вам за это...*» (В. Путин 2000). Точно так же благодарность именно за «оказанное доверие», а не за то, что кто-то оказал доверие другому субъекту, привычнее воспринимается русским человеком (хотя для синтаксиса английского языка более характерно использование активного залога в предложениях такого типа).

Интересно отметить лексическую трансформацию в следующем отрывке (Пример 3).

Пример 3
оригинал

I thank President Bush for his service to our nation... as well as the generosity and cooperation he has shown throughout this transition.

подстрочник

Я благодарю президента Буша за его службу нашей нации... так же как и за великодушие и сотрудничество, которое он показал на протяжении этого этапа.

адапт. перевод

Я благодарен президенту Бушу за его служение нашей стране, а также за его великодушие и сотрудничество на протяжении всего периода передачи власти.

Слово *nation* вполне можно перевести русским словом «страна» [26], поскольку любую страну населяет какая-либо нация. Согласно частотному словарю современного русского языка О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова, лемма «страна» в русском контексте используется чаще, чем «нация» [27]. Границы России обширны и количество национальностей ее населяющих так же велико. Это слово чаще употребляется в военных песнях, поэтических произведениях, и понятие «нация» как бы уже включено в «страну», как нечто нераздельное. Русскому человеку не раз приходилось слышать фразы «Россия – великая страна», «Россия – самая большая страна в мире», «Вставай, страна огромная...» и т.д. С лингвокультурологической точки зрения термин «страна» при переводе напрашивается сам по себе. Тем не менее, в инаугурационных речах В. Путина присутствуют вариации на эту тему, он по-разному может именовать Россию: «*Я также рассчитываю найти в этом патриотическом деле помощь сограждан России, всех, кому дорога судьба нашего Отечества*», «*Убежден, что вы голосовали <...> за процветающую и сильную Россию*», «*Здесь, в стенах Кремля, веками вершилась история нашей страны...*», «*у нас одна Родина, один народ...*» (В. Путин 2000). «*Мы вместе прошли большой и сложный путь, поверили в себя, в свои силы, укрепили страну, вернули себе достоинство великой нации*» (В. Путин 2012).

Но для такого государства как США с его географическими границами, делением территории на штаты, понятие «нация» несомненно превалирует над «страной». Население современных США довольно неоднородно по расе, этническому происхождению и религиозному исповеданию. Тем не менее, их объединяет то, что все они – американцы, граждане страны со сложившейся историей, ценностями и традициями. В выступлениях американских политических лидеров часто говорится об уникальности и могуществе американской нации, что

является эффективным способом установления благоприятных взаимоотношений с аудиторией, например:

America became the world's mightiest industrial power [28. С. 298]. We are the nation that has a government - not the other way round. And this makes us special among the nations of the earth [29. С. 333].

Менталитет населения характеризуется большими амбициями и неисчерпаемой гордостью за свой народ. Именно нации служил Дж. Буш с точки зрения Б. Обамы в его инаугурационной речи. Отсюда можно сделать вывод, что в данном случае переводчик применил прием «конкретизации» в стремлении культурно адаптировать речевое высказывание для русскоязычного реципиента (Пример 4).

Пример 4

оригинал

Forty-four Americans have now taken the presidential oath.

The words have been spoken during rising tides of prosperity and the still waters of peace.

Yet, every so often the oath is taken amidst gathering clouds and raging storms.

At these moments, America has carried on not simply because of the skill or vision of those in high office, but because We the People have remained faithful to the ideals of our forebears, and true to our founding documents.

подстрочник

Сорок четыре американца сейчас (к данному времени) приняли президентскую присягу.

Эти слова произносились во время приливов процветания и спокойных вод мира.

Тем не менее, периодически присяга принимается посреди скопления туч и поднимающихся штормов.

В эти моменты Америка продолжала работу не легко из-за навыков и видения тех, в высоком офисе, но потому что мы, народ, оставались преданными идеалам наших предшественников и честными к нашим основополагающим документам.

адапт. перевод

Сорока четверем американцам выпала честь принести президентскую присягу. Ее слова звучали в периоды растущего процветания и мирного затишья. Но были времена, когда присяга звучала во времена сгущающихся туч и бушующих бурь. В эти моменты Америка продолжала двигаться вперед не только благодаря таланту или видению тех, кто занимал высшие посты, но и потому что «Мы, Народ Соединенных Штатов», хранили верность идеалам своих предшественников и составленных ими основополагающих документов.

В последнем предложении рассматриваемого абзаца (Пример 4) переводчик использует прием расширения для дефиниций «We the People». Эта фраза служит преамбулой к Конституции США [30]. Словарь не дает точного эквивалента такому сочетанию слов. Очевидно, в данной ситуации необходимыми являются фоновые знания переводчика или так называемое «чутье, интуиция». Учитывая, что *People* в оригинале написано с заглавной буквы, можно предположить, что речь идет не просто о людях, но о народе. Далее применяется прием расширения, распространения «*Мы, Народ Соединенных Штатов*», поскольку уровень лексической упорядоченности исходного текста ниже, чем того требует речевая ситуация принимающей стороны. Интересно будет отметить, как в схожем контексте В. Путин характеризует свой народ следующим образом: «Здесь в Кремле - сосредоточие нашей национальной памяти. <...> и у нас нет права быть "Иванами, не помнящими родства» (В. Путин 2000).

Рассмотрим еще некоторые модификации культурно-коммуникативного характера.

Обратимся к последующему отрывку (Пример 5):

Пример 5

оригинал

Today I say to you that the challenges we face are real, they are serious and they are many.

They will not be met easily or in a short span of time. But know this America: They will be met.

подстрочник Сегодня я говорю вам, что вызовы, с которыми мы сталкиваемся – реальные, они серьезные и их много.
Они не будут встречены легко или в короткий промежуток времени. Но знай это, Америка:
они будут встречены (преодолены).

адапт. перевод *Я говорю вам сегодня: стоящие перед нами вызовы – реальные. Они серьезные, и их много.
Их не удастся решить легко за короткий период времени. Но я хочу, чтобы Америка знала
– мы с ними справимся.*

Здесь в первую очередь интересно отметить синтаксис. Его структура в тексте перевода в большей степени удовлетворяет требованиям устного переводческого дискурса. Об этом свидетельствуют средства пунктуации, которые использует переводчик с целью воссоздания логически мотивированной просодии: интонации и размеренной паузации, что в целом дает результат четкого ясного восприятия информации слушателем. На уровне трансформаций мы наблюдаем «нулевой» перевод подчинительного союза *that* (и соответственно модификация союзного предложения в бессоюзное) и глаголов-связок *are*. Графически это находит свое выражение в виде двоеточия и последующего тире. Логично, что весьма короткое предложение на языке оригинала разбивается на еще более короткие, чтобы продолжить цепочку начатых трансформаций. Таким образом, русский слушатель понимает, что новый американский президент не поверхностно относится к проблемам, а осознает их повышенную актуальность и потребность их скорейшего разрешения. Такой тип построения предложений часто встречается в речах российского лидера: «*Прошедшие годы были для нас всех нелегкими. Прямо скажу: они были временем серьезных испытаний*», «*...хочу подчеркнуть: успех и процветание России не могут и не должны зависеть от одного человека...*», «*Убежден: лучшей гарантией такой преемственности является зрелое гражданское общество*» (В. Путин 2004).

Неоднократно отмечалось, что для английского слова «challenges» характерно его положительное восприятие носителями языка. [31. С. 231]. Пусть это и трудность, но ее разрешение в конечном итоге ведет к самосовершенствованию и непременно положительному результату. Адекватный перевод этого слова часто зависит от контекста, но в случае его употребления в инаугурационной речи Б. Обамы переводчик воспользовался основным (нейтральным) вариантом, предлагаемым большинством словарей, – «вызовы», синонимичным «испытания, проблемы» [32]. Вероятно, для русскоязычного реципиента то, что подразумевает собой слово «challenge», это все-таки *проблема, испытание*: нет положительной коннотации. Отсюда и выбор переводческого эквивалента. Варианты перевода слова «challenges» в данном контексте можно почерпнуть, обратившись к фрагментам из речей В. Путина на эту тему: «*Впереди у него сложные и очень ответственные задачи*» (О Д.А. Медведеве) (В. Путин, 2012), «*...нам потребуются решать задачи принципиально иного уровня...*» (В. Путин, 2012), «*Прошедшие годы были для нас всех нелегкими. Прямо скажу: они были временем серьезных испытаний*» (В. Путин, 2004), «*Да, у нас это не первая проверка, очевидно, не последняя, но это испытание...*» (В. Путин, 2000).

Приведем пример фразеологической трансформации (Пример 6).

Пример 6

оригинал

But our time of standing pat, of protecting narrow interests and putting off unpleasant decisions – that time has surely passed.

подстрочник

Но наше время стояния неизменно, защиты узких интересов и откладывания неприятных решений – это время определенно прошло.

адапт. перевод

Но время, когда мы могли позволить себе медлить, отстаивать узкие сиюминутные интересы и откладывать неприятные решения в долгий ящик, – это время, безусловно, осталось позади

Здесь мы обращаем внимание на фразовый глагол *to put off*, который в целом не относится к числу малоупотребляемых, но наоборот, часто используется в речи,

встречается в ряде пословиц и поговорок (*Don't put off till tomorrow what you can do today*) и имеет первичное значение «откладывать, отдалять, отодвигать» [33]. С позиций адекватности прямо-эквивалентный перевод был бы достаточным, но переводчик учел особенности коммуникативной ситуации (дипломатическая сфера общения, политическая тематика) и употребил в переводе устойчивое сочетание, характерное для русского политического дискурса «отложить в долгий ящик».

Результаты

Таким образом, мы можем заключить, что в результате анализа перевода речи американского президента в сопоставлении с речью российского лидера было выявлено, что характер политического инаугурационного дискурса в целом обладает рядом общих черт, но на уровне отдельных лексических единиц и языковых оборотов, которые являются языковой объективацией культурной модели национального политического дискурса, возможно наблюдать определенные различия. Переводчик стремится максимально адаптировать иноязычное сообщение к языковым традициям, установкам и нормам воспринимающей стороны. Коммуникативное приравнивание разноязычных текстов в процессе перевода сопровождается более или менее существенными опущениями, добавлениями и изменениями, которые приводит к более эффективной адаптации перевода. В целом, переводческие трансформации, рассмотренные в нашем исследовании можно категоризировать по нескольким языковым уровням. Так, на лексическом уровне, в английском языке близость президента к народу находит свое выражение в употреблении местоимения «*my*»; в русском политическом дискурсе – в слове «дорогие»; при переводе инаугурационной речи с английского языка на русский неоднократно прослеживается прием расширения значения исходной единицы, иногда преувеличения, а так же прием замены в пользу более емкой в семантическом плане словарной единицы вплоть до того, что исходное высказывание может поменять свою прагматическую направленность; дефиниция «*nation*» в русском политическом дискурсе передается словом «страна»; перевод слова «*challenges*» в торжественной политической речи буквален. На синтаксическом уровне прослеживается тенденция преобразования союзных предложений (в английском языке) в бессоюзные (в русском).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабич, Н.Г. Президентская риторика В. Путина (на примере президентского интервью) // Вестник МГОУ. Серия Лингвистика. – № 6. – 2013. – С. 6-12.
2. Берсиров, Б.М. Формирование лингвистической культуры у студентов в процессе обучения языку // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. педагогика и психология. – 2010. – № 2. – С. 71-76.
3. Бреус, Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: учеб. пособие. – М.: Изд-во УРАО, 1998. – 106 с.
4. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001. – С.13-14.
5. Выжлецов, Г.П. Метафилософия на рубеже веков // Мир философии – мир человека. – М., 2007. – 155 с.
6. Гаврилова, М.И. Инаугурационные речи американских президентов. – // Пресс-служба. Всероссийский специализированный журнал. – № 10. – 2004. – С. 75-81.
7. Гусаров, Д.А. От прагматики высказывания к прагматике перевода // Армия и общество. – 2008. – №4. – С.102-108. – URL: <http://elibrary.ru/download/15527169.pdf> (дата обращения 21.02.2017)
8. Евсюкова, Т.В., Бутенко, Е.Ю. Лингвокультурология. –М.: Изд-во Флинта, 2014. – 231с.
9. Калинин, В.А. Особенности национального дискурса в деятельности политической партии «Единая Россия» // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2016. – Т 16. – Вып. 1. – С. 14-18.
10. Кожинов, В.В. О русском национальном сознании. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2004. – 416 с.
11. Константинова, А.А. Современный американский политический дискурс: паремии в риторике Барака Обамы // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 331. – С.7-13.

12. Кушнарченко, Я.В. Ценностные основания ответственности // Введение в философию ответственности. – Новосибирск, 2007. – С. 19-32.
13. Малинова, О.Ю. «Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе // Политическая наука. – 2006. – №3. – С. 7-30.
14. Перевод инаугурационной речи Барака Х.Обамы. – URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_usa/3356-inauguracionnaja-rech-baraka-obamy.html
15. Почепцов, Г. Методы анализа текстов политических лидеров. – М., 1998. – 239 с.
16. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Официальный сайт партии Единая Россия. – URL: <http://er.ru/news/72442/> (дата обращения 21.07.2016).
17. Слепович, В.С. Курс перевода: учебник для студентов высш.учеб.заведений по специальности «Мировая экономика». – Минск, Тетрасистемс, 2014. – 73 с.
18. Смехов, Л.В. О жанровой идентичности российской президентской инаугурационной риторики. Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2011. – № 1 (62). – С. 180-181.
19. Центр СоциоКогнитивных Исследований Дискурса при МГЛУ. – URL: http://scodis.com/?q=ru/cultural_models (дата обращения 28.07.2016).
20. Швейцер, А.Д. Перевод и лингвистика. Газетно-информационный и военнопублицистический перевод. – М.: Воениздат, 1973. – 242 с.
21. American Inaugurals. The Speeches, the Presidents and Their Times. – New York: Blackbirch Press, 2002. – 298 p.
22. Delanty, G. Multiple Europes, multiple modernities: Conceptualising the plurality of Europe // Comparative European Politics, 14 (4). – 2016. – Pp. 398-416.
23. Inaugural Addresses of the Presidents of the United States from George Washington 1789 to George Bush 1989. – Washington, D.C.: U.S. Government Printing office, 1989. – 333 p.
24. Van Dijk, T.A. What is political discourse analysys? Political linguistics. –Amsterdam, 1998.

ИСТОЧНИКИ

1. Obama's inaugural speech, 2009. – URL: <https://www.whitehouse.gov/blog/2009/01/21/president-barack-obamas-inaugural-address> (дата обращения: 21.11.2016).
2. Инаугурационная речь В.Путина, 2000 г. – URL: http://www.mn.ru/blogs/blog_reference/80928 (дата обращения: 21.11.2016).
3. Инаугурационная речь В.Путина, 2004 г. – URL: http://www.mn.ru/blogs/blog_reference/80930 (дата обращения: 21.11.2016).
4. Инаугурационная речь В.Путина, 2012 г. – URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/17313-inauguracionnaya-rech-vladimira-putina-7-maya-2012-g-moskva-kreml.html (дата обращения: 21.11.2016).

REFERENCES

1. Babich, N.G. Prezidentskaja ritorika V. Putina (na primere prezidentskogo interv'ju) // Vestnik MGOU. Serija Lingvistika. – № 6. – 2013. – S. 6-12.
2. Bersirov, B.M. Formirovanie lingvisticheskoj kul'tury u studentov v processe obuchenija jazyku // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. pedagogika i psihologija. – 2010. – № 2. – S. 71-76.
3. Breus, E.V. Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo jazyka na anglijskij: ucheb. posobie. – М.: Izd-vo URAO, 1998. – 106 с.
4. Vezhbickaja, A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevykh slov. – М., 2001. – S.13-14.
5. Vyzhlecov, G.P. Metafilosofija na rubezhe vekov // Mir filosofii – mir cheloveka. – М., 2007. – 155 с.
6. GavriloVA, M.I. Inauguracionnye rechi amerikanskih prezidentov. – // Press-sluzhba. Vserossijskij specializirovannyj zhurnal. – № 10. – 2004. – S. 75-81.
7. Gusarov, D.A. Ot pragmatiki vyskazyvanija k pragmatike perevoda // Armija i obshhestvo. – 2008. – №4. – S.102-108. – URL: <http://elibrary.ru/download/15527169.pdf> (data obrashhenija 21.02.2017)
8. Evsjukova, T.V., Butenko, E.Ju. Lingvokul'turologija. –М.: Izd-vo Flinta, 2014. – 231с.
9. Kalinin, V.A. Osobennosti nacional'nogo diskursa v dejatel'nosti politicheskoj partii «Edinaja Rossija» // Izvestija Saratovskogo un-ta. Nov. ser. Ser. Sociologija.

Politologija. - 2016. - Т 16. - Vyp. 1. - S. 14-18.

10. Kozhinov, V.V. O russkom nacional'nom soznanii. - M.: Jeksmo: Algoritm, 2004. - 416 s.

11. Konstantinova, A.A. Sovremennyy amerikanskij politicheskij diskurs: paremii v ritorike Baraka Obamy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. - 2010. - № 331. - S.7-13.

12. Kushnarenko, Ja.V. Cennostnye osnovanija otvetstvennosti // Vvedenie v filosofiju otvetstvennosti. - Novosibirsk, 2007. - S. 19-32.

13. Malinova, O.Ju. «Politicheskaja kul'tura» v rossijskom i anglo-amerikanskom nauchnom diskurse» // Politicheskaja nauka. - 2006. - №3. - S. 7-30.

14. Perevod inauguracionnoj rechi Baraka H.Obamy. - URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_usa/3356-inauguracionnaja-rech-baraka-obamy.html

15. Pohepcov, G. Metody analiza tekstov politicheskikh liderov. - M., 1998. - 239 c.

16. Putin V.V. Rossija: nacional'nyj vopros // Oficial'nyj sajt partii Edinaja Rossija. - URL: <http://er.ru/news/72442/> (data obrashhenija 21.07.2016).

17. Slepovich, V.S. Kurs perevoda: uchebnik dlja studentov vyssh.uceb.zavedenij po special'nosti «Mirovaja jekonomika». - Minsk, Tetrasistems, 2014. - 73 c.

18. Smehov, L.V. O zhanrovoj identichnosti rossijskoj prezidentskoj inauguracionnoj ritoriki. Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. - 2011. - № 1 (62). - S. 180-181.

19. Centr SocioKognitivnyh Issledovanij Diskursa pri MGLU. - URL: http://scodis.com/?q=ru/cultural_models (data obrashhenija 28.07.2016).

20. Shvejcer, A.D. Perevod i lingvistika. Gazetno-informacionnyj i voennopublicisticheskij perevod. - M.: Voenizdat, 1973. - 242 c.

УДК 811.134.2'253
ББК Ш147.21-8+Ш307

О. Лобос
Буэнос-Айрес, Аргентина

O. Lobos
Buenos Aires, Argentina

CÓMO REPRESENTAR EN ESPAÑOL LA VOZ DEL PROTOPOPE AVVÁKUM

RESUMEN. Traducir al castellano en tanto texto literario una obra compleja como la “Vida del protopope Avvákum” implica tomar en cuenta los rasgos fundamentales de la lengua en la que está escrita, o mejor, de la lengua en la que hoy la leemos. A una escritura uniformada por un skaz popular, Avvákum entremezcla citas bíblicas en eslavo eclesiástico así como también imita esta lengua en algunos pasajes donde lo siente pertinente. A ese deslizamiento entre dos registros marcados y contrastantes que es constante en toda la obra, nos parece oportuno agregar otro aspecto fundamental: el hecho de que estamos ante un texto antiguo, y la impresión de que de ello parece derivar gran parte de su potencia poética. Ese extrañamiento en la superficie textual advertiría a la vez sobre la distancia entre el universo de sentido que le da sustancia y nuestra cosmovisión actual. ¿Debe una traducción asumir todos esos contrastes? ¿Con qué recursos? ¿Es lícito comprender los rasgos arcaicos de una obra como parte de su estilo y dar cuenta de ellos en nuestra versión?

PALABRAS CLAVE: traducción literaria, estilo, skaz, literatura antigua, literatura religiosa.

Datos del autor: Omar Lobos, doctor en Letras por la Universidad de Buenos Aires, docente de la cátedra de Literaturas Eslavas en la Universidad de Buenos Aires, docente de la cátedra de Lengua Española en la Universidad Nacional de Lanús, investigador, traductor de literatura rusa, escritor y editor. Dirección: Av. Estado de Israel 4407, 7º B. Buenos Aires, Argentina; e-mail: calfucur@yahoo.com.ar.

O. Lobos
Buenos Aires, Argentina

HOW TO REPRESENT IN SPANISH THE VOICE OF THE PROTOPOPE AVVAKUM

ABSTRACT. To translate into Spanish *as a literary text* a complex work as “Life of protopope Avvakum” means to take into account fundamental traits of the language in which it is written, or rather, of the language in which we read it today. To a writing given unity by a popular *skaz*, Avvakum adds Biblical quotes in ecclesiastical Slavic and imitates this language, in certain passages in which he feels this is german. To this slide between two marked and cotrasting registers, constant throughout the work, we think it is necessary to add another fundamental aspect: the fact that before us lies an old text, and the impression that it is from this that its poetic potency derives. This defamiliarization on the textual surface would warn us about the distance between the universe of meaning giving it substance and our current worldview. Should a translation take care of all these aspects? Having recourse to what? Is it right to understand the archaic traits of a work as part of its style and include them as such in our version?

KEYWORDS: literary translation, style, *skaz*, old russian literature, religious literature.

About the author: Omar Lobos, Doctorate in Literature from the Universidad de Buenos Aires, teacher of Slavic Literature; teacher of Spanish Language at the Universidad Nacional de Lanus, translator Russian literature, researcher, writes and edits books. Address: Av. Estado de Israel 4407, 7 B, Buenos Aires, Argentina; e-mail: calfucur@yahoo.co.ar.

КАК ВОСПРОИЗВОДИТЬ НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ ГОЛОС ПРОТОПОПА АВВАКУМА

АННОТАЦИЯ. Перевод на испанский язык такого сложного литературного произведения, как «Житие протопопы Аввакума» требует особого внимания к основным чертам того языка, на котором оно написано или, лучше сказать, на котором мы его читаем в настоящее время. К такому письму, унифицированному народным сказом, Аввакум примешивает библейские цитаты на старославянском языке, а также подражает их стилю в тех местах, где он чувствует, что это уместно. К такому смешению этих двух хорошо очерченных и контрастных стилей, продолжающихся на протяжении всего произведения, мы

считаем уместным добавить еще один важный аспект, а именно то, что мы имеем дело с древним текстом, и чувствуется, что отсюда проистекает немалая часть его поэтической мощи. Такое остранение на текстуальной поверхности разве не указывает на значительное расстояние между тем мировоззрением, которым она насыщена, и нашим сегодняшним пониманием мира? Должен ли переводчик обратить внимание на все эти контрасты? Какие средства использовать в переводе? Возможно ли воспринимать архаические черты какого-либо произведения как часть его литературного стиля, отразив их в переводе?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: литературный перевод, стиль, сказ, древняя русская литература, религиозная литература.

Сведения об авторе: *Омар Лобос, доктор филологических наук, доцент кафедры славянских литератур Филологического факультета Университета Буэнос-Айреса; доцент кафедры испанского языка Государственного университета Лануса; исследователь, переводчик русской литературы, писатель, издатель. Адрес: Проспект Государства Израиль, дом 4407, этаж 7, кв. В. Город Буэнос-Айрес, Аргентина. E-mail: calfucur@yahoo.com.ar*

Emprendimos la traducción de una obra compleja como la “Vida del protopope Avvákum”, apuntes autobiográficos que este sacerdote de la iglesia ortodoxa rusa realizó aproximadamente en 1673, durante su cautiverio en la nórdica población de Pustozersk. Avvákum es uno de los principales protagonistas del famoso cisma de la iglesia ortodoxa (el *raskol*), cuando el patriarca Nikon, con el beneplácito y el sostén político del zar Alexéi Mijáilovich (el Serenísimo), emprende una serie de reformas en el ritual y de enmiendas en los libros litúrgicos para asimilarlos a los que *en ese momento* utilizaba la iglesia ortodoxa griega y sus tributarias. Frente a una tradición de arraigada nacionalización que -por diversas razones- imbuía a la iglesia rusa desde los inicios del llamado período moscovita (siglo XV), y a la idea mesiánica de “Moscú-Tercera Roma”, estas reformas fueron interpretadas como herejía por muchos sectores de la propia iglesia y de la sociedad (los resistieron tanto la gente humilde del pueblo como muchos exponentes de la alta nobleza). Estos sectores fueron tildados por la institución oficial como *raskólñiki* (cismáticos), y perseguidos, desterrados, encarcelados, torturados, mutilados y quemados en la hoguera. Por todos estos purgatorios transcurrió la vida del protopope Avvákum (1621-1682).

Nacido en la aldea Grigorovo, región de Nižni Nóvgorod, llegó a convertirse en primer pope (protopope) de una de las catedrales del Kremlin y en padre espiritual o confesor (dujovñik) del zar. Su ardiente oposición a las reformas de Nikon le valió primero el destierro siberiano, a la Trasbaikalia. Pasaría allá con su familia diez penosos años. Fue llamado nuevamente a Moscú, mas su empecinada resistencia a adoptar las innovaciones termina de malquistarlo con el zar y es desterrado al lejano norte, a Mezéñ. Ese destierro luego de agravaría con un nuevo traslado, esta vez a su prisión definitiva, más al norte, a Pustozersk, donde sería finalmente quemado por orden del nuevo zar Feodor Alexéievich.

Las memorias de Avvákum, escritas en la prisión subterránea de Pustozersk, además del interés extraordinario que implica de por sí el relato de su vida, son consideradas un monumento literario. Las redescubrieron en el siglo XIX los grandes clásicos rusos, y se maravillaron unánimemente de su lengua. “Язык”, dice Maxim Gorki, “а также стиль писем протопопа Аввакума и ‘Жития’ его остается непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца, и вообще в старинной литературе нашей есть чему поучиться”¹ (Горький, 1953).

Ahora bien, este testimonio colosal de las letras rusas premodernas conlleva dificultades interpretativas en diversos planos. El más evidente es sin dudas el de la lengua en que está escrito, no tanto por la relativa distancia temporal cuanto por los profundos cambios que la lengua rusa sufriría en -por formular un plazo- los cien años por venir: reforma del alfabeto, adopción caudalosa de léxico europeo occidental, gramática de Lomonósov, secularización de la escritura, influencia sintáctica del latín (y apenas luego del francés), etc.² Así, lo arcaico del registro es lo primero que salta a la vista. Pero quizá sea aún más apabullante la distancia con el universo de sentido en que esa lengua halla su referencia.

¹ “La lengua, y asimismo el estilo de las cartas del protopope Avvakum y su ‘Vida’, permanece como modelo insuperable del discurso flamígero y pasional de un guerrero, y en general en nuestra literatura antigua hay de qué tomar nota” (Gorki, “Sobre la lengua”, 1953).

² Por trazar un paralelismo, la distancia es mucho mayor que la existe, por ejemplo, entre el castellano del siglo XVII y el actual.

A la vez, la lengua literaria de Avváikum tiene de particular su “desenfadada” naturalidad: “не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хочет”¹. Si tenemos en cuenta que, hasta entonces, la lengua literaria rusa estaba uniformada por el eslavo eclesiástico (el “latín ruso”, la lengua docta), Avváikum desdeña esa tradición y escribe en su “simple, amada y natural” lengua rusa. Como señala Alexéi Nikoláievich Tolstói,

Российская изящная словесность с начала возникновения (если не считать уникального изумительного памятника «Слово о полку») до конца XVII века пользовалась давно вымершими формами церковно-славянского языка. Это была российская латынь. Народная живая речь считалась «подлой» [...] Только раз в омертвелую словесность, как буря, ворвался живой, мужицкий, полнокровный голос. Это были гениальные «Житие» и «Послания» бунтаря, неистового протопопа Аввакума... (Толстой, 1949: 361-362)²

Dentro del lenguaje secular de la época, todavía son débiles las fronteras entre *krasnorechie* y *prostorechie* (elocuencia/lengua sencilla³: las transliteramos en ruso por el contraste visible que propone su morfología), pero la ruptura de Avváikum se da sobre todo con la llamada “tradición docta”, y ello teniendo en cuenta que se trata de un sacerdote, que conoce y domina la lengua libresca. De modo que aquí comenzaremos por esbozar un perfil del registro que elige.

En principio, podría señalarse que -respecto del ruso oficial, o, mejor, moscovita- debemos suponer ahí la supremacía de una variante dialectal: la lengua popular de Nižni Nóvgorod, con su enfático *ókañe*, es decir, la pronunciación de la vocal “o” en sílabas átonas (sea o no esto pertinente⁴), el pronombre demostrativo tras el sustantivo (“о́стра шелепу́га та”, “у́йми дурака тово!”⁵), giros, localismos, etc.

Por otro lado, según Víktor Vinográfov, la *base* del estilo de Avváikum es el *skaz*, “el elemento coloquial discursivo con una brillante coloración emocional y la frecuente irrupción de entonaciones condicionada por aquella” (Виноградов, 1923: 216). Aunque hay que advertir que no se trataría estrictamente del *skaz* como estilización, como recurso literario -tal como lo definieron los formalistas y el propio Vinográfov en alguno de sus trabajos-, sino de la elección, por parte del autor, de la lengua espontánea de la verdad, despojada de cualquier juego retórico (si bien Vinográfov dice que esta elección deliberada implicaría una suerte de “estilización” del *prostorechie*⁶, y el propio Avváikum en la reescritura de sus memorias reelabora algún pasaje o inserta algún epíteto con propósito meramente oratorio).

A lo antedicho, habría que agregar que se desdeña el eufemismo: esto es, Avváikum dice “puta”, “culo”, “cagar”, “mierda”, sin dotar esas palabras de una cobertura más “apropiada”. Es la lengua espontánea, directa, que no reconoce barreras entre el significado y el significante.

Ahora bien, a este ruso oral “vulgar”, “de mužik”, que uniforma la relación, se entremezcla la lengua de la iglesia ortodoxa rusa, el eslavo eclesiástico, ya en forma pura -en las citas bíblicas a las que echa mano permanentemente Avváikum-, ya en

¹ “no vos fijés en nuestra lengua simple, pues amo mi natural lengua rusa, con versículos filosóficos no hice costumbre hermohear el habla, pues no palabras hermosas Dios escucha, mas quiere nuestras obras”.

² “Las bellas letras rusas desde el comienzo de su surgimiento (de no contarse ese asombroso monumento único que es el “Cantar de Ígor”) hasta fines del siglo XVII utilizó las formas de tiempo ya muertas del eslavo eclesiástico. Este era el latín ruso. El habla popular viva se consideraba “vulgar” [...] Solo una vez en esta literatura necrosada, como una borrasca, irrumpió una voz viva, sanguínea, de muyik. Fueron las geniales ‘Vida’ y ‘Epístolas’ de un sedicioso, el frenético protopope Avvakum...”

³ Literalmente: “habla hermosa/habla simple”.

⁴ La lengua rusa oficial, uniformada por la variante moscovita, pronuncia como “a” sonidos que en realidad corresponden a una “o” en posición débil. Algunos dialectos rusos “reponen” esas “o” y las pronuncian como tales aún en posiciones átonas y aun en casos en que el sonido no es “a” por “o”, sino una “a” lisa y llana: así sucede con nombres como Ogrofiena (por Agrafiena: “Agripina”), Afonasi (por Afanasi), Oliosha, (por Aliosha), etc.

⁵ “Filoso el látigo aquel”, “calmá al imbécil aquel”.

⁶ *Ibidem*, en nota al pie.

forma mistificada, cuando el relato se construye en base a una analogía con los libros santos o se trata de sentencias, diálogos o réplicas de cuño religioso. Por ejemplo:

И **виде** меня печальна, протопопица моя приступи ко мне со опрятством и **рече ми**: «что, **господине**, опечалился **еси**?» **Аз** же ей подробну **известих**: «жена, что сотворю? [...]» Она же мне говорит: «господи помилуй! что ты, Петровичь, говоришь? [...] **Аз** **тя** и с детьми благословляю: дерзай **проповедати** слово божие попрежнему, а о нас не тужи»... (*Житие*)¹

De este modo, entonces, entre la rústica lengua natural y las formas doctas del eslavo eclesiástico, se desliza permanentemente la narración.

Pero a esto nos parece pertinente agregar otro aspecto insoslayable en la lectura, por la dificultad y el extrañamiento que propone al lector de hoy: el hecho de que estamos ante un texto antiguo, y la impresión de que de ello parece derivar gran parte de su potencia poética.

Así, a la hora de acometer una traducción que recoja todas estas marcas del original, nos encontramos tanto con problemas de índole idiomática como con tribulaciones conceptuales para emprender este o aquel camino.

En lo que se refiere a reponer de algún modo la oralidad de Avváikum (el *skaz*), ello involucra no solo una particular organización –“espontánea”– del discursar, sino también la representación de las inflexiones de esa voz, todo lo que vibra en ella (su tosquedad, su ternura, su ardor, su cansancio). “Речь Аввакума”, agrega Alexéi Tolstói, “вся на жесте, канон разрушен вдребезги, вы физически ощущаете присутствие рассказчика, его жесты, его голос. Он говорит на «мужицком», «подлом» языке” (Толстой, 1949: 362)². “*Skaz*” y “lengua rústica” van muy bien de la mano, por cuanto el primero, en su base, lo que hace es desdeñar las formas ordenadas que la lengua oficial, culta, ha establecido para estructurar el discurso. Esta estructuración está sobre todo al servicio de un ordenamiento de las ideas claro y lógico, y descarta la paratextualidad que ofrece el cuerpo: gestos, silencios, entonaciones (Barthes, 2005). El “*skaz* rústico” lo restituye. Como en este arrebatado autoflagelante de Avváikum:

Что же будет за преступление заповеди господня? Ох, да только огонь да мука! Не знаю, дни коротать как! Слабоумием объят и лицемерием и лжю покрыт есмь, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждении всех человек погибаю, и мняся нечто быти, а кал и гной есмь, окаянной - прямое говно! отвсюду воняю - душою и телом. Хорошо мне жить с собаками да со свиньями в конурах: так же и оне воняют, что и моя душа, злосмрадною вонею. Да свиньи и псы по естеству, а я от грехов воняю, яко пес мертвой, повержен на улице града. Спаси бог властей тех, что землю меня закрыли: себе уж хотя воняю, злая дела творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро так!

¿Qué será si quebrantas un mandamiento del Señor? ¡Oj, solo fuego y tortura! ¡No sé cómo acortar los días! Arrebatado por la embecilidad y tapado de falsía y mentira soy, cubierto por el odio al hermano y amor propio, perezco en la condena de todos los hombres, y me figuro ser cosa alguna, mas soy heces y pus, condenado, ¡una directa mierda! Jedo por todos lados, en alma y cuerpo. Me está bien vivir en cuchas con los perros y los cerdos: así jeden también ellos, lo mesmo que mi alma, con jedor fétido. Pero cerdos y perros por naturaleza, mas yo por mis pecados jedo, qual perro muerto, tumbado en la calle de la urbe. Gracias a esos mandos que me han tapado en tierra: maguer yo jeda aquí, haciendo cosas malas, no soy a otros escándalo. ¡Ey, bien así!

En lo que hace a los contrastes y entrecruzamientos orgánicos entre el ruso nativo de Avváikum y la lengua de la iglesia, en castellano nos resulta difícil reponerlos, por cuanto

¹ “Y me viendo triste, mi protopopa que viene a mí con ternura y dixo me: ‘¿Por qué, monseñor, entristecido estás?’ Y yo noticiela: ‘muger, ¿qué haré? [...]’ Y ella me dice: ‘¡Ten piedad Señor! ¿qué decís, Petróvich? [...]. Yo bendigo te con los hijos...’”

² “El habla de Avvakum está toda en el gesto, el canon es hecho añicos, ustedes sienten físicamente la presencia del narrador, sus gestos, su voz. Él habla en una lengua ‘vulgar’, ‘de muyik’”.

no sería en modo alguno pertinente asimilar el eslavo eclesiástico al latín, nuestra equivalente lengua litúrgica. Primero porque el latín está asociado a la liturgia católica y volvería falaz y extraña una traducción que lo usara para dar cuenta del mundo ortodoxo. Segundo porque el latín, si bien es la lengua madre de nuestro romance, no se percibe en relación con él como su forma arcaica, lo que efectivamente sucede con el eslavo eclesiástico respecto del ruso: el latín es otra lengua. No obstante, un camino posible es recurrir, por ejemplo, a viejas versiones de la Biblia. La más antigua traducción al castellano data del Renacimiento, y es la llamada Biblia del Oso (por el dibujo de su portada), del año 1569.¹ Si bien la lengua del Renacimiento español no es la más adecuada para este cometido –en principio porque no es demasiado contrastante con nuestra modalidad actual y los contornos se diluyen fácilmente, y luego por el énfasis retoricista que dominaba la época y “refina” el estilo más que arcaizarlo–, es la más vieja versión bíblica con que contamos, y en alguna manera “extraña” el registro (v.g. “lo tengo por estiércoles por ganar al Christo”, que en una versión actual muta a “las tengo por basura para ganar a Cristo”; Filipenses, 3, 8).

Но господем реченно ко апостолам сице: "шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет".

Mas como el Señor dijo a los apóstoles: “Id por todo el mundo, predicad el Evangelio a toda criatura. El que creyere y fuere bautizado será salvo, mas el que no creyere será condenado”.
(Marcos, 16, 15-16).

Por otro lado, el mismo castellano renacentista reflejado en esta Biblia nos ofrece un rasgo destacable en la afirmación –durante la época– del pronombre personal de segunda persona del singular “tú” en desmedro del ya arcaico “vos”, en ese momento de uso impreciso y desacreditado en su antiguo prestigio (Frago García, 2005: 295-297). Con este valor “arcaico” y “desprestigiado” utilizamos el voseo en nuestra versión, reservando las formas del “tú” para la lengua bíblica.²

En otro, en el rápido Largo, se puso a empujarme de la barcaza: “¡por vos la barcaza va mal! ¡hereje! ¡andá por las montañas, pero no con los cosacos!” ¡Oj desgracia! Montañas altas, espesuras intransitables, un farallón de piedra, como un muro, y mirás: ¡para se romper la cabeza! [...] A esas montañas me empujaba Pashkov, con las fieras, con las serpientes, y habitar con las aves. Y yo le escribí una escriturita, deste comienzo: “¡Hombre! Teme a Dios, sentado entre los querubines y que se asoma a los abismos, a Él temen las fuerzas celestiales y toda criatura desde el hombre, solo tú Lo desprecias y muestras cosas malas”...

Vinográdov llama también la atención sobre aspectos rítmicos filigranados en la obra, sean dísticos como, por ejemplo,

отстать от лошадей не смеем, / а за лошедьми итти не поспеем³
o imitaciones rítmicas del texto bíblico (sobre la base de la anáfora) en pasajes como
послушай мене, боже! / послушай мене, царю небесный, / свет, послушай
меня! / да не возвратится вспять ни один от них, / и гроб им там устроивши
всем, / приложи им зла, господи, приложи, / и погибель им наведи, / да не
сбудется пророчество дьявольское!⁴

Dostoievski –refiriéndose a las versiones defectuosas de Pushkin y Gógol en francés– sostenía por ejemplo que era imposible *traducir* la Vida de Avvákum a una lengua occidental.

¹ Las traducciones de la Biblia a lenguas vernáculas estaban prohibidas, de allí el enmascaramiento de la edición.

² Esto se acentúa en el castellano voseante de Argentina y otros países de América, por cuanto el registro bíblico y de la liturgia en general –por influencia de las traducciones y del castellano uniformado por la iglesia– *suenan* con preferencia de “tú” y de “vosotros”. De allí que el propio cambio pronominal nos instale fácilmente y sin más operaciones en la acentuación bíblica.

³ “de los caballos nos rezagar no osamos, mas los caballos tampoco alcanzamos”.

⁴ “¡Escúchame, Dios! Escúchame, rey celestial, luz, escuchame! Que no vuelva de vuelta ni uno dellos, hacé que hallen allá todos su tumba, aplicaes el mal, Señor, y causales la ruina, que no se realice la profecía diabólica!”

Я думаю, если б перевести такую вещь, как сказание протопopa Аввакума, то вышла бы тоже галиматъя, или, лучше сказать, ровно ничего бы не вышло. Почему это так? Ведь страшно сказать, что европейский дух, может быть, не так многообразен и более замкнуто-своеобразен, чем наш, несмотря даже на то, что уж несомненно законченнее и отчетливее выразился, чем наш. (Достоевский, 1988-1996, Т. 13, с. 249.)¹

Esta intuición de Dostoievski se corresponde con uno de los rasgos que el traductor francés Antoine Berman distingue como característicos de la traducción occidental: el etnocentrismo, es decir, la tendencia a referenciar en la propia cultura a la que se traduce, lo que implica un descarte de la cultura original en la que el texto arraiga (Berman, 1999: 34-35).

Los procedimientos que hemos descrito hasta aquí aspiran a quebrar esta tendencia, al menos en el plano que nos ocupa, que es el de la *littera*. Ahora bien, con el mismo objetivo, el propósito de arcaizar el registro en la traducción es quizá el más discutible, por cuanto es uso traducir a la modalidad actual de la lengua meta. Ello no obstante, entendemos la arcaización no como algo que fatalmente le ocurre a todo texto, sino que lo percibimos como parte del estilo dentro una determinada literatura tomada diacrónicamente en su totalidad. ¿Debemos traducir el ruso de Avvákuм de la misma manera que el de Dostoievski, o el de Pelevin? El “estilo” de la Vida de Avvákuм, ¿es el estilo en que la compuso o el estilo, el efecto estilístico, que ha forjado el tiempo respecto de esa lengua? ¿Es la lengua en que está escrito o la lengua en que la leemos?²

Es cierto que lo que en ruso es parte del estilo (genuino, natural), lo arcaico, se transformaría en castellano en una estilización (artificio). Pero podemos comprenderlo como –parafraseando a Berman– la violencia que se hace al original para hacer surgir su verdad (Berman, 2008: 91), violencia que consistiría en resucitar lo arcaico del español para acoger lo arcaico del ruso (Berman, 1999: 94). Porque no tratamos de establecer una asimilación a un *momento equivalente* de la lengua castellana. Para esta deliberada arcaización –que impregna tanto el *skaz* como el registro libresco–, no imitamos el español de –supongamos– *Lazarillo de Tormes*, sino que recurrimos como materia maleable a formas autorizadas por la historia de nuestra lengua. Tal es el caso de la libertad del pronombre personal en su posición respecto del verbo (proclítica o enclítica: v.g. “se prosternando”, “puse lo en el lecho”, etc.), formas como la simplificación de grupos consonánticos (“persiné”, “espulsado”), contracciones (“deso”, “deste”), la disimilación vocálica (“escrebí”), que a la vez suenan hoy más rústicas. Y por supuesto arcaísmos léxicos (v.g. “ansí”, “maguer”, “empós”, “agora”, “truje”), a los que hemos agregado algunos arcaísmos gráficos (“tirassen”, “ube”, “muger”).

A la vez, esta arcaización se corresponde con el *skaz*, en tanto toda lengua rústica es, por naturaleza, arcaizante. Retiene formas estancadas que no corrige ninguna alfabetización (escolar, libresca, de trato). Si reparamos, por dar un ejemplo argentino, en la estilización de la lengua del gaucho que propusieron en diversos grados los poetas cultos que desarrollaron la poesía gauchesca (v.g. *Martín Fierro*), vemos que lo que suena allí como formas toscas son en su mayoría palabras del viejo castellano: “ansí”, “truje”, “mesmo”, “naides”; o bien acuñaciones de antiguos pulsos de la propia lengua castellana, como la simplificación de grupos consonánticos (“esperencia”, “inorancia”), la aspiración de efe inicial (“juimos”, “juerza”) o la sinéresis (“campiar”, “cáibamos”, “pior”), entre otros.

Versionamos entonces de la Vida de Avvákuм, a modo de ejemplo:

¹ “Yo creo que, de traducirse una cosa como la relación del protopope Avvakum, saldría también un galimatías, o, mejor dicho, no saldría absolutamente nada. ¿Por qué sería así? Bueno, es que es terrible decir que el espíritu europeo, quizá, no sea tan diverso y es más cerrado en sí que el nuestro, a pesar incluso de que indudablemente se ha expresado más acabada y nítidamente que nosotros”. (*Diario de un escritor*, 1876)

² Recordamos a propósito a Marguerite Yourcenar y las reflexiones de su ensayo “El tiempo, ese gran escultor”, a propósito de la “nueva belleza” que el paso del tiempo y los avatares que sufra imprimen en una obra de arte; y, por supuesto, lo que nos invita a pensar el Borges de “Pierre Ménard, autor del Quijote”, al plantear la *movilidad* de un texto respecto del contexto situacional que lo origina (el yo, el tú, el aquí y el ahora).

Luego llegué en Moscú, y como a ángel de Dios me recibieron el soberano y los boyardos, todos de mí contentos. Pasé a ver a Fiódor Rtíshev: saltó de su camarita a recebirme, pidió mi bendición, y ahí empezamos a hablar mucho mucho, tres días y tres noches no dejó me ir a casa y después anotició de mí al zar. El soberano en seguida mandó me poner a mano y palabras misericordes decía: “¿vives en salud, protopope? ¡Dios ha querido nos veamos de nuevo!”. Y yo contra eso besé y apreté su mano, y digo le: “¡vive el Señor, y vive la alma mía, zar soberano; y en adelante lo que Dios mande!” Él, tesorito, suspiró, y luego fue do le era menester. Y hubo alguna otra cosa, pero a qué hablar tanto. ¡Ya pasó! Mandó que me pusiessen en la casa monasterial del Kremlin y, en pasando por frente a mi casa, a menudo saludábase conmigo se inclinando bien bajito, y dice: “¡Bendíceme y ruega por mí!” Y una vez el gorro, de piel, en sacándose de la cabeza, dejó caer, yendo a caballo. Y sabía se asomar del carruaje por me saludar. Luego todos los boyardos pedían me y pedían: “¡protopope, bendice nos y ora por nos!” ¡Cómo no se doler dese zar y esos boyardos! ¡Me dolía dellos! ¡Ves, qué buenos eran! Y tampoco agora me tienen aborrecimiento, el diablo me aborrece, pero las personas hacia mí son todas buenas. Me daban un lugar do yo quisiesse, me llamaban como padre espiritual por que me uniesse con ellos en la fe; mas yo a todo esto lo tengo por estiércoles por ganar al Christo, y teniendo presente la muerte, ca todo lo demás pasa de largo.

Toda lengua de traducción es *per se* artificial. Esa estilización arcaizante que proponemos contribuye a extrañar el texto, a restituirle oscuridades semánticas, a deshacer la ilusión de una comunidad de sentido que una versión moderna podría propiciar. En ello, entendemos, residiría la potente poesía de esta obra. Conseguir el efecto en castellano no está garantizado, pero hacia allí va nuestro intento.

BIBLIOGRAFÍA

1. Barthes R. El grano de la voz. Entrevistas 1962-1980. Buenos Aires: Siglo XXI, 2005.
2. Berman A. La traduction et la lettre ou L'auberge du lointain. Paris: Du Seuil, 1999.
3. Berman A. L'Âge de la traduction. «La tâche du traducteur» de Walter Benjamin, un commentaire. Paris: Presses Universitaires de Vincennes (PUV), 2008.
4. Biblia. 1569. Reproducción facsimilar disponible en <https://archive.org/stream/labibliaveeslos00rein#page/n13/mode/2up>
5. Frago G., Juan A. El tratamiento personal en el Quijote”. En [Boletín de la Real Academia Española](#). Año 2005, Tomo 85, Número 291-292.
6. Виноградов В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь. Ч. I. М., 1923. С. 195-293. Disponible en <http://feb-web.ru/feb/Avvakum/critics/vrr-195-.htm>
7. Горький А.М. «О языке». Собрание сочинений в тридцати томах. Том 27. Статьи, доклады, речи, приветствия (1933-1936). М.: ГИХЛ, 1953.
8. Гудзий Н.К. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление. М.: Academia, 1934. С. 7-59. Disponible en <http://feb-web.ru/feb/Avvakum/texts/a34/a34-007-.htm>
9. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Ленинград: «Наука», 1988-1996. Т. 13.
10. Толстой А.Н. О драматургии. Полн. собр. соч., т. XIII, 1949.

УДК 378.016:811.111'25
ББК Ш143.21-9-8+Ш307р
Ю. М. Трофимова
Саранск, Россия

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ КАК МЕТОДИЧЕСКИЙ ПРИЕМ

АННОТАЦИЯ. В статье проводится мысль о детерминированности так называемого чувства языка глубинными языковыми факторами, к числу которых в первую очередь относится деление языка на уровни. Воспитание чувства языка у обучаемых традиционно относилось к сфере лингводидактических практик, однако представляется вполне правомерным придать этому процессу прочные лингвистические основания, включая также выход на теорию перевода. Сочетание лингводидактических приемов с двуязычным и многоязычным анализом переводов художественных текстов исключительно целесообразно в преподавании иностранного языка, поскольку позволяет выделить на их фоне определенные языковые структуры, характерные для текстового уровня того или иного языка, а также сосредоточиться на их усвоении и осмысленном употреблении. С этой целью в статье предлагается методика такого рода анализа, разрабатываемая на базе причастной конструкции английского художественного текста и его переводов на немецкий и шведский языки. Переводы, оттеняющие специфику данной конструкции в некоторых её функциях, а также в диапазоне текстового использования, позволяют интуитивно уловить совершенно особые нюансы английской причастной конструкции, которые не отмечаются в грамматических справочниках. В этом смысле методика анализа обращена к развитию чувства языка, имеющего интуитивную основу. Выводы статьи могут быть учтены в различных формах преподавательской деятельности, а также при самостоятельном изучении языков, а особенно при одновременном изучении и совершенствовании нескольких языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сопоставительный анализ, художественный текст, перевод, чувство языка, английский язык, немецкий язык, шведский язык.

Сведения об авторе: *Юлия Михайловна Трофимова, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»; адрес: 430005, г. Саранск, ул. Коммунистическая, д. 54, кв. 65; e-mail: primavera49@list.ru.*

Yu. M. Trofimova
Saransk, Russia

A COMPARATIVE ANALYSIS OF FICTION TRANSLATIONS AS A METHODOLOGICAL APPROACH

ABSTRACT. The article is concerned with the problem of linguistic intuition (also defined as feeling for language) which is treated from the viewpoint of its linguistic foundations. It is stated that when speaking of linguistic intuition it is highly advisable that one take into consideration the division of language into separate levels, i. e. phonetical, grammatical, lexical and text levels. The development of linguistic intuition referred traditionally to the sphere of linguodidactics but now it becomes evident that linguistics and particularly theory of translation prove to be very efficient for this purpose. The combination of linguodidactic practices with theoretical linguistic and translational approaches on the basis of the contrastive analysis of fiction translations into several languages seems to be very promising in teaching foreign languages. The text level is very helpful in contrasting peculiar structures typical of some concrete language and concentrating on their usage. At the same time the stress is laid on their intuitive awareness which can be understood as the core of the feeling for language. The contrastive analysis of multilingual translations as opposed to the original revealed several peculiar features of the English participial construction appearing on the text level. The results and conclusions of the article can be used in teaching foreign languages and in individual work connected with improving the knowledge of several foreign languages learnt simultaneously.

KEY WORDS: contrastive analysis, fiction text, translation, feeling for language, the English language, the German language, the Swedish language.

About the authors: *Yulia Mikhailovna Trofimova, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology, Mordvinian State after Ogaryov National Research University; Saransk, Russia; e-mail : primavera49@list.ru.*

Одной из самых сложных задач в обучении языку, вне всякого сомнения, следует признать воспитание у обучаемых чувства языка. Чувство языка представляется желанным уровнем владения языком всем тем, кто имеет его в качестве своей профессии, кто максимально быстро и эффективно должен уметь создавать правильные текстовые построения, которые бы оценивались носителями соответствующего языка как безупречные с точки зрения их соответствия его правилам и нормам.

Чувство языка рассматривается в двух ипостасях: чувство родного языка и чувство иностранного языка. Что касается последнего, то ситуация с его воспитанием у всех, для кого тот является профессией, гораздо более сложная. Даже работающие с иностранным языком не один год, скорее, ощущают отсутствие этого чувства, нежели его наличие, особенно когда просят носителя языка прочитать написанный ими текст и указать на возможные недочеты. Знакома им также и ситуация, когда написанный на иностранном языке текст смотрится как русский текст, «переодетый» в иностранные слова, хотя ошибок в грамматике и лексике нет.

Феномен чувства языка подробно рассматривается в методической литературе, а также в не меньшей мере в литературе по психологии. Но в то же время однозначное определение не выработано в силу исключительной сложности этого явления. Все согласны с тем, что оно относится к сфере интуитивных процессов, и, как удачно заметили в свое время М. М. Гохлернер и Г. В. Ейгер, феномен чувства языка можно поставить в один ряд с такими же малоисследованными явлениями, как «чувство тела», «чувство предмета», «чувство формы, ритма, цвета» и т. п. [Гохлернер; Вейгер 1982: 137].

Инвариантным признаком чувства языка (присутствующим в большинстве определений) можно считать некое отношение к языковому оформлению высказывания с точки зрения его «правильности» [Гохлернер; Вейгер 1982: 138]. Остановимся на признаке правильности, не особо дифференцируя признаки правильности и привычности языковых конструкций. Правильность для чувства языка предполагает принятие говорящими тех или иных построений речи, если они вписываются в исторически сложившиеся нормы языка и узуса какого-либо языкового коллектива, либо отвержение таковых построений, если они противоречат им. Нельзя при этом не признать, что такие построения речи являются в то же время и привычными, поскольку апробированы многолетним употреблением.

Все, кто изучает иностранный язык для профессиональных целей, вынуждены как-то развивать у себя чувство языка, при этом вполне осознанно. Но как развивать? Несмотря на интуитивность такого чувства, высказываются разные рекомендации по его развитию при обучении иностранному языку. З.П. Овчаренко отметила многочисленные интерпретации чувства языка, называющие массу факторов, лежащих в его основе, которые, однако, представляют скорее теоретический, нежели практический интерес [Овчаренко 2014: 807]. Однако высказываются и практические советы, ничего нового, по сути, не представляющие для изучающих иностранный язык. В частности, были высказаны такие советы по развитию чувства английского языка: 1. Развивайте все навыки владения языком одновременно; 2. Читайте литературу на английском языке; 3. Развивайте зрительную память; 4. Переписывайте тексты на английском языке; 5. Смотрите видео и слушайте аудиозаписи на английском языке; 6. Чаще общайтесь с людьми, грамотно говорящими по-английски [englex.ru>Инглекс].

Все изучающие иностранный язык поступают именно таким образом, нисколько, однако, не задумываясь над тем, что подобные приемы обеспечат им такое же чувство иностранного языка, каким обладают только его носители. Однако постоянное нахождение в атмосфере языка дает свои плоды, и преподаватели, много лет проработавшие с языком, ощущают ошибки учеников так же, как ошибки в родном языке, когда те делаются иностранцами. Они им буквально «режут слух», что, по всей видимости, и является признаком наконец-то привившегося чувства языка.

Следует, однако, подчеркнуть, что неправильные окончания при склонении или спряжении, которые легко опознаются чувством языка, а точнее каким-то из

его развившихся аспектов, представляют собой лишь нижайший из его уровней. Чувство языка, как можно предположить, весьма многомерное образование и способно проявиться на самых разных уровнях языка. Если обратиться к структурному делению языка на уровни (а именно фонетика, грамматика, лексика, текст), то можно уже теоретически наметить какие-то пути в приближении к чувству языка. Чувство языка не может не быть многомерным и структурным, и эти моменты должны непременно учитываться в преподавании иностранного языка.

Самый сложный уровень языка – текстовый (который лингвистикой текста уже давно признан уровнем языка) – требует от говорящих целую сумму навыков предваряющих его уровней, дополняя их собственными. В этом русле в настоящей статье предлагается методика сопоставительного анализа текстов художественных переводов, очень хорошо оттеняющих особенности речи переводчика-носителя языка. На фоне контраста оригинала и перевода отчетливо выделяются модели текстовых решений, либо правильных, либо привычных для соответствующего языкового коллектива. Не вызывает сомнения, что переводчики стараются придать естественность звучания своему тексту и поэтому строят предложения с учетом требований собственного языка, которые иногда сильно разнятся с языковыми факторами оригинала. Сопоставительное рассмотрение нескольких переводных версий в соотношении с оригиналом раскрывает весьма любопытные факты, касающиеся сразу всех сопоставляемых языков.

Лица, владеющие несколькими иностранными языками, хорошо знают ситуации, когда языки «вмешиваются» друг в друга. В этом случае имеет место своеобразная интерференция, практически не изученная на сегодняшний день. Хорошо изучена интерференция лишь в плане влияния родного языка на изучаемый иностранный, но не интерференция языков в разной степени владения. Сопоставительный анализ разных переводных версий текста с его оригиналом выявляет, прежде всего, «точки несоприкосновения» и дает сигнал обратить на них внимание, обходя таким образом интерференцию и делая упор на языковую специфику.

Методика сопоставительного анализа переводных текстов в соотношении с их подлинником, если таковая найдет поддержку и широких лингвистических и лингводидактических сферах, потребует тщательной разработки. Несомненно, что здесь можно будет выявить самые разные нюансы такого анализа, как в теоретической области, так и в чисто утилитарной. Несомненно, такой анализ может дать немало полезного и в развитии чувства языка, особенно для лиц, владеющих несколькими иностранными языками.

С целью развития подобной методики сопоставим несовпадающие варианты переводов на немецкий и шведский языки английского текста, написанного американкой, что также существенно учесть, так как в американском варианте английского языка имеются свои особенности на разных языковых уровнях. Базой для такого анализа послужит роман Лавейл Спенсер (La Vyrle Spencer) “That Camden Summer” [Spencer. That Camden Summer (Электронный ресурс)]. На шведский язык роман переведен Гуннелой Стрёмберг (Gunnel Strömberg) и озаглавлен “Sommaren vid havet” «Лето у моря» [Spencer 1998], а на немецкий язык – Микаэлой Линк (Michaela Link) и озаглавлен «Лето в Майне» (“Ein Sommer in Maine”) [Spencer. Ein Sommer in Maine (Электронный ресурс)]. Заголовок переведен по-разному, что, в сущности, является самой обычной практикой при переводе художественных текстов. Однако оставим этот вопрос в стороне, пояснив только, что Камден – город, а Майне – регион, область, где этот город расположен. Поэтому переводчица немка лишь незначительно изменила адрес заголовка.

Одной из методик сопоставительного анализа художественных переводов в соотношении с оригиналом может стать следующая. Избирается какой-то один примечательный текстовый нюанс, находящийся, однако, за пределами стандартной грамматики, в частности, порядка слов, который, например, в немецком языке характеризуется особым положением предиката. На основе сопоставлений выявляется ряд определенных закономерностей, которые могут быть приняты к сведению теми, кто владеет сопоставляемыми языками.

В настоящей статье рассматривается причастный оборот английского оригинала, который в немецком и шведском текстах устойчиво передан либо придаточным предложением (1), либо двумя глаголами в личной форме (2):

(1) (англ.) *the skeins of streets climbing the eastern skirt of the mountain* «лабиринт улиц, поднимающихся по восточной стороне горы»;

(швед.) *virrvarret av gator som klättrade uppför bergets östra sida* «лабиринт улиц, которые карабкались вверх по восточной стороне горы»;

(нем.) *das Gewirr der Straßen, das sich den Osthang des Berges hinaufzog* «лабиринт улиц, который шел вверх по восточному склону горы».

(2) (англ.) *Putting her forehead to the chilly glass, she peered sharply astern* «прислонив лоб к прохладному стеклу, она напряженно вглядывалась за корму»;

(швед.) *Hon lutade pannan mot det kalla glaset och kikade akteröver* «она прислонила лоб к холодному стеклу и заглянула за корму»;

(нем.) *Roberta legte ihre Stirn an das kühle Glas und blickte scharf nach achtern* «Роберта прислонила лоб к прохладному стеклу и напряженно заглянула за корму».

Можно по-разному оценить использование причастной конструкции в английском тексте, но, видимо, следует признать, что она указывает на приемлемое для английского языка обозначение двух параллельных действий при помощи причастия и глагола в личной форме, в то время как шведский и немецкий языки указывают на личную форму двух глаголов. Подобные моменты часто остаются за пределами исследований по теории перевода, поскольку незначительные грамматические вариации слабо касаются воспроизведения духа и стиля подлинника. Однако для практикующих иностранные языки они могут быть приняты к сведению именно потому, что самым непосредственным образом касаются чувства языка и помогают сосредоточиться на соответствующих моментах в собственной речи.

Первое возражение, которое можно здесь встретить, это то, что в данном случае мы имеем многократно отмечавшиеся лексико-грамматические трансформации при переводе. Все дело, однако, в том, что здесь за изученными лексико-грамматическими трансформациями при переводе нужно увидеть что-то ещё, а именно естественность звучания той или иной языковой конструкции и интуитивно сосредоточиться на этом звучании в текстовом построении, а особенно приняв во внимание (в данном случае) частотность причастной конструкции. Нужно суметь заглянуть за лексико-грамматические трансформации и постараться интуитивно воспринять те текстовые ситуации, для которых правильны, либо привычны причастные обороты и которые так хорошо оттеняются шведским и немецким переводами, ибо, как гласит народная мудрость, все познается в сравнении.

Продолжим ряд примеров с английским причастным оборотом, который никоим образом не может быть воспроизведен в шведском и немецком языках.

1. (англ.) *Had this been a transAtlantic voyage bearing immigrants to America...* «будь это трансатлантический рейс, доставляющий иммигрантов в Америку»; *Since it was the highly estimable Eastern Steamship Line running daily* «поскольку это был корабль Восточного пароходства, курсирующий ежедневно»;

(швед.) *Om detta hade varit en resa över Atlanten med immigranter till America ombord...* «если бы это была поездка через Атлантику в Америку с иммигрантами на борту»... *Men eftersom detta var den synnerligen aktningvärda ångbåtslinjen Eastern Steamship undvek resebroschyren ett dylikt stötande uttryckssätt till förmån för beteckningen "tredjeklassens ligghall"* «но поскольку это был особо уважаемый корабль Восточного пароходства, рекламная брошюра избегала формулировки «третий класс»;

(нем.) *Da es sich aber um die hochehrenwerte Eastern Steamship Line handelte, die täglich die Küste von Boston nach Bangor hinauffuhr,* «но поскольку речь шла о уважаемом корабле Восточного пароходства, который курсировал ежедневно».

2. (англ.) *What would they think of her now, returning as a divorced woman?* «что бы они подумали о ней сейчас, когда она возвращается как разведенная женщина»

(швед.) *Vad skulle de tänka om henne nu när hon kom hem som frånsild?* «что бы они подумали о ней сейчас, когда она возвращается домой разведенной»;

(нем.) *Was würden sie jetzt von ihr denken, da sie als geschiedene Frau zurückkehrte?* «что бы они подумали о ней сейчас, когда она возвращается домой разведенной»;

3. (англ.) They rose ... sat down at her right-, her fourteen-year-old, Susan resting against her mother's arm «они встали ... и сели справа от нее, четырнадцатилетняя Сюзанна опиралась (дословно: опираясь) на руку матери»

(швед.) De reste sig ... och satte sig på hennes högra sida. Fjortonåriga Susan lutade sig mot moderns arm «они встали ... и сели справа от нее. Четырнадцатилетняя Сюзанна опиралась на руку матери»;

(нем.) Die beiden erhoben sich ... und setzten sich neben sie. Die vierzehnjährige Susan lehnte sich an ihre Mutter. «они обе встали ... и сели рядом с ней. Четырнадцатилетняя Сюзанна прислонилась к матери».

4. (англ.) "Mother, make her stop." That was Susan, becoming lucid «Это была Сюзанна, приходящая в себя»;

5. (швед.) "Mamma, säg åt henne att sluta". Det var Susan som började bli klar i huvudet. «Это была Сюзанна, у которой стала проясняться голова».

6. (нем.) «Mutter, sag' ihr, sie soll aufhören». Das war Susan, die nun langsam zu sich kam «Это была Сюзанна, которая постепенно приходила в себя».

Что может дать работа с сопоставлением разноязычных текстов для развития чувства языка? В данном случае научит интуитивно «чувствовать» английское причастие в его ситуативном использовании, а интуитивность и есть основа чувства языка. Следует сознательно настроить себя на своеобразное использование причастия в возможно более широком текстовом пространстве английского языка.

Наиболее эффективным приемом в сопоставительном анализе художественных переводов следует признать акцент на денотативную ситуацию, поскольку в речи говорящие всегда исходят из её вербализации. В переводе при этом может актуализироваться и совершенно другой признак ситуации, что, видимо, может свидетельствовать уже о лингвокультурных особенностях речи:

(англ.) She studied it pragmatically, stirred less by nostalgia than by defensiveness. «она практически изучала её, скорее защищаясь, нежели испытывая ностальгию»;

(швед.) Roberta noterade nyktert att den känsla som väcktes inom henne snarare var trots än nostalgi «Роберта трезво осознавала, что чувства, которые проснулись в ней, были скорее упорством, нежели ностальгией»;

(нем.) Sie betrachtete es nüchtern, eher abwehrbereit als wehmütig «она трезво созерцала её, скорее готовая к обороне, нежели грустная».

Шведская переводчица использовала trots «упрямство, упорство» вместо defensiveness «оборона, защита». Почему? Неужели в шведском языке нет подходящей лексемы для defensiveness? Словари и онлайн переводчики уверенно называют försvar «защита, оборона». Немецкий текст вполне естественно адаптировал переводческий эквивалент abwehrbereit «готовый к обороне», проигнорировав, однако «ностальгию» и заменив её на wehmütig «грустный, тоскливый, унылый». Лексема *ностальгия*, фактически ставшая лексическим интернационализмом и во всех европейских языках имеющая одно и то же значение, не вписалась в текст немецкого перевода, и этот факт также следует отнести к лингвокультурным моментам.

Можно допустить, что такой лексический выбор обусловлен собственной интерпретацией ситуации переводчицей, и тогда окажется, что для немецкой лингвокультуры она более актуальна. Этот вопрос, возможно, является самым важным для общения с иноязычным партнером, и заключается он не в выборе нужной лексемы для той или иной ситуации, а в её адекватном понимании тем, кто не является носителем языка.

Устанавливаемые подобным образом факты могут использоваться в практике преподавания иностранных языков, однако, неясно, в какой аудитории можно будет осуществлять такой анализ и выявлять особенности предпочтительных языковых конструкций. В студенческой аудитории это будет сделать невозможно, так как в наших условиях преподаватели, как правило, не могут одновременно преподавать два иностранных языка. Зоной действия подобной методики может стать только индивидуальная работа по совершенствованию собственных языковых умений, однако сделанные наблюдения могут затем с успехом использоваться в преподавании иностранного языка. Вместе с тем для теории перевода здесь также имеются определенные факты, а именно сопоставительный ракурс языковых и лингвокультурных возможностей, готовых актуализироваться при переводе конкретного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гохлернер, М.М., Вейгер, Г.В. Психологический механизм чувства языка // Вопросы психологии. - № 6. - 1982. - С. 137 - 142.
2. Инглекс [Электронный ресурс]. - URL: <http://englex.ru> Инглекс (дата обращения 25.03.2017).
3. Овчаренко, З. П. О феномене «чувства языка» и проблеме его развития при обучении языку // Молодой ученый. - № 2. - 2014. - С. 807-809.
4. LaVyrle Spencer. That Camden Summer [Электронный ресурс]. - URL: <http://general-ebooks.com> book...that-camden-summer (дата обращения: 01.03.2017).
5. LaVyrle Spencer. Sommaren vid havet. Översättning av Gunnel Strömberg. - Tryckt i Danmark hos Nørhaven a/s, 1998. - 255 с.
6. LaVyrle Spencer. Ein Sommer in Maine [Электронный ресурс]: Ein Sommer in Maine - Weltbild. - URL: <https://www.weltbild.ch/.../9783955692629-111119948-ein-sommer-in-maine.pdf> (дата обращения: 10.03.2017).

REFERENCES

1. Gokhlerner M.M., Veyger G.V. Psikhologicheskiy mekhanizm chuvstva yazyka //Voprosy psikhologii. - № 6. - 1982. - С. 137- 142.
2. Ingleks [Elektronnyy resurs]: englex.ru Инглекс (data obrashheniya: 25.03.2017).
3. Ovcharenko Z.P. O fenomene "chuvstva yazyka" i probleme ego razvitiya pri obuchenii yazyku // Molodoy uchenyy. - № 2. - 2014. - С. 807-809.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ПЕРЕВОДА

УДК 378.016:811.1

ББК Ш12/18-9

А. И. Гузева

Екатеринбург, Россия

О ПРИНЦИПЕ МНЕМИЧЕСКОЙ АКТИВИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА ПРИ САМООБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ

АННОТАЦИЯ. В статье обосновывается необходимость целенаправленного обучения студентов педагогических вузов самообразовательной деятельности на иностранном языке.

Краткий анализ терминов «аудиодидактический» и «самообучение» предваряет рассмотрение принципов разрабатываемого аудиодидактического подхода к обучению иностранным языкам. В этой связи в научный оборот предлагается ввести понятие аудиодидактического подхода как подхода, выдвигающего в качестве ведущей идею самообучения и предполагающего интегративное изучение профилирующей дисциплины и методики ее преподавания с целью овладения обучающимися совокупностью приемов и способов постоянного совершенствования своих профессиональных знаний, умений и навыков и развития соответствующих компетенций. Суть подхода раскрывается через ряд принципов, а именно: 1) межпредметной координации; 2) тьюторского сопровождения; 3) индивидуально ориентированного оценивания; 4) эвристичности, или постоянного движения вперед; 5) многозадачности; 6) мнемической активизации языкового материала. Будучи ограниченным рамками данной статьи, автор подробно останавливается на последнем принципе и приводит примеры упражнений, направленные на его реализацию, как-то: “Split Attention”, “Memory Span”, “Five-Minute Talk”. В заключение обосновывается возможность использования данных упражнений как во время аудиторной деятельности студентов совместно с преподавателем, так и для самостоятельной работы внеаудиторно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: самообучение, аудиодидактический подход, иноязычная коммуникативная компетенция, педагогическое образование, обучение иностранным языкам, клиповое мышление, мнемоника.

Сведения об авторе: Анна Игоревна Гузева, ассистент кафедры английской филологии и сопоставительного языкознания, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 368; e-mail: anna.guzeva2012@mail.ru.

A. I. Guzeva

Yekaterinburg, Russia

SELF-DIRECTED LANGUAGE LEARNING: MNEMONIC ACTIVIZATION OF THE MATERIAL

ABSTRACT: The article deals with the necessity of specially organized students' independent work on language learning as only in this case one may speak about proper self-directed learning of a foreign language. The peculiarities of teacher training at universities are seriously taken into account. For this purpose the brief analysis of the terms “autodidactic” and “self-directed” is given and it precedes the list of principles of the suggested autodidactic approach to foreign language learning. The autodidactic approach is defined as an approach based on the idea of self-directed learning and aimed at integrative studying of a core subject (English) and methods of teaching in order to help students acquire a set of techniques to constantly develop their professional competence and skills in the field of EFL teaching. The idea of the approach is revealed through its principles: 1) interdisciplinary coordination; 2) the principle of tutoring; 3) individual-oriented evaluation; 4) heuristic principle of constantly moving ahead; 5) multitasking; 6) mnemonic activation of language material. Within the limits of the given article, the final principle is studied in detail. A number of exercises are recommended to facilitate the implementation of it into practice. The exercises are “Split Attention”, “Memory

Span” and a “Five-Minute Talk”. In conclusion the possibilities of applying the above-mentioned tasks into both learning and self-directed learning of a foreign language at pedagogical universities are considered.

KEY WORDS: self-directed learning, autodidactic approach, communicative competence, teacher training, foreign language learning, clip thinking, mnemonics

About the author: *Anna Igorevna Guzeva, Assistant Lecturer of Department of English Philology and Comparative Linguistics, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia; e-mail: anna.guzeva2012@mail.ru.*

Анализ требований ФГОС ВО (2015-2016) последних поколений по направлению подготовки бакалавриата «44.03.01 – Педагогическое образование (профиль: «Иностранный язык») и «44.03.05 – Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» выявляет тенденцию к постоянному увеличению времени, отводимого на самостоятельную деятельность студента. В частности, согласно учебному плану Института иностранных языков УрГПУ, объем самостоятельной работы студентов по освоению содержания дисциплины «Практический курс первого иностранного языка» составляет 1002 академических часа (за весь период обучения по данной дисциплине), что в 1,18 раза больше времени контактной аудиторной работы преподавателя и студентов.

Преимущества данного изменения, казалось бы, очевидны и обоснованы: чем больше времени студент отводит на самообучение, тем глубже оказываются его знания, прочнее формируются и развиваются соответствующие умения и навыки, входящие в своей совокупности в требуемые компетенции. Однако не следует забывать, что самообразовательная деятельность, в том числе на иностранном языке, должна быть специально организована, а обучающиеся должны уметь работать рационально, а значит и эффективно, без непосредственной помощи и руководства со стороны преподавателя.

Самообразовательной деятельности, на наш взгляд, нужно целенаправленно обучать, хотя, как показывает практика, чаще всего об эффективности самостоятельного учебного труда по предмету принято судить сугубо по достигнутому результату студентом: получил положительную оценку за задание – значит, справился; неудовлетворительную – значит, нет. Однако вопрос, а как именно выстраивал свою работу каждый обучающийся, чтобы показать этот результат, обычно остается скрытым от глаз преподавателя.

Чтобы решить данную проблему в рамках подготовки будущих учителей иностранного языка в педагогическом вузе, мы предлагаем использовать аутодидактический подход к обучению иностранным языкам.

Термин «аутодидактический» восходит к двум греческим словам: “auto” – сам по себе, самостоятельно; “didactic” – построенный согласно задачам обучения [Oxford Advanced... 2012: 68, 321]. Некоторые ученые, а именно: Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин (2009), И.В. Кичева (2004), Т.Ю. Тамбовкина (2014), Н. Al-Jamal (2014), А. Ben-Zaken (2011) – рассматривают понятия «аутодидактический» и «самообучение» (“self-directed learning”) в качестве синонимов, другие, однако, как то: Р. Bouchard (1994), А.В. Стрельников (2015), П.И. Пидкасистый (1998) – не считают их таковыми, подчеркивая, что «аутодидактический» непременно относится к самообучению, осуществляемому вне рамок какого-либо формального образовательного процесса. В своем исследовании мы придерживаемся первой точки зрения.

В этой связи следует принять в научный оборот следующее определение аутодидактического подхода к обучению иностранным языкам в педагогическом вузе:

Аутодидактический подход – подход, выдвигающий в качестве ведущей идею самообучения и предполагающий интегративное изучение профилирующей дисциплины и методики ее преподавания с целью овладения обучающимися совокупностью приемов и способов постоянного совершенствования своих профессиональных знаний, умений и навыков и развития соответствующих компетенций.

Исследуя природу обучения и самообучения, в частности, Н. Al-Jamal выделяет ряд составляющих их компонентов-характеристик, а именно [Al-Jamal 2014: 124]: 1) целенаправленность; 2) связь с прошлым опытом деятельности и

имеющимися на данный момент знаниями, умениями и навыками; 3) сознательное расширение «репертуара» когнитивных и метакогнитивных умений; 4) пофазовая организация учебного процесса, притом преимущественно нелинейно; 5) учет личностного развития.

С нашей точки зрения, интерес представляют характеристики (3), (4), (5) ввиду следующих возможностей: во-первых, сознательное расширение инвентаря когнитивных и метакогнитивных умений позволяет сместить акцент на способы освоения учебного материала, то есть непосредственно на сам процесс реализации самообучения; во-вторых, нелинейность организации аудиторной и внеаудиторной работы по иностранному языку поощряет преподавателя предоставлять студентам возможность выбора альтернативы действий и деятельности в рамках программных требований; в-третьих, все вышесказанное способствует индивидуализации процесса обучения (самообучения) посредством возможности учета индивидуального стиля деятельности каждого студента, а значит, и возможности реализации индивидуальной образовательной траектории в рамках отдельно взятой дисциплины. Для нас такой дисциплиной является «Практический курс первого иностранного языка», поэтому предлагаемые ниже принципы мы преломляем через ее содержание.

Итак, разрабатываемый аутодидактический подход предполагает реализацию следующих принципов: 1) межпредметной координации; 2) тьюторского сопровождения; 3) индивидуально ориентированного оценивания; 4) эвристичности, или постоянного движения вперед; 5) многозадачности; 6) мнемической активизации языкового материала.

В рамках данной статьи остановимся подробнее на принципе мнемической активизации языкового материала и покажем его применение на практике на материале дисциплины «Практический курс первого иностранного языка».

Обозначенный нами принцип направлен на вовлечение обучающихся в активную речевую деятельность на уроке за счет активизации психических процессов: памяти (кратковременной, оперативной), мышления (словесно-логического, наглядно-образного), воображения, внимания (переключение, смена языкового кода, многозадачность), а также восприятия иноязычной речи через слуховой и зрительный анализаторы. Реализация принципа мнемической активизации учитывает, с одной стороны, специфику иностранного языка как дисциплины, предполагающей интегративный характер конечного результата обучения – иноязычной коммуникативной компетенции, а с другой – принимает во внимание когнитивные особенности современного поколения студентов, именуемых также в отечественной педагогике и психологии «поколением I» (где I обозначает Internet) [Семеновских 2014: 5], «цифровым поколением» [Борщева 2015: 30], либо «поколением Z» [Абдулхаликова 2015: 4].

В педагогических и психологических исследованиях в последние годы утверждается, что информационное общество характеризуется не только возросшей информационной нагрузкой (“information overload”) на каждого человека (не говоря уже об обучающихся в рамках любого образовательного учреждения) в целом, но и возросшей востребованностью (которая фактически превратилась уже в потребность) опоры на аудиовизуальный канал поступления информации. Гаджеты, которые всегда под рукой и «перед глазами», буквально «отформатировали» восприятие, внимание и память студентов по размеру дисплея, усилив при этом, как никогда ранее, их ориентированность на многозадачность. Сегодня студент, не отвлекающийся на какое-либо мобильное устройство во время занятий дома либо в университете, есть скорее исключение, чем правило. Результат – клиповое мышление, как отмечают О.В. Гребенникова и А.Н. Пархоменко (2013), Е.Р. Исаева (2012), Т.Д. Марцинковская (2015) и другие.

По свидетельству данных ученых, современным студентам сложно пройти из точки А в точку В не прерываясь и удерживать внимание на одной деятельности в течение продолжительного периода времени. Контекст деятельности оказывается разорванным. В этой связи разрабатываемый нами подход предлагает возможность задать особый, единый, аутодидактический контекст самообразовательной учебной (аудиторной и внеаудиторной) деятельности студентов на иностранном языке с учетом сложившихся у обучающихся когнитивных особенностей восприятия и работы с информацией.

Возвращаясь к принципу мнемической активизации языкового материала, продемонстрируем его применение на практике. Так, включать обучающихся в деятельность на иностранном языке с первой минуты на уроке можно с помощью упражнения "Split attention". Как следует из названия, прежде всего, упражнение направлено на сферу внимания обучающихся и их умение его распределять. Обучающимся предлагается связный текст на иностранном языке объемом 750-900 знаков. Студенты читают этот текст про себя (по существу «пробегая глазами») при одновременном счете вслух на русском языке. По мере прочтения текста студенты переворачивают листок и записывают все, что запомнили: чем больше деталей им удастся воспроизвести, тем лучше. Необходимо, однако, определить им лимит времени, который обычно составляет 3-4 минуты (они лишь делают пометки, но не пишут текст полностью!), затем в соревновательной форме выявляется «победитель».

Очевидно, что внимание оказывается распределенным не только благодаря многозадачности (чтению и счету), но и постоянному переключению кодов (необходимости использовать в один и тот же момент русский и иностранный языки). Кроме того, задействованными оказываются кратковременная и оперативная память, а также воображение, поскольку, читая, студенты рисуют перед мысленным взором картинку воспринимаемой информации (именно поэтому приветствуются фабульные тексты).

Подводить обучающихся к выполнению данного упражнения можно следующим образом: предложить сначала прочитать текст на русском языке со счетом также на русском языке; в следующий раз проделать то же самое с английским текстом и счетом на английском языке; затем посчитать по-английски, читая по-русски, и только после этого перейти к выше указанному варианту выполнения. Отмечено, что, несмотря на страх и кажущуюся невозможность предложенного задания, все студенты, в разной степени, но успешны.

Активизировать кратковременную и оперативную память помогает упражнение "Memory span". Отводить на его выполнение можно около 6-7 минут. Обучающимся предлагается прослушать не более двух раз базовое предложение (мы его именуем "a backbone sentence") из 5-6 слов и повторить его вслух. Затем базовое предложение вписывается преподавателем в контекст из одного распространенного предложения. После не более чем трехкратного предъявления студенты повторяют расширенное предложение вслух, как можно ближе к оригиналу. Определяется «победитель».

Как в "Split attention", так и в "Memory span" рекомендуется использовать активный вокабуляр и речевые клише по изучаемой разговорной теме на иностранном языке.

И наконец, практика показывает, что настраивать обучающихся на активную работу помогает и упражнение "Five-minute talk", направленное на развитие речевой гибкости, гибкости мышления, воображения и внимания. Так, в течение пяти минут, как это следует из названия, обучающимся предлагается высказаться на иностранном языке по предложенной теме без пауз и в хорошем темпе. Проигрывает тот, кто вдруг замолкает, теряет мысль или начинает повторяться, а поэтому мы стимулируем студентов следить за ответами своих одноклассников. Кроме того, можно назначить одного-двух человек в качестве экспертов. Эксперты должны отмечать языковые и речевые ошибки и исправлять их по завершению выступлений.

Случается, что студентам бывает сложно высказываться в течение пяти минут по предложенной теме. В связи с этим рекомендуется на первых порах распределять время между двумя-тремя выступающими при фронтальной работе, постепенно переходя к работе в мини-группах и парах. В этом случае в интенсивную работу с первых минут урока будет вовлечена вся академическая группа. Именно это и является нашей задачей. Что касается темы высказывания, приветствуется «эффект неожиданности» и нестандартность, например: "Polar Bears", "Life on Mars", "If you were a dog...".

Самообучение мы рассматриваем как одну из трех взаимосвязанных стадий: преподавание, учение, самообучение. Одна стадия переходит в другую и замыкается в круг, подобно гегелевской триаде [Сергеева, Гузева 2016]. Отсюда следует: на уроке совместно с обучающимися мы осваиваем алгоритмы и способы

действий с языковым и речевым материалом, знакомим их с возможными приемами и упражнениями, чтобы затем они могли применять весь предоставленный им «инвентарь» согласно индивидуальным потребностям при самостоятельной работе внеаудиторно, либо аудиторно при работе в мини-группах или парах сменного состава, обучая друг друга, то есть выступая в роли преподавателя и тем самым включаясь в квазипрофессиональную деятельность, которую мы рассматриваем как необходимую для будущих учителей иностранного языка.

Следовательно, приведенные в качестве примера упражнения “Split attention”, “Memory span”, “Five-minute talk”, направленные на мнемическую активизацию языкового материала, могут быть использованы и в процессе самообучения иностранным языкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулхаликова, И.В. Новые подходы при обучении нового поколения детей “Digital Native”// Россия и Европа: связь культуры и экономики: материалы XI международной научно-практической конференции. – Прага: Изд-во WORLD PRESS s.r.o., 2015. – Ч. 1. – С. 4-6
2. Азимов, Э.Г., Щукин, А.Н.. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Изд-во ИКАР, 2009. – 448 с.
3. Борщева, В.В. Особенности организации самостоятельной работы учащихся «цифрового поколения» в процессе изучения иностранного языка в вузе// Педагогика и психология образования. – 2015. – Вып. 2. – С. 30-34
4. Гребенникова, О.В., Пархоменко, А.Н. Современная молодежь в информационном обществе: представления об информации и информационные предпочтения // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6. – № 30. – С. 8. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.12.2016).
5. Исаева, Е.Р. Новое поколение студентов: психологические особенности, мотивация и трудности в процессе обучения первого курса // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – № 4 (15). – URL: <http://medsy.ru> (дата обращения: 03.11.15).
6. Кичева, И.В. Формирование понятийно-терминологической системы педагогики в 90-е годы XX века : дисс. ... докт. пед. наук : 13.00.01. – Пятигорск, 2004. – 507 с.
7. Марцинковская, Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности// Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 42. – С. 1. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.12.2016).
8. Психолого-педагогический словарь для учителей и руководителей общеобразовательных учреждений/ под ред. П.И. Пидкасистого. – Ростов н/Д.: Изд-во Феникс, 1998. – 544 с.
9. Семеновских, Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде// Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – 2014. – Вып. 5 (24). – С.1-10. – URL: <http://naukovedenie.ru> (дата обращения: 12.12.2016).
10. Сергеева, Н.Н., Гузева, А.И. Преподавание – учение – самообучение: философский аспект// Проблемы языкознания и педагогики. Вестник ПНИПУ. – 2016. – № 1 (15). – С. 61-69
11. Стрельников, А.В. Автодидактика как одно из условий формирования информационно-коммуникационной культуры// Вестник Челябинской академии культуры и искусств. – 2015. – №2 (42). – С. 55-61.
12. Тамбовкина, Т.Ю. Лингвоавтодидактика как наука и учебная дисциплина в профессиональном языковом образовании // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 2. – С. 122-129
13. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки «44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» от 02 марта 2016 г. – URL: <http://www.fgosvo.ru> (дата обращения: 10.02.2017).
14. Al-Jamal, H. Self- Directed Learners Arab World English Journal. – Vol. 5. No 2. – 2014. – Pp.122-133
15. Ben-Zaken, A. Reading Hayy Ibn Yaqzān: A Crosscultural History of Autodidacticism. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2011. – 191 p.
16. Bouchard, P. Self-Directed Professionals and Autodidactic Choice: A Framework for Analysis// New Ideas about Self-Directed Learning/ H.B. Long and associates. –

Oklahoma Research Center for Continuing Professional and Higher Education of the University of Oklahoma, 1994. – Pp 121-137

17. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford University Press, 2010. – 1428 p.

REFERENCES

1. Abdulhalikova, I.V. Novye podhody pri obuchenii novogo pokolenija detej "Digital Native"// Rossiya i Evropa: svjaz' kul'tury i jekonomiki: materialy XI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Praga: Izd-vo WORLD PRESS s.r.o., 2015. – Ch. 1. – S. 4-6
2. Azimov, Je.G., Shhukin, A.N.. Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam). – M.: Izd-vo IKAR, 2009. – 448 s.
3. Borshheva, V.V. Osobennosti organizacii samostojatel'noj raboty uchashhihsja «cifrovogo pokolenija» v processe izuchenija inostrannogo jazyka v vuze// Pedagogika i psihologija obrazovanija. – 2015. – Vyp. 2. – S. 30-34
4. Grebennikova, O.V., Parhomenko, A.N. Sovremennaja molodezh' v informacionnom obshhestve: predstavlenija ob informacii i informacionnye predpochtenija // Psihologicheskie issledovanija. – 2013. – T. 6. – № 30. – S. 8. – URL: <http://psystudy.ru> (data obrashhenija: 10.12.2016).
5. Isaeva, E.R. Novoe pokolenie studentov: psihologicheskie osobennosti, motivacija i trudnosti v processe obuchenija pervogo kursa // Medicinskaja psihologija v Rossii: jelektron. nauch. zhurn. – 2012. – № 4 (15). – URL: <http://medsy.ru> (data obrashhenija: 03.11.15).
6. Kicheva, I.V. Formirovanie ponjatijno-terminologicheskoj sistemy pedagogiki v 90-e gody XX veka : diss. ... dokt. ped. nauk : 13.00.01. – Pjatigorsk, 2004. – 507 s.
7. Marcinkovskaja, T.D. Sovremennaja psihologija – vyzovy tranzitivnosti// Psihologicheskie issledovanija. – 2015. – T. 8. – № 42. – S. 1. – URL: <http://psystudy.ru> (data obrashhenija: 10.12.2016).
8. Psihologo-pedagogicheskij slovar' dlja uchitelej i rukovoditelej obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij/ pod red. P.I. Pidkasistogo. – Rostov n/D.: Izd-vo Feniks, 1998. – 544 s.
9. Semenovskih, T.V. Fenomen «klipovogo myshlenija» v obrazovatel'noj vuzovskoj srede// Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE». – 2014. – Vyp. 5 (24). – S.1-10. – URL: <http://naukovedenie.ru> (data obrashhenija: 12.12.2016).
10. Sergeeva, N.N., Guzeva, A.I. Prepodavanje – učenje – samoobučenie: filosofskij aspekt// Problemy jazykoznanija i pedagogiki. Vestnik PNIPU. – 2016. – № 1 (15). – S. 61-69
11. Strel'nikov, A.V. Avtodidaktika kak odno iz uslovij formirovanija informacionno-kommunikacionnoj kul'tury// Vestnik Cheljabinskogo akademii kul'tury i iskusstv. – 2015. – №2 (42). – S. 55-61.
12. Tambovkina, T.Ju. Lingvoavtodidaktika kak nauka i uchebnaja disciplina v professional'nom jazykovom obrazovanii // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. – 2014. – Vyp. 2. – S. 122-129
13. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovanija po napravleniju podgotovki «44.03.05 Pedagogicheskoe obrazovanie (s dvumja profiljami podgotovki)» ot 02 marta 2016 g. – URL: <http://www.fgosvo.ru> (data obrashhenija: 10.02.2017).

УДК 378.016:811.1

ББК Ш12/18-9

О. П. Казакова

Екатеринбург, Россия

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

АННОТАЦИЯ. В период роста международных контактов и расширения возможностей средств коммуникации актуальным становится пересмотр содержания методики обучения иностранным языкам. Очевидно, что система иноязычного образования дает сбой как на уровне школы, так и на уровне высшего образования. Современный период может характеризоваться как новый этап переосмысления методической науки, который автор предлагает рассматривать в контексте методики обучения иностранному языку для специальных целей. Цель данной статьи заключается в том, чтобы наметить наиболее важные направления развития методической мысли, которые позволят построить образовательный процесс с учетом потребностей всех изучающих иностранный язык. За основу предлагается взять теорию профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, которая должна предусмотреть различия между овладением иностранным языком различными профессиональными группами и подготовить обучающихся к решению профессиональных задач. Другим содержательным изменением методики должна стать разработка целостной концепции формирования межкультурной компетенции, которая важна как на уровне лингвообразования, так и на уровне профессионального лингвообразования. Особое внимание уделено аспекту методики обучения второму иностранному языку, которая должна опираться на опыт изучения первого и иметь когнитивную направленность. Все предлагаемые изменения должны найти отражение в методической подготовке будущих учителей иностранного языка, целью которого становится развитие мобильности методического мышления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: иностранный язык для специальных целей, методика обучения иностранным языкам, межкультурная компетенция, виды языков для специальных целей, второй иностранный язык.

Сведения об авторе: Ольга Павловна Казакова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка, методики и переводоведения, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 459; e-mail: olgakasakova@yandex.ru.

O. P. Kazakova

Ekaterinburg, Russia

DEVELOPMENT DIRECTIONS OF LSP-TEACHING METHODOLOGY

ABSTRACT: International contacts grow thanks to the communication means and the needs of foreign language learners became different, that's why its time to review the content of foreign language methodology. It is obvious that the system of foreign language education fails both at school level and at the level of higher education. The modern period can be characterized as a new stage of methodical science rethinking, which the author proposes to consider in the context of LSP-teaching. The purpose of this article is to outline most important directions of methodological thinking development which will take into account the needs of all learners. The author suggests to consider the theory of profession oriented foreign language teaching as a basis, which should include the differences between language acquisitions of different professional groups and to prepare students to solve professional problems. Another direction should be deal with the development of concept for intercultural competence formation, which is important both at the level of linguistic education and on the level of professional linguistic education. Special attention is paid to the aspect of the methodology of second foreign language teaching, which should be based on learners' experience in first language learning. All proposed directions must be reflected in methodological training of future foreign language teachers to develop mobility of their methodical thinking.

KEYWORDS: foreign language for specific purposes, methodology of foreign language teaching, LSP-kinds, intercultural competence, second foreign language.

About the author: *Olga Kazakova, PhD in Pedagogics, Associate Professor of Chair of English Language, Methodology and Translation Studies, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia; e-mail: olgakasakova@yandex.ru.*

Методика обучения иностранным языкам не является молодой наукой и насчитывает не одну сотню лет, на протяжении которых имели место постоянные изменения «в структуре и содержании курса иностранного языка в средней и высшей школах, в средствах обеспечения учебного процесса, приемах и методах преподавания языка» [Щукин 2012: 317]. На сегодняшний день можно говорить о новом этапе ее развития – об осознании необходимости дифференциации различных методических направлений в зависимости от цели изучения иностранного языка. В современной системе образования иностранный язык является обязательным предметом в среднем и высшем образовании, однако многочисленные лингвистические центры и широкая сеть частных преподавателей свидетельствуют о том, что имеющаяся система обучения иностранным языкам в школе и вузе не дает ожидаемых результатов и не может удовлетворить потребности обучающихся.

Почему же система дает сбой? Причины, как нам кажется, кроются еще в языковой политике молодого советского государства, когда было принято решение об обязательном изучении иностранных языков. В 1929 г. иностранный язык был утвержден в качестве учебного предмета в первой программе Единой трудовой школы [Щукин 2012: 300]. Обязательность, повсеместность, массовость приводили и приводят к тому, что язык изучается для галочки, а единые образовательные программы и стандарты исключают возможность дифференциации обучения, все обучающиеся проходят через один конвейер, и лишь некоторым удается не потеряться в этом процессе. Мы не оспариваем тот факт, что владение иностранным языком становится одним из важным факторов самореализации личности как в профессиональной, так и в бытовой сфере, однако традиционная методика не справляется с решением этой задачи.

По замечанию С.Г. Тер-Минасовой, «новое время, новые условия потребовали немедленного и коренного пересмотра как общей методологии, так и конкретных методов и приемов преподавания иностранных языков» [Тер-Минасова 2000: 25]. Отечественная методика обучения иностранным языкам как наука развивалась в отношении двух целевых групп – учащиеся средней школы и студенты специальных факультетов, остальные группы потребителей оставались долгое время вне поля зрения ученых, вне теоретического осмысления. Именно поэтому выпускники педагогических вузов начинают свою работу по аналогии с тем, как обучали их, акцентируют внимание на языковой правильности, а не на передаче смысла средствами иностранного языка. На наш взгляд, неудовлетворительный уровень владения иностранным языком специалистами нелингвистических специальностей не в последнюю очередь связан именно с отсутствием четкой методики обучения языку с учетом потребностей / целей потребителя и с тем, что в рамках профессиональной подготовки будущих преподавателей отсутствует целенаправленное обучение таких специалистов.

Кроме того, благодаря расширению сфер контактов повысился интерес к зарубежной методике, стали появляться все новые методические заимствования, касающиеся в основном практических приемов работы по организации учебного процесса, а вместе с ними в методический язык приходят новые термины, которые, по наблюдению И.Л. Колесниковой и О.А. Долгиной, иногда имеют смысл только в рамках определенной концепции, при этом может иметь место отказ «от некоторых устоявшихся терминов в отечественной методической науке» [Колесникова 2008: 16].

Таким образом, важной задачей современной методики становится разработка методики обучения иностранному языку для специальных целей, которая, исходя из своих задач, не может быть однородной. Цель данной статьи наметить направления развития методической мысли, которые позволят организовать учебный процесс так, чтобы достигнутый уровень иностранного языка действительно мог стать инструментом личностного и/или профессионального становления.

В основу разработки целостной дифференцированной методики обучения иностранному языку для специальных целей могут быть положены следующие задачи:

- изучение современного состояния методики обучения иностранным языкам в системе профессиональной подготовки преподавателей иностранного языка в вузе;
- разработка теоретических положений, которые должны лечь в основу разрабатываемой методики;
- разработка парадигмы профессионально-ориентированного подхода к обучению иностранным языкам в системе непрерывного образования.

Представляется, что обозначенное направление целесообразно разрабатывать в первую очередь как профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам. Такая постановка цели автоматически исключает необходимость деления специальностей на филологические и нефилологические, поскольку изучение любой специальности является освоением определенной профессии. В свою очередь, любая профессия предполагает решение определенных профессиональных задач, предполагающих в той или иной степени использование ИЯ. Исследование такого вида должно опираться на уточнении понятийно-категориального аппарата профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, дифференциацию методики обучения общему языку и языку для специальных целей, классификацию упражнений, направленных на формирование профессиональной компетентности будущих специалистов.

Однако не менее важным является аспект языков для непрофессиональных целей, который становится фактором личностного роста. Очевидно, что дифференциация методики в этом направлении также должна иметь место, только различия будут отражаться не только в содержании, но и в стратегиях освоения языка и в формах его применения. Основой развития данного направления может стать классификация Х. Дуглас Браун, которая строится на трех критериях:

1. возрастной: обучение детей, подростков, взрослых;
2. уровень обученности: начальный, средний, продвинутый и профессиональный;
3. зависимость от языкового статуса языка и образовательного учреждения [Brown 1994: 89-129].

Личные и профессиональные цели также легли в основу концепции Н.Л. Уваровой, которая рассматривает развитие человека через освоение иностранных языков как процесс лингвообразования, а под профессиональным лингвообразованием понимает «профессионально-личностное развитие студентов средствами иностранного языка в процессе подготовки к профессиональной деятельности» [Уварова 2011: 4].

Цель изучения иностранного языка может быть представлена как достижение определенного уровня сформированности языковой компетенции. В настоящее время общепринятой стала система компетенций от А1 до С2, представленных Советом Европы в 2001 году в документе «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком» [Общеввропейские компетенции 2001-2003]. Определение границ между уровнями несколько субъективно, но данная система необходима для установления системности и преемственности в обучении иностранным языкам, для правильного выбора учебных пособий, для объективной оценки знаний и умений [Иванченко 2016: 46].

Знание указанных компетенций является соответственно обязательным компонентом подготовки преподавателей, которые овладеют системой обучения в зависимости от потребностей обучающихся. Исследование такого рода требует анализа современного положения методики профессиональной подготовки преподавателей иностранного языка, осмысления лингвометодических основ их профессиональной подготовки. Должна быть уточнена структура и уровни сформированности профессиональной компетентности и предложена теоретическая модель формирования профессиональной компетентности преподавателя иностранного языка для специальных целей.

Системообразующим стержнем такой модели является формирование самообразовательной компетентности преподавателей иностранного языка для специальных целей, которая станет базой для дальнейшего профессионального роста при изменении целевой группы, в которой будет работать преподаватель, или при изменении системы потребностей в изучении иностранного языка. Этот же

аспект может рассматриваться и в рамках послевузовского обучения в случае, если данный вид компетенции не был сформирован при обучении в вузе.

В связи с ростом международного общения посредством различных средств коммуникации особое значение приобретает такое направление развития методики, как формирование межкультурной компетенции в процессе обучения иностранному языку для специальных целей. Цель изучения определяет не только объем языкового и речевого материала, подлежащего изучению, но и уровень социокультурной компетенции, включающий различные ситуации международного общения и определяющие их культурные особенности носителей изучаемого языка. В парадигме профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам это особенности языка переговоров, ведения документации, правила вербального и невербального поведения в профессиональной коммуникации. При изучении иностранного языка для непрофессиональных целей большую роль играют знания культурных реалий, особенности менталитета носителей языка, адекватные способы поведения в бытовых ситуациях.

Концепция межкультурного образования средствами иностранного языка представлена в работе коллектива авторов под руководством А.Л. Бердичевского. Методика, предложенная авторами, опирается на положение о том, что язык есть органическая часть культуры, тем самым она направлена на развитие личности в целом [Бердичевский 2011].

И еще одно направление, на которое хотелось бы обратить особое внимание, это изучение второго иностранного языка. Совет Европы считает, что каждый европейский гражданин должен владеть тремя языками. В России место первого иностранного прочно занял английский язык, а на второе место претендует немецкий, отсюда лозунг «первый второй». Среди ведущих методистов немецкого языка как второго следовало бы назвать Г. Нойнера, который строит свою концепцию на принципах когнитивного обучения: «Мы следуем системной грамматической прогрессии, но постоянно мотивируем обучающихся самостоятельно находить грамматические феномены» [Neuner]. К сожалению, обучение данному аспекту зачастую ведется по аналогии с первым, что не развивает языковую компетенцию и тормозит процесс освоения языка, а учителя второго иностранного не всегда владеют первым иностранным своих обучающихся. Как отмечает А.В. Щепилова, учителя «мало знают о психолингвистических особенностях овладения вторым иностранным языком, не используют обширные возможности ускорения процесса обучения» [Щепилова 2005: 5].

Мы убеждены в том, что представленные в данной работе направления в первую очередь должны найти свое отражение в методических исследованиях и быть включены в содержание учебных программ по направлению «Педагогическое образование». Несомненно, в своей работе преподаватель встретится с различными комбинациями потребностей обучающихся в изучении иностранного языка, о которых, возможно, речь не шла в курсе его профессиональной подготовки, однако, при сформированности мобильности методического мышления он сможет найти релевантные цели направление работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердичевский, А.Л., Гиниатуллин, И.А., Лысакова, И.П., Пассов, Е.И. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного. Книга для преподавателя. – М.: Русский язык. Курсы, 2011. – 184 с.
2. Иванченко, А.И. Практическая методика обучения иностранным языкам. – СПб: КАРО, 2016. – 231 с.
3. Колесникова, И.Л., Долгина, О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков: справочное пособие. – М.: Дрофа, 2008. – 165 с.
4. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. Монография. – Страсбург; М.: Совет Европы, Департамент по языковой политике; Московский государственный лингвистический университет, 2001-2003. – 123 с.
5. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 456 с.

6. Уварова, Н.Л. Профессиональное лингвообразование в высшей школе: монография. – Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2011. – 220 с.
7. Щепилова, А.В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 033200 «Иностр. яз.». – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. – 198 с.
8. Шукин, А.Н. Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы). Учебное пособие для преподавателей и студентов языковых вузов. – М.: ВК, 2012. – 159 с.
9. Brown, H. Douglas. Teaching by principles: an interactive approach to language pedagogy. – Prentice-Hall, Inc., 1994. – 270 p.
10. Neuner, G. Näher an den Erkenntnissen der Mehrsprachigkeitsforschung. URL: <http://www.hueber.de/media/36/ddc-interview.pdf>

REFERENCES

1. Berdicheskij, A.L., Giniatullin, I.A., Lysakova, I.P., Passov, E.I. Metodika mezhkul'turnogo obrazovanija sredstvami russkogo jazyka kak inostrannogo. Kniga dlja prepodavatelja. – М.: Russkij jazyk. Kursy, 2011. – 184 s.
2. Ivanchenko, A.I. Prakticheskaja metodika obuchenija inostrannym jazykam. – SPb: KARO, 2016. – 231 s.
3. Kolesnikova, I.L., Dolgina, O.A. Anglo-russkij terminologicheskij spravocnik po metodike prepodavanija inostrannyh jazykov: spravocnoe posobie. – М.: Drofa, 2008. – 165 s.
4. Obshheevropejskie kompetencii vladenija inostrannym jazykom: Izuchenie, obuchenie, ocenka. Monografija. – Strasburg; М.: Sovet Evropy, Departament po jazykovej politike; Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 2001-2003. – 123 s.
5. Ter-Minasova, S.G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija. – М.: Slovo, 2000. – 456 s.
6. Uvarova, N.L. Professional'noe lingvoobrazovanie v vysshej shkole: monografija. – Nizhnij Novgorod: Izd-vo Volgo-Vjatskoj akademii gos. sluzhby, 2011. – 220 s.
7. Shhepilova, A.V. Teorija i metodika obuchenija francuzskomu jazyku kak vtoromu inostrannomu: ucheb. posobie dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po special'nosti 033200 «Inostr. jaz.». – М.: Gumanitar. izd. centr VLADOS, 2005. – 198 s.
8. Shhukin, A.N. Teorija obuchenija inostrannym jazykam (lingvodidakticheskie osnovy). Uchebnoe posobie dlja prepodavatelej i studentov jazykovyh vuzov. – М.: VK, 2012. – 159 s.

УДК 378.016:811.134.2

ББК Ш147.21-9

Йао Коффи,
Абиджан, Кот-д'ИвуарYao Koffi,
Abiyán, Côte d'IvoireИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И НЕПРАВИЛЬНЫЕ ГАЛЛИЦИЗМЫ В ИСПАНСКОМ
ЯЗЫКЕ, ИСПОЛЗУЕМОМ НЕКОТОРЫМИ СТУДЕНТАМИ КОТ-Д'ИВУАРАINTERFERENCIAS Y GALICISMOS IMPROPIOS EN EL ESPAÑOL HABLADO POR
ALGUNOS ESTUDIANTES DE COSTA DE MARFIL

RESUMEN. El estudio analiza unas particularidades galicistas junto con unos falsos amigos que producen, con frecuencia, algunos estudiantes marfileños que estudian el español como L2, respaldándose en el campo teórico del préstamo y correlativamente, en la interferencia del francés sobre el aprendizaje del español. Asimismo, se formaliza mediante este proceso analítico el influjo de la competencia lingüística materna como base sustrática de la producción de los galicismos impropios que se documentan en el corpus.

Dada la particularidad de estos elementos identificados mediante la observación crítica de algunos actos de comunicación, resultó necesario proceder a una selección sistemática y rigurosa para validarlos. Para ello, fueron contrastados y evaluados mediante una serie de ejercicios de traducción realizados por los propios estudiantes, asignando como objetivo a este análisis, la puesta en evidencia de esas correspondencias lexicosemánticas y gramaticales inapropiadas que entorpecen el aprendizaje del español por parte de la mayoría de estudiantes francófonos y otros extranjeros, para que estos últimos logren hacer uso de los sistemas contrapuestos siguiendo la norma.

PALABRAS CLAVES: *Galicismos, falsos amigos, interferencias, lexicosemántica, correspondencias.*

Datos del autor: *Yao Koffi, Doctoren Filología Hispánica, Docente en el Departamento de Estudios Ibéricos y Latino-Americanos de la Universidad Félix Houphouet Boigny (FHB) de Abidjan, Côte d'Ivoire. Dirección: Yao Koffi, 25 BP 2396 Abidjan 25, Côte d'Ivoire; e-mail: yaofirmin@hotmail.com.*

Y. Koffi
Abidjan, Côte d'Ivoire (Ivory Coast)

INTERFERENCES AND IMPROPER GALLICISMS IN THE SPANISH SPOKEN BY
SOME STUDENTS OF IVORY COAST

ABSTRACT. The study analyzes some particular Gallicisms together with false friends which are often produced by some Ivorian students who study Spanish as L2, basing on the theoretical field of borrowings and correlatively, on the interference of the French on the study of the Spanish. Through this analytical process, it is formalized the influence of maternal linguistic competence as a substructure of the production of the improper gallicisms documented in the corpus.

Given the particularity of these items identified through the critical observation of some speech acts, it was necessary to proceed to a systematic and rigorous selection to validate them. To this end, they were contrasted and evaluated by means of a series of translation exercises carried out by the students themselves, assigning as objective to this analysis, the highlighting of those lexical semantics and inappropriate grammatical correspondences that hinder the learning of Spanish by the majority of French-speaking students and other foreigners, so that they can use the opposite systems according to the norm.

KEYWORDS: *gallicisms, false friends, interference, lexicosemantic, correspondences.*

About the author: *Yao Koffi, PhD in Spanish Linguistics, teacher of the Department of Iberian and Latin-American studies in the University Felix Houphouet Boigny (FHB) of Abidjan, Côte d'Ivoire. Address: Yao Koffi, 25 BP 2396 Abidjan 25, Abidjan, Côte d'Ivoire (Ivory Coast); e-mail: yaofirmin@hotmail.com.*

1. Introducción

Son numerosos los ejemplos anecdóticos como la traducción del siguiente fragmento textual al francés: - Jesús ahora te pilló. En su respuesta la mayoría de nuestros estudiantes dieron: “Jésus, maintenant je te pille”. Esto no se corresponde en absoluto con el mensaje que se desea comunicar dado que el verbo: *piller* significa: saquear, mientras que: pillar (español coloquial) significa: 1. Atrapar, 2. Embestir, 3. Robar, 4. Entender. No existe ninguna clase de relación semántica entre los dos verbos. Se observa tan solo una correspondencia morfológica entre ellos. De ahí resulta claro que sea cual sea el motivo, dichos estudiantes se despreocuparon por la diferencia semántica, teniendo más bien en cuenta la coincidencia formal existente entre estos elementos verbales del español y del francés.

Esta experiencia lleva a entender que la correspondencia formal entre algunos elementos de diferentes sistemas debería considerarse como una trampa del lenguaje dado que suele conducir a ciertos errores. Esto es lo que impulsó este estudio que aprovecha un corpus elaborado a través de unos ejercicios de traducción realizados por estos estudiantes¹ de Costa de Marfil y la observación directa, para analizar esta problemática lingüística con el fin de proponer unas soluciones prácticas.

2. Marco teórico y definición de conceptos básicos

La falta de coordinación entre dos sistemas por parte de los bilingües suele causar ciertas interferencias que, a veces, entorpecen el entendimiento y la comunicación entre los interlocutores. Un ejemplo típico es el uso abusivo de galicismos impropios y falsos amigos por parte de dichos estudiantes de español de Costa de Marfil.

2.1 Marco teórico

La problemática planteada se fundamenta a priori en una doble base teórica: la interferencia y el préstamo² lingüístico, es decir el intercambio léxico considerado también como un proceso de creación neológica usual entre algunos sistemas lingüísticos. Sin embargo considerando el perfil bilingüe de los informantes, se tratará concretamente de la interferencia³ derivada del bilingüismo correspondiente al uso de estas dos lenguas genéticamente emparentadas: el francés y el español. En tal situación de contacto, R. Fasold (2004) indica que el intercambio de rasgos o de unidades es un principio bastante común y, este hecho debería valorarse en término de enriquecimiento mutuo pero, se puede convertir en un problema lexicológico y de comunicación cuando los usuarios se focalizan tan solo en las correspondencias formales.

Desde una perspectiva psicolingüística, se sabe que las similitudes estructurales entre dos lenguas suelen predisponer a los aprendientes bilingües a establecer unas equivalencias tácitas entre ellas y, esta percepción suele inducir a la interferencia o a la transferencia⁴ en términos de desviación o la violación de las normas de una lengua estudiada (L2) por influencias de la lengua materna.

Además, de acuerdo con M. Resnick (1981), la mayoría de los estudios históricos sobre el contacto de lenguas demuestran que el parentesco genético entre lenguas no implica en sí ninguna equivalencia sistemática entre ellas. Asimismo, A. Quilis (2005) indica que el fenómeno de transferencias suele generar múltiples problemas estructurales en el marco del estudio francés-español.

2.2. El galicismo

Es una palabra de origen francés adaptada en el español. Según el DRAE (2014), indica el empleo o la inclusión de un vocablo o un giro derivado de la lengua francesa en otro idioma, como el español, en este caso. Históricamente, los primeros galicismos entraron en el español entre los siglos XIII Y XIV como consecuencia de la divulgación y la adopción de ciertos modales de la cultura francesa. De ahí los términos: corsé (*corset*), cabaret (*cabaret*), amateur (*amateur*), etc.

A consecuencia de la dinámica de los intercambios este registro se ha ido

¹ Estudian el español como L2 y pertenecen a los grados Licenciatura 1, 2 y 3 (lo que correspondería a los niveles B1, B2 Y C1, según establece el Marco Común Europeo de Referencia). En general, no alcanzan el nivel competencial para ser bilingües coordinados.

² Cf. Gloria Guerrero Ramos (2013)

³ Cf. José Luis Blas Arroya (1991)

⁴ Cf. Eulalio Fernández Sánchez (2000); Uriel weinreich (1953)

ampliando con varios términos especializados como: *affaire, dossier, menú*, etc. En estos términos los galicismos deberían considerarse, en principio, como una fuente de riqueza, siendo unas aportaciones muy útiles y necesarias al caudal léxico del español.

2.3. El galicismo impropio

Cuando el galicismo no resulta lexicológicamente necesario ni se ajusta a la corrección gramatical, hay mucha probabilidad de que sea impropio o inapropiado. Es la experiencia que se expone aquí. De hecho, suele ocurrir que algunos estudiantes empleen algún elemento léxico o alguna estructura desatendiendo las normas gramaticales del español. Ejemplo: “El capataz nos dijo de trabajar el jueves pasado.”, reproduciendo así el complemento preposicional de la oración francesa: *Le contre-maître nous a demandé de travailler le jeudi dernier*. La forma correcta en el español requiere la sustitución del sintagma preposicional por una proposición subordinada relativa: el capataz nos dijo *que trabajáramos el jueves pasado*.

Los galicismos impropios suelen aparecer también en el vocabulario para representar el equivalente de un verbo polisémico como *réussir* al español. Se comprueba que ante el caso algunos aprendientes con diferentes perfiles competenciales¹ se ciñen a la definición propuesta por algunos diccionarios bilingües: 1. tener éxito o triunfar, desatendiendo casi por completo, otras acepciones: 2. Conseguir algo; 3. Acertar; 4. Aprobar. Asimismo, la oración: *Je vais réussir* puede ser: a) Voy a triunfar, b) Lo voy a conseguir c) Voy a acertar d) Voy a aprobar.

Ateniéndose a las características formales se registran dos categorías de galicismos. Son, por una lado, los llamados galicismos arraigados o convencionales correspondientes a los préstamos del francés completamente adoptados por el español y por el otro lado, los que denominamos galicismos circunstanciales, dado que resultan de la experiencia particular de los alumnos a los que aludimos. Estos últimos constituyen el centro de interés de este estudio lexicológico mediante el que se analizan estos elementos singulares que aparecen en el capítulo 2. Antes, quizás resulte interesante señalar unos ejemplos. Pues, hemos comprobado que algunos estudiantes del tercer grado² de licenciatura emplean la palabra: sujeto, para referirse a: tema, por analogía con *sujet*; y también confunden la palabra: búsqueda, con: investigación, por analogía con: *recherche*, etc.

2.4. Galicismos y falsos amigos en el español

Los falsos amigos presentan las características de la homonimia y pueden clasificarse en el paradigma de los galicismos pero, se distinguen en que frente a los usos estrictamente galicistas, esos llamados falsos amigos corresponden más bien a un calco morfológico del francés en el español. J. Velasco (2001:378) lo define como “Palabras de dos lenguas diferentes que tienen semejanzas formales y significados diferentes [...] *table* / tabla, *large* / largo, etc.”.

Desde el punto de vista etimológico, este término es un calco semántico del francés: “faux-amis” creado por M. KOESSLER (1975: 10)³ quien lo define como “[...] des mots dont l’identité de forme n’entraîne pas nécessairement l’identité de sens”, es decir palabras que llevan una forma idéntica pero que no tienen necesariamente el mismo significado.

En otros términos, se trata de una voz procedente de un idioma que se parece en la escritura o en la pronunciación a otra palabra de la lengua materna del hablante, pero que tiene un significado diferente. Por su similitud formal esas palabras suelen llevar a los aprendientes a establecer entre ellas unas correspondencias lexicosemántica y gramatical erróneas. En este caso, se han registrado varios ejemplos como *constipé* (estreñido) por constipado (resfriado); *avalér* (tragar) por avalar (representar un aval), *femme* (mujer) por fama (celebridad), etc.

¹ Además de las interferencias que se producen como consecuencia de la influencia del francés, se comprueba que la mayoría de los errores galicistas derivan del desconocimiento de algunas reglas básicas de la gramática española.

² Es el grado a partir del cual nuestros estudiantes se inician a la investigación eligiendo unos temas que desarrollan bajo la dirección de los profesores.

³ El término fue documentado por primera vez en KOESSLER, Maxime, y Decroquigny, Jules (1928), *Les faux-amis ou les pièges du vocabulaire anglais* 1ª ed., Paris: Vuibert, sin embargo, la cita fue recogida en la 4ª ed. de 1975, de la misma editorial Vuibert.

3. Galicismos en el español hablado por estudiantes marfileños

Los ejemplos tratados son unas formas galicistas muy singulares dado que muchos derivan del francés popular marfileño¹ cuya influencia es destacada en el habla de la población marfileña en general y particularmente en los estudiantes. Se comprueba que éstos transfieren, en ciertas ocasiones, algunas particularidades lexicosemánticas² de este francés local al español. Sin embargo, es importante señalar que en comparación con los galicismos lexicales, son más frecuentes los galicismos gramaticales.

3.1. Galicismos lexicales

Se registran dos categorías de galicismos lexicales. Son, por un lado, unos calcos semánticos y por el otro lado, unos calcos morfológicos que se denominan falsos amigos.

3.1.1. Galicismos semánticos

Corresponden a la reproducción de unos términos del francés cuyo significado se asocia con otro término del español. Suelen pertenecer al mismo campo semántico, pero se emplean en diferentes contextos. Vean los siguientes ejemplos:

ATENDER en vez de: esperar, por analogía con el verbo *attendre*. Ejemplo: *J'attends un ami* / Atiendo un amigo*³ (Lo correcto sería: espero a un amigo). También se observa que no se suele emplear la preposición *a* ante el complemento de persona. Se trata de un caso de galicismo gramatical. (Ver capítulo 2.3.)

BÚSQUEDA en vez de: investigación, por analogía con *recherche*. Ejemplo: *Faire une recherche* / Hacer una búsqueda*. De ahí, se emplea BUSCAR por investigar, BUSCADOR por investigador. Lo correcto sería: Hacer/llevar a cabo una investigación.

ENTENDER en vez de: oír, por analogía con el verbo *entendre*. Ejemplo: *J'ai entendu des bruits venant du centre ville* / He entendido ruidos procedentes del centro de la ciudad. Lo correcto sería: He oído unos ruidos procedentes del centro de la ciudad.

MIRAR en vez de: ver, por analogía con el verbo: *regarder*. Ejemplo: *Je vais regarder la télévision* / Voy a mirar la televisión (Lo correcto sería: Voy a ver la televisión).

NIÑO en vez de: hijo, por analogía con el sustantivo: *enfant*. Ejemplo: *L'enfant de ma soeur est mignon* / El niño de mi hermana es muy guapo* (Lo correcto sería: El hijo de mi hermana es guapo).

PREPARAR en vez de: cocinar por analogía con el verbo: *préparer*. Ejemplo: *je vais préparer du Spaguetti pour le dîner* / Voy a preparar espagueti para la cena* (Lo correcto sería: Voy a hacer / cocinar espagueti para la cena). También el verbo: *Préparer* / Preparar significa: dotar o tener poderes místicos. Ejemplo: *Les rebelles ivoiriens ont été préparés par des sorciers du Mali* / Los rebeldes marfileños fueron preparados por unos brujos de Mali* (Lo correcto sería: Los rebeldes marfileños fueron dotados de poderes místicos por unos brujos de Mali). Nótese que estos empleos resultan de la influencia de las lenguas locales frente al francés estándar: *doter de pouvoir mystique*. Nótese que el verbo: *préparer* es polisémico dado que se emplea también como sinónimo de *travailler* que, en otro contexto, significa: embrujar. Ver TRABAJAR.

SUJETO en vez de: tema, por analogía con el sustantivo: *sujet*. Ejemplo: *Le sujet de mon travail me plait beaucoup* / El sujeto de mi trabajo me gusta mucho (Lo correcto sería: El tema de mi trabajo me gusta mucho).

VENIR en vez de: acabar. Por analogía con el verbo: *venir*. Ejemplo: a) *Je viens de finir le travail que mon père m'a confié* / Vengo de acabar el trabajo que me dio mi padre* (Lo correcto sería: acabo de terminar un trabajo que me dio mi padre). También se comprueba la sustitución del verbo: ir por venir. Ejemplo: - Vienes? Sí vengo (Lo correcto sería: - Vienes?- Sí voy). Nos limitaremos a estos ejemplos para tratar a continuación unos casos de falsos amigos que registramos.

3.1.2. Galicismos formales o falsos amigos

Los calcos morfológicos tratados en este apartado pertenecen a unas homonimias⁴

¹ Es una variante del francés estándar que se caracteriza por unas adaptaciones léxicas y gramaticales a las estructuras de lenguas nativas como el dioula, el baoulé, y otras.

² Cf. Équipe IFA (1988)

³ Este símbolo hace referencia a todos los usos inapropiados e incorrectos.

⁴ Nótese que teóricamente, el calco morfológico abarca tanto la homonimia como la paronimia (fonética). A

empleados por algunos estudiantes que, al parecer, se desentienden completamente del significado de la palabra empleada. Significan, a veces, todo lo contrario de lo que se desea expresar.

ACOSTAR sustituye a: dar a luz, por analogía con el verbo: *accoucher*. Ejemplo: *Marie a accouché, elle a fait un garçon* / María ha acostado, ha tenido un chico* (Lo correcto sería: María ha dado a luz, ha tenido un niño). ACOSTAR significa: echar o tender horizontalmente a alguien para que duerma.

ATACAR sustituye a: contraer, por analogía con: *attaquer une maladie*. Ejemplo: *L'année dernière mon fils a attaqué le paludisme trois fois, il a failli mourir* / El año pasado mi hijo ha atacado tres veces el paludismo, ha estado a punto de morir* (Lo correcto sería el año pasado mi hijo contrajo tres veces el paludismo, estuvo a punto de morir. La expresión: *attaquer une maladie* es típica del francés local, frente al francés estándar que emplearía en tal caso la forma: *contracter une maladie*).

ATAR A ALGUIEN sustituye a: echar un mal de ojo, por analogía con: *attacher quelqu'un*. Ejemplo: *Nous sommes allés voir un voyant qui dit que la maladie de Narcisse vient du fait qu'un ami l'a attaché par jalousie* / Fuimos a ver a un vidente quien dijo la enfermedad de Narciso viene de que un amigo suyo le ha atado por celos* (Lo correcto sería: Fuimos a ver a un vidente que dijo que la enfermedad de Narciso viene de que un amigo suyo le echó un mal de ojo). La locución *attacher quelqu'un* es muy típica del francés popular marfileño y se emplea además como sinónimos de: *travailler* o *faire un travail sur quelqu'un* / Trabajar o hacer un trabajo sobre alguien. Ver trabajar.

CONTESTAR sustituye a: discutir o rechazar, por analogía con el verbo: *contester*. Ejemplo: *Je ne conteste pas votre point de vue* / No contesto vuestro punto de vista* (Lo correcto sería: No discuto vuestro punto de vista). CONTESTAR significa: responder.

DEMANDAR se usa en vez del verbo: pedir, por analogía con el verbo: *demander*. Ejemplo: *Tu peux me demander tout ce que tu veux* / Me puedes demandar todo lo que quieres* (Lo correcto sería: Me puedes preguntar todo lo que quieras). DEMANDAR significa: poner una querrela.

EMBARAZADO sustituye al adjetivo: molesto por analogía con: *embarrassé*. Ejemplo: *Jean était très embarrassé de voir son ami impliqué dans plusieurs polémiques* / Juan fue muy embarazado de ver que su amigo está implicado en varias polémicas* (Lo correcto sería: Juan estuvo muy molesto viendo a su amigo implicado en varias polémicas). EMBARAZADO significa: tener un embarazo.

ENTRETENERSE sustituye al verbo: hablar, por analogía con el verbo: *s'entretenir*. Ejemplos: *Je vais m'entretenir avec mes amis avant de prendre une décision* / Voy a entretenerme con mis amigos antes de tomar una decisión* (Lo correcto sería: Voy a hablar con mis amigos antes de tomar una decisión. ENTRETENERSE significa: distraerse.

PISAR se emplea en vez del verbo: orinar, por analogía con el verbo: *pisser*. Ejemplo: *Les rues sentent mal car les gens pissent partout* / Las calles huelen mal porque la gente pisa en todos los sitios* (Lo correcto sería: Las calles huelen mal porque la gente orina en cualquier sitio). PISAR significa: poner el pie sobre alguien/algo.

TRABAJAR sustituye a: echar un mal de ojo o embrujar, por analogía con *travailler* o *faire un travail sur quelqu'un*, expresión del francés popular, derivada del sustrato local baoulé y dioula¹. Ejemplo: *L'oncle de Caroline a travaillé sur elle pour l'empêcher de réussir dans la vie* / El tío de Carolina ha hecho un trabajo sobre ella para que no tenga éxito en la vida* (Lo correcto sería: El tío de Carolina le echó un mal de ojo para que no tuviera éxito en la vida). En el francés estándar, esta locución correspondería al verbo: *ensorceler* cuyo equivalente en el español es: embrujar.

3.2. Galicismos gramaticales

Además de los galicismos lexicosemánticos, se registran numerosos casos de galicismos gramaticales en el habla de los estudiantes mencionados. Ya señalamos que se usa con frecuencia la frase preposicional donde se espera una proposición subordinada relativa. Se trata de la reproducción de la construcción francesa:

nivel gramatical, se aplica a la reproducción de alguna que otra estructura sintáctica sin atenderse a la norma de uso.

¹ Ambas son lenguas nativas de Costa de Marfil.

3.2.1. Verbo + de + verbo (fr.), equivale a: Verbo + que + subordinada (esp.)

Ejemplo: *La maîtresse nous exige de chanter l'hymne national chaque jour avant de commencer les cours* / La maestra nos exige de cantar cada día antes de empezar las clases*. Si bien el francés admite esta construcción, ante tal caso lo correcto en español corresponde a: La maestra exige que cantemos cada día antes de empezar las clases. A continuación veremos cómo se reproducen en el español unas construcciones del francés representadas por un verbo seguidos de preposición. Ejemplos:

3.2.2 Verbo + de + verbo

Continuer de travailler / Continuar de trabajar* (Correcto: Seguir trabajando)
Promettre de travailler / Prometer de trabajar* (Correcto: Prometer hacer el trabajo)

Oublier de travailler / Olvidar de trabajar* (Correcto: Olvidarse de trabajar)
 (Se)proposer de / Proponer(se) de trabajar* (Correcto: Proponer(se))

3.2.3 Verbo + a + Verbo

Avoir à faire / Tener a hacer* (Correcto: Tener que hacer)
Avoir à résoudre / Tener a resolver* (Correcto: Tener que resolver)

3.2.4. Verbo + a + Sustantivo

Aller à la recherche de / Ir a la busca de* (Correcto: Ir a buscar)

3.2.5. Verbo + en + Sustantivo

Traduire en espagnol / Traducir en español* (Correcto: Traducir al español).
Aller en France / Ir en Francia* (Correcto: Ir a Francia)
Arriver en France / Llegar en Francia* (Correcto: llegar a Francia).

3.3. Tiempos verbales

Se comprueba que se suele emplear el pretérito definido donde corresponde el pretérito indefinido. Ejemplos:

Hier nous avons étudié toute la nuit / Ayer hemos estudiado toda la noche* (Correcto: Ayer estudiamos durante toda la noche).

Je suis né en 1980 / He nacido en 1980* (Correcto: Nací en 1980)

4. Estrategias de aprendizaje o errores galicistas

La mayoría de los estudiantes a los que interrogamos sobre el motivo por el que empleaban una u otra forma galicista, argumentaron claramente que al desconocer la palabra exacta en el español, se arriesgan a recurrir a la unidad léxica más parecida en el francés porque se han percatado de que muchas veces, los elementos que poseen ciertas similitudes coinciden también en el significado. En relación con los errores gramaticales, sostuvieron en general que no eran conscientes de que no era lo correcto o que desconocían la regla.

Asimismo, se pudo comprobar que, por un lado, el uso de los galicismos formales corresponde a una estrategia de aprendizaje. Lo denominamos estrategia analógica. Los resultados de esta práctica son aleatorios ya que algunas veces funciona y otras veces no. Y, por el otro lado, entendimos que los errores gramaticales derivaban del desconocimiento de la norma.

De todas formas, en cada caso, la base estructural utilizada como punto de referencia es el francés. A partir de allí, se puede deducir que estas faltas son la consecuencia de las interferencias del francés sobre el aprendizaje. Frente a esta realidad, es necesario señalar que en la enseñanza de segundas lenguas, tanto los docentes como los aprendientes deben tener en cuenta el principio según el cual las semejanzas tanto formales como gramaticales que presentan algunas lenguas genéticamente emparentadas no implican coincidencia sistemática entre ellas. Pues, cada una es un sistema específico con sus particularidades idiomáticas propias. Además de los contrastes entre el caudal léxico, resulta claro que los principios funcionales son también diferentes. No hay más que observar las desinencias personales y la rigidez de la estructura sintáctica general del francés frente al español que se presenta como una lengua mucho más flexible. Desde este punto de vista, se establece que cualquier

proceso formativo que se basa en los aspectos plásticos o formales para elaborar una metodología de aprendizaje resulta completamente equivocado.

Por lo demás, existen varias soluciones ante la búsqueda de equivalencias lexicosemánticas en relación con la traducción de una lengua a otra o en ciertos actos discursivos en el español. Entre otros recursos se puede emplear:

a) El análisis contextual que consiste en apoyarse en los componentes lingüísticos y extralingüísticos o circunstanciales para entender el texto, especificando el sentido de los términos referenciales.

b) El análisis del discurso que permite determinar los términos equivalentes en una y otra lengua centrándose en la temática y el procesos de asociación léxica.

c) El análisis de los campos lexicosemánticos que permite determinar los sinónimos, antónimos, etc., de cada una de los términos claves del texto.

Todas estas herramientas funcionan en una perspectiva complementaria de modo que deberían emplearse conjuntamente ante cualquier necesidad. Al margen de estas propuestas, es necesario saber que en cualquier proceso de aprendizaje de una segunda lengua (L2), es importante la memorización y la aplicación de las reglas que rigen cada código lingüístico.

5. Conclusión

El fenómeno de los galicismos deriva principalmente de una necesidad de designación pero, puede convertirse en un problema estructural y de comunicación cuando resulta de una interferencia causada por el desconocimiento de las normas de la L2, como el español, en este caso. Este proceso se extiende a las falsas analogías desarrolladas por algunos bilingües compuestos y, tiene unas consecuencias importantes en la traducción dado que determinan necesariamente la comprensión y la interpretación del mensaje que se desea transmitir.

Esta exploración proporciona una importante muestra de galicismos impropios y al mismo tiempo, permite dar cuenta de que los falsos amigos son una trampa del lenguaje que inducen a errores. Además, teniendo en cuenta las características específicas de los elementos expuestos, se observa que estos hechos lingüísticos pueden variar según las circunstancias particulares y las realidades idiosincráticas de los locutores. Pues, como es sabido, Costa de Marfil es un país francófono pero la variante más usada por la población es el francés popular marfileño que resulta de la mezcla del francés oficial y algunas lenguas nativas. Asimismo, es probable que estos condicionantes lingüísticos y sociolingüísticos influyan también en el aprendizaje de cualquier otra lengua extranjera como el español.

Para terminar, hemos de recordar que, en realidad, la problemática tratada es común al aprendizaje de todas las segundas lenguas. Frente a la complejidad que conlleva sería demasiado pretencioso por nuestra parte fijar unas reglas definitivas. Sin embargo, desde el punto de vista epistemológico, siempre resultará necesario explicar esta dificultad y proponer unas orientaciones prácticas aunque, en realidad, la regla de oro en cualquier proceso de aprendizaje de una L2, como el español, es la dedicación intelectual en términos de memorización y de aplicación sistemática de las reglas de uso.

REFERENCIAS

1. Blas Arroyo J. L. Problemas teóricos en el estudio de la interferencia lingüística. *Revista Española de Lingüística*, 21, 1991. Pp. 265-290
2. Équipe IFA. *Inventaire des Particularités lexicales du Français en Afrique Noire*. France: EDICEF/AUF, 1988.
3. Fasold R. *Introducción a la sociolingüística*. Madrid: Visor Libros, 2004.
4. Fernández Sanchez E. Transferencias e interferencias en el aprendizaje de una segunda Lengua. *Investigación e innovación en la clase de idioma*, 11, 2000. Pp. 106-112.
5. Guerrero Ramos G. El préstamo lingüístico, uno de los principales procedimientos de creación neológica. *Quaderns de Filologia. Estudis Linguistic*, Vol. XVIII, 2013. PP. 115-30.
6. Koessler M. *Les faux-amis des vocabulaires anglais et américains*. Paris: Vuibert, 1975.

7. Real Academia Española. *Diccionario de la Lengua Española* (23^a ed.), Madrid: Espasa Calpe, 2014.
8. Resnick M. *Introducción a la historia de la lengua española*. Washington DC.: Georgetown University press, 1981.
9. Quilis A. *La influencia del francés en el habla de los niños españoles emigrantes a Francia*. Madrid: UNED, 2005.
10. Velasco J. Los falsos amigos, adquisición de lenguas y cambio lingüístico. En *Presencia y renovación de la lengua castellana*, Isabel Uzcanga et Al. (eds.), 2001. Pp. 377-383
11. Weinreich U. *Language contact. Findings and problems*. The Hague, Paris y New York: Mouton, 1953.

УДК 378.016:811.1

ББК Ш12/18-9

Е. В. Ланкевич

Томск, Россия

ВТОРОЙ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК: МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАВЫКА ГОВОРЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. Каждый год появляются новые методики изучения иностранного языка, а новые учебники и пособия выпускаются еще чаще. И обычно они предоставляются публике как нечто новое и наиболее эффективное. Новые методы и учебники могут отражать в себе происходящие изменения в лингвистике и лингвистических теориях, последние педагогические тенденции. Иногда они базируются на последних достижениях, полученных в рамках теории приобретения языковых навыков. В данной статье рассматриваются основные идеи зарубежных авторов в отношении изучения второго иностранного языка, а также представляется анализ основных мифов, которые зачастую связаны с изучением второго иностранного языка. Целью работы являлся анализ взглядов зарубежных профессоров на то, какие факторы имеют влияние на восприятие информации и как они зависят от личностных характеристик обучаемого. Посредством исследования трудов иностранных авторов, удалось выделить основные тенденции в преподавании языков у последователей различных теорий, как при изучении первого (основного языка), так и при изучении второго иностранного языка. Благодаря этому, стало возможно сделать вывод о том, какие методики являются наиболее эффективными и на что следует обратить внимание при преподавании иностранного языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: бихевиористы, интеракционисты, язык, изучение языка, иностранный язык.

Сведения об авторе: *Екатерина Викторовна Ланкевич, студент факультета иностранных языков, Томский государственный университет; адрес: 634012, г. Томск, ул. Матросова, д. 9, к. 5; e-mail : ekaterinaviklan@gmail.com.*

E. V. Lankevich

Tomsk, Russia

ISSUES IN TEACHING, LEARNING AND TESTING SPEAKING

ABSTRACT: Every year new methods of learning a foreign language appear on the world stage, and new textbooks and manuals are issued on their base. And usually they are shown to the public as something new and most effective. New methods and textbooks can reflect the ongoing changes in linguistics and linguistic theories, or the latest pedagogical trends. Sometimes they are based on the latest achievements. This article shows the main ideas of foreign authors regarding the study of the second foreign language, as well as provides an analysis of the main myths, which are often associated with the study of a second foreign language. The aim of the article is to analyze the views of foreign professors on the factors that have an impact on the ability to memorize and how they depend on the trainee's personal characteristics. Through the study of the books of foreign authors, it became possible to identify the main trends in the teaching methods of various theories, both in the study of the first (main language) and in the study of the second foreign language. Thanks to this, it became possible to conclude what methods are most effective and on what should teachers pay attention while teaching a foreign language.

KEYWORDS: behaviorists, interactionists, language, language learning, foreign language.

About the author: *Ekaterina Viktorovna Lankevich, student of the faculty of foreign languages, Tomsk State University, Tomsk, Russia; e-mail : ekaterinaviklan@gmail.com.*

Одним из самых удивительных аспектов человеческого развития является способность изучать языки. Изучение языков - это удивительное умение, которое всегда привлекало внимание лингвистов и психологов.

Мы рассмотрим несколько теорий, объясняющих механизм изучения языка. Здесь будет рассмотрено три центральных теории: бихевиористская, теория врожденных идей и интеракционистический взгляд на изучение языка.

Бихевиористская теория: «говори то, что говорию я».

Классические бихевиористы считают, что изучение языка - это всего-навсего имитация и поведенческая формация. Дети имитируют звуки, которые они когда-либо слышали и получали поощрение за это. Получив одобрение, они продолжают имитировать и практиковать эти звуки до тех пор, пока не приобретут «привычку» правильного использования языка. Исходя из этой теории, количество и качество языка воздействует на успешность восприятия детьми языка. Бихевиористы определяют имитацию и практику как начальные процессы в развитии языка.

Теория врожденных идей: «Все сосредоточено в твоём разуме».

Лингвист Н. Хомский считает, что дети биологически запрограммированы на язык и что язык развивается в человеке так же как и другие биологические процессы. Например, каждый ребенок научится ходить, как только ему будет предоставлена свобода передвижения. Детей, по его мнению, не стоит пытаться научить таким естественным вещам, так как многие дети начинают ходить в одно и то же время. Согласно Н. Хомскому, изучение языка очень схоже с развитием способности к передвижению. Общество делает основной вклад в развитие языка - наличие людей, говорящих на данном языке, которые контактируют с ребенком. В этом и состоит теория врожденных идей. Н. Хомский развил данную теорию в ответ на теорию бихевиористов. Он считал, что теория оппонентов не берет во внимание так называемую «логическую проблему изучения языка». Эта проблема обращает внимание на тот факт, что дети изначально знают больше о структуре языке, чем они могли бы извлечь из тех примеров, которые они слышат и имитируют. Согласно Н. Хомскому, язык, который ребенок слышит, полон неверной информации (к примеру: незаконченные предложения, оговорки) и не содержит полной информации, которая необходима ребенку. Н. Хомский заявляет, что разум ребенка нельзя сравнивать с пустыми полями бланка, которые можно заполнить, имитируя слова, которые мы слышим в окружающем нас мире. Напротив, ученый считает, что дети рождаются с особой способностью самостоятельно открывать для себя правила, заложенные в языковую систему.

Н. Хомский обращает внимание на тот факт, что развитие языка у детей происходит по схожему принципу, не отличаясь от того, как дети учатся ходить.

Интеракционистический взгляд на изучение языка.

Третья теория фокусируется на роли лингвистического окружения во взаимодействии с врожденной способностью ребенка к развитию языка. Позиция сторонников данной теории состоит в том, что язык развивается в результате сложного взаимодействия уникальных человеческих качеств и окружения, в котором растет ребенок.

Все три теории освещают разные взгляды на изучение языка, но, не смотря на это, их объединяет то, что каждая из них может помочь в объяснение различных аспектов развития языка у детей. Бихевиористы показывают аспекты, касающиеся повседневной практики, в то время как сторонники теории врожденных идей более убедительны в объяснении феномена изучения грамматической стороны языка. Исследования интеракционистов необходимы для понимания того, как дети соотносят форму и значение в языке.

Для понимания того, как различные условия влияют на изучение иностранного языка нам необходимо задать несколько вопросов:

1. Знаком ли изучающий с данным языком?
2. Может ли ученик быть привлечен к решению проблем и сложных умственных задач?
3. В какой степени развито у изучающего «чувство языка»?
4. Насколько широк кругозор ученика и каковы его базовые знания об устройстве языковой системы?
5. Не боится ли изучающий делать ошибки и не чувствует ли себя неуверенно при разговоре на иностранном языке?
6. Позволяет ли окружающая среда ученику подходить к разговорной практике постепенно или же он погружен в обстановку, где ему придется говорить на языке с самого начала обучения?
7. Достаточно ли времени для изучения языка и есть ли возможность контакта с носителями языка?
8. Получает ли корректирующую ответную реакцию, когда делает грамматические ошибки или же слушающий не обращает внимание на эти ошибки?

и прислушивается только к содержанию?

9. Получает ли ответную реакцию, когда учащийся используют неверное слово или педагог пытается понять то, что хотел выразить говорящий.

Все изучающие второй язык, независимо от возраста, уже имеют опыт по изучению как минимум одного языка. Это знание может послужить преимуществом для изучающего второй язык, так как они уже знают, как работает механизм запоминания словоформ. С другой стороны, знание других языков может привести изучающего к смешению грамматических и лексических форм. В данном случае, изучающие второй язык впервые имеют преимущество, так как им не будет мешать развитое по отношению к первому языку «чувство языка».

Для того чтобы лучше понять механизм распределения характеристик на категории необходимо рассмотреть методы исследования. Когда исследователи заинтересованы в выяснение того, как мотивационный фактор влияет на изучение второго языка, они выбирают группу студентов и проводят тестирование, направленное на выяснение степени мотивации. Затем студенты получают тестовые задания, результат которых должен показать их уровень языка. Тесты проверяются, и исследователи соотносят уровень знания языка и степень мотивации. Обычно в итоге заключается, что высокий уровень языка тесно связан с высокой мотивацией.

Интеллект.

Связь между интеллектом и вторым языком была освещена несколькими исследователями. В течение нескольких лет многие исследования, использующие IQ тесты, показали, что уровень интеллекта может предопределить, насколько успешен будет человек в изучении иностранного языка. Кроме того, последние исследования показали, что интеллект может иметь более сильное влияние на некоторые умения, чем другие.

Схожие результаты показали исследования, в которых интеллект был связан с результатами различных письменных заданий. В то же время, было доказано, что интеллект влияет на такие умения как чтение и письмо и совершенно не влияет на развитие коммуникационной способности. Следовательно, интеллект является главенствующим фактором при изучении языка в условиях традиционной педагогики.

Способности.

Фактор способности наиболее подробно рассматривается исследователями, которые заинтересованы в разработке тестов, направленных на определение предрасположенности людей к изучению второго иностранного языка. Наиболее широко используемыми тестами являются the Modern Language Aptitude Test и the Pimsleur Language Aptitude Battery. Оба теста измеряют такие параметры как: способность идентифицировать и запоминать новые звуки; способность понимать каким образом функционируют слова в предложении; способность извлекать грамматические правила из примеров; способность запоминать новые слова. Считается, что если в ученике сочетаются все эти качества, то изучение языка будет проходить более успешно.

Личность.

Было рассмотрено много различных черт характера, которые могут иметь влияние на изучение языка, но было сложно доказать их эффективность на практике. К примеру, всегда считалось, что экстраверты более успешны в изучении языка. Но исследования не всегда подтверждают это заключение. Хотя некоторые исследования и показали, что успех в изучении языка связан с чертами характера присущими экстравертам (такие как упорство, настойчивость), другие же настаивают, что успех в изучении не зависит от экстравертированности.

Другой аспект, на который было направлено внимание это нерешительность. Именно это качество затормаживает процессы необходимые для изучения языка. Обычно эта черта присуща подросткам, которые менее уверены в себе, чем дети младшего возраста.

В исследованиях также рассматривались такие черты характера как самооценка, эмпатия, разговорчивость и ответственность. Но, несмотря на все исследования, сильная связь между личностными характеристиками и успехами в изучении языка не доказана.

Мотивация.

Множество исследований доказывает связь мотивации и успешность в изучении языка, но к несчастью, эти исследования не могут точно показать, в чем состоит эта связь. Не ясно, влияет ли мотивация на изучение или же наоборот, то есть изучающие язык мотивированы, так как они успешны или же они успешны, так как мотивированы. (Skehan 1989)

Мотивация – это сложный феномен, который может быть определен двумя факторами: коммуникационными нуждами учащего и их отношением к обществу, для которого этот язык является родным. Если человеку необходим язык для удовлетворения профессиональных амбиций, то он будет мотивирован на скорейшее изучение языка. Аналогичным образом, если у человека есть симпатии по отношению к стране изучаемого языка, то, следовательно, у него есть желание как можно больше контактировать с населением данной страны.

Одним из факторов, который всегда имел большое влияние на мотивацию, является социальная динамика или же сила связи между языками. Даже если невозможно предсказать точный эффект этого социального фактора на изучение второго языка, социальный контекст не может быть не учтен когда мы говорим о переменных, которые влияют на успешность изучения.

Стиль изучения.

Область исследования, которая получила большое количество внимания среди различных кругов образования, это стиль изучения. Это исследование подразумевает, что разные ученики выполняют задания с помощью различного набора умений и предпочитаемых стратегий. Все мы знаем, что существуют люди, которые не могут выучить что-то, пока не увидят это. Такой тип людей называют визуалами. Других же можно назвать аудиалами, так как им достаточно для запоминания прослушать информацию несколько раз. Некоторые студенты испытывают сложности с запоминанием информации и продолжают заучивать информацию до тех пор, пока не будут уверены, что охватили умом весь необходимый материал. А для кого-то обязательным является добавление физической активности к учебному процессу.

Не смотря на то, что все студенты используют тот или иной стиль обучения, проведено очень мало исследований, направленных на выявление связи между стилями обучения и успехами в изучении второго языка.

Многие педагоги согласятся, что изучение второго иностранного языка в условиях реального времени, то есть в окружении людей, для которых данный язык является родным, отличается от изучения в аудитории. Считается, что лучший результат приносит именно первый вариант. Это мнение, возможно, основано на том, что большинство успешных учеников имело опыт изучения языка на родине данного языка. Возможно, ли создать условия, схожие с реальной обстановкой, в аудитории?

Исходя из всего этого, мы переходим непосредственно к рассмотрению теорий предложенных для изучения второго иностранного языка. Все теории было разработаны для работы в аудиториях.

1. «Get it right from the beginning»

Данный способ обучения основан на теории бихевиористов – изучать язык необходимо постепенно, используя только корректные формы. Этот способ можно соотнести с тем, что применяется во многих школах. Учителя не позволяют начинающим говорить на языке свободно, чтобы не провоцировать ошибки. Так как ошибки полученные таким образом могут перерасти в привычку. Следовательно, лучше предотвращать ошибки до того как они появились.

2. «Say what you mean and mean what you say»

Данный метод основан на гипотезе интеракционистов, то есть показывает необходимость коммуникационной связи ученика и преподавателя. То есть, студентам дается возможность участвовать в обсуждениях, выражать свое мнение, мысли, что приводит их к пониманию различных лексических и грамматических форм.

3. «Just listen»

Это предположение основано на аксиоме, что не обязательно заучивать языковые формы для того чтобы их выучить. То есть согласно данному способу достаточно слышать и понимать изучаемый язык.

4. «Teach what is teachable»

В последнее время данный способ привлек большое внимание среди исследователей. Наиболее известным ученым, который занимается данной теорией, является Manfred Pienemann. Он объясняет, почему некоторые вещи человек способен выучить быстро, а другие, даже после долгого изучения, кажутся невозможными для запоминания. То есть, любая попытка выучить грамматическую структуру относящуюся к 4й стадии учеником 1й стадии провалится, так как ученик еще не прошел 2ю и 3ю стадию и еще не готов перейти к 4й стадии.

Исследователи, поддерживающие эту теорию, заявляют, что другие аспекты языка, такие как словарный запас, могут изучаться в любое время. И успех в изучении зависит от таких факторов как мотивация и интеллект.

5. «Get it right in the end»

Данный метод схож с предыдущим. Его сторонники не отрицают важность обучения, но также считают, что не всему возможно обучить. То есть, они настаивают, что существует категории в языке, которые можно освоить только естественным образом. Но данный метод все же отличается от «Teach what is teachable» тем, что он заключает в себе идею, что некоторые аспекты языка необходимо изучать в обязательном порядке. К примеру, когда ошибка ученика является результатом перенесения какой-либо структуры из первого языка, и все остальные ученики, находящиеся в группе продолжают делать эту ошибку, становится практически невозможно для учеников исправить эту ошибку самостоятельно.

Сторонники «Get it right in the end» считают, что иногда необходимо привлечение внимания студентов к их ошибкам и заострение внимания на некоторых лингвистических моментах.

Все эти пять стратегий направлены на помощь студентам в изучении второго иностранного языка. Но в дополнение к ним необходимо развивать методы направленные на приближение обучения языку к реальным условиям, то есть постараться стереть границы между аудиторным обучением и обучением в стране языка.

Также, в данной статье хотелось бы рассмотреть мифы, связанные с изучением языка.

1. Языки изучают в основном посредством имитации.

Трудно найти доказательство для данного утверждения. Это не означает, что имитация не имеет никакого отношения к изучению языка, но если обратиться к первой главе, то становится понятно, что дети не подражают всему тому, что они слышат и, следовательно, изучение с помощью имитации нельзя считать плодотворным.

2. Люди с высоким IQ более успешны в изучении языка.

Студенты с высокими интеллектуальными способностями имеют тенденцию преуспевать в изучении языка, так же как и в других предметах. Как бы то ни было, исследования доказали, что достигнуть успеха в изучении языка может каждый, в независимости от интеллектуальных способностей.

3. Самым важным фактором в обучении является мотивация.

Все согласятся, что если студент хочет выучить что-то, то он выучит это лучше, чем тот, кого заставляют это выучить. Есть множество компонентов, которые гарантируют успех в изучении языка, и поэтому даже самые мотивированные студенты при отсутствии этих компонентов испытывают трудности в изучении языка.

4. Чем раньше второй язык начинает изучаться в школе, тем лучше.

Решение о введении второго языка должно зависеть от учебной программы. Любая школьная программа должна базироваться на том, сколько требуется времени на обучение того или иного языка, час или два часа в неделю, даже на протяжении 7 или 8ми лет, не приведут к уверенному владению вторым иностранным языком.

5. Большинство ошибок являются результатом смешения первого и второго языка.

Существует множество причин, из-за которых ученики делают ошибки при изучении языка. Перенос аспектов из одного языка в другой одна из таких причин, но значение этой причины переоценено. Студенты, родом из разных стран, делают одинаковые ошибки при изучении, несмотря на то, что их первые языки

отличаются друг от друга и относятся к неродственным языковым группам.

6. Ошибки учащихся должны исправляться сразу же, чтобы избежать превращения ошибки в привычку

Ошибки - это естественная часть обучения. Когда ошибка происходит постоянно, особенно когда она повторяется всеми учениками в классе, необходимо привлечь внимание учащихся к этому. Но с другой стороны, исправление ошибок может оказать негативный эффект на мотивацию. Выходом из ситуации является индивидуальная работа с учащимся, где ему будет объяснена суть ошибки и возможные пути её исправления.

7. Преподавателям следует давать материал, основанный только на том материале, который был изучен студентами.

Такая процедура может оказывать отрицательный эффект, так как если студент не встречает трудностей на пути изучения языка, это может привести к потере мотивации. Также студентам необходимо научиться иметь дело с «реальным» материалом.

Из данной работы становится ясно, что на изучение языка влияет множество факторов. Среди них и личностная характеристика, и структура родного языка, и возможность контактирования с носителем языка, и наличие внеклассной работы с преподавателем. В процессе педагогического исследования необходимо применять наиболее оптимальный комплекс методов, которые позволяли бы получать разносторонние сведения, могли бы отражать динамику развития формируемых качеств во времени, а также позволили бы анализировать ход экспериментально-педагогического процесса, его результаты и его условия, в которых он функционирует. Именно эти знания позволят преподавателю и ученику провести время на занятии более продуктивно, поможет выделить то, на что следует обратить внимание при изучении второго иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. M. Lightbown, N.S. How Languages are Learned. - Oxford: Oxford University Press, 1993. - 199 p.
2. Kavasoglu Mehtar, Ş. Y. The adaptation study of oral communication strategy. // International Journal of Human Sciences. - 2013. - Pp. 400-419.
3. Pawlak Mirosław, E. W.-K. Issues in Teaching, Learning and Testing Speaking in a Second Language. - Poland: Springer, 2015. - 341 p.

УДК 378.016:811.161.1

ББК Ш141.12-9-99

М. Ю. Яркова, И. Н. Краснюк

Иркутск, Россия

РОЛЬ ИГРЫ КАК ОДНОГО ИЗ ПРИЁМОВ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ (РУССКОМУ) ЯЗЫКУ

АННОТАЦИЯ. Тема данной статьи "Роль игры как одного из приёмов интерактивных технологий при формировании социолингвистической компетенции в процессе обучения иностранному (русскому) языку". Цель данной работы – проанализировать игру как эффективный способ формирования социолингвистической компетенции и метод интерактивного обучения, изучить возможности ролевой игры. Предметом изучения в данной работе является методика проведения игры (ролевой игры) как одного из средств активизации познавательного процесса при овладении иностранными обучающимися особенностями русского коммуникативного поведения. Актуальность данной работы определяется тем, что при обучении русскому языку иностранных студентов часто используются методы интерактивного обучения, одним из которых является игра. Через ролевую игру происходит моделирование жизненных ситуаций, совместное разрешение проблем и т.д. То есть обучение проходит в условиях активного взаимодействия преподавателя и всех обучающихся. Игры на уроках РКИ помогают иностранным студентам адаптироваться в условиях новой языковой и культурной среды. Игровые задания повышают мотивацию обучения, что способствует активизации мышления, повышает творческую активность, стимулирует их интерес к изучению русского языка. В статье рассматривается ролевая игра как наиболее эффективный метод интерактивного обучения русскому языку как иностранному, рассматриваются некоторые способы создания положительной мотивации у студентов-иностранцев при обучении РКИ, в частности, посредством ролевой игры, т.е. перенесение языкового материала в разные жизненные ситуации, ориентация на активные формы обучения, создание благоприятной эмоциональной атмосферы познавательной деятельности. Также в статье приводятся некоторые игровые задания, направленные на развитие коммуникативных навыков у изучающих русский язык как иностранный.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ролевая игра, русский язык как иностранный, активные формы обучения РКИ, обучающиеся, иностранные студенты, активизация познавательного процесса, мотивация.

Сведения об авторах: 1. *Марина Юрьевна Яркова, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Иркутский государственный университет, факультет филологии, иностранных языков и медиакоммуникации; адрес: 664025 г. Иркутск, ул. Ленина, 8, к. 304; e-mail: marinaurjevna@rambler.ru.*

2. *Ирина Николаевна Краснюк, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Иркутский государственный университет, факультет филологии, иностранных языков и медиакоммуникации; адрес: 664025 г. Иркутск, ул. Ленина, 8, к. 304; e-mail: irina_krasnyuk@mail.ru.*

M. Y. Yarkova, I. N. Krasnyuk

Irkutsk, Russia

THE ROLE OF THE GAME IS ONE OF THE METHODS OF INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN THE FORMATION OF SOCIOLINGVISTIC COMPETENCE IN THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN (RUSSIAN) LANGUAGE

ABSTRACT. The theme of this article "The role of the game is one of the methods of interactive technologies in the formation of sociolinguistic competence in the process of teaching foreign (Russian) language. The purpose of this work is to talk about the game as an effective way of forming sociolinguistic competence and the method of interactive teaching, to explore the possibilities of role-playing game. The subject of the study in this paper is the method of conducting a game (role-playing game) as one of the means of activating the cognitive process, when foreign students study the peculiarities of Russian communicative behavior. The relevance

teaching methods are often used, one of which is the game. Through role-playing game there is a simulation of life situations, joint resolution of problems, etc. That is, the training takes place in conditions of active interaction between the teacher and all trainees. Games during Russian language lessons help foreign students adapt to a new language and cultural environment. Gaming tasks increase the motivation for learning, which contributes to the activation of thinking, strengthens the creative activity and stimulates their interest in learning the Russian language. Some game assignments that aimed at developing the communication skills of those who learn Russian as a foreign language, are given in the article.

KEYWORDS: role-playing game, Russian as a foreign language, active forms of teaching Russian as a foreign language, students, foreign students, activation of the cognitive process, motivation.

About the authors: 1. Marina Yuryevna Yarkova, lecturer of Department of Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Irkutsk State University; Address: 664025, office 304, Lenin St., 8, Irkutsk, Russia; e-mail: marinaurjevna@rambler.ru.

2. Irina Nikolaevna Krasnyuk, lecturer of Department of Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Irkutsk State University; Address: 664025, office 304, Lenin St., 8, Irkutsk, Russia; e-mail: irina_krasnyuk@mail.ru.

В современном мире все более популярным является изучение русского языка. В Россию приезжают, чтобы не только познакомиться с её памятниками культуры, увидеть и оценить красоту природы, но и изучать русский язык. И чтобы процесс обучения был более эффективным, преподаватели активно используют игры на учебных занятиях. Во время игры реализуются важнейшие коммуникативные и лингвистические функции.

Цель данной статьи – анализ игры как эффективного способа формирования социолингвистической компетенции и метода интерактивного обучения, изучить возможности ролевой игры как приема активизации обучающихся при изучении основ русского коммуникативного поведения.

Предметом изучения в данной работе является методика проведения игры как одного из средств активизации познавательного процесса при овладении иностранными обучающимися особенностями русского коммуникативного поведения.

Актуальность данной работы определяется тем, что при обучении русскому языку иностранных студентов часто используются методы интерактивного обучения, одним из которых является игра. Через ролевую игру происходит моделирование жизненных ситуаций, совместное разрешение проблем и т.д. То есть обучение проходит в условиях активного взаимодействия преподавателя и всех обучающихся в результате чего происходит формирование у студентов-иностранцев основных компетенций: коммуникативной, лингвистической и культурологической.

Методика использования игр во время обучения иностранным языкам не является новой. Ежегодно публикуется множество статей, сборников, посвященных данной теме. Почему же так популярна эта методика? Все очень просто: игры на уроках русского языка как иностранного (РКИ) помогают студентам из других стран адаптироваться в условиях новой языковой и культурной среды.

В настоящее время при обучении русскому языку как иностранному мы все чаще говорим о компетентностном подходе, который получил широкое распространение. Действительно, обеспечение формирования у иностранных студентов таких основных компетенций, как коммуникативная, лингвистическая и культурологическая, является очень актуальным. Конечно же, первое, самое важное место мы отведём коммуникативной компетенции. Почему? Дело в том, что цель обучения РКИ заключается в "формировании языковой личности, способной к эффективному общению, к участию в речевой деятельности" [Макшанцева 2012: 447].

Язык является социокультурным феноменом, следовательно, преподавать русский язык как иностранный, не обращая внимания обучающихся на особенности использования лексики и языковых моделей в разных коммуникативных ситуациях, просто невозможно. Но коммуникативная компетенция не будет сформирована в полном объеме без социолингвистической компетенции, которая в современной методике преподавания иностранных языков занимает особое место. Для ее формирования необходимы знания и навыки, связанные с социальным аспектом использования языка [Common European Framework 2001:118].

Одни из ученых рассматривают социолингвистическую компетенцию как одну из составляющих коммуникативной компетенции [Макшанцева 2012: 448], а другие считают ее одним из подвидов социокультурной компетенции [Бим 2005, Сафонова 1993]. Думаем, рассматривать социолингвистическую компетенцию как составляющую коммуникативной компетенции более правильно, потому что данная компетенция необходима человеку для эффективного общения на иностранном языке.

Исследователь М. Ф. Овчинникова считает, что социолингвистическая компетенция – это "способность языковой личности организовывать свое речевое поведение адекватно ситуациям общения с учетом коммуникативной цели, намерения, социальных статусов, ролей коммуникантов и обстановки общения ..." [Овчинникова, 2008: 28–29].

По мнению российского учёного М. Ю. Синицы, социолингвистическая компетенция – это набор языковых средств, которым владеет обучающийся [Синица 2000: 14], и он должен уметь выбирать эти средства в соответствии с основными аспектами контекста, в котором протекает общение.

Интересно мнение исследователя Ю. В. Манухиной. Она рассматривает социолингвистическую компетенцию как "совокупность определенных знаний, умений и навыков, позволяющих осуществить межкультурную коммуникацию в зависимости от контекста, в котором она реализуется, от традиционных правил употребления языковых единиц и невербальных компонентов общения, принятых в данном социуме, от конкретной ситуации общения ..." [Манухина 2006: 32–33].

Таким образом, обобщая мнения разных исследователей о социолингвистической компетенции, мы можем сказать, что данная компетенция – это способность иностранных студентов к организации своего речевого поведения адекватно ситуациям общения, во время которых используются те знания, умения и навыки, полученные на занятиях.

Во время обучения русскому языку как иностранному важным фактором является не только развитие языковых и речевых навыков, но и обучение правильному использованию данных умений в конкретной жизненной ситуации. Следовательно, необходимо проводить каждое занятие таким образом, чтобы обучающиеся могли потренироваться в отработке языкового материала в конкретной речевой ситуации. И тут на помощь преподавателю приходят игры, которые помогают сделать процесс познания и усвоения нового материала более продуктивным. Повышается интерес обучающихся к тем аспектам, которые изначально могут показаться им скучными. К тому же, игровая форма даёт возможность более активно закрепить старые и приобрести новые речевые навыки и умения. Постоянная речевая активность и многократное повторение элементов речи, которые мотивируются игрой, не вызывают у обучающихся ощущения монотонности. Во время игры создаётся непринужденная атмосфера, которая способствует не только снятию языкового барьера, но и наиболее полной реализации коммуникативного потенциала обучающихся. Происходит актуализация нового материала и тех знаний, которые находятся в пассивном запасе.

Во время игры обучающиеся преодолевают многие психологические преграды, которые связаны с боязнью сделать ошибку или представить себя не лучшим образом перед другими. В процесс включаются все обучающиеся: и "сильные", и "слабые". Особенно это актуально для "слабых" обучающихся, навыки которых ниже среднего показателя в группе. Речевая деятельность обучающихся увеличивается, а преподаватель становится наблюдателем. Его главная цель – фиксировать ошибки с их дальнейшим анализом и возможностью исправления. Игра даёт возможность преподавателю в неформальной обстановке и минимальном стрессе для обучающихся оценить их знания.

При обучении русскому как иностранному большое распространение получили ролевые игры. Что же такое ролевая игра? Это, прежде всего, методический прием, который относится к группе активных способов обучения практическому владению иностранным (русским) языком. Во время ролевой игры происходит распределение обучающихся по ролям и разыгрывание ситуаций общения в соответствии с заданной темой. Создание реальных жизненных ситуаций даёт возможность преподавателю развивать устойчивый интерес к изучению

русского языка, а студенты получают возможность приобретать навыки в процессе совместной деятельности. Также ролевая игра развивает речь, речевой этикет, логическое мышление, способность находить ответы на поставленные вопросы и, что очень важно, умение общаться друг с другом.

В качестве положительных моментов следует отметить высокую мотивацию у обучающихся, удовольствие от проведения игры, эмоциональность, формирование определённых умений и навыков, в частности, умение применять полученные знания, а обсуждение после игры помогает закрепить эти умения и навыки.

Во время ролевой игры происходят многократные повторения с разнообразными вариациями, которые лучше усваиваются и надолго остаются в памяти обучающихся. Обучение без языка-посредника имеет очевидные преимущества: студенты вынуждены усваивать материал для участия в процессе коммуникации. Так, например, на кафедре РКИ в институте филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ иностранным студентам предлагаются ситуации, с которыми они могут столкнуться в реальной жизни: "Приветствие и знакомство", "В общепите", "В столовой", "В деканате", "В банке" и т.д.

Ролевые игры условно можно разделить на социально-бытовые и деловые. Целью социально-бытовых игр является формирование навыков и умений иноязычного общения в социально-бытовой сфере, совершенствование культуры поведения. При обучении профессиональному общению используются деловые игры.

Преподаватель предлагает реальные ситуации, с которыми студенты-иностранцы могут столкнуться в жизни, что формирует субъективную мотивацию. Появляется уверенность в своих силах и возможностях. Но следует отметить, что ведущая роль в развитии сюжета игры всегда принадлежит преподавателю, а её проведение требует тщательной подготовки. Преподавателю необходимо хорошо продумать сюжет игры, учитывая ранее изученный лексический и грамматический материал; дать обучающимся прослушать и повторить вместе с ними речевые модели, а также модели с пропущенными в ней лексическими единицами; трансформировать данные модели; смоделировать собственную речевую ситуацию. В зависимости от лексического и грамматического материала могут меняться цели занятия. Например, основная цель при изучении лексической темы "Продукты" и грамматической темы "Количественные числительные" будет заключаться в отработке полученных знаний и формировании речевых навыков по данным темам одновременно.

Ситуацию "В магазине" можно дать обучающимся при изучении тем "Еда", "Одежда". При изучении темы "Моя семья" можно разыграть ситуацию "Знакомство" и т. д.

Использование ролевых игр может быть рекомендовано при изучении следующих тем:

1. Знакомство. Приветствие.
2. Человек, его внешность и характер. Одежда.
3. Покупки (Покупаем продукты. В магазине одежды и т.д.)
4. Сфера услуг (Почта. Химчистка и т.д.)
5. Питание. (Ресторан. Кухня. Приготовление пищи)
6. Город. Ориентация в городе. Транспорт. Проблемы большого города.
7. Жильё (Квартира. Дом. Агентство недвижимости. Домашние дела)
8. Здоровье. Медицинское обслуживание.
9. Путешествия. Гостиница. Транспорт.
10. Увлечения. (Интересы. Спорт. Искусство. Музыка. Кино. Театр. Общественные места. Отдых и развлечения).
11. Беседа по интересам (Хобби).
12. В гостях. Приглашение. Этикет посещения гостей.
13. Обучение.
14. Работа. Поиски работы.
15. Государственные учреждения и организации. Информационные службы. (ОВИР, полиция, ГИБДД, банк, страхование и т.д.).

Данные темы и ситуации представлены в Государственных образовательных стандартах по обучению русскому языку как иностранному.

Следует помнить, что главное в интерактивном обучении состоит не только в организации учебного процесса таким образом, чтобы все студенты были вовлечены в процесс усвоения учебного материала, но и необходим обмен знаниями, идеями, потому что организация интерактивного обучения – это совместная учебная деятельность, в которой студент-иностранец является активным участником "диалога" культур. Когда иностранные студенты общаются между собой на занятиях, они не только выполняют определенные функции, у них появляется уверенность в том, что они могут общаться на иностранном (русском) языке, что повышает эффективность обучения.

Но необходимо учитывать, что, например, для студентов из Китая ролевые игры непривычны, потому что обучающиеся не расположены к импровизации. Это объясняется особенностями китайского менталитета. В Китае при обучении иностранным языкам основными видами речевой деятельности являются чтение, перевод и письмо, поэтому они не очень расположены к таким видам работ. Следовательно, китайских студентов необходимо постепенно вовлекать в интерактивную коммуникацию.

Студенты-иностранцы, которые только приехали в Россию, выполняют, прежде всего, роль студента подготовительного отделения, который оказывается в различных бытовых и учебных ситуациях. Особенность такой ролевой игры заключается в том, что студент играет самого себя. В результате происходит стимулирование обучающегося к активному участию в общении, формируется высокая мотивация к изучению языка. Поэтому чем глубже затронуты личные интересы, мысли, эмоции, тем сильнее желание высказаться на иностранном языке.

Благодаря разумному сочетанию игры с другими методическими приёмами на занятиях РКИ происходит качественное усвоение материала иностранными студентами.

Таким образом, являясь полноценной частью учебного процесса, игра является неотъемлемой частью методической организации учебного занятия и становится связующим звеном между реальным миром и процессом обучения.

Для эффективного обучения могут быть использованы следующие задания, представленные в форме игр:

1. Игра-анкета "Жизнь в этом городе".

Используя такого рода анкетирование, интересно обсудить впечатления студентов, полученные от проживания в вашей стране.

Задание. Закончите предложения. Расскажите, как вы чувствуете себя в Иркутске.

1. Моё первое впечатление в Иркутске – это ...
2. Когда я впервые приехал в Иркутск, мне показалось странным, что ...
3. В общем, иркутяне ...
4. По сравнению с моим родным городом Иркутск ...
5. Я обязательно посоветую своим друзьям посмотреть в Иркутске ...
6. Если бы я знал заранее, я бы взял с собой в Иркутск ...
7. Самое трудное для иностранцев в Иркутске – это ...
8. Если бы я был мэром Иркутска, я бы...

2. Игра-дискуссия "Согласны или нет".

Данная игра дает возможность наполнить её любым тематическим материалом и обсудить самые разные вопросы. Для этой игры нужно подготовить утверждения, к которым студенты будут выражать свое отношение. Пространство учебной аудитории условно делится на три части: "согласны", "не согласны", "частично согласны".

Преподаватель читает утверждение, например: "Маленьким детям надо запретить смотреть телевизор" или "Маленьким детям надо запретить пользоваться сотовым телефоном", "Компьютерные игры для дошкольников вредны". В зависимости от своего решения студент переходит в ту или иную часть аудитории. Затем образовавшимся группам дается время, чтобы обсудить свое мнение и привести аргументы в его пользу, и предлагается выступить с этими аргументами. В зависимости от характера утверждений эта игра может быть очень серьезной или, наоборот, смешной. В процессе игры могут проявляться культурные различия студентов из разных стран.

3. Игра "Сочиняем истории".

а) Группа получает лист с вертикально напечатанным на нём алфавитом. Задача – написать предложения, начинающиеся, соответственно, с данных букв. Но это должны быть не отдельные предложения, а связный текст с сюжетом. Группы могут сами придумать сюжет, он может быть связан с темой, которая изучается в данный момент. Например, "День влюблённых", "Путешествие в Антарктиду" и т. д. Обычно тексты получаются очень смешными.

б) Написать на доске начало истории. Оно должно быть очень простым. ("Поздний вечер. Я шла по тёмной улице. Было страшно. Вдруг кто-то закричал: "...") Один из студентов читает написанное вслух и затем продолжает, добавив предложение, логически связанное с написанным. Следующий студент говорит своё предложение и т. д. Можно предложить студентам подготовить собственные "начала". Эта игра интересна тем, что в её процессе обучающиеся внимательно слушают друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарина, Л.Е. Игры на уроках РКИ. Вестник ЦМО МГУ. Практикум. Центр международного образования МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2009. – № 3. – С. 102-109.
2. Бим, И. Л. Модернизация структуры и содержания школьного языкового образования (ИЯ) // Иностранные языки в школе. – 2005. – № 8. – С. 2-6.
3. Козырева, Н. Ю. Ролевая игра как один из методов интерактивного обучения // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Том 25 (64) №1. Часть №2. – С. 289-293.
4. Макшанцева, Н. В. Содержание коммуникативной компетенции при обучении РКИ // Актуальные проблемы социальной коммуникации. Материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2012. – С. 447-449.
5. Манухина, Ю. В. Формирование социолингвистической компетенции в процессе овладения формулами речевого этикета: дис. ... канд. пед. наук: Ю. В. Манухина. Москва, 2006. – С. 32-33.
6. Нефедов, И. В., Хашхаян, М. А. Ролевая игра как способ формирования социолингвистической компетенции // Молодой ученый. – 2015. – №24. – С. 1138-1141.
7. Овчинникова, М. Ф. Методика формирования социолингвистической компетенции учащихся общеобразовательной школы: (английский язык, филологический профиль): дис.... канд. пед. наук: М. Ф. Овчинникова. – Улан-Удэ, 2008. – С. 28-29.
8. Сеница, Ю. А. Формирование социолингвистической компетенции в процессе обучения устному иноязычному общению студентов неязыковых вузов: (в контексте национальной культуры Франции): дис. ... канд. пед. наук: Ю. А. Сеница. – Москва, 2000. – С. 14.
9. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Strasbourg, 2001. – С. 118.

REFERENCES

1. Azarina, L.E. Igrы na urokah RKI. Vestnik CMO MGU. Praktikum. Centr mezhdunarodnogo obrazovanija MGU imeni M.V. Lomonosova. – 2009. – № 3. – S. 102-109.
2. Bim, I. L. Modernizacija struktury i sodержanija shkol'nogo jazykovogo obrazovanija (IJa) // Inostrannye jazyki v shkole. – 2005. – № 8. – S. 2-6.
3. Kozyreva, N. Ju. Rolevaja igra kak odin iz metodov interaktivnogo obuchenija // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serija «Filologija. Social'nye kommunikacii». – 2012. – Tom 25 (64) №1. Chast' №2. – S. 289-293.

ОБЗОРЫ. ОТЧЕТЫ

УДК 81'42

ББК Ш105.51

М. Р. Бабилова, А. В. Цыганкова

Екатеринбург, Россия

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ ПРОТИВ РОССИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

АННОТАЦИЯ. Публикация представляет собой рецензию на коллективную монографию под редакцией профессора А. П. Сквородникова «Лингвистика информационно-психологической войны». В монографии обосновывается выделение нового направления в лингвистике: лингвистика информационно-психологической войны. В рамках указанного направления формируется предметное поле, методология, проблематика, обоснована актуальность данного направления. Кроме того значительное внимание авторы монографии уделяют формированию терминологического и понятийного аппаратов, предложена классификация психологических понятий и терминов, обслуживающих рассматриваемое направление. На основе глубокого рассмотрения трудов предшественников отмечается междисциплинарный характер выделяемого направления, предлагается авторское, наиболее общее определение феномена информационно-психологических войн с учетом имеющихся в научном дискурсе дефиниций.

В монографии рассмотрены основные речевые жанры, в которых осуществляется информационно-психологическая война, описаны ключевые стратегии и тактики, а также предлагается обзор основных языковых средств, участвующих в формировании текстов предлагаемого дискурса.

Практическая значимость рецензируемого исследования видится нам в использовании его результатов на занятиях в вузах, при написании исследовательских работ, посвященных исследуемому феномену. Книга будет интересна полезна не только тем, кто профессионально интересуется информационно-психологическими войнами, стилистика и лексикология рецензируемого исследования будет понятна широкому кругу читателей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационная война, информационно-психологическая война, лингвистика информационно-психологической войны, политическая лингвистика.

Сведения об авторах: 1. Бабилова Марина Рашитовна, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: marina-anvarova@yandex.ru.

2. Цыганкова Анна Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики обучения детей с особыми возможностями здоровья, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26; e-mail: anya_tsygankova@mail.ru.

M. R. Babikova, A. V. Tsygankova

Ekaterinburg, Russia

INFORMATIONAL WARFARES AGAINST RUSSIA: LINGUISTIC ASPECT

ABSTRACT. This is a review of a collective monograph "Linguistics of Informational-Psychological War" edited by Prof. A.P. Skovorodnikov. The monograph justifies the allocation of a new direction in linguistics: the linguistics of informational-psychological warfare. The subject field, the methodology, the problems and timeliness of this direction are discussed in the monograph. In addition, the monograph pays considerable attention to the terminology and concepts of this direction and offers a classification of psychological concepts and terms serving the direction. On the basis of a thorough examination of the works of the predecessors, the interdisciplinary character of the chosen direction is noted, the author's most general definition of the phenomenon of informational and psychological war is proposed, taking into account the

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

definitions available in the scientific discourse.

The monograph deals with the main speech genres in which the informational and psychological war is made, it describes the key strategies and tactics, and provides an overview of the main language tools involved in the text generation in the proposed discourse.

The practical significance of the peer-reviewed study is seen in the use of its results in university courses, when writing research papers on the phenomenon of informational war, etc. The monograph will be interesting and useful not only to those who are professionally involved in information and psychological wars, but also to a wide range of readers, as its style and vocabulary are clear and comprehensible.

KEYWORDS: information war; informational-psychological war; linguistics of informational-psychological war, political linguistics.

The research is accomplished under financial support of the Russian Science Foundation (project №16-18-02102)

About the authors: 1. Babikova Marina Rashitovna, Post-graduated Student of the Institute of Philology, Culturology and Inter-cultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

2. Tsygankova Anna Vladislavovna, candidate of Philology, Associate Professor, Ural State Pedagogical University Chair of Methods of Teaching School Subjects in a Special (Correctional) School, Ekaterinburg.

Монография "Лингвистика информационно-психологической войны" (книга I, Красноярск 2017) представляет собой теоретическое обоснование для выделения лингвистики информационно-психологических войн в качестве отдельного научного направления. Авторы обосновывают цели и задачи соответствующих исследований, их методологию, систематизируют понятийно-терминологический аппарат. Несомненным преимуществом исследования является поиск критериев, с помощью которых будут определяться тексты, наполняющие дискурс информационно-психологической войны. Главным в выделяемом направлении авторы книги называют язык: "Полагаем, что можно говорить о лингвистике информационно-психологической войны как о таком направлении современного языкознания, объектом изучения которого является специфика использования языка как средства ведения информационно-психологических войн" [Бернацкая, Евсева, Колмогорова, Копнина, Сковородников, Шарифуллин, 2017: 13-14].

Коллектив авторов тщательно обосновал свои взгляды. Специальные разделы посвящены осмыслению феномена информационно-психологических войн с точки зрения философии, психологии и политологии. Считаю данный раздел крайне необходимым, т.к. понимание философии войны, психологических установок и политических особенностей, в данном случае феномена ИПВ и всех его составляющих, будет способствовать наиболее эффективному поиску и разработке методики выявления, анализа и типологизации языковых особенностей текстов, наполняющих рассматриваемый дискурс.

Интересным, в аспекте рассмотрения ИПВ с точки зрения психологии, стала классификация по группам понятий и терминов, которые могут обслуживать лингвистику ИПВ. Исследователи выделяют три группы таких лексем:

- 1) понятия и термины, связанные с видами психологического воздействия, его технологией и механизмами;
- 2) понятия и термины, связанные с условиями психологического воздействия;
- 3) термины, связанные с конкретными методами и приемами воздействия.

Подробно содержание каждой группы можно посмотреть на страницах 48-49 рецензируемой монографии. Как нам кажется, такая подборка терминов и понятий поможет облегчить поиск научной литературы для изучения феномена ИПВ, а также позволит с помощью ключевых слов расширить представление об информационно-психологических войнах, в том числе тем, кто не имеет специальных познаний в этой сфере.

Актуальной и практикоориентированной считаем третью главу первого раздела. В данной главе авторы подробно описывают типичные стратегии и тактики, используемые акторами во внутригосударственной информационной войне, "ведущейся против нашей страны, русской цивилизации и национальных ценностей" [Бернацкая, Евсева, Колмогорова, Копнина, Сковородников, Шарифуллин. 2017: 56].

На основе "Новой газеты" 2014-2016 гг. выделены основные мишени ИПВ: "патриотические организации современной России; ее внешняя и внутренняя политика; властная вертикаль во главе с президентом В.В. Путиным; партия "Единая Россия" составляющая парламентское большинство и т.д."

Особенно хочется отметить представленный в исследовании языковой материал: кроме того, что исследование содержит внушительный объем анализируемых единиц, чтение примеров вызывает определенное удовольствие, дано конкретное обоснование каждому примеру, с подробным описанием используемых в данном тексте стратегий и тактик. Такой подход к анализу языкового материала позволяет легко воспринимать написанное, забегая вперед отметим, что книга написана доступным языком, на наш взгляд, она рассчитана на массового читателя, интересующегося политикой, сохранением стабильности в России. После прочтения книги многим станет понятна природа отрицательных заявлений, направленных в сторону России, и ее составляющих. Кроме того, собранный в книге материал и его подробный анализ вполне может способствовать повышению уровня информационной безопасности общества.

Важное место в лингвистике ИПВ занимают те языковые средства, которые чаще всего участвуют в создании информационно-психологических войн. В исследовании коллектива авторов выделены наиболее частотные из них:

1) *лексико-фразеологические средства языка с негативной коннотацией*: эпитеты, существительные, негативно характеризующие ту или иную мишень (в т.ч. политические ярлыки), перифразы;

2) *синтаксические конструкции с отрицательно-оценочной предикативной группой*: антифразис, сравнение, амплификация, оксюморон, метафора, выражающая оценку, метонимия, аллюзия, антитеза, гипербола, игра с именами собственными (отметим, данному феномену авторы книги уделяют отдельное внимание: в главе 3.3 первого раздела приведены примеры с подробным анализом ономастических игр в аспекте информационно-психологических войн), трансформация прецедентного текста / фразеологизма, прием постановки в ряд перечисляемых слов-понятий, обозначающих отрицательные явления, слова, называющие дискредитируемую мишень, риторический вопрос [Бернацкая, Евсева, Колмогорова, Копнина, Сквородников, Шарифуллин, 2017: 84-93].

Каждый из отмеченных языковых способов создания ИПВ сопровождается яркими, реальными примерами. Данная часть третьей главы первого раздела имеет широкое поле применения в преподавательской деятельности и может быть представлена в следующих вузовских курсах: политическая лингвистика, лингвистический анализ текста, юридическая лингвистика, лингвистическая экспертиза, риторика, стилистика, практический курс русского языка и другие.

Второй раздел рецензируемой книги, посвященный частным аспектам лингвистики информационно-психологических войн, начинается с главы, основным объектом которой, становится русский язык как один из ведущих феноменов, характеризующих национальную идентичность. Исследователи отмечают необходимость в привлечении внимания к проблеме безопасности русского языка. По словам авторов: "русский язык в наше время является не только средством создания текстов антироссийской информационно-психологической войны, но и мишенью в этой войне. Специально конструируемые на нем тексты применяются агрессорами для провоцирования конфликтов на территории России, искажения ее истории, духовно-нравственных ценностей, влияя на общественное сознание. Используемые речевые технологии, приемы и средства негативного информационно-психологического воздействия и сопротивления ему должны стать объектом специального лингвистического исследования" [Бернацкая, Евсева, Колмогорова, Копнина, Сквородников, Шарифуллин, 2017: 13].

Обращение к проблемам безопасности русского языка в аспекте рассмотрения информационно-психологических войн является новым подходом в научном дискурсе. Авторами сделаны попытки определения роли русского языка "в проблемном поле защиты государственных интересов" [Бернацкая, Евсева, Колмогорова, Копнина, Сквородников, Шарифуллин, 2017: 127]. Приведены примеры тех изменений, которые происходят в структуре русского языка, в его лексическом корпусе.

В промежуточных выводах книги авторы отмечают распространение

информационно-психологических войн в таких жанрах как: художественная литература, политический рекламный дискурс, жанр компьютерных игр, учебные издания, кинематография, жанр критических отзывов о кинофильмах, к основным жанрам, тяготеющим к информационно-психологическим войнам, относятся анекдот, памфлет и фельетон.

Особым украшением настоящей монографии считаем пятую главу второго раздела, в которой авторы наглядно демонстрируют, как в современном мире феномен информационно-психологических войн активно обнаруживается в художественных текстах. Научный коллектив проводит анализ современной художественной литературы на примере трех романов: роман/повесть А.А. Зиновьева "Катастройка", роман Д.Л. Быкова "ЖД", роман М.П. Шишкина "Венерин волос". Исследование языкового материала произведено с позиции используемых стратегий и тактик, имеющих в романах элементов ИПВ.

Практическая значимость рецензируемого исследования видится нами в использовании его результатов на занятиях в вузах (ранее нами были отмечены возможные дисциплины, в курсе которых могут применяться материалы данной монографии), кроме того монография может быть использована при написании исследовательских работ, посвященных изучаемому феномену. Исследование будет интересно и полезно не только тем, кто профессионально интересуется информационно-психологическими войнами, стилистика и лексикология данной книги будут понятны широкому кругу читателей. В работе наглядно представлены особенности информационно-психологической войны, направленной против России, кроме того авторы предлагают не просто описание сложившейся ситуации, но также и ту опасность которая кроется в такой войне, что может способствовать осознанию необходимости противостоять ИПВ.

Разработка данного направления может быть значима в подготовке специалистов, отвечающих за информационную безопасность общества, разработке технологий противодействия информационно-психологическим войнам против России, возможно в будущем благодаря техническим средствам и данному направлению потоки негативной информации будут блокироваться на начальном этапе выхода в массы. Кроме того, междисциплинарность исследуемого феномена может способствовать взаимообогащению гуманитарных дисциплин, среди них такие как: культурология, философия, история, психология.

В качестве перспектив развития данного научного направления считаем возможным внести предложение дискуссионного характера. На основе собранного языкового материала, может быть создан своеобразный корпус лексем, используемых акторами в реализации информационно-психологических войн. Создание такой базы данных позволит усилить противодействие ИПВ, классификация ключевых лексем будет способствовать более оперативному определению потенциально опасных текстов, что усилит государственную безопасность в сфере коммуникаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Ю.А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Юлия Анатольевна Антонова. - Екатеринбург, 2007. - 184 с.
2. Бабилова М.Р., Чудинов А.П. Теория и методика вербальной и иконической репрезентации социокультурной реальности в печатных СМИ // Политическая лингвистика. 2016. - № 4 (58). - С. 251-254.
3. Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический Проект, 2007. 382 с.
4. Геллнер Э. Нации и национализм: пер с англ. - М.: Прогресс, 1991. - 320 с.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. - Изд. 5-е. - М.: Изд-во ЛКИ, 2008. - 288 с.
6. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». - Изд. 2-е. - М.: Флинта: Наука, 2011. - 224 с.
7. Лингвистика информационно-психологической войны: коллективная монография. Книга I / под ред. проф. А.П. Скороводникова. - Красноярск: Сиб. федер. ун-т. 2016. - 280 с.

8. Манойло А.В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологических конфликтов высокой интенсивности и социальной опасности: учебное пособие / А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.В. Фролов. – М.: МИФИ, 2004. – 392 с.
9. Почепцов Г.Г. Психологические войны. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000. – 528 с.
10. Расторгуев С. П. Философия информационной войны. – М.: Вузовская книга: МПСИ, 2003. – 301 с.
11. Расторгуев С.П. Информационная война. – М.: Радио и связь, 1999. – 416 с.
12. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1 (55). – С. 42-50.
13. Сковородников А.П., Королькова Э.А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. – 2015. – № 3 (53). – С. 160-172.
14. Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования / Валерий Соловей. – М.: Издательство "Э", 2016. – 320 с. – (FAKE. Технологии фальсификаций).
15. Тагильцева Ю.Р. Война и мир: основные способы выхода из информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3. – С. 133-138.
16. Тагильцева Ю.Р. Методологический анализ информационно-психологической войны: теоретический аспект // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4 (42). – С. 175-178.
17. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 256 с.

REFERENCES

1. Antonova Yu.A. Kommunikativnye strategii i taktiki v sovremennom gazetnom diskurse (otkliki na terroristicheskiy akt) [Tekst]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / Yuliya Anatol'evna Antonova. – Ekaterinburg, 2007. – 184 s.
2. Babikova M.R., Chudinov A.P. Teoriya i metodika verbal'noy i ikonicheskoy reprezentatsii sotsiokul'turnoy real'nosti v pechatnykh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2016. – № 4 (58). – S. 251-254.
3. Buharin S.N., Cyganov V.V. Metody i tehnologii informacionnyh vojn. M.: Akademicheskij Proekt, 2007. 382 s.
4. Gellner E. Natsii i natsionalizm: per s angl. – M.: Progress, 1991. – 320 s.
5. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. – Izd. 5-e. – M.: Izd-vo LKI, 2008. – 288 s.
6. Issers O.S. Rechevoe vozdeystvie: ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Svyazi s obshchestvennost'yu». – Izd. 2-e. – M.: Flinta: Nauka, 2011. – 224 s.
7. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: kollektivnaya monografiya. Kniga I / pod red. prof. A.P. Skorovodnikova. - Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. 2016. - 280 s.
8. Manoylo A.V. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskikh konfliktov vysokoy intensivnosti i sotsial'noy opasnosti: uchebnoe posobie / A.V. Manoylo, A.I. Petrenko, D.V. Frolov. – M.: MIFI, 2004. – 392 s.
9. Pocheptsov G.G. Psikhologicheskie voyny. – M.: Refl-buk; K.: Vakler, 2000. – 528 s.
10. Rastorguev S. P. Filosofiya informatsionnoy voyny. – M.: Vuzovskaya kniga: MPSI, 2003. – 301 s.
11. Rastorguev S.P. Informatsionnaya voyna. – M.: Radio i svyaz', 1999. – 416 s.
12. Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. – 2016. – № 1 (55). – S. 42-50.
13. Skovorodnikov A.P., Korol'kova E.A. Rechevye taktiki i yazykovye sredstva politicheskoy informatsionno-psikhologicheskoy voyny v Rossii: etiko-pragmaticheskiy aspekt (na materiale «Novoy gazety») // Politicheskaya lingvistika. – 2015. – № 3 (53). – S. 160-172.

14. Solovey V.D. Absolyutnoe oruzhie. Osnovy psikhologicheskoy voyny i mediamanipulirovaniya / Valeriy Solovey. - M.: Izdatel'stvo "E", 2016. - 320 s. - (FAKE. Tekhnologii fal'sifikatsiy).
15. Tagil'tseva Yu.R. Voyna i mir: osnovnye sposoby vykhoda iz informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Politicheskaya lingvistika. - 2013. - № 3. - S. 133-138.
16. Tagil'tseva Yu.R. Metodologicheskiy analiz informatsionno-psikhologicheskoy voyny: teoreticheskiy aspekt // Politicheskaya lingvistika. - 2012. - № 4 (42). - S. 175-178.
17. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. - M.: Flinta: Nauka, 2012. - 256 s.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия ежегодного Международного научного рецензируемого журнала *«Сопоставительная лингвистика»* приглашает к сотрудничеству специалистов по *сопоставительной лингвистике* и смежным областям: *переводу, межкультурной коммуникации, методике преподавания иностранных языков (в т. ч. русского как иностранного) и перевода.*

Журнал зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий с присвоением международного стандартного номера ISSN 2587-8107, статьи будут размещены в системе РИНЦ и на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: www.journals.uspu.ru.

Мы открыты для авторов из разных стран, говорящих на разных языках, представляющих различные точки зрения и различные лингвистические школы. Журнал призван стать открытой международной научной площадкой как для известных российских и зарубежных исследователей, так и для молодых ученых. Большое внимание в журнале уделяется практической ориентированности научных исследований, использованию их результатов в учебном процессе.

«Сопоставительная лингвистика» имеет широкий интернациональный формат:

- пять рабочих языков журнала: мы принимаем статьи на русском, английском, французском, немецком и испанском языках;
- авторитетная международная редакционная коллегия, включающая ведущих специалистов из России, Франции, США, Германии, Испании, Аргентины и других стран.

Приоритетными задачами журнала являются:

- публикация качественных научных статей, соответствующих международным стандартам и максимальное их распространение в мировой научной среде;
- укрепление и установление новых научных связей между учеными из различных регионов России и других стран;
- в перспективе – включение журнала в ведущие зарубежные базы научного цитирования.

Тематика журнала разнообразна, публикуемые статьи отражают новейшие научные взгляды, значимые результаты и достижения теоретических и прикладных исследований, рассматриваются вопросы сопоставительной лингвистики и смежных областей: перевода, межкультурной коммуникации, методики преподавания иностранных языков и перевода. Кроме того, к публикации допускаются рецензии, обзоры и сообщения из научной жизни (хроника совещаний, конференций, семинаров, отчеты и др.). Журнал имеет следующие разделы:

1. Проблемы сопоставительной лингвистики
2. Общие вопросы филологии
3. Проблемы перевода и межкультурной коммуникации
4. Методика преподавания иностранных языков и перевода
5. Рецензии. Обзоры. Хроника. Отчеты

В «Сопоставительной лингвистике» отражены научные и научно-педагогические связи университета в России и за рубежом, большое внимание уделяется практической ориентированности научных исследований, использованию их результатов в учебном процессе.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 Филологические науки

Дополнительная специальность: 13.00.00 Педагогические науки

Требования к оформлению материалов

Требования к оформлению научных статей составлены в соответствии с международными стандартами и требованиями зарубежных индексов цитирования, РИНЦ и реферативных баз данных¹.

Объем статьи – минимум 6 страниц с учетом списка литературы.

Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5; поля по 2 см.

Для публикации статья должна помимо основного текста содержать следующие сведения **на русском и английском языках**. Для зарубежных авторов – **на языке статьи (один из рабочих языков) и английском, по возможности – на русском**. Информация на английском языке размещается после списка литературы.

1. Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество автора полностью; ученая степень, звание, должность; полное и точное место работы автора; подразделение организации; контактная информация (e-mail).

2. Название статьи.

3. Аннотация должна представлять собой краткое резюме статьи в объеме 150-200 слов (1500-2000 знаков с пробелами), желательно повторить структуру статьи и включать следующие аспекты ее содержания: предмет, тему, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; заключение/выводы. Как написать хорошую аннотацию и примеры на английском языке можно посмотреть здесь: <http://www.emeraldgroupublishing.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=1>

4. Ключевые слова (5-7 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Особое внимание просим обратить на информацию, предоставляемую на английском языке. Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Петров 2014: 25-26]. Список литературы по алфавиту помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008. Предпочтительны авторские ссылки на современные и актуальные источники информации, желателен анализ работ зарубежных авторов по теме исследования.

После списка литературы размещается транслитерированный список русских источников. Для автоматической транслитерации использовать программу на сайте <http://www.translit.ru>, вариант BGN (Board of Geographic Names).

Просьба не включать в текст таблицы и не нумеровать страницы.

Название файла: Номер раздела_Фамилия ИО, например: 3 Иванов ИИ.

Материалы направляются по электронной почте на адрес dimol2002@mail.ru и дублируются на jvbog@yandex.ru. Прием материалов осуществляется в течение года до 1 февраля. Все вопросы, касающиеся публикации, Вы можете отправить главному редактору Юлии Валерьевне Богоявленской по адресу: jvbog@yandex.ru.

Все полученные редакцией материалы обязательно проходят проверку в системе «Антиплагиат». Минимальный порог оригинальности принимаемого к рецензированию текста — 70%.

Решение о принятии статьи к публикации и реквизиты для перечисления денежных переводов сообщаются авторам после рецензирования полученных материалов и принятия их в печать на адрес электронной почты, указанный в статье.

¹ см.: Редакционная подготовка научных журналов для включения в зарубежные индексы цитирования: методические рекомендации /авт-сост. О.В. Кириллова. М.: ФГУН ВИНТИ РАН, 2012 // <http://www.viniti.ru/download/russian/conf/DOP/01.pdf>

Научный журнал

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
2017. № 6

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра романских языков (каб. 465).

E-mail: uspu@uspu.me